

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

На правах рукописи

МУРАШОВА Евгения Анатольевна

ВЕРБАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(на уровне прагматических компонентов контекстного значения)

Специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук
Галина Тихоновна Поленова

Таганрог

2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ	21
1.1. Исследование проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне различных компонентов значения в историческом аспекте	21
1.2. Современное состояние исследования проблемы значения и его компонентов	26
1.3. Методы исследования значения и его компонентов в современной научной парадигме.....	37
1.4. Лингвопрагматический вектор в исследовании значения и его составляющих	42
1.5. Тексты казачьей лингвокультуры как материал исследования	51
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	57
ГЛАВА II. ИНТЕГРАТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЕРБАЛЬНОЙ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА УРОВНЕ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ.....	58
2.1. Варианты значения (доконтекстное значение языковой единицы и контекстное значение речевой единицы)	58
2.2. Прагматический компонент контекстного значения и прагматический компонент смысла.....	68
2.3. Эмпирический анализ прагматических компонентов контекстного значения (ПККЗ)	74
2.4. Категориальные свойства ПККЗ	84
2.5. Референциональные основания ПККЗ.....	87
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	97
ГЛАВА III. СУБЪЕКТНО МАРКИРОВАННЫЕ РЕФЕРЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ПККЗ	99

3.1. Дейктическая модальная референция.....	99
3.2. Оценочные модальные референции.....	123
3.2.1. Аксиологическая оценочная референция	124
3.2.2. Эпистемическая оценочная референция.....	135
3.3. Эмотивная модальная референция.....	146
3.4. Контактивная модальная референция.....	157
3.5. Регулятивная модальная референция	166
3.6. Квестивная модальная референция.....	179
3.7. Общие свойства субъектно маркированных референций.....	187
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	193
ГЛАВА IV. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПККЗ, ОБЪЕДИНЁННЫХ ЗАДАНЫМ ТЕКСТОВЫМ ПРОСТРАНСТВОМ..	195
4.1. К содержанию лингвопрагматической интерпретации	195
4.2. Интерпретация ПККЗ в письме М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г..	199
4.3. Интерпретация ПККЗ в письме А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г. ...	212
4.4. Интерпретация ПККЗ в казачьей песне «Ночь прислонилась к камышу»	222
4.5. Обобщающая интерпретация ПККЗ в текстах казачьих эпистолярный .	232
ВЫВОДЫ ПО ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЕ	239
ГЛАВА V. ДИАГНОСТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	240
5.1. Доминанты прагматического пространства текста, определяющие вектор лингвопрагматической интерпретации	240
5.2. Внутренняя иерархия системы лексических прагматических маркеров	246
5.3. Лексические констативы	250
5.3.1. Лексические персональные констативы (ЛПК).....	250
5.3.2. Лексические локальные констативы (ЛЛК)	258
5.3.3. Лексические темпоральные констативы (ЛТК).....	263
5.4. Лексические доминанты-индикаторы прагматического пространства текста как основание его атрибуции	270

5.5. Исследование актуализации прагматических доминант как основание атрибуции текста (на примере текстов М.А. Шолохова).....	279
ВЫВОДЫ ПО ПЯТОЙ ГЛАВЕ	291
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	304
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ	340
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	341

Введение

Исследование вербальной объективизации субъективной информации является одной из онтологически значимых **проблем** современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы. Системное изучение этой проблемы предусматривает вовлечение в исследовательское поле широкого спектра лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации и функционирования прагматически валентных единиц, представляющих индивидуально и конвенционально маркированное позиционирование субъекта-отправителя относительно различных фрагментов отображаемой им объективной реальности.

Разработка данных параметров соответствует общей тенденции новейших теоретико-методологических изысканий, стремящихся к систематизации накопленных в отдельных отраслях лингвистического знания сведений, обновлению лингвистической парадигмы в целом и переосмыслению центральных категорий теории языка и его прикладному и сравнительно-сопоставительному исследованию в частности.

Степень разработанности проблемы. Со времён античности до наших дней различные вопросы вербальной объективизации субъективной информации анализируются в широком диапазоне тех областей научного знания, в центре интересов которых находится человек и его разнохарактерные взаимоотношения с миром объективной реальности: в философии [Аристотель 2000, Витгенштейн 2009, Карнап 2000, Платон 2006, Стросон 1982, Brandom 2000, Russell 2005], в психологии [Выготский 2020, Леонтьев 2020, Лурия 2019, Bühler 1990], в социологии [Blumer 1969, Mead 1992], в языкознании, а также в широком спектре смежных дисциплин: в философии языка [Кацнельсон 2001, 2011; Патнэм 1982, Frege 2011, Kripke 2014, Saussure 2019], в теории речевых актов [Austin 2014, Grice 1991, Searle 1982, 2003], в прагматике [Bublitz 2009, Ehlich 2014, Habermas 1995, Morris 2010, Peirce 2020], в семиотике [Лотман 1978, Степанов 1998, Barthes 1993], в психолингвистике [Белянин 2004, Леонтьев 1983, Стернин 2006, 2010], в когнитивной лингвистике [Кибрик 2003 а, Попова 2003,

Lakoff 2018, Fillmore 1978, 1982], в социолингвистике [Лисовский, Евстафьев 2000], в теории дискурса [Дейк 2015, Карасик 2004, Lavrie 2007], в семантике [Алефиренко 2005, Апресян 1995, Вежбицкая 1985, 1996, Кобозева 2000, 2014; Лайонз 2003, Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Селиверстова 2004, Щерба 2008, Busse 1987, 2009; Krifka 2002, 2007; Schwarz 2007], в грамматике текста [Гальперин 2016, Москальская 1981], в функциональной [Бондарко 1998, 2002] и в исторической грамматике [Поленова 2011], в лингвистической прагматике [Арутюнова 1988, 2007, Матвеева 1984, 1999; Bublitz 2009, Ernst 2010, Liedthke 1995] и т.д. Это происходит в рамках собственных измерений данных научных областей и с выделением соответствующих доминант, но неизбежно с учётом тесной генетической связи с проблемой объективизации информации вообще, осуществляемой с помощью языковой или речевой единицы, т.е. фактически с проблемой вербализации значения.

В историческом контексте исследование вербальной объективизации информации попеременно концентрируется на конвенциональной [Аристотель 2000, Платон 2006, Locke 2017], на индивидуальной [Витгенштейн 2009, Locke 2017, Peirce 2020], на контекстной [Витгенштейн 2009, Austin 2014, Frege 2011], на ментальной [Кацнельсон 2001, 2011, Лурия 2019] и – с середины XX века – на субъектно маркированной (прагматической) [Кобозева 2000, 2014; Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Патнэм 1982, Селиверстова 2004, Ernst 2010, Frege 2011, Liedthke 1995, Schwarz 2007, Searle 1982, 2003 и др.] составляющих значения.

С конца XX века отдельные аспекты проблемы раскрываются в прагматических и лингвопрагматических исследованиях. В результате переосмысления индивидуально и конвенционально обусловленных особенностей объективизации субъективной информации происходит дифференциация внутри данных научных направлений, выделяется универсальная прагматика, ориентированная на анализ правил, позволяющих говорящему совершать речевые действия согласно закреплённым в языковой системе алгоритмам [Habermas 1995]; функциональная прагматика, представляющая цели социально обусловленного

стереотипного речевого действия [Ehlich 2014]; функциональная прагмалингвистика, в центре интересов которой находится текст и целенаправленный выбор отправителем текста речевых единиц в его составе [Арутюнова 1988, 2007; Ernst 2010, Liedthke 1995]; скрытая прагмалингвистика, анализирующая стереотипный выбор отправителем оптимального варианта речевой единицы для наиболее эффективного воздействия на получателя [Матвеева 1984, 1999].

Многие актуальные вопросы вербальной объективизации субъективной информации переосмысливаются в диссертационных работах последних десятилетий [Бочкарёв 2009, Гусаренко 2009, Катермина 2005, Кибрик 2003, Колмогорова 2006, Крюкова 2004, Мартынова 2016, Острикова 2014, Червонный 2014, Четыркина 2006 и т.д.].

Однако, несмотря на широкий спектр разносторонних и многофункциональных подходов, в современной научной парадигме нерешенными остаются ряд принципиально значимых для раскрытия данного феномена вопросов, в том числе содержание и объём, системные признаки, виды и средства речевой реализации, условия возникновения, особенности функционирования и взаимосвязи компонентов значения, транслирующих субъективную информацию. Этот фактор объясняется, с нашей точки зрения, общей для различных направлений научного знания тенденцией к гиперболизации отдельных ипостасей существования значения и его составляющих и представления их узкоспециального (в интересах соответствующих научных теорий) описания.

На этом фоне разработка новой интегративно-сопоставительной концепции с доминирующим лингвопрагматическим вектором, акцентуирующей антропоцентричность исследуемых лингвистических и экстралингвистических явлений в их взаимозависимости, видится наиболее **актуальным и перспективным решением** для представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи.

Актуальность исследования помимо проработки новых путей решения означенных выше вопросов и заполнения соответствующих теоретических лакун, обуславливается также спецификой заявленного материала – казачьими

текстами. Интегративно-сопоставительное исследование казачьих текстов как кумулятивной базы, объективизирующей различного рода информацию о культурной и языковой самоидентификации казачьего субэтноса, должно способствовать формированию новых сведений о казачьей лингвокультуре в целом и речевом поведении отдельных её репрезентантов в частности.

При несомненном многообразии и разносторонности исследований казачьей лингвокультуры, отображающих её коммуникативные, исторические, социальные и философско-антропологические свойства [Бахвалова 2009, Беляева 2010, Блохина 2006, Брысина 2003, Ганин 2006, Григорьева 2010, Ефанова 2001, Захарова 2013, Калинина 2008, Кононова 2007, Костюченкова 2009, Крапивина 2012, Кудряшова 1998, Кульпинов 2010, Лабутина 2007, Лалаева 2007, Мирошникова 2015, Морозова 2016, Ненькина 2012, Ремчуков 2015, Рудиченко 2005, Рунаев 2011, Рыблова 2009, Самовтор 2008, Саркисян 2009, Синицына 2010, Стюфляева 2004, Филиппова 2007, Фолимонов 2004, Шкабара 2012, Щуров 1987, Юрченко 2008, Ярешко 2016, Beitz 2009, Meister 1984], комплексное описание особенностей вербальной объективизации субъективной информации отправителями казачьих текстов относится к числу наименее проработанных вопросов. Их решение должно, с одной стороны, способствовать сохранению национальной идентичности, культурной и языковой самоидентификации казачьего субэтноса как составляющей единой самобытной российской культуры в условиях гармонизации современного российского общества, с другой стороны, – интегрировать в современную антропоцентрическую научную парадигму новые алгоритмы для решения проблемы изучения речевой экспликации субъекта-отправителя, являющегося частью лингвокультурного сообщества, путём системного описания актуализируемых им речевых средств. Кроме того, нерешённой в современной лингвистике, следовательно, **актуальной** можно считать и проблему развёрнутой интерпретации текстовой реализации прагматически валентных речевых средств различных референциональных статусов, в том числе в качестве средств-индикаторов интерпретации и атрибуции прагматического пространства текста.

Цель исследования – разработка новой интегративно-сопоставительной концепции лингвопрагматического представления способов объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации прагматических компонентов контекстного значения (далее ПККЗ).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выделить трудности и перспективы в изучении проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения языковых / речевых единиц и обосновать выбор и основные шаги интегративно-сопоставительной концепции с доминирующим лингвопрагматическим вектором в качестве приоритетного направления исследования.

2. Унифицировать понятие ПККЗ, конкретизировать его системную организацию, отношение к значению языковой / речевой единицы, содержание и основания реализации.

3. Установить доступные для анализа нюансы вербализации субъективной информации, транслируемые актуализированными ПККЗ; соотнести их с одним из видов модальной референции и разработать соответствующую классификацию ПККЗ.

4. По результатам системного описания референциональных практик сформулировать обобщённую модель высказываний, в которых реализуются ПККЗ каждого из выделенных классов.

5. Провести поуровневую классификацию маркеров ПККЗ с указанием частотности их реализации и вычислить показатели прагматической плотности для анализируемых казачьих текстов.

6. Разработать и апробировать алгоритм лингвопрагматической интерпретации прагматического пространства текстов, по итогам которого осуществить развёрнутое толкование ПККЗ.

7. По результатам интерпретации ПККЗ представить усреднённый алгоритм объективизации субъективной информации для текстов казачьей лингвокультуры.

8. Провести расширенный анализ актуализированных в текстах прагматически валентных речевых средств, уточнить их функциональные свойства и иерархию, соотнести данную иерархию с доминантами прагматического пространства текстов, разработать и апробировать алгоритм лингвопрагматической атрибуции с учётом выделенных доминант.

Гипотеза исследования. Объективизация субъективной информации осуществляется с помощью прагматически валентных языковых / речевых единиц (прагматических маркеров) различных уровней: лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных. Интегративно-сопоставительный анализ данных единиц и реализованных с их помощью ПККЗ позволяет представить доминанты вербальной объективизации субъективной информации, формирующие уникальный референционально-прагматический код, как для отдельного текста или его автора, так и для целого корпуса текстов конкретной лингвокультуры.

Объект – вербальная объективизация субъективной информации.

Предмет – прагматические компоненты контекстных значений актуализированных речевых единиц.

Центральный **теоретико-методологический базис** диссертационного исследования составляют положения, сформулированные в русле лингвистической прагматики [Арутюнова 1988, 2007; Крюкова 2004, Матвеева 1984, 1999; Bublitz 2009, Ernst 2010, Liedthke 1995], прагматики [Ehlich 2014, Habermas 1995, Peirce 2020], семиотики [Лотман 1978, Степанов 1998, Barthes 1993], теории речевых актов [Austin 2014, Grice 1991, Searle 1982, 2003], теории дискурса [Дейк 2015], семантики [Алефиренко 2005, Апресян 1995, Бочкарёв 2009, Вежбицкая 1985, 1996, Кобозева 2000, 2014; Лайонз 2003, Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Пименова 2011, Селиверстова 2004, Щерба 2008, Busse 1987, 2009; Krifka 2002, 2007; Schwarz 2007], психолингвистики [Белянин 2004, Леонтьев 1983], когнитивной лингвистики [Гусаренко 2009,

Катермина 2004, Кибрик 2003 а, Попова 2003, Lakoff 2018, Fillmore 1978, 1982], философии языка [Патнэм 1982, Demmerling 2002, Frege 2011, Kripke 2014], функциональной [Бондарко 1998, 2002; Демьянков 1994] и исторической грамматики [Поленова 2011] и др.

Методологический базис работы оформлен с учётом диалектических противоречий между действительностью и субъектно-маркированными представлениями о ней отправителя, а также опосредующими их внутренними противоречиями между прагматически валентными единицами.

Для установления особенностей вербальной объективизации субъективной информации в свете их тесной генетической связи с актуализируемыми субъектом ПККЗ в исследовании применены **описательные методы**: наблюдение, сопоставление, обобщение и классификация.

Для идентификации, описания и анализа референциональных оснований актуализации и функционирования ПККЗ использовано сочетание широкого спектра **методов и приёмов лингвистической прагматики**, прежде всего, перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов.

Для уточнения системно-парадигматического представления ПККЗ привлечены **методы компонентного и контекстуального анализа**, позволяющие определить и охарактеризовать составляющие значения. В соответствии с положениями компонентного анализа осуществлено парадигматическое представление ПККЗ (и соответствующих им референций) – по примеру семантических полей – как ряда языковых / речевых единиц, имеющих в своём составе общий тематический признак. Например, персональные дейктические маркеры (группа ПККЗ – констативы), объединённые общим признаком (указание на активный / неактивный коммуницирующий субъект), разделены на подгруппы согласно гендерной принадлежности (*балачка, брюнчак*), аксиологическому статусу (*благий, дуралом*), социальному статусу (*гладырь, голутва*) и т.д. В соответствии с принципами контекстуального анализа ПККЗ исследованы системно в широком массиве текстов с привлечением лингвокультурной и исторической информации,

зафиксированной в дневниках, воспоминаниях, отмеченной респондентами в ходе опросов.

В работе использованы также **методы и приёмы математической и корпусной лингвистики**, расширяющие за счёт увеличения объёма исследуемого материала, повышения качества и обеспечения верификации результатов проводимых изысканий возможности лингвистической прагматики и других научных направлений, ориентированных на объективизированное представление актуализированных в тексте предпочтений речевого поведения отправителя.

Развёрнутое толкование актуализации ПККЗ осуществлено с помощью разработанного интегративного алгоритма лингвопрагматической интерпретации, установление авторства текстов – с помощью разработанного алгоритма лингвопрагматической атрибуции.

В качестве **материала исследования** проанализированы тексты широкого массива казачьей лингвокультуры, объективизированной средствами русского языка.

Выявление и систематизация речевых средств-носителей ПККЗ проведены на материале эпистолярных текстов, написанных казаками и адресованных казакам (писем А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского и М.А. Шолохова).

Интерпретация индивидуализированных и среднестатистических особенностей представления субъективной информации осуществлена с привлечением персонифицированных и неперсонифицированных художественных текстов с тематикой «письмо казака» (художественных произведений И.Э. Бабеля, И.С. Шмелёва, М.А. Шолохова и казачьих песен).

Индикаторы центральных направляющих, образующих дейктический вектор прагматического поля, проанализированы на материале текстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>, 2022, 721 215 измерений).

Верифицирующая апробация лингвопрагматической атрибуции осуществлена на материале писем М.А. Шолохова, «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» (55 375 измерений).

Уточнение прагматического контекста потребовало также обращения к лексикографическим источникам, дополнительного изучения архивных материалов и консультаций с информантами, позиционирующими себя в качестве представителей казачьей лингвокультуры.

В ходе исследования составлена обширная картотека (около 30 000 текстовых примеров), в которую вошли все зафиксированные прагматически валентные единицы: лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные.

Лексические прагматические маркеры и некоторые их устойчивые сочетания, отмеченные ярко выраженной специфической принадлежностью к казачьей лингвокультуре, вынесены в отдельную публикацию – «Словарь лексических прагматических маркеров» [Мурашова 2016: 483-656].

Проведённое интегративно-сопоставительное исследование позволяет вынести на защиту следующие **положения**:

1. Разработанная система лингвопрагматического представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации и функционирования ПККЗ является новой интегративно-сопоставительной концепцией, позволяющей установить формирующие уникальный референционально-прагматический код доминанты индивидуально и конвенционально маркированного позиционирования субъекта-отправителя по отношению к различным фрагментам отображаемой им действительности.

2. С позиций данной концепции объективизация субъективной информации в языке и речи рассматривается как выражение индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений, намерений отправителя текста, в вербальной, экстроспективно доступной форме эволюционно связанное с актуализацией и функционированием прагматических (субъектно маркированных) компонентов контекстных значений (ПККЗ), реализованных посредством прагматически валентных речевых единиц. Прагматические компоненты выделяются как составляющие контекстного значения, отличающегося высоким

уровнем привязанности к условиям заданной коммуникативной ситуации, и, как следствие, обладающего способностью представлять наряду с объективной и субъективную информацию о фрагментах отображаемой отправителем действительности. Минимальной единицей анализа ПККЗ является актуализированная синтаксическая группа (далее АСГ).

3. Пошаговое изучение нюансов вербализации субъективной информации делает возможным анализ ПККЗ в качестве результата актуализации одного из шести видов модальной референции (субъектно маркированной соотнесённости речевых единиц и фрагментов отображаемой отправителем действительности), выделенных в ходе эксперимента с учётом особенностей прагматических признаков речевой ситуации: 1) дейктической референции, представляющей отношение к факту темпорально-локального позиционирования субъекта (58,25%); 2) оценочной, транслирующей ценностное или вероятностное отношение к отображаемому (14,54%); 3) контактивной, указывающей на отношение к необходимости установления, изменения или прерывания контакта (8,45%); 4) эмотивной, демонстрирующей отношение симпатии или антипатии к описываемому эмоциональному или психическому состоянию (7,42%); 5) регулятивной, проецирующей отношение желательности или нежелательности иницируемого действия (6,33%); 6) квестивной, выражающей отношение к необходимости пополнения наличествующей информации (5,01%).

4. Системное описание референциальных практик доказывает, что каждый из шести видов референций может быть реализован в тексте в высказываниях, соответствующих модели субъект-объектной модальной референции (с имплицитным модусным субъектом, например, *малюжечка лестится*) или модели субъект-субъектной модальной референции (с эксплицитным модусным субъектом, например, *я считаю, малюжечка моя лестится*).

Высказывания, отвечающие модели субъект-объектной модальной референции (65,12%), являются базисом для актуализации конвенционально закреплённых значений. Высказывания, соответствующие модели субъект-субъектной модальной референции (34,88%), являются основанием для актуализации ПККЗ.

5. Исследование текстов казачьей лингвокультуры с целью установления иерархических отношений в системе актуализированных отправителями и зафиксированных экспертами маркеров ПККЗ показывает, что субъективные реакции отправителя на внешние стимулы коммуникативной ситуации могут быть представлены посредством речевых единиц различных уровней: лексических (48,32%), морфологических (25,13%), синтаксических (19,14%), словообразовательных (7,41%). Маркеры любого уровня могут имплицировать один или несколько генетически связанных видов ПККЗ (пересекаясь в пределах одной АСГ), дополнять друг друга и обеспечивать тем самым высокую прагматическую плотность текстов (средний показатель для исследованных текстов – 1,06).

6. Разработанный подход к интерпретации вербальной объективизации субъективной информации инициирует расширение поля толкования реализованных маркеров ПККЗ (от отдельной АСГ до целостного текста) и обеспечивает выход в широкий лингвокультурный контекст его создания и функционирования. Это позволяет в ходе интерпретации ПККЗ различных классов учитывать особенности коммуникативной ситуации, релевантные для авторизации алгоритмов объективизации субъективной информации конкретным отправителем (см., например, интерпретацию писем А.И. Дутова, М.А. Шолохова и др.) и той части лингвокультуры, к которой этот субъект относится.

7. Согласно среднестатистическим показателям реализации ПККЗ, усреднённый алгоритм объективизации субъективной информации в рамках заданного среза казачьей лингвокультуры может быть представлен следующим образом. Отправитель активно обозначает своё темпорально-локальное позиционирование относительно отображаемой им действительности (констативы – в 58,4% АСГ); регулярно выражает собственное ценностное и / или вероятностное отношение к отображаемому (репрезентативы – в 26,83% АСГ); стремится к изменению конъюнктуры коммуникативного контакта (контактивы – в 11,38% АСГ); инициирует различного рода действия со стороны как получателей, так и себя самого (регулятивы – в 4,83% АСГ); относительно редко эксплицирует

нюансы чувственного познания (эмотивы – в 4,1% АСГ) и редко стремится к восполнению недостающей информации (квестивы – в 1,59% АСГ).

8. Расширенный интегративно-сопоставительный анализ актуализации разноуровневых прагматических маркеров позволяет вывести слотовую структуру системы прагматических координат, релевантных для авторизации алгоритмов объективизации субъективной информации, и выделить в этой системе лексические прагматические маркеры как безусловные доминанты прагматического пространства текстов. Экспериментальное уточнение и систематизация прагматически валентных лексических маркеров, с одной стороны, способствуют уточнению их иерархического распределения (репрезентативы – 42,37%, констативы – 33,37%, эмотивы – 13,47%, контактивы – 9,39%, квестивы – 0,81%, регулятивы – 0,59%) и соотнесению его с общими чертами прагматического пространства казачьих текстов (например, с приоритетным представлением субъектом себя как части казачьей общины, частым проявлением контактности, инициативности и т.д.). С другой стороны, они позволяют широко применять авторские алгоритмы лингвопрагматической интерпретации и лингвопрагматической атрибуции.

Теоретическая значимость исследования. Разработанная система лингвопрагматического представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи вносит вклад в развитие современной антропоцентрической научной парадигмы, углубляя и развивая теоретическую базу исследований в следующих аспектах: язык, речь и речевая деятельность; язык и коммуникация; язык и культура; социальная стратификация и формы существования языка; универсум значений и их проекция на конкретные языки, методы исследования языка; лингвистика и смежные науки: прагма-, социо- и психолингвистика, математическая лингвистика.

Результаты исследования позволяют унифицировать понятие ПККЗ с учётом собственных экспериментальных изысканий; определить место ПККЗ в общей парадигме значения, сопоставить их внутреннюю и внешнюю структуры, провести дифференциацию подтипов; установить и охарактеризовать системные связи между шестью классами ПККЗ и шестью разновидностями субъектно

маркированной референции; пошагово представить новую интегративную методику анализа актуализированных высказываний на предмет выявления и описания референциональных оснований ПККЗ; вывести абстрактную модель актуализированных синтаксических групп, в которых реализуются различные классы ПККЗ; провести систематизацию лексических прагматических маркеров-носителей шести классов ПККЗ; выработать новые способы интерпретации прагматического пространства текста с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения актуализации соответствующих маркеров-носителей в качестве диагностирующих элементов вербальной объективизации субъективной информации; разработать алгоритм лингвопрагматической атрибуции, основанный на исследовании прагматических координат текста.

Полученные конкретные теоретические результаты могут оказать влияние на развитие соответствующих областей антропоцентрической научной парадигмы (лингвистической прагматики, социо- и психолингвистики, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, математической и корпусной лингвистики и т.д.) и способствовать формированию и развитию новых, отсутствовавших до настоящего времени в научной традиции алгоритмов комплексного представления индивидуально и конвенционально обусловленных особенностей речевой экспликации коммуницирующего субъекта.

Научная новизна работы определяется впервые предложенной интегративно-сопоставительной концепцией анализа особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом их тесной эволюционной связи с актуализируемыми отправителем субъектно маркированными компонентами значения прагматически валентных единиц различных уровней.

В представленном исследовании феномен прагматического наполнения языковых / речевых единиц, имеющий гетерогенную референциональную природу, субъектно и конвенционально маркированный, обусловленный пресуппозициями и интенциями отправителя текста и его потенциальных получателей, впервые разработан **системно** как открытая нелинейная среда, способная к самоорганизации.

Впервые **экспериментально** на уровне различных видов значений и их компонентов выделены сегменты как объективной, так и субъективной информации, вербализующейся средствами языка и речи, проведена их подробная классификация, отдельно установлено и доказано наличие генетических связей между шестью классами прагматических компонентов значений (констативами, репрезентативами, эмотивами, контактивами, регулятивами, квестивами) и шестью разновидностями субъектно маркированных референций (дейктическими, оценочными, эмотивными, контактивными, регулятивными, квестивными).

Впервые использован авторский подход, предусматривающий интегративный анализ субъектно маркированной информации. Подход обеспечивает возможность акцентировать флуктуационную самоорганизацию прагматических компонентов значения с учётом широкого лингвокультурного и исторического контекстов; функционально организовав, редуцировать анализ ПККЗ в применении к заданной текстовой реальности; определить её прагматические доминанты и, ориентируясь на них, вывести индивидуализированный референционально-прагматический код отдельного отправителя или группы отправителей, выделив соответствующие ядерные и периферийные зоны. Это позволяет по-новому представить те аспекты вербального выражения субъективной информации, которые ранее исследовались исключительно в социолингвистическом, лингвокультурологическом и литературоведческом аспектах.

Принципиально новыми в диссертационном исследовании являются: систематизация прагматических маркеров как носителей ПККЗ, представляющих различные аспекты позиционирования отправителя; их поуровневое, содержательное и иерархическое упорядочение; определение доминантных прагматических секторов, формируемых с их помощью; выделение их наиболее и наименее контекстно-зависимых групп, рассмотрение последних в качестве индикаторов, анализ которых обеспечивает возможность расширения объёма информации о способах установления объективных данных, диагностирующих наличие или отсутствие соответствующих характеристикам отправителя параметров исследуемых текстов, и выведение новых шагов автороведческой экспертизы.

Практическая значимость. Выводы и результаты исследования, а также собранный и проанализированный материал могут найти применение в теоретических и практических курсах по общему языкознанию, по лингвистической прагматике, по социо- и психолингвистике, по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, по математической и корпусной лингвистике, а также стать основой для написания выпускных квалификационных и диссертационных работ.

Практическая польза внедрения авторской концепции видится в выведении слотовой структуры системы прагматических координат как результата актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых (словообразовательных, лексических, морфологических и синтаксических) маркеров-носителей ПККЗ, эксплицирующих различные нюансы представления отправителем отношения к отображаемым им фрагментам действительности.

Представляемые выводы и результаты послужат, с одной стороны, обоснованию эффективности исследования текстов и составляющих их единиц как кумулятивной базы индивидуальных и конвенциональных особенностей отправителей, с другой стороны, разработке и верификации универсальных критериев типологизации единиц с прагматической нагрузкой.

Прикладная ценность работы обеспечивается авторскими алгоритмами лингвопрагматической интерпретации и атрибуции текста, применение которых позволяет: уточнить содержательно-смысловое и прагматическое пространство созданного субъектом текста, массива текстов или лингвокультуры, частью которой является субъект, и далее, основываясь на уточнённых данных, провести развёрнутую объективизированную атрибуцию текста.

Степень достоверности и апробация результатов. Методология, промежуточные и конечные результаты научного исследования представлены в 53 публикациях, в том числе в двух монографиях; в шести публикациях в изданиях, индексируемых международными информационно-аналитическими системами (Томск – «Язык и культура» (2014, 2015, WoS), Волгоград – «Вестник ВГУ» (2017, WoS), Лондон – «European Proceedings of Social and Behavioural

Sciences» (2020, 2021, WoS), Флоренсия – «Amazonia Investiga» (2021, WoS)); в 17 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации (Архангельск, Волгоград, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Ставрополь, Таганрог, Тамбов, Томск); в 28 публикациях в других научных журналах и сборниках международных и всероссийских научно-практических конференций (Вена, Вологда, Горловка, Дюссельдорф, Елец, Кембридж, Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Ставрополь, Таганрог, Уфа).

Обобщения и отчёты теоретического и прикладного характера по сути работы докладывались и обсуждались на кафедре немецкого и французского языков в ТИ им. А.П. Чехова (2001-2023, Таганрог).

Общая логика исследования и **структура** диссертационной работы представлены в соответствии с заявленными целью и задачами. Диссертационное исследование (общим объёмом 343 страницы) состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Библиография включает 410 наименований, в том числе Список использованной литературы (373 работы, из них 71 на немецком и английском языках), Список источников иллюстративного материала (25 работ, из них две на немецком языке), Список словарей и энциклопедий (12 работ, из них одна на немецком языке).

Глава I. Теоретические и методологические предпосылки исследования объективизации субъективной информации в языке и речи

1.1. Исследование проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне различных компонентов значения в историческом аспекте

Изучение вербальной объективизации различных феноменов действительности, в том числе выражение индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений, намерений отправителя на уровне субъектно маркированных компонентов значения, является одной из важнейших проблем современного языкознания. Раскрытие этого явления сопряжено с рядом сложностей, обусловленных, в первую очередь, отсутствием единого подхода к определению значения и его составляющих, установлению и анализу их специфических свойств, способов конвенционального закрепления в языковой системе, выявлению параметров ситуативно обусловленной речевой реализации и другими теоретическими и методологическими лакунами, заполнению которых, в частности, должно способствовать данное научное исследование.

Традиция исследования значения и его компонентов имеет продолжительную историю, уходя корнями в античную философию. В качестве одной из первых работ, связанных с изучением значения как целостного феномена, следует упомянуть диалог Платона «Кратил», представляющий рассуждения о проблеме «правильности имён». Здесь проблема возникновения и эволюции значения имени впервые связывается с проблемой познания [Платон 2006: 7-17]. Платон трактует этимологизируемое значение как поддающуюся познанию идею, представляющую собой абстрактное явление, основанием для возникновения которого служит произвольная договорённость о познаваемых вещах [Platon 2001: 384d]. Сократ вступает в полемику со своим учеником, подвергая сомнению

произвольность данной договорённости [Platon 2001: 390d]. По мнению Сократа, имена вещей и их значения соответствуют символическому знанию о вещах. Аристотель в своей знаменитой «Поэтике» тоже обращается к феномену значения, отождествляя его с обозначением того, о чём говорится, и дифференцируя элементы словесного выражения (звук, слог, союз, имя, глагол, член, флексия, предложение) в зависимости от наличия или отсутствия, а также степени самостоятельности значения [Аристотель 2000: 169-170]. Аристотель, как и Платон, указывает на обусловленность существования значения конвенциональной договорённостью о понятиях и представлениях.

В средние века большое внимание вопросам понимания значения уделяется Ф. Аквинским. Значение имени соотносится им с Божественным откровением и его буквальное и аллегорическое толкование дифференцируется в связи с «естественным» и «сверхъестественным» началами, прописанными в Библии [Аквинский 2004: 57].

Учёными Нового времени возрождаются античные традиции изучения значения. Дж. Локк, к примеру, соотносит значение с представлением (ср. у Платона – *идея*), ассоциируемым говорящим с определённым знаком языка. Как и античные авторы, Дж. Локк говорит о конвенциональной детерминированности значения [Locke 2017: 2-3] и выделяет индивидуальное и неиндивидуальное значение языкового знака. Индивидуальное значение, по Дж. Локку, основывается на личном опыте человека, неиндивидуальное значение возникает как результат соглашения между людьми и восходит к опосредованно известным им идеям [Locke 2017: 4-5].

Ч.С. Пирс трактует значение как вербальный способ соотнесения поведения человека с нормой, соответствующий выражающей убеждение пропозиции [Пирс 2000: 30]. Значение рассматривается в трудах Ч.С. Пирса в связи с его индивидуальной и социальной обусловленностью. Индивидуальную обусловленность значения исследователь анализирует как результат взаимодействия внутренней мотивации говорящего и его уникальной позиции действия [Пирс 2000:

30]. Социальную обусловленность – как результат применения знака во всевозможных контекстных вариациях [Пирс 2000: 48].

Как и Ч.С. Пирс, Г. Фреге пишет об индивидуальной и контекстной обусловленности значения. Значение языкового знака соотносится Г. Фреге с чувственно воспринимаемым предметом, который говорящий обозначает с помощью данного слова, а смысл – с содержанием слова [Frege 2011: 41-42; 2008: 41]. В то время как значение зависит от субъективных представлений говорящего и от контекста, смысл, по определению учёного, интерсубъективен, поскольку существует между обозначаемым объективно существующим предметом и субъективным представлением обозначающего об этом предмете [Фреге 2000: 231]. Г. Фреге рассматривает также проблему определения истинности / ложности значения высказываний, а также связанную с этим необходимость создания объективного языка науки.

Ф. де Соссюр отождествляет значение с тем, чем означаемое является для означающего, и противопоставляет его значимости, результирующей взаимоотношения знаков языка друг с другом [Saussure 2019: 134]. При этом учёный подчёркивает произвольный характер языковых знаков, исходя из того, что существующие между ними связи условны.

На произвольность и непостоянность значения, обусловленные необходимостью языка приспособляться к имеющимся в объективной реальности данностям, указывает в своих «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн [Витгенштейн 2009: 114-115]. Согласно его концепции, значение слова не тождественно понятию и может быть определимо только через его употребление в языке. Рассматривая язык как функциональное отображение действительности, Л. Витгенштейн, как и Г. Фреге, считает необходимым создание объективного языка науки.

Г. Блумер определяет значение как социальный продукт, результирующий смыслообразующую деятельность активно участвующих в коммуникации лиц и направляющий и формирующий их дальнейшие действия [Blumer 1969: 4-5].

Экспликация значений и их последующая модификация обусловлены, согласно Г. Блумеру, социальной трансформацией [Blumer 1969: 5].

А.Р. Лурия трактует значение как способность слова, реализующуюся в замещении и представлении предметов, а также в возбуждении близких ассоциаций, абстрагировании и обобщении их признаков [Лурия 2019: 42]. А.Р. Лурия разделяет значения на прямые и ассоциативные. Прямое – обращено вовне к определённой части действительности [Лурия 2019: 37], ассоциативное – восходит к системе образов, конативно связанных со словом [Лурия 2019: 41].

С.Д. Кацнельсон отождествляет значения с формальными понятиями, представляющими собой концентрированные знания человека о действительности [Кацнельсон 2011: 9, 19; 107]. Структура значений, согласно теории С.Д. Кацнельсона, образована «концептуальным ядром» и дополняющими его смысловыми «оттенками», имеющими экспрессивный и стилистический характер [Кацнельсон 2011: 14]. Опираясь на этимологические и актуальные разновидности деривационных отношений, учёный дифференцирует значения на главные и второстепенные [Кацнельсон 2011: 59, 71].

Дж. Остин поддерживает положение о контекстной обусловленности значения (ср. Ч.С. Пирс, Г. Фреге), доказывая, что значение существует только в предложении [Остин 2006: 77; Austin 2014: 112]. По Дж. Остину, значение представляет часть действительности и то, что об этой части действительности прямо или опосредовано сообщает говорящий. Соответственно этому вычленяется прямое (непосредственное) и не прямое (опосредованное пресуппозициями и интенциями говорящего) значение [Austin 2014: 93].

Г. Грайс указывает на двойственную природу обусловленности значения. Согласно концепции ученого, значение языкового знака, с одной стороны, детерминировано индивидуально, находясь в зависимости от намерения говорящего сформировать конкретное убеждение слушающего, с другой стороны – конвенционально, опираясь на закреплённые в языке нормы актуализации [Грайс 2011: 76]. Вслед за Дж. Остиным, Г. Грайс разделяет значения в зависимости от того, соотносятся ли они с обозначаемыми феноменами действительности

(естественные значения) или с интенциями говорящего (неестественные значения). И те и другие, утверждает Г. Грайс, связаны с речевым актом [Грайс 2011: 81] и маркированы интенционально [Грайс 2011: 98]. Реализация значения языкового знака регулируется максимами: категорией количества, качества, отношения и модальности.

Б.Н. Головин пишет в своих трудах о категориальном значении слов, репрезентирующем семантическую соотнесённость между мотивированной и мотивирующей основами [Головин 2007: 76]. В зависимости от качества и содержания данной нервно-мозговой и психофизиологической соотнесённости [Головин, Кобрин 1987: 32] выделяются объективные, субъективные и структурные значения. Объективные значения базируются на соотнесённости языкового знака с предметами реального мира, субъективные – на соотнесённости языкового знака с понятиями и представлениями говорящего, структурные – на соотнесённости языкового знака с другими языковыми элементами.

Как видим, исследование проблемы вербальной объективизации сообщаемой отправителем информации на уровне значения и различных его составляющих имеет универсальный характер, свыше двух тысяч лет находясь в фокусе внимания различных гуманитарных наук: философии, семантики, семиотики, психолингвистики, теории речевых актов, логического анализа языка. Представителями различных научных направлений проблема визуализации значения экстраполируется на разноформатные единицы исследования (от значения имени (Платон, Сократ) до значения языкового знака (Б.Н. Головин, Г. Грайс и др.)), соответственно модифицируются и толкования значения и его составляющих. В фокусе внимания учёных в исторической перспективе попеременно оказываются конвенциональные (Аристотель, Г. Грайс, Дж. Локк, Платон, Сократ), индивидуальные (Л. Витгенштейн, Г. Грайс, Дж. Локк, Ч. Пирс), контекстные (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Г. Фреге) и ментальные (Б. Головин, С.Д. Кацнельсон, Р. Кобрин, А. Лурия и др.) компоненты.

Рассмотрев проблему вербальной объективизации отображаемого на уровне значения и его компонентов в историческом ракурсе, перейдем к

представлению основных доминант и перспектив современных исследований этого феномена.

1.2. Современное состояние исследования проблемы значения и его компонентов

В современной научной парадигме прослеживается тенденция к рефлексии в отношении трактовки и принципов изучения проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне значения и его составляющих. В различных научных направлениях отрабатываются новые подходы к определению сущности и возможной стратификации означенного феномена с учётом актуального состояния их теоретико-методологического базиса. Рассмотрим их.

Н.Д. Арутюнова соотносит значение слова с типом отношений, терминологизируемых с помощью данного слова [Арутюнова 2007: 122-124]. Принимая за основу качество отношений, лингвист выделяет классы идентифицирующих [Арутюнова 2009: 5-12], функциональных [Арутюнова 2009: 12-17], признаковых и оценочных [Арутюнова 2009: 17-22], а также реляционных [Арутюнова 2009: 22-27] значений с позиций логического анализа языка. Особое внимание при этом уделяется анализу коммуникативной функции реализованного значения слова, идентифицирующего предмет или указывающего на отнесённость предмета к действительности [Арутюнова 2007: 326]. Значение отдельного слова, основной функцией которого является указание на предмет, противопоставляется пропозитивному значению предложения, функция которого заключается в обозначении реальных или гипотетических событий, ситуаций, фактов [Арутюнова 2007: 72-78]. Денотирующая функция значения позволяет противопоставить его смыслу, реализующему абстрактно-понятийное содержание сигнификата [Арутюнова 2007: 10-11].

В исследованиях Ч. Филмора значение анализируется с позиций конвенционально-субъективного подхода. Выступая как результирующая актуализации

языкового выражения, значение, по Ч. Филмору, восходит к когнитивным составляющим субъективных пресуппозиций коммуникантов [Fillmore 1982: 130-131] и инферируется концептуальной системой общества [Fillmore 1978: 165], структурированной фреймами [Fillmore 1982: 111]. Репрезентированное в пределах фрейма значение акцентуирует различные аспекты связанных друг с другом концептов.

Х.У. Патнэм критикует конвенционально-субъективный подход к определению значения, указывая на то, что значение не детерминируется ментальным объектом. Большую роль в определении природы данного феномена играет социальная и индексальная обусловленность реализации языкового знака. Социальные детерминанты значения восходят к разделению языкового труда говорящих, представляющих целостный коллектив, индексальные – к парадигматической сущности вещей, отображаемых посредством языкового знака [Патнэм 1982: 385, 390].

М.В. Никитин подходит к определению значения, отталкиваясь от его информативно-коммуникативной наполненности. Принимая за аксиому обязательное наличие интенционального компонента (который представляет собой результат актуализации информационно-коммуникативного намерения отправителя) у значения, существующего в пределах конкретной коммуникативной ситуации [Никитин 2007: 50, 59, 601], учёный дефинирует последнее в качестве выраженной языковыми средствами импликации мыслительной ориентации сознания человека и соответствующей информационной связи между концептами [Никитин 2007: 22-24, 50, 89, 92]. Представители научной школы М.В. Никитина уточняют данное определение для каждого из выделенных лингвистом разделов семасиологии: фонетической, лексической, грамматической, деривационной, комбинаторной, фразеологической семасиологии и семасиологии текста. Например, в лексической семасиологии значение анализируется в качестве сложного образования, формируемого атомами смысла, которые связаны друг с другом определённой иерархией [Степанова, Шрамм 2009: 4].

Ученые, работающие в русле современной философии языка, сосредотачивают своё внимание на связи значения с деятельностными практиками коммуницирующих субъектов. К. Деммерлинг, например, в качестве определяющего исследует аспект истинности / ложности значения, характеризующий его в заданной ситуации коммуникации [Demmerling 2002: 11]. Ф. Камбартель и П. Штекелер-Вайтхофер, развивая положение о коммуникативной обусловленности значения, приходят к отождествлению «значения» и «употребления» языкового знака [Kambartel, Steckeler-Weithofer 2005: 44, 48].

Представители лексической семантики соотносят значение с объектом толкования. При этом выделяются два компонента значения. В качестве первого рассматривается закреплённое в картине мира говорящего наивное понятие об обозначаемом словом объекте, в качестве второго компонента анализируется оценка этого объекта участниками общения [Апресян 1995: 260]. Толкование сложного значения слова, пишет Ю.Д. Апресян, необходимо осуществлять, исходя из более простого значения. При этом само толкование должно быть простым и достаточным, слова в толковании должны использоваться только в одном смысле, а смысл должен выражаться только одним словом [Апресян 1995: 264-266]. Толкование значения слова должно также учитывать коннотации слов, представляющие собой своеобразные семантические ассоциации, существующие в сознании говорящего [Апресян 1995: 159-161].

В работах А.В. Бондарко значение слова исследуется как элемент системы, репрезентирующий её особенности в виде различных уровней и аспектов содержания языковых единиц и категорий, соотносимых с этим элементом [Бондарко 1998: 53]. Такой подход позволяет противопоставить значение слова несвязанному языковыми формами системно-категориальному смыслу как результату взаимодействия различных семантических категорий или речевому смыслу, представляющему собой продукт взаимодействия языкового и экстралингвистического содержания [Бондарко 2002: 102-103]. Помимо понятий системно-категориального и речевого смыслов учёный вводит понятие субъективного смысла, под которым понимает динамически осознаваемый смысл, формирующийся в

речи говорящего и воспринимающийся слушающим [Бондарко 2002: 146]. Понятия «значение и смысл речевой единицы» определяются как составляющие понятия функции, которая реализуется с учётом параметров коммуникативной ситуации [Бондарко 2002: 342].

Е.В. Падучева понимает динамическое преобразование лексического значения слова как феномен, фиксирующий изменение смысла в условиях определённого контекста, который способствует описанию полисемии [Падучева 2004: 14, 147]. Она доказывает наличие регулярных связей значений лексических единиц [Падучева 2004: 19] и формулирует соответствующие приоритеты их исследования, в том числе анализ компонентов и параметров значений определённой группы слов [Падучева 2004: 27-28]. Е.В. Падучева выделяет в парадигме значений слова тематические и структурные компоненты [Падучева 2004: 43-47], в том числе каузацию, оценку и аспектуальные характеристики.

А. Вежбицкая приходит к определению значений слов, воспроизводящих структуры человеческого сознания, через их толкование посредством семантических примитивов, интуитивно понятных и неопределяемых языковых элементов [Вежбицкая 1996: 338-339]. Семантический примитив, осознание роли элементарного понятия в дефиниции других понятий, а также учёт особенностей лексикализации в каждом из рассматриваемых языков должен позволить представить значения слов и их взаимозависимости во всех языках мира [Вежбицкая 1996: 331-332, 326]. Такой подход рассматривается А. Вежбицкой как наиболее продуктивный, в том числе и в вопросе фиксирования и последующего анализа трудноуловимых оттенков значения.

А.Е. Бочкарёв соотносит понятие значения со знанием [Бочкарёв 2009: 19]. Акцентируя эпистемологическую обусловленность значения, он обосновывает феномен значения как единство многообразия его толкования в отношении к другим означаемым языка. Это позволяет ему трактовать анализируемое означаемое, учитывая переменные отношения в целостной системе, которая включает в себя знаки, вещи и представления, опосредующие их в качестве целенаправленного активного отображения действительности в сознании [Бочкарёв 2009:

8], а также вычленять из системы категориальный и актуальный подтипы значения [Бочкарёв 2009: 30], соответствующие релевантным парадигматическим и синтагматическим отношениям.

Р. Брэндом рассматривает феномен значения, опираясь на логические связи, объединяющие языковые выражения друг с другом. Р. Брэндом считает, поскольку выражение представляет собой реализацию определённого речевого акта, восходящего к обоснованию или оправданию как составляющей социальной деятельности людей, то говорить о его значении следует только тогда, когда оно взаимодействует с другими выражениями внутри конкретной логической цепочки [Brandom 2000: 152].

И.М. Кобозева расширяет объяснительную модель значения за счёт его прагматической обусловленности. Значение отождествляется с информацией, передаваемой посредством языковых знаков. Эта информация характеризует категории реального мира, мыслительные категории и прагматические феномены, а также взаимоотношения языковых единиц внутри образуемой ими системы [Кобозева 2014: 43, 87-94].

Такой подход соответствует распространённой в семантических исследованиях тенденции трактовать значение как своеобразный накопитель информации о мире, конвенционально закреплённый и регулируемый в сознании носителей языка [ср.: Schwarz 2007: 15, 22-24]. Содержание накапливаемой информации закрепляется членами языкового сообщества за определёнными языковыми единицами в условиях контекста, заданного параметрами коммуникативной ситуации. Соответственно, в нём помимо общих знаний языкового коллектива эксплицируются индивидуальные знания его членов [Schwarz 2007: 23-24].

Последнее положение подвергается критике учёными, представляющими постструктуралистскую теорию интертекстуальности и постулирующими невозможность осознания значения языковой единицы обособленным субъектом коммуникации независимо от того, выполняет он роль отправителя или получателя [Kristeva 1972: 345-375]. Содержание значения языковой единицы, согласно их

точке зрения, оформляется в ходе её интерпретации, ограниченной рамками текста и не ограниченной во времени.

В противопоставление постструктуралистской концепции анализа текста, где намеренно не учитывается авторская субъективность и интенциональность, М.П. Ахиджакова и представители её научной школы помещают в центр своих исследований личность автора текста, осуществляя реконструкцию его языкового сознания как совокупность воспринимаемых и интерпретируемых им образов, формирующихся и актуализирующихся на различных языковых уровнях, в первую очередь лексическом и грамматическом [Ахиджакова 2014: 162-163; Ахиджакова, Левченко 2021: 149-150; Ахиджакова, Баранова 2013: 24]. Опираясь на достижения современной когнитивной лингвистики, учёные приходят к выводу, что независимо от типа дискурса (отображающего специфические способы и правила организации автором его речевой деятельности: автобиографического, художественного, экономического, юридического и др.) преломлённые языковым сознанием значения языковых единиц, преобразуются в смыслы, соответствующие субъективному образу мира, опыту, приоритетам и т.д. автора текста. Осуществляя выбор языковой единицы, автор выступает как деятельностный субъект, демонстрирует собственную специфику оформления выражения им актуальной интенции [Ахиджакова 2014: 162-163], объективизирует мысль посредством внешнего предмета (слова) [Ахиджакова 2014: 167], вследствие чего совершенный автором выбор языковой формы становится частью бытия мира [Ахиджакова 2014: 168]. Такой подход развивает сформулированное А.А. Потебней положение о том, что язык выступает в качестве объективизирующего средства по отношению к говорящему, одновременно являясь субъективным по отношению к познаваемой говорящим действительности [Потебня: 1976: 59].

Современные исследования, описывающие феномен значения в русле семантики, наряду с параметрами контекстной, ситуативной и интерпретационной обусловленности [Busse 1987: 12, 251] включают в его объяснительную модель параметр прагматической детерминированности, соответствующий характеру коммуникативной функции значения. За счёт этого обеспечивается учёт

эмотивных и коннотативных составляющих в градации компонентов лексического значения. К примеру, в секторе дескриптивного значения вычленяются номинативный, дейктический, релятивный и коммуникативный подвиды, в секторе прагматического – оценочный и экспрессивный / эмоциональный подвиды значения [Пименова 2011: 519-520].

Существуют исследования, в которых значение определяется как абстрактный концепт, объединяющий разнообразные характеристики отображаемого объекта, существующий в постоянном взаимодействии с другими абстрактными концептами [Heusinger 2004: 13-14, 17]. При этом описание значения осуществляется, как правило, без учёта характеристик коммуникативной реальности, в которой оно существует.

К преодолению этого противоречия приходит в своих трудах О.Н. Селиверстова, отождествляющая значение и знаковую информацию, которую член языкового сообщества получает, воспринимая означающую языковую единицу в условиях реальной коммуникативной ситуации [Селиверстова 2004: 39, 116]. Это позволяет ей обосновать включение стилистических, экспрессивных и конфигуративных признаков в состав значения наряду с его информативной частью [Селиверстова 2004: 120] и дифференцировать значение и его варианты [Селиверстова 2004: 132], а также значение и понятие [Селиверстова 2004: 35] с привлечением количественных и качественных изменений в составе данных признаков.

Дж. Серль рассматривает учёт условий речевого события с последующим выделением иллокутивного эффекта актуализированного высказывания в качестве определяющего фактора в процессе разделения лексических и интенционально обусловленных значений. Интенциональное значение, согласно его концепции, реализуется в условиях конкретной речевой ситуации. Оно отражает конвенции, которыми руководствуется в своих речевых действиях говорящий, а также намерение говорящего достигнуть определённого иллокутивного эффекта [Searle 1982: 12]. Дж. Серль подчёркивает зависимость интерпретации интенционального значения, актуализируемого говорящим, от конвенциональных

знаний слушающего [Searle 2003: 88]. Это позволяет ввести понятие двусторонней обусловленности интенционального значения.

А.А. Леонтьев, анализируя значение с позиций психолингвистического подхода, видит в нём общенаучную категорию высокого уровня абстракции, представляющую собой один из результатов преобразования опыта в знание [Леонтьев 1983: 6]. А.А. Леонтьев, как и Дж. Серль, постулирует двойственную онтологию значения, обусловленного индивидуальным опытом говорящего и опытом языкового коллектива, к которому говорящий относится. Руководствуясь алгоритмами деятельностного подхода, он выводит основания для выделения трёх форм существования значения: языкового, предметного и ролевого [Леонтьев 1983: 8-11].

Объединяя положения психолингвистического и семантического подходов, И.А. Стернин наряду с лексикографической и контекстуально-лексикографической выделяет психолингвистическую форму существования значения. Основанием для разграничения указанных форм выступает степень их приближенности к реальной языковой ситуации и степень редуционизма их форм. Лексикографическая форма, будучи оторванной от реальной языковой ситуации, определяется в качестве искусственного максимально редуцированного исследовательского конструкта с минимально возможным количеством логически вычленимых дифференциальных семантических признаков [Стернин 2006: 171-172; 2010: 57-58]. Контекстуально-лексикографическая форма представляет собой уточнение означенного конструкта, приближенное к языковой реальности и сформированное в результате обобщения контекстуального ряда [Стернин 2010: 58-59]. В сравнении с двумя другими формами психолингвистическая форма значения наименее редуцирована и наиболее приближена к фактической языковой ситуации. Её выделение должно основываться на верифицированных в результате работы исследователя конвенционально закреплённых в сознании носителей языка семантических компонентах [Стернин 2006: 171-172; 2010: 57-60].

В работах учёных, подходящих к изучению проблемы значения с позиций когнитивной лингвистики, также прослеживается тенденция к рассмотрению

значения в качестве сложного структурного образования, представление которого возможно только с учётом контекстной реализации индивидуальных когнитивных моделей представления субъекта, являющегося носителем уникальной культуры, которая обусловлена биологически и социально [Попова 2003: 63; Попова, Тимофеева, Бокова 2011: 17-21; 2011 а: 17-19]. Это позволяет противопоставить значение концепту как индивидуализированное универсальному, отражающему особенности восприятия не единичного субъекта, а целого класса субъектов, объединённых принадлежностью к данной языковой культуре.

И.Г. Жирова, интегрируя положения когнитивной и коммуникативной лингвистики, исследует значение как многокомпонентный психический сплав обобщённого отражения различных фрагментов действительности в сознании коммуницирующих субъектов. При этом в структуре этого сплава она выделяет две группы компонентов значения: предметные, характеризующие языковой знак по отношению к изображаемому, и концептуальные, основной задачей которых является обобщение [Жирова 2016: 112].

Работая на стыке когнитивной лингвистики и прагматики, С.В. Гусаренко в качестве определяющего критерия реализации значений и смыслов анализирует специфику материально-знакового обмена коммуникантов, ограниченного рамками актуального дискурсивного фрагмента [Гусаренко 2006: 45; 2007: 71-72]. Отправитель, сообщая некую информацию получателю, осуществляет её кодификацию посредством актуализируемых значений и смыслов языковых средств и формирует целостное семантико-прагматическое образование как часть актуального дискурса. Получатель, исходя из особенностей собственной когнитивной базы, интерпретирует воспринимаемый код. При этом целостное семантико-прагматическое образование, закодированное отправителем, разрушается, что может быть причиной коммуникативных срывов [Гусаренко 2006: 45; 2007: 72].

К.М. Шилихина дополняет положения когнитивной лингвистики прагматическими и раскрывает проблему значения и его составляющих, исходя из особенностей восприятия и интерпретации коммуникантами иронических

высказываний. Особое внимание при этом уделяется имплицитному значению, восприятие и интерпретация которого не могут быть успешными без учёта условий коммуникативной ситуации, интенций и пресуппозиций её участников, перлокутивного эффекта реализованного высказывания и его широкого контекстного окружения [Шилихина 2011: 239-260; 2014: 120-138].

Значимость контекстного окружения в ходе интерпретации прагматических значений и смыслов подчёркивается И.В. Четыркиной, исследующей феномен их порождения и трансляции внутри перформативных практик разноформатных социокультурных образований [Четыркина 2006: 10]. Прагматические значения и смыслы исследуются ею как нестабильные, этнически и культурно-исторически обусловленные параметры существования языковых единиц.

Современное западное литературоведение поднимает проблему значения в духе теории дискурса как исходную структурирования иерархии текстовых и околотекстовых единиц, переходящую в пространстве дискурса на уровень смысла, интерпретация которого предполагает наличие у получателя дополнительных конвенциональных знаний, а также литературоведческих и социокультурных компетенций [Landwehr 2006: 233]. Текст, в котором реализуются смыслы, воспринимается здесь в качестве эксплицитного перформатива, материализующего некое переживание отправителя в отношении потенциального получателя [Herrmanns 2006: 284].

Е. Лаврие анализирует проблему значения и его компонентов как часть сложной системы дискурса, ориентируясь на значение указательных местоимений, идентифицирующих референта в номинальной фразе [Lavrie 2007: 277-278]. При этом, Е. Лаврие, как и другие учёные, работающие в русле теории дискурса, подчёркивает одновременность существования реализованных отправителем значений и обуславливающего их реализацию дискурсивного пространства.

К. Элих, рассматривая феномен интерактивной привязанности языковых институций с позиций прагматики, приходит к выводу о высокой степени интенциональной детерминированности в аспекте реализации языковых значений. Учёный разрабатывает интенциональную диаду, полюсами которой выступают

а) биологически-антропологически привязанные индивидуальные [Ehlich 2007: 10] и б) общественно привязанные конвенциональные [Ehlich 2007: 31] интенции.

С.И. Хун также определяет значение как вид представления информации, детерминированный фактором целеполагания. Исследователь выделяет в качестве отдельного подтипа «прагматическое значение», представляющее различные параметры взаимодействия отправителя и получателя. Подробному анализу подвергаются исходные установки отправителя, которые могут реализовываться в прагматическом значении, соответствующем предостережению, рекомендации, поучению [Хун 2007: 7-10].

Ф. Лидтке связывает реализацию значения с актуализацией субъектно-маркированного имплицирования, модифицирующего смысл высказываний адресанта в соответствии с ранее усвоенными им общественными коммуникативными договорённостями (конвенциональные импликатуры), а также в соответствии с параметрами фактической коммуникативной ситуации (коммуникативные импликатуры) [Liedtke 1995: 19-46]. Здесь значения не отождествляются с импликатурами, а анализируются как возможные условия их интерпретации.

Интерпретация феномена значения с позиций прагмалингвистики также осуществляется в тесной связи с составляющими заданной коммуникативной ситуации, интенциями и пресуппозициями коммуницирующих субъектов. Актуализация значения трактуется при этом (в традициях О. Есперсена) как деятельность и результат деятельности субъекта, мобилизующей его языковые навыки и направленной на передачу и понимание мыслимого содержания [ср. Есперсен 2006: 15, 28].

П. Эрнст, работая в русле прагмалингвистики, сосредоточивает своё внимание на грамматикализованных отношениях речевых выражений и параметров коммуникативных ситуаций и формулирует предпосылки анализа субъектно отмеченного значения, в том числе указывая на необходимость учёта индивидуально маркированных когнитивных процессов и речевого опыта участников коммуникации. Значения языковых форм, согласно его концепции, являют собой сумму словарных толкований, уточнённую и расширенную за счёт

семантических и прагматических инференций и пресуппозиций коммуникантов [Ernst 2010: 3,15, 31].

Современная лингвистическая прагматика определяет интерпретацию реализованных в конкретном контекстном окружении высказываний в качестве основной цели исследований [Ehrhard, Heringer 2011: 12-14, 37]. В этом ракурсе проблема анализа индивидуально и конвенционально маркированных значений речевых единиц, обуславливающих возможность интерпретации высказывания, рассматривается как приоритетная.

Представляется, что в исследовании феномена объективизации субъективной информации на уровне значения и его компонентов необходимо учитывать все приведённые выше положения. И в первую очередь те, которые позволяют преодолеть имеющий место в некоторых научных трудах тезис о невозможности объективного познания существующего в условиях естественной коммуникации значения [Busse 2009: 13, 17, 93-94], ориентируют на разграничение подвидов и компонентов значения при последовательном анализе их идентичности или схожести [ср. Lyons 1992: 128], а также предлагают различные методы и приёмы, реализация которых способствует высвечиванию новых фактов об означенном феномене.

1.3. Методы исследования значения и его компонентов в современной научной парадигме

Современное научное знание располагает широкой палитрой методов исследования значения и его компонентов. Выделим наиболее продуктивные из них и обозначим их преимущества и недостатки.

Одна из наиболее последовательных методик исследования значения в философии языка принадлежит Г. Фреге, которому удалось ввести в диапазон научных изысканий субъективно обусловленное восприятие компонентов значения, отвечающее диаде «истинно / ложно», а также аксиоматизировать анализ

соответствующих повествовательных высказываний [Frege 2008]. Вне внимания исследователя остался при этом ряд принципиально важных параметров, в том числе параметр достаточной / недостаточной информированности оценивающего истинность / ложность субъекта.

Преодолению этого недостатка, по замыслу Р. Карнапа, должен был способствовать разработанный им метод экстенционала / интенционала, применимый к декларативным предложениям, индивидуальным выражениям и предикаторам. В качестве иллюстрации своего метода Р. Карнап представил проблему построения логики модальностей («необходимость», «(не)возможность», «случайность») [Карнап 2000: 27-28]. Он расширил и модифицировал параметры интерпретации значения высказывания. При этом проблема дифференциации означаемого и означающего в естественных языках осталась за рамками его исследования.

Параллельно в области семантики в качестве наиболее продуктивного метода исследования значения был разработан метод интроспекции, представляющий собой модификацию общенаучного метода наблюдения. Анализируя реализацию определённой языковой единицы в условиях несвойственного для её обычной экспликации контекста, авторы рассматривали правильность предположений об истинном значении этой единицы [Щерба 2008: 33] и о разнообразных параметрах её функционирования [Лабов 1983], например, о параметрах, обуславливающих использование данной единицы для обозначения денотата.

Ещё одним методом, широко представленным в работах семантиков, стал метод компонентного анализа. Суть этого метода заключается в составлении или уточнении значения языковой единицы посредством подбора элементарных частей смысла, определяющих условия её применимости [Apresjan 1972: 113, Кузнецов 1986: 117, Лайонз 2003: 122]. Первоначально ориентированный на анализ конкретного значения слова [Лайонз 2003: 122-132; Найда 1983: 61-74; Фрумкина, Михеев, Мостовая, Рюмина 1991: 60-141] метод компонентного анализа был адаптирован к анализу абстрактного значения [Мельчук 1999: 52-140] и далее преобразован в компонентный синтез, направленный на сочленение

разнообразных семантических признаков в целостную парадигму конкретного или абстрактного значения слова или целой комбинации слов [Кузнецов 1986: 6].

В современной семантике с помощью метода компонентного синтеза лексическое значение анализируется как комбинация элементарных компонентов смысла с учётом системных корреляций слов, возможных или имеющих место в рамках определённого контекста [Кобозева 2000: 109, Селиверстова 2004: 39, 81-82]. Это соответствует общей семантической тенденции переноса вопроса о значении в плоскость смысловых компонентов. Параллельно с компонентным синтезом продолжает существовать компонентный анализ в традиционном понимании, в ходе которого лексическое значение слова раскладывается на семы или элементарные предельные смыслы как организованная определённым образом структура [Никитин 2007: 110, 115, Степанова, Шрамм 2009: 5-7]. При этом постулируется системность и завершённость данного метода, ограниченного только параметрами коммуникативной деятельности человека: предметно-логическим, характеризующим отражение действительности, и коннотативным, репрезентирующим отношение говорящего к предмету. Однако, концентрируя своё внимание на парадигмальном представлении языковой единицы или группы языковых единиц, представители лексической семантики до настоящего времени оставляют за рамками изучения изоморфизм языковых знаков, экстраполирующих соотнесённость знака с действительностью, на отношение знака к индивидуально маркированной когнитивной и деятельностной системе коммуницирующего субъекта.

На решение этой проблемы направлен метод лингвистического изоморфизма, постулирующий наличие прямой зависимости структуры языковой единицы любого уровня (слова, высказывания, текста, дискурса) от комплекса её многоаспектных взаимоотношений с другими языковыми единицами, который реализуется в границах субстратных знаковых ситуаций [Алефиренко 2005: 317]. Данный метод предполагает соотношение языковой единицы с внеязыковыми коррелятами, в том числе с когнитивной и ценностной системами человека.

Метод ассоциативного эксперимента, также широко применяемый сегодня в семантике, направлен на выявление неконтролируемых ассоциаций, которые демонстрируют внутреннее содержание сознания информантов, проецируемое в их вербальное поле [Белянин 2004: 129]. Здесь изучение значений происходит посредством осмысления ассоциативных полей и различных типов ассоциативных связей, реализуемых информантами [Лурия 2019: 95-96]. Традиционно изучаются два типа таких связей: 1) внешние, представляющие ассоциации по смежности, когда актуализация языковой единицы инициирует реализацию определённого компонента наглядной ситуации, которая включает в себя названную часть действительности; и 2) внутренние, восходящие к параметрам включения языковой единицы в определённую категорию.

В когнитивной лингвистике и психолингвистике учёные, разрабатывающие проблему значения, используют метод ассоциативного эксперимента для выявления и последующего анализа конвенциональных представлений отправителей о значениях и их компонентах. Основное внимание концентрируется на уточнении ассоциаций различного типа (свободных, направленных или цепочных) с последующей интерпретацией сем и их семемной атрибуцией [Розенфельд, Стернин 2013: 213], а также разработкой интегральных моделей исследуемых языковых единиц [Стернин 2010: 60]. Учёт стереотипных конвенциональных и культурно обусловленных представлений говорящих о значении языковых единиц в ходе ассоциативного эксперимента позволяет провести корректировку понимания структуры значений, существующих в языковом сознании носителей исследуемого языка, реализовав системное упорядочение семантических компонентов, связанных с заданными звуковыми оболочками. Результаты проведённых ассоциативных экспериментов подтверждают наличие региональной маркированности отдельных сем [Розенфельд, Стернин 2013: 216-217], указывают на отсутствие в сознании говорящих абсолютных синонимов языковых единиц [Акованцева, Стернин, Тимошина 2012: 5-6], открывают перспективы создания психолингвистических толковых словарей с углублённым описанием значений слов [например, Рудакова, Стернин 2011].

Представители экспериментальной психосемантики используют метод семантического дифференциала, изучая индивидуальные и коллективные семантические пространства, преломлённые в значении [Петренко 1983, 2013]. Структура значения анализируется ими согласно реакциям испытуемых на понятия, представленные в виде биполярных градуированных шкал, как набор вариативных семантических компонентов, закреплённых конвенционально [Леонтьев 1983: 17]. Индивидуальные различия в реакциях противопоставляются при этом коллективным и среднестатистическим.

В социолингвистике активно используется метод контент-анализа, в ходе реализации которого проводится качественное или / и количественное исследование заданных массивов сообщений и на основе полученных результатов осуществляется интерпретация выявленных закономерностей, в том числе закономерностей в функционировании значений языковых единиц. При составлении анализируемого массива сообщений учитывается источник, темпорально-локальные характеристики, способ, фактический размер и другие значимые параметры их объективизации [Дмитриев 2005, Лисовский, Евстафьев 2000].

На адаптированный метод контент-анализа ориентируется и лингвистическая прагматика, представляя его обновлённые вариации в качестве основных составляющих объективного прагмалингвистического и перлокутивного экспериментов. Их цели, задачи, алгоритмы и т.д. рассмотрим подробно в следующем параграфе. Здесь же сформулируем промежуточные выводы в отношении уже представленных теоретических и методологических предпосылок исследования.

Изучение проблемы вербальной объективизации отображаемого на уровне значения и его компонентов находится в центре внимания разнохарактерных научных исследований свыше двух тысяч лет. Однако до настоящего времени отсутствует единый подход как к определению сущности, системных свойств и вариантов реализации данного феномена, так и к алгоритмам его изучения. В каждом из направлений научного знания феномен значения и его составляющих представляется в преломлении соответствующих данному направлению приоритетов. При этом прослеживается устойчивое взаимопроникновение

исследовательских алгоритмов, приводящее в ряде случаев к появлению новых методов и приёмов изучения значения. Апробация данных методов и приёмов, в свою очередь, позволяет провести переосмысление исследуемой проблематики, выявить новые компоненты структуры, уточнить характеристики и особенности функционирования значения.

В условиях современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы проблема исследования значения и его компонентов последовательно дополняется новыми фактами, представляющими особенности отношения субъекта к отображаемым им объектам и субъектам. На этом фоне лингвистическая прагматика, в центре интересов которой находится участвующий в коммуникации субъект (отправитель и / или получатель), выделяется как одно из наиболее перспективных направлений. Представим его отдельно.

1.4. Лингвопрагматический вектор в исследовании значения и его составляющих

Сформировавшиеся во второй половине XX века предпосылки в области прагматики, философии языка, психологии, психолингвистики и других гуманитарных дисциплин стимулировали развитие лингвистической прагматики как нового научного направления с собственной антропоцентрически ориентированной проблематикой.

Теоретический базис нового научного направления составили труды историков, философов, прагматиков и представителей смежных научных направлений, которые в разное время с разных позиций, решая различные научные задачи, обращались к проблеме субъектно маркированных речевых действий (Аристотеля, К. Бюлера, В. Вундта, А. Гумбольдта, Ч. Морриса, Р. Карнапа, Дж. Остина, Ч. Пирса и др.).

Название научного направления было образовано слиянием двух корней: древнегреческого *πραγμα*, означающего в переводе «дело, действие, поступок» и

латинского *lingua* – «язык». Корень *прагма* появился в поле научных исследований ещё в античности в работах известного греческого историка Полибия, который разделил историю на обыденную и прагматическую, отметив, что прагматическая история предполагает поучительный для человека характер представления значимых в истории государства событий и их причинно-следственных связей. В XIX веке это определение было заимствовано и переосмыслено философией, в частности Ч.С. Пирсом, основателем нового философского направления – прагматизма.

В работах, написанных в духе этого философского направления, центральной проблемой становятся знаки и их отношение к оперирующему ими субъекту. Субъект трактуется как социальный индивид [Peirce 2000: 155-157]. Большое внимание уделяется взаимоотношению элементов триады «субъект – знак – социальный контекст» [Mead 1992: 119]. Интерпретация социально обусловленных символических значений с учётом взаимоотношений компонентов триады постулируется в качестве основания для понимания особенностей коммуникативного взаимодействия членов социума.

Интерпретация символических значений, воплощённых в языке, становится также основной задачей семиотики и, прежде всего, одного из её направлений – прагматики. При этом акцентируются естественные аспекты семиозиса, в том числе различного рода психологические, биологические и социологические явления, связанные с функционированием знаков [Моррис 2008: 18].

Современная прагматика представлена универалистским и функциональным направлениями. Универалистская прагматика ориентируется на изучение правил, позволяющих говорящим совершать успешные речевые действия, ориентированные на установление взаимопонимания [Habermas 1995: 432]. Интересы функциональной прагматики сосредоточиваются на факторе целеполагания стереотипных речевых действий [Brandt, Dietrich, Schön 2006: 291]. В её рамках выделяются микропрагматика, анализирующая импликатуры и пресуппозиции вербальных действий, которые реализуются в отдельных высказываниях, и макропрагматика, в чьи интересы входит структурная и функциональная

организация текстов [Bublitz 2009: 25]. Кроме того, в качестве прагматических ответвлений экстрагируются социальная прагматика, разрабатывающая параметры социально обусловленных языковых вариаций; интерперсональная прагматика, занимающаяся вопросами создания и поддержания успешного речевого имиджа субъекта, и когнитивная прагматика, направленная на выявление особенностей мышления, которые обуславливают оформление и содержание речи субъекта. В европейской научной традиции в один ряд с универалистской и функциональной прагматикой ставятся теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль), теория имплицатур (П. Грайс) и так называемая историческая прагматика (Й. Мейбауер).

В последнее время та часть прагматического учения, которая концентрируется на исследовании актуализируемых говорящим языковых или речевых знаков, выделяется в качестве отдельного направления – лингвистической прагматики. Область её интересов не имеет чётко очерченных границ, методология активно совершенствуется и само определение варьируется в зависимости от приоритетных исследовательских задач. Так, например, Н.Д. Арутюнова видит в лингвистической прагматике раздел языкознания, ориентированный на изучение языка в тесной связи со смежными феноменами [Арутюнова 1988: 315]. И.П. Сусов трактует данное направление в качестве самостоятельной научно-прикладной отрасли, чьё основное назначение состоит в анализе мотивированного речевого общения в контексте определённых социальных и межличностных условий [Сусов 1985: 5]. По В. Бублицу, лингвистическая прагматика является самостоятельным научным направлением, сосредоточенным на исследовании форм и принципов корпоративного или интерактивного вербального взаимодействия, целью которого является установление взаимопонимания и координация отношений субъектов [Bublitz 2009: 11, 17, 23, 32]. Г.Г. Матвеева определяет лингвистическую прагматику как дисциплину, анализирующую вопросы выбора языковых единиц из наличного репертуара говорящего для осуществления наиболее эффективного воздействия на получателя [Матвеева 2003: 123].

Каждой из приоритетных задач лингвистической прагматики соответствует определённый ракурс исследования актуализируемых коммуникантами единиц: акцентуируется их контекстуальная обусловленность [Дейк 2000], детерминированность параметрами основных составляющих речевого акта [Колшанский 1985; Степанов 1998], ориентированность прагматического компонента на потенциального адресата высказывания [Арутюнова 1980], неопосредованная зависимость от намерений отправителя [Yule 1996], функционирование в качестве средства социальной интеграции говорящих [Bublitz 2009], соответствие нюансам субъективно маркированного имплицирования [Liedtke 1998], возможность интерпретации как средства выражения субъективного отношения [Ernst 2002], стереотипный или индивидуальный характер реализации в рамках стратегий прямого и скрытого речевого воздействия [Матвеева 1993; 1999].

Последнее предполагает дифференциацию лингвистической прагматики на функциональную и скрытую. Функциональная исследует феномены осознанного, целенаправленного выбора речевых единиц отправителем текста для наиболее эффективного воздействия на получателя, скрытая лингвистическая прагматика (прагмалингвистика) ориентируется на феномены стереотипного речевого поведения отправителя с последующим его диагностированием. Данная дифференциация широко представлена в работах Ростовской школы прагмалингвистики Г.Г. Матвеевой [Матвеева 1984, 1993, 1999; Багдасарян 2004, Бутусова 2004, Варнавских 2004, Горло (Мурашова) 2004, 2007; Егоршина 1997, Зюбина 2005, Куклина 2005; Лебеденко 2018, Ленец 1999, Ломова 2004, Манжелевская 2008, Мкртчян 2004, Моисеенко 2000, Мясичев 2021, Островская 2013, Самарина 2006, Селиверстова 2004 а, Чалбышева 2006, Чигридова 1999, Чуриков 2005 и др.].

Одной из важных общенаучных предпосылок, стимулирующих развитие составляющих лингвистической прагматики, является ориентация современной научной парадигмы на изучение антропологического фактора в языке. Насущной потребностью лингвистической прагматики является также формирование преемственности между различными направлениями антропоцентрического знания

в вопросе изучения вербальной объективизации отображаемых отправителем фрагментов действительности на уровне значения и его компонентов, обновление соответствующей теоретико-методологической базы с последующей унификацией принципов и методов исследования индивидуально и конвенционально обусловленных механизмов вербальной интеракции.

Лингвистическая прагматика располагает уникальным методологическим арсеналом, представленным общенаучными и специально-научными исследовательскими алгоритмами, учитывающими особенности приоритетных задач и актуального материала. Представим методы, которыми оперирует лингвистическая прагматика, акцентируя моменты, наиболее перспективные для изучения проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне значения и его составляющих.

Одним из продуктивных общенаучных методов, применение которого мы рассматриваем в качестве основного ключа для установления параметров объективизации субъективной информации, является метод наблюдения. Согласно потребностям лингвопрагматического исследования, метод наблюдения может быть реализован в фиксировании и последующей интерпретации речевых поступков, экстраполирующих индивидуально и конвенционально обусловленные характеристики участвующих в процессе вербальной интеракции субъектов. Данная реализация может ограничиваться объёмами отдельной выборки или нескольких выборок, сформированных на базе заранее заданных параметров (выборочное наблюдение), или может стремиться к исчерпывающему представлению реализованной совокупности речевых поступков субъекта (сплошное наблюдение).

В качестве одной из вариаций метода наблюдения мы рассматриваем метод перевода, активно применяемый в лингвопрагматических исследованиях для обнаружения и последующего качественно-количественного анализа разнообразных нюансов значений [Матвеева, Бутусова, Ломова, Моисеенко, Одарюк, Чигридова 2007: 23-26, 30-37]. Его использование, предполагающее сопоставление оригинальных и переводных высказываний, даёт возможность

зафиксировать характеристики речевого поведения автора и переводчика текста, обусловленные помимо особенностей языковых систем усвоенными ими лингвокультурными традициями, а также индивидуально-личностными особенностями, в том числе уникальным речевым опытом.

Общенаучные методы в лингвопрагматических исследованиях последовательно дополняются методами и приёмами социолингвистики и лингвистической статистики.

Наиболее часто переносимыми на лингвопрагматическую почву социолингвистическими методами являются анкетирование и интервьюирование. Отдельные составляющие их алгоритмов адаптируются лингвистической прагматикой в ходе формирования групп респондентов, отвечающих заранее заданным усреднённым социометрическим параметрам (пол, возраст, основной род деятельности, национальная и локальная принадлежность, уровень образования, индивидуальные наклонности и т.д.), для последующего выявления степени влияния данных параметров на собственное речевое поведение испытуемых или интерпретацию ими речевого поведения других субъектов.

Среди наиболее востребованных методов лингвистической статистики в лингвопрагматических исследованиях можно выделить методы группировки, моделирования, оценивания неизвестных параметров и проверки статистических гипотез [Мартыненко 1996: 201-222; Матвеева, Шуманова 2005: 18-31; Штерн 1996: 224-233]. Их основные приёмы, перенесённые на лингвопрагматическую почву, обеспечивают высокий уровень объективизации на стадии сбора, систематизации и анализа речевого материала, а также создают условия для последовательной верификации полученных данных.

В рамках единственной в своём роде лингвопрагматической объектно-предметной парадигмы особое место занимают собственные алгоритмы перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов.

Перлокутивный эксперимент основан на гипотетико-дедуктивном подходе к анализу речевых единиц. В лингвопрагматических исследованиях данный метод используется в ходе фиксации и последующего анализа усреднённых

стереотипных реакций испытуемых, репрезентирующих посредством различных речевых маркеров их скрытые интенции и моделирующих перлокутивный эффект заданного текстового пространства. Результатом такого анализа может быть фрагмент речевого портрета отдельного испытуемого или группы испытуемых, объединённых общими формальными показателями, а также диагностирование его или их речевого поведения в контексте заданного типа. Единицей перлокутивного прагмалингвистического эксперимента является малая синтаксическая группа (далее МСГ), представляющая собой объективизированный речевой поступок.

Перлокутивный эксперимент проводится в несколько этапов. Вначале обозначается проблема исследования, уточняются объект и предмет анализа, формулируется гипотеза. Далее формируется текстовая выборка, текстовые отрывки делятся на МСГ, МСГ присваиваются порядковые номера, составляются опросные листы, создаются репрезентативные группы респондентов. После этого уточняются условия чистоты проведения эксперимента, проводится опрос респондентов. По результатам опроса составляются экспертные листы. Данные экспертных листов обрабатываются и заносятся в сводные таблицы. Интерпретируются усреднённые стереотипные реакции испытуемых. Формулируются промежуточные характеристики их речевого поведения или речевого поведения авторов анализируемых текстов. Оформляются фрагменты их речевых портретов. Формулируются выводы эксперимента.

Апробация перлокутивного эксперимента подробно представлена в работах Т.В. Куклиной и И.В. Самариной, которым удалось зафиксировать маркеры-носители перлокутивного эффекта и на основании их интерпретации составить фрагменты речевых портретов политиков [Куклина 2005, Самарина 2006].

Поскольку перлокутивный прагмалингвистический эксперимент не является авторским методом, будучи подробно разработан в трудах исследователей школы скрытой прагмалингвистики под руководством Г.Г. Матвеевой [работы Матвеевой 2004, Куклиной 2005, Самариной 2006 и др.], во избежание повторов мы ограничились описанием его возможных целей, обобщённой гипотезой,

спецификой материала, единицей и алгоритмом проведения (см. выше), сравнив их далее с гипотезой, спецификой материала, единицей и алгоритмом проведения объективного прагмалингвистического эксперимента. Эти параметры учитывались при разработке собственного подхода, совмещающего в себе приёмы перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов. Авторский интегративный подход (его цели, гипотеза, единица исследования, алгоритм проведения, подбор групп информантов, этапы и результаты) подробно описаны в *Параграфе 2.3* и далее в данном диссертационном исследовании.

Вернёмся к объективному прагмалингвистическому эксперименту. Объективный прагмалингвистический эксперимент, как и перлокутивный эксперимент, базируется на гипотетико-дедуктивном подходе к анализу единиц речи. Основой данного лингвопрагматического метода служат модифицированные приёмы сплошного наблюдения, контент-анализа и лингвистической статистики. Интересы исследователя, оперирующего алгоритмами этого метода, как правило, сосредоточены на фиксации заданных типов речевых единиц в массиве подобранных (согласно заранее сформулированным критериям) текстов и в дальнейшем соотношении частотности актуализации данных единиц с различными экстралингвистическими факторами. Минимальной анализируемой единицей в рамках объективного прагмалингвистического эксперимента является МСГ.

За постановкой проблемы, определением объекта и предмета анализа, формулированием соответствующей гипотезы следует подготовка к анализу текстового материала. Далее, как и в перлокутивном эксперименте, в каждой из анализируемых МСГ фиксируется наличие либо отсутствие маркеров индивидуального речевого поведения одного конкретного автора-отправителя текста или группы авторов, объединённых по ряду признаков. При этом приоритетными считаются маркеры стратегий скрытого речевого воздействия. Затем следует статистическая обработка зафиксированных маркеров. Данные табулируются и интерпретируются. На основании полученных результатов формулируются промежуточные характеристики речевого поведения отправителя или отправителей и создаются его или их речевые портреты. Объективный прагмалингвистический

эксперимент предусматривает проверку полученных данных посредством их сопоставления с эмпирическими наблюдениями современников авторов анализируемых текстов. На последнем этапе этого эксперимента проводится развёрнутое диагностирование речевого поведения отправителей и формулируются общие выводы.

Эффективность объективного прагмалингвистического эксперимента продемонстрирована в работах представителей школы скрытой прагмалингвистики [Матвеева 2004: 126-127; Матвеева, Бутусова, Ломова, Моисеенко, Одарюк, Чигридова 2007: 39, 43-58], где представлена подробная интерпретация речевых сигналов различных типов, актуализируемых учителями [Ленец 1999], школьниками [Лебеденко 2018], военными [Моисеенко 2000, Селиверстова 2004 а], журналистами [Мкртчян 2004], актёрами [Ломова 2004], государственными обвинителями [Зюбина 2005], политиками [Куклина 2005, Чуриков 2005], физиками [Чалбышева 2005], поэтами [Горло (Мурашова) 2004, 2007], блогерами [Мясищев 2021] и др.); охарактеризовано их индивидуальное и стереотипное речевое поведение и составлены речевые портреты.

Результаты перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов последовательно доказывают возможность фиксации и дальнейшего анализа конвенционально и индивидуально обусловленных стратегий речевого поведения отправителя. Представляется перспективным использовать некоторые приёмы данных экспериментов в ходе верификации гипотетических предположений об особенностях вербальной объективизации субъективной информации в языке и речи. Подбор респондентов, подготовка репрезентативной текстовой выборки, последующая её сегментация с выделением минимальных единиц анализа, фиксация и системное представление прагматически валентных речевых единиц, качественно-количественные сопоставления и их интерпретация должны минимизировать влияние субъективных факторов на чистоту результатов практической части исследования и приблизить нас к их искомому объективному толкованию.

Собственно лингвопрагматические приёмы, усиленные приёмами широкого диапазона общенаучных и специально-научных методов, в том числе метода наблюдения, методов социолингвистики и лингвистической статистики, а также некоторые другие, привлечения которых требует специфика поставленных в исследовании задач и на иллюстрации которых мы подробно остановимся в практических разделах нашего исследования, должны обеспечить объективный характер, валидность и надёжность его выводов.

Раскрыв некоторые особенности методов и приёмов, традиционно используемых в лингвопрагматическом исследовании, перейдём к их апробации и дальнейшему совершенствованию на конкретном языковом материале. Предварительно отдельно обозначим особенности анализируемого материала.

1.5. Тексты казачьей лингвокультуры как материал исследования

В условиях современного стремительно изменяющегося общества одной из приоритетных задач становится противодействие чрезмерной унификации и, следовательно, сохранение многообразия культурной, в том числе лингвокультурной, национальной идентичности. Это невозможно без осознания своеобразия и неповторимости каждого конкретного национального языка и объективизированных в нём национальных и субнациональных кодов. Российская лингвокультура не представляет в данном случае исключения.

Казачество является одним из наиболее противоречивых этносоциальных образований российской национальной культуры. Множество документально зафиксированных фактов, художественных произведений, мифов транслируют диаметрально противоположные характеристики казачьей культуры в целом и казачьей лингвокультуры в частности.

При очевидном дефиците исследовательских работ в зарубежной научной традиции [казачья лингвокультура активно изучалась, пожалуй, только в литературоведении – см. Beitz 2007, 2009; Meister 1984 и др.] в различных направлениях

отечественного научного знания накоплен значительный теоретический и фактологический материал, представляющий во всевозможных ракурсах разнообразные феномены её формирования и функционирования. Здесь следует выделить классические литературоведческие и искусствоведческие исследования казачьего фольклора [Лабутина 2007, Рудиченко 2005, Филиппова 2007, Щуров 1987, Ярешко 2016]; авторских художественных текстов, в том числе произведений М.А. Шолохова [Блохина 2006, Кононова 2007, Мирошникова 2015, Стюфляева 2004] и В.Г. Короленко [Фолимонов 2004]; лингвокультурологические, этнолингвистические, социоллингвистические и семасиологические исследования донского казачьего диалекта [Костюченкова 2009, Кудряшова 1998 и её ученики – Захарова 2013, Крапивина 2012, Лалаева 2007, Ненькина 2012, Синицына 2010, Шкабара 2012, а также Брысина 2003 и её ученики – Григорьева 2010, Калинина 2008, Морозова 2016, Юрченко 2008], кубанского и ставропольского казачьего диалектов [Ефанова 2001, 2002 и её ученики – Беляева 2010, Кульпин 2010, а также Архипова, Баранова 2020]; лексикографические исследования различных казачьих говоров [Дегтярёв, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003; Кудряшова 2011; Митров 1929, Ремчуков 2015]; лингвоисторические исследования топонимики [Самовтор 2008] и др.

В современной отечественной научной традиции исследования казачьей лингвокультуры как системы [например, Рунаев 2011, Щуров 1987] противопоставляются работам, представляющим её отдельные локальные составляющие, в том числе кубанского [Самовтор 2008, Саркисян 2009], оренбургского [Ганин 2006] и донского казачьего говоров [Бахвалова 2009; Дегтярёв, Кудряшова, Проценко, Сердюкова 2003, Капля 2011, Костюченкова 2009, Ремчуков 2007, Рудиченко 2005, Рыблова 2009, Стопченко 2012 и др.].

Результаты изучения казачьей лингвокультуры, полученные представителями различных направлений лингвистического знания, активно подкрепляются социокультурным анализом отдельных видов деятельности (в том числе речевой) разнообразных казачьих сообществ [Ганин 2006; Рыблова 2009, Саркисян 2009]; историко-культурологическим анализом казачьего фольклора

[Бахвалова 2009; Венков 2008; Капля 2011; Рунаев 2011, Смирнова 2012, Стопченко 2012, Щуров 1987].

Общим местом в исследованиях казачьей лингвокультуры последних лет является проблема интерпретации конвенционально и индивидуально маркированных речевых проявлений (в самом широком смысле – от отдельных диалектных единиц, актуализированных в устной речи, до субнациональной картины мира, имплицированной в устном и письменном творчестве казачества) как некой кумулятивной базы информации о культурной и языковой самоидентификации казачьего субэтноса и отдельных субъектов, образующих его.

Представляется, что при несомненном многообразии и разносторонности современных исследований данная проблема до сих пор остаётся нерешённой, прежде всего, ввиду отсутствия работ, экстраполирующих вербальное отображение окружающего мира носителем / носителями казачьей лингвокультуры на его / их объектно и субъектно маркированный лингвистический и экстралингвистический опыт. При этом активно развивающееся в последние десятилетия лингвопрагматическое направление, обладающее несомненным инновационным потенциалом изучения конвенционально и индивидуально обусловленных особенностей речевого поведения представителей различных социальных образований, несомненно, могло бы стимулировать формирование новых знаний в данной проблемной области. Лингвистическая прагматика должна заполнить теоретические лакуны в отношении уникальной структуры субъектно-маркированной категоризации отображаемого носителями казачьей лингвокультуры, в том числе раскрывая особенности актуализации ими субъектно маркированных компонентов значений, восходящих к экспликации субъектно-маркированных референций.

Мы обратились к изучению казачьей лингвокультуры с позиций интегративно-сопоставительного подхода с доминирующим лингвопрагматическим вектором как к уникальному материалу для анализа категоризации отображаемой действительности, охватывающему широкий круг индивидуально и социально детерминированных схем коммуникации конкретного субэтноса (казачества) и его представителей.

Изначально мы планировали ограничиться одним текстовым жанром. В качестве основного материала исследования предполагалось использовать эпистолярные казачьи тексты начала XX века как варианты вербальной формы объективизации содержания сознания носителей казачьей лингвокультуры (зафиксированные письменно, но приближенные к устной речи). Однако в ходе исследования мы фактически вышли как за рамки начала XX века вплоть до современности (отрабатывая прагматические маркеры различных уровней языка / речи, например, проводя анкетирование информантов на предмет уточнения прагматической информации, зафиксированной в слове и актуализированной в конкретном тексте), так и за рамки собственно казачьей лингвокультуры (к примеру, сопоставляя возможности интерпретации прагматической информации носителями и не носителями русского литературного языка (немцами), носителями казачьего субдиалекта и одновременно носителями русского литературного языка).

Привлечённый материал потребовал осуществления дополнительных операций в интерпретации его прагматического наполнения (экспериментов, опросов респондентов, работы с архивами) и рассмотрения текстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка.

В результате комплексное исследование вербальной объективизации субъективной информации (с включением максимально возможного объёма релевантных признаков) объединило значительный объём различающихся в функционально-стилевом и коммуникативно-прагматическом отношении текстов, собранных в серии лингвопрагматических опросов и экспериментов, с подробной интерпретацией количественных данных.

В качестве **материала** в исследовании были использованы:

- лексикографические источники – словари Г.В. Губарева [Губарев 2020], Р.И. Кудряшовой [Кудряшова 2011], А.В. Митрова [Митров 1929], В.П. Ремчукова [Ремчуков 2015] и др.,
- письма казаков А.И. Дутова [Дутов 2006, 2011], П.Н. Краснова [Краснов 2009, 2010, 2021], А.С. Лукомского [Лукомский 1922, 2001, 2011, 2012] и М.А. Шолохова [Шолохов 2003], в том числе переводы некоторых казачьих

писем на немецкий язык [Scholochow 2014, а также материалы лаборатории корпусной лингвистики института славистики Лейпцигского университета, <http://wortschatz.uni-leipzig.de/>, 2021];

- архивные документы (письма, дневниковые записи) казаков;
- тексты авторов, не являющихся казаками, но написанные от лица казаков и о казаках (например, рассказы И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» [Шмелёв 2001], И.Э. Бабеля «Письмо» [Бабель 2005, Babel 1995]);
- тексты из полных собраний сочинений И.Э. Бабеля [Бабель 2005, 2005 а, 2013], И.С. Шмелёва [Шмелёв 2001] и М.А. Шолохова [Шолохов 2003];
- тексты казачьей лингвокультуры неперсонифицированных авторов (казачьи песни «Письмо казака со службы» и «Друзья, не бойтесь клеветы!», «Ночь прислонилась к камышу» и др.);
- тексты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка [<http://ruscorpora.ru>, 2022];
- анкеты информантов – потомственных казаков и казачек: жителей г. Таганрога, г. Новочеркасска, с. Покровское, п. Матвеев Курган, сл. Родионово-Несветаевская и др.

В ходе анализа данного материала была составлена обширная картотека (около 30 000) примеров, в которую вошли все зафиксированные речевые и языковые средства (лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные), относящиеся как к русскому литературному языку, так и к его казачьему субварианту. Наименьшую часть составили примеры из немецкого языка.

Общий объём исследовательских измерений Национального корпуса русского языка составил 721 215 единицы.

Казачьи лексические прагматические маркеры были вынесены в отдельную публикацию [Мурашова 2016: 483-656] как наиболее сложный и перспективный для изучения вербальной объективизации субъективной информации материал.

Многократно повторяющаяся актуализация прагматических маркеров-носителей субъектно маркированных компонентов значения в разнородных контекстах продемонстрировала свою системную силу, конденсирующую и эксплицирующую релевантные характеристики казачьей лингвокультуры и её непосредственных носителей.

Являясь неотъемлемой частью русской лингвистической культуры, казачья лингвокультура представляет очевидный научный интерес не только в плане исследования взаимодействия индивидуально и конвенционально детерминированных особенностей речевого поведения её носителей с позиций лингвистической прагматики, но и как ценный лингвокультурологический, лингвосociологический, этнолингвистический и, собственно, лингвистический материал.

Интегративно-сопоставительный подход к изучению текстов казачьей лингвокультуры позволяет через анализ ПККЗ актуализированных отправителем единиц исследовать уникальные алгоритмы вербальной объективизации им объективной и субъективной информации. Это, в свою очередь, способствует определению основных доминант субъективного и конвенционального оценивания представителями казачьей лингвокультуры отображаемых ими фрагментов действительности. Такой подход должен способствовать уточнению сведений о казачьей лингвокультуре в частности и о русской лингвокультуре в целом, накопленных в лингвистике и смежных областях научного знания (в литературоведении, лингвокультурологии, социолингвистике, теории дискурса, лексикографии и др.), что в полной мере соответствует тенденциям современного антропоцентрически ориентированного научного знания, в фокусе внимания которого всё чаще оказываются различные аспекты объективизации лингвистических и экстралингвистических феноменов в языке.

Выводы по первой главе

В первой главе введена проблема статуса вербальной объективизации субъективной информации на уровне различных компонентов значения языковых / речевых единиц и уточнены теоретико-методологические предпосылки её изучения в историческом ракурсе и в ракурсе современных научных изысканий.

В качестве составляющих теоретико-методологического базиса разрабатываемой проблемы представлены различные научные подходы, в том числе в области философии языка, логического анализа языка, семантики, семиологии, функциональной грамматики, исторической грамматики, теории интертекстуальности, теории речевых актов, теории дискурса, концептуальной лингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, прагматики и в области лингвистической прагматики в особенности.

Сформулирован вывод о наличии общей для всех рассмотренных подходов тенденции гиперболизации отдельных ипостасей существования значения и его составляющих и представления их узкоспециального (в интересах соответствующих научных теорий) описания. На этом фоне в качестве наиболее продуктивного выделен интегративно-сопоставительный подход, учитывающий результаты предыдущих научных изысканий и предлагающий новые пути решения обозначенных в них проблем.

Одним из ключевых звеньев разрабатываемого интегративно-сопоставительного подхода должно стать основанное на принципе диалектического синтеза положений различных областей научного знания лингвопрагматическое направление, в духе которого в представленном исследовании мы стремимся, отказавшись от известного научного редукционизма и отстранившись от многочисленных методологических шаблонов, описать вербальную объективизацию субъективной информации как естественный феномен на основании эмпирического анализа реализованных в коммуникативной среде компонентов значения языковых / речевых единиц.

Глава II. Интегративно-сопоставительный подход к изучению вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения

2.1. Варианты значения: доконтекстное значение языковой единицы и контекстное значение речевой единицы

Рассмотрев в первой главе теоретические предпосылки изучения вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения, мы обозначили интегративно-сопоставительный подход с доминирующим лингвопрагматическим вектором, учитывающий результаты предыдущих научных изысканий, как приоритетное направление исследования. Мы представили также обзор методов и приёмов, являющихся, с нашей точки зрения, наиболее перспективными для анализа указанного феномена. Далее сосредоточим наше внимание на унификации понятия, уточнении отношения к значению языковой или речевой единицы и конкретизации структуры прагматических компонентов значения, объективизирующих субъективную информацию.

Вербальная объективизация информации трактуется нами как выражение сведений о различных фрагментах действительности на уровне языковых и речевых единиц и их значений. В зависимости от содержания представляемой информации и её отношения к представляющему субъекту вербально объективизированная информация может быть объективной и субъективной. Объективная информация – это переданная средствами языка и речи совокупность сведений о фактах действительности, содержание которых транслируется вне зависимости от воли или желания коммуницирующего субъекта. Субъективная информация – это совокупность сведений о фактах действительности, содержание которых активно интерпретируется отправителем и передаётся получателю через призму внутренних ощущений, пресуппозиций, интенций и речевого опыта отправителя в виде своеобразной индивидуализированной проекции.

Вербальная объективизация объективной и субъективной информации возможна благодаря наличию у единиц языка и речи разнообразных вариантов значений и их компонентов. Проведём дифференциацию вариантов значения с позиций нашего интегративно-сопоставительного подхода.

В широком смысле значение – это информация (знания, сведения об отображаемых фактах), которая транслируется отправителем с помощью разноуровневых единиц языка в условиях потенциальной или заданной коммуникативной ситуации.

Степень привязанности значения к конкретной ситуации коммуникации позволяет выделить два варианта существования значения: доконтекстное и контекстное. Наибольшей степенью привязанности к условиям коммуникативной ситуации отличается последний вариант существования значения – контекстное значение.

Доконтекстное значение языковой единицы представляет собой виртуальное образование, соответствующее развёрнутому объективизированному толкованию отдельного фрагмента действительности. Такой вид значения аккумулируется в толковых и специальных словарях в виде специальной статьи, текста, разъясняющего информацию, которая передаётся конкретной языковой единицей, и описывающего основные характеристики данной единицы, в том числе возможности её комбинирования с другими единицами языка. В современной прагматике данный вид значения именуется также пропозиционным [например, Publitz 2009: 19, 127, 132] и рассматривается как виртуальное образование, восходящее к абстрактной экспликации потенциальных контекстов. Поясним сказанное на примере.

Пример 1

«КАЗАК, казакá; *мн.* казакѝ, казакóв и допустимо казáки, казáков; *муж.* Потомок военно-крестьянских поселенцев на окраинных землях России (с XV-XVII вв.). Например: *донские казаки; кубанское казаки; игра в казаки-разбойники. К тебе я с Дона послан // От вольных войск, от храбрых атаманов, // От казаков верховых и низовых, // Узреть твои царёвы ясны очи.* А.С. Пушкин. Борис Годунов. *Мелькают мимо будки, бабы, // ...Купцы, лачужки, мужики, // Бульвары, башни, казаки.* А. С. Пушкин. Евгений

Онегин. *Осенней ночью близ кургана, // В степи глухой у огонька // Сидят одни во мгле тумана // Два запорожских казака.* К.Ф. Рылеев. *Гайдамак. Часто ему серьёзно приходила мысль бросить всё, приписаться в казаки, купить избу, скотину, жениться на казачке.* Л.Н. Толстой. *Казаки. Взводный офицер оставил на опушке леса четырёх казаков со взводным урядником.* М.А. Шолохов. *Тихий Дон. Скачут сотни из-за Терека-реки, // Под копытами дороженька дрожит. // Едут с песней молодые казаки // В Красной Армии республике служить.* А.А. Сурков. *Терская походная. Струилась кровь у городских ворот, // И казаки скакали по Берлину.* С.Н. Марков. *Суворов. || суц. казачка, -и, жен. || прил. казачий, -ья, -ье и казацкий, -ая, -ое» [Скворцов 2009: 308-309].*

В приведённой словарной статье оформляется доконтекстное значение имени существительного «казак» (*Потомок военно-крестьянских поселенцев на окраинных землях России (с XV-XVII вв.)*). Выделение доконтекстного значения становится возможным благодаря анализу содержания, которое транслируют основные взаимодействующие компоненты его внутренней структуры: денотат, референт и сигнификат.

Денотат представляет информацию о множестве однородных фрагментов экстралингвистической реальности, которые могут быть обозначены с помощью актуализованной языковой единицы [Лайонз 2003: 97, Krifka 2007: 20].

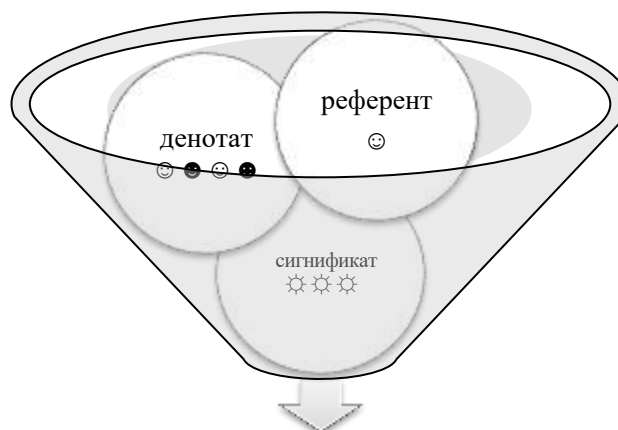
Референт передаёт информацию об отнесенности языкового знака к определённому фрагменту экстралингвистической реальности, обозначаемому отправителем в заданной коммуникативной ситуации [Алефиренко 2005: 318]. Необходимо отметить, что проблема классификации референтов в нашей работе отдельно не разрабатывается. Фрагменты внеязыковой действительности, выступающие референтами актуализированных в речи языковых единиц, разделяются соответственно их онтологической природе. Исходя из того, какого рода фрагмент выступает в качестве референта, мы выделяем индивидуальные референты (когда языковая единица обозначает единичный фрагмент действительности), общие референты (когда указание относится к множеству однотипных фрагментов), а также референты-предикаты (когда называется свойство, на основании которого объединяется множество фрагментов (внутренние) или обозначаются отношения между фрагментами действительности (внешние референты-

предикаты) [ср. Бразговская: 2008: 35]. Границы между различными типами референтов, по нашим наблюдениям, достаточно подвижны, в некоторых случаях трудно определимы. Так, если референт существительного «казак» может быть однозначно отнесён к типу общих, то говоря об отнесенности прилагательного «родная» (например, в следующем контексте: *Родная мне безмерно!* [Шолохов 2003: 13]) к конкретному фрагменту действительности можно иметь в виду субъект «состоящий в прямом (кровном) родстве, а также вообще в родстве и т.д.» (общий референт, внутренний референт-предикат). Представляется, что здесь доконтекстное значение прилагательного *родная* совмещает в себе как идентифицирующие, так и характеризующие компоненты. Признак субъекта «родная» одновременно указывает на него и раскрывает его свойства. С одной стороны, характеристика субъекта «состоящая в прямом (кровном) родстве, а также вообще в родстве и т.д.» является информативной, поскольку идентифицирует заданный субъект в ряду прочих субъектов, выполняя функцию референта, с другой стороны, несомненно, данная характеристика раскрывает свойства субъекта, что также сближает её с сигнификатом.

Сигнификат аккумулирует дополнительную информацию о свойствах обозначаемого единицей языка фрагмента экстралингвистической реальности, а также сообщает об условиях применимости данной единицы в различном контекстном окружении [Кацнельсон 2001: 394, Фрумкина 1983: 70].

В обобщённом виде внутренняя структура доконтекстного значения выглядит следующим образом (см. *Схема 2.1.1*).

Внутренняя структура доконтекстного значения

доконтекстное значение языковой единицы

Контекстное значение проявляется как результат функционирования одного из доконтекстных значений языковой единицы, взаимодействующей с другими единицами текстового ряда.

В семантике под контекстными (актуальными) значениями понимаются значения, проявляющиеся в определённом контексте и относящиеся к области перформативного [Schwarz 2007: 29]. Лингвистическая семантика также соотносит контекстное (актуальное) значение с функциональным употреблением слова, реализующим одну из сторон узуального (системного) значения [Алефиренко 2005: 67]. В прагматике контекстное значение часто именуется контекстуальным (kontextuell) и трактуется как значение, идентифицированное получателем в процессе коммуникации [см., например, Bublitz 2009: 132].

Речевая реализация языковой единицы является основным условием изменения её статуса и перехода на качественно новый уровень – уровень речевой единицы. Соответственно, далее имеет смысл говорить уже о контекстном значении именно речевой единицы.

Рассмотрим контекстное значение речевой единицы «казак» в отрывке письма М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 25 августа 1928 г.

Пример 2

«О хлебе: идут дожди, мешают уборке, пшеница прорастает в копнах. Настроение у **казаков** – отчаянное. Добрый урожай, а взять – не возьмёшь» [Шолохов 2003: 26].

Доконтекстное значение существительного «казак» (*потомок военно-крестьянских поселенцев на окраинных землях России (с XV-XVII вв.)*) уточняется во взаимодействии с другими речевыми единицами письма до: *уроженец, житель бывшей войсковой области войска Донского (сейчас – Ростовская область)*. Из контекста письма ясно, что М.А. Шолохов пишет о казаках станицы Вёшенская.

Проанализируем ещё один отрывок.

Пример 3

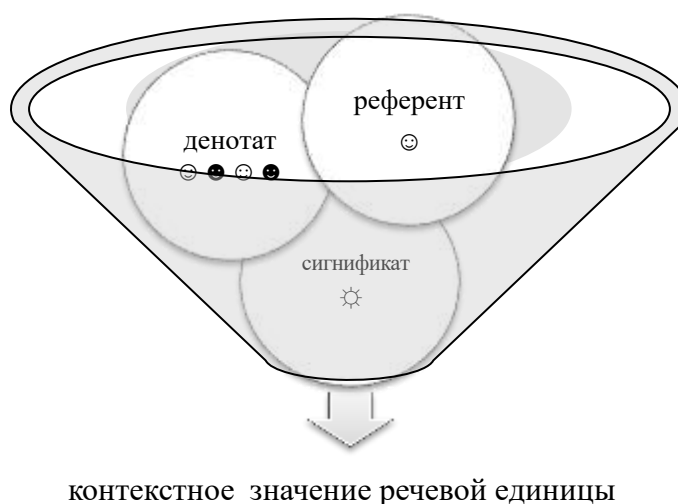
«Но некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю ч., обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления **казаков** Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию...» [Шолохов 2003: 68].

В этом отрывке письма от 6 июня 1931 г. М.А. Шолохов, обращаясь к А.М. Горькому, максимально конкретизирует доконтекстное значение существительного *казак*, актуализируя его в связке с несогласованным определением (*казаков (каких?) Верхнего Дона*).

В обобщённом виде внутреннюю структуру контекстного значения речевой единицы можно представить следующим образом (Схема 2.1.2.).

Схема 2.1.2.

Компоненты внутренней структуры контекстного значения

Внутреннюю структуру контекстного значения, так же как и внутреннюю структуру доконтекстного значения, образуют три элемента: денотат, референт и сигнификат. Главное её отличие от внутренней структуры доконтекстного

значения представляет содержание сигнификата, ограниченное конкретным примером актуализации речевой единицы в текстовом окружении.

Контекстное значение речевой единицы в силу своей привязанности к коммуникативной ситуации и её составляющим, прежде всего, к отправителю, может наряду с объективной информацией о фрагментах отображаемой действительности представлять и субъективную информацию. Субъективная информация передаётся с помощью прагматических компонентов контекстного значения (ПККЗ).

ПККЗ речевой единицы опосредуют референциональные интенции отправителя и визуализируют его уникальное индивидуально и конвенционально обусловленное отношение к отображаемым фрагментам экстралингвистической реальности. Речевая единица (носитель ПККЗ) в контексте конкретной коммуникативной ситуации находится в непосредственном взаимодействии с маркером, указывающим на отправителя (с именем существительным, называющим пассивный субъект вербальной интеракции; с личным или притяжательным местоимением 1-го лица ед. числа, глаголом в 1-м лице ед. числа и т.п.).

Внутренняя структура ПККЗ (сочетание денотата, референта и сигнификата) дополняется эмотивно и конативно окрашенными субкомпонентами. Например, в следующем отрывке анкеты активный коммуницирующий субъект (респондент А.Т. из слободы Родионово-Несветаевская), актуализируя имя существительное «казак» (вне сочетания и в сочетании с отрицательной частицей *не*) и однокоренное прилагательное *казакий* (*казак, казакий, не казак*), не только обозначает не желательную для него в данный момент времени родовую принадлежность получателя высказывания (*Микиты*) к казачеству (см. выше доконтекстное значение имени существительного *казак*), но и выражает собственное отрицательно окрашенное эмоциональное и аксиологическое отношение к получателю, в том числе к его безответственному поведению.

Пример 4

«Знаешь, что я тебе скажу, Микита! Дед *твой* был **казак**, отец *твой* – **сын казакий**, а ты – **не казак**, ты, **белиндряс**, ты – **хвост собачий!** (респондент А.Т. из слободы Родионово-Несветаевская).

Отрицательно окрашенное отношение к получателю выражается отправителем посредством введения в контекст субдиалектного имени существительного (*белиндрыс* 1. пустослов, 2. выдумщик), а также идиоматического сочетания (*хвост собачий*); эмоциональность выражена с помощью того же идиоматического сочетания и двух восклицательных предложений. Указание на активный коммуницирующий субъект (А.Т.) осуществляется с помощью специального маркера – личного местоимения 1-го лица ед. числа в им. падеже (*я*). Отправитель активно вовлекает получателя в ситуацию коммуникации, многократно обращаясь к нему. Получатель обозначается отправителем с помощью личного местоимения 2-го лица в дат. падеже (*тебе*); а также с помощью обращения, выраженного именем собственным (*Микита*); притяжательного местоимения 2-го лица в им. падеже (*твой*); личного местоимения 2-го лица в им. падеже (*ты*).

Отообразим внутреннюю структуру ПККЗ на схеме.

Схема 2.1.3.

Эмотивно окрашенные субкомпоненты ПККЗ специализируются на выражении направленности действий отправителя на потенциального получателя, конативно окрашенные субкомпоненты ПККЗ эксплицируют индивидуальные и конвенциональные пресуппозиции и интенции отправителя текста.

За счет эмотивно и конативно ориентированных составляющих ПККЗ могут транслировать дополнительные компоненты субъектно маркированного содержания [ср. Матвеева 1999: 47-48]. Отообразим их на схеме.

**Сочетание эмотивно и конативно окрашенных прагматических
субкомпонентов контекстного значения**

Конативно ориентированные прагматические субкомпоненты контекстного значения
• представление позитивного / негативного отношения субъекта к отображаемым фактам действительности • акцентирование отправителем определённых элементов высказывания • учет отправителем прагматических ожиданий и сообщение получателю достаточного или избыточного объема информации
Эмотивно ориентированные прагматические субкомпоненты контекстного значения
• участие / неучастие коммуниканта в речевом событии • уверенное / неуверенное речевое поведение отправителя текста • оценивание отправителем речевого события как реального / нереального

Как эмотивные, так и конативные субкомпоненты ПККЗ способствуют реализации общего свойства их носителей (актуализированных речевых единиц) – существовать в непрерывном взаимодействии друг с другом и с другими единицами и системами как языковыми, так и внеязыковыми. Данное свойство взаимодействующих речевых единиц способствует образованию так называемого прагматического фона на уровне отдельного высказывания, конкретной коммуникативной ситуации и вербальной интеракции в целом.

Доконтекстные значения языковых единиц раскрывают себя как инварианты по отношению к контекстным значениям и их прагматическим компонентам, которые, в свою очередь, можно представить в качестве вариантов реализации упомянутых инвариантов в контекстах заданных коммуникативных ситуаций.

Сочетание доконтекстного и контекстного вариантов существования значения (с учётом их составляющих, в том числе прагматических) соотносимо с моделью мыслительного содержания, отражающей в конкретный момент познания исчерпывающую совокупность признаков заданной категории фрагментов экстралингвистической реальности.

Отметим, что наряду с разрабатываемым интегративным подходом к определению прагматических компонентов контекстного значения в современной лингвистической традиции присутствуют также другие подходы к определению прагматического значения (Н.Д. Арутюнова, М. Шварц), слоя (И.М. Кобозева), компонента значения (М.В. Никитин), высвечивающие его отдельные характеристики. Так, в трудах Н.Д. Арутюновой прагматическое значение приравнивается к значениям шифтерного типа [Арутюнова 1988: 83, ср. Есперсен 2006: 18] ввиду привязанности его интерпретации к конкретным условиям реализации речевой единицы. В работах И.М. Кобозевой выделяется прагматический слой значения, передающий информацию об отношении говорящего к объекту или субъекту, который обозначается словом, и представляющий сведения о том, какие речевые действия осуществимы посредством данного слова [Кобозева 2000: 87]. М. Шварц исходит из обусловленности прагматического значения намерениями говорящего и сопоставляет их с импликатурами [Schwarz 2007: 30]. М.В. Никитиным прагматический компонент значения определяется как компонент, сообщающий дополнительные сведения о субъективном отношении говорящего к определённым фактам, и противопоставляется когнитивному компоненту значения, имплицитующему данный факт с помощью средств языка [Никитин 2007: 28, 46].

Интегративно-сопоставительный подход позволяет рассматривать приведённые определения в качестве теоретического базиса и стремиться к созданию системной концепции в изучении ПККЗ.

С позиций интегративно-сопоставительного подхода мы выделяем доконтекстные и контекстные варианты существования значения и в их структуре ПККЗ как одну из составляющих широкого феномена значения. Изучение внутренней структуры ПККЗ позволяет представить доконтекстное значение языковой единицы как инвариант, а контекстное значение и его прагматические компоненты как вариант речевой реализации конкретного инварианта. Такое заключение предполагает дальнейшее уточнение понятия и дифференциацию ПККЗ, а также сопоставление понятий ПККЗ и прагматических компонентов смысла. Подробнее об этом в следующем параграфе.

2.2. Прагматический компонент контекстного значения и прагматический компонент смысла

В нашем исследовании мы рассматриваем ПККЗ речевой единицы как зависимые от условий конкретной коммуникативной ситуации элементы содержания актуализированной речевой единицы, представляющие различные нюансы субъективной интерпретации отправителем отображаемого им фрагмента действительности.

В научной традиции определение «прагматический» часто применяется по отношению к определяемым «значение» и «смысл». Поскольку не существует единообразного подхода к их дифференциации, необходимо обозначить нашу позицию к трактовке понятий «прагматический компонент контекстного значения» и «прагматический компонент смысла», учитывая классические и современные труды лингвистов и представителей смежных научных направлений.

Одним из первых о необходимости разделения понятий «значение» и «смысл» написал Г. Фреге [Frege 2008: 44]. Значение имени (в определениях Г. Фреге – денотат) представлено в трудах учёного как некая предметная область, соотносимая с именем. Смысл же (сигнификат) трактуется как определенный аспект рассмотрения этой предметной области, экстраполирующий информационное содержание имени.

А.Р. Лурия также разводит данные понятия, противопоставляя значение смыслу как языковой элемент, репрезентирующий стабильную систему объективных связей, коммуникативной единице, основанной на пересечении различного рода вербализируемых субъективных связей в пределах конкретной речевой ситуации [Лурия 2019: 55-56].

Схожее противопоставление находим в трудах А.Н. Леонтьева, где значение анализируется как обобщённая форма отражения действительности, а смысл как индивидуальная форма такого отражения [Леонтьев 2020: 290], за счёт чего смысл получает уточняющее определение «личный».

Кардинально отличную от определения А.Н. Леонтьева трактовку смыслового значения даёт С.Д. Кацнельсон. Им смысловое значение трактуется в качестве совокупности ряда потенциальных значений, из которых только одно приобретает качество реализованности в конкретном тексте [Кацнельсон 2011: 40, 53]. Смысл соотносится лингвистом с феноменами пресуппозиции и постсуппозиции [Кацнельсон 2001: 627]. Это позволяет перенести смысл в зону потенциальных условий фрагмента действительности, который обозначается с помощью слова. Согласно определению С.Д. Кацнельсона, смысловое значение слова носит вероятностный невыраженный характер.

В исследованиях Э. Косериу смысл определяется как часть семантического содержания, которая реализуется лингвистическими и экстралингвистическими средствами и непосредственно связана с основной функцией текста. Эта часть сравнивается со значением как с содержанием, которое создается и функционирует в языке благодаря существующим в нём грамматическим и словарным оппозициям [Косериу 1989: 64-65].

Свое противопоставление значения и смысла описывает Н.Д. Арутюнова. Исходя из свойств денотата и сигнификата, она, с одной стороны, выделяет денотирующую функцию значения, с другой стороны, – абстрактно-понятийное содержание сигнификата, сообщаемое смыслом [Арутюнова 2007: 10-11].

М.В. Никитин пишет об универсальных спонтанно сложившихся противопоставлениях в содержании значения и смысла [Никитин 2007: 338-340]. В работах М.В. Никитина значение рассматривается как стабильное конвенциональное, а смысл – динамичное индивидуальное содержание знака [Никитин 2007: 65].

А.В. Бондарко проводит разделение значения и смысла путём отождествления первого с содержанием категорий и единиц языка; второго – с содержанием, не связанным с языковой формой [Бондарко 1998: 53].

В исследованиях Дж. Лайонза смысл выделяется как часть значения, базирующаяся на содержательных отношениях данного и других выражений языка, как направляющая референционального диапазона обозначающих выражений [Лайонз 2003: 95, 310].

Е.В. Падучева исследует смысл лексемы в качестве варианта её исходного значения [Падучева 2004: 18]. К элементарным составляющим смысла языковед относит компоненты толкования, принадлежащие к семантическому ядру [Падучева 2004: 35] и уточняемые интерпретациями разного рода [Падучева 2004: 114].

И.А. Стернину принадлежит противопоставление значения слова как ментальной единицы, вычленяемой в языковом сознании [Стернин 2006: 171], смыслу, обусловленному контекстом [Стернин 2015 а: 218].

Исследуя психологические и социальные детерминанты формирования языкового сознания в онтогенезе, представители психолингвистики определяют значение и смысл как две образующие сознания, находящиеся в постоянном развитии. Значение – благодаря присвоению личностью содержания, существующего в общественном сознании, смысл – за счет надстройки над этим содержанием индивидуального опыта личности [Уфимцева 2011: 5].

В работах Н.Ф. Алефиренко разграничение значения и смысла строится на определении значения как исторически и социально закреплённой константы воспроизведения языкового знания [Алефиренко 2005: 30]. Речевой смысл трактуется в его трудах как индивидуально ориентированная переменная данного знания в представлении участников коммуникации [Алефиренко 2005: 82-83, 86].

Е.Ю. Ильинова представляет смысл слова в качестве контекстуальной актуализации системно зафиксированного значения [Ильинова 2013: 40, 42], уделяя особое внимание одному из его проявлений – эстетическому смыслу. Под последним понимается результат чувственного познания, отображающий в художественной форме особенности ценностных отношений между реальной действительностью и человеком [Ильинова 2006: 116].

В работах И.М. Кобозевой значение соотносится с инвариантной, закреплённой за языковой единицей в сознании носителей языка информацией, смысл – с информацией, варьирующейся в зависимости от характеристик коммуникантов и реализующейся при актуальном употреблении языковой единицы в речи [Кобозева 2000: 357; 2000 а: 6, 12-13]. Противопоставляя значение и смысл, И.М. Кобозева разграничивает узкую и широкую концепции семантики,

ориентирующиеся, соответственно, на исследование значения единиц языка и выражений, построенных из них, и анализ смысла выражений, учитывающий конкретные условия их употребления.

А.А. Пелипенко трактует смысл как значение, которое переживается субъектом ценностно и экзистенциально и актуализируется с учётом специфики определённой национальной культуры [Пелипенко 2001: 22].

З.Х. Бижева разделяет понятия значения и смысла, рассматривая проблему культурного концепта, как исторически сложившейся системы вербализованных символических образов понятия, которые отражают ментальное представление носителей языка об объектах действительности и определяются системой традиций соответствующей культуры [Бижева 2014: 110]. Значение соотносится учёным со словом, смысл с понятием, вместе же значение слова и смысл понятия анализируются как составляющие своеобразного силового поля в котором формируется и функционирует концепт [Бижева, Шарданова 2009: 200].

И.Г. Жирова разводит понятия значения и смысла и их подвидов в зависимости от наличия или отсутствия контекстуальной привязанности. Лексическое значение слова, в концепции учёного, доконтекстуально, семантическое – закреплено в предложении, контекстуальное прагматическое значение – в высказывании [Жирова 2016: 113]. Смысл, имеющий речевую природу, субъективно обусловлен и восходит к парадигматическим и синтагматическим корреляциям единиц.

Похожую концепцию мы находим в работах И.В. Архиповой и А.Ю. Барановой, которые изучая роль синтаксиса в понимании и интерпретации речи, проводят разграничение понятий «значение» и «смысл» по основанию потенциальной и конкретной текстовой реализации содержания языкового знака [Архипова, Баранова 2021: 26]. Последовательно доказывая, что, с одной стороны, одно и то же значение может быть представлено с помощью различных синтаксических конструкций, с другой стороны, одна синтаксическая конструкция в разных контекстах может актуализировать разные смыслы [Архипова, Баранова 2021: 27-28], учёные связывают абстрактность значения и конкретность смысла с проявлением универсального закона языковой асимметрии.

В нашей работе мы исследуем значение и смысл в качестве разных ипостасей существования одного и того же феномена. И значение, и смысл передают определённую совокупность сведений об отображаемых отправителем фрагментах действительности. При этом доконтекстное значение языковой единицы, не связанное условиями конкретной коммуникативной ситуации, рассматривается нами как инвариант по отношению к контекстному значению речевой единицы, строго ограниченному коммуникативной ситуацией.

Понятия «контекстное значение речевой единицы» и «смысл речевой единицы» в этом ракурсе выступают как взаимозаменяемые синонимы. Соответственно, говоря о субъектно маркированном значении на уровне речевого выражения, мы используем терминологические сочетания «прагматический компонент контекстного значения (ПККЗ)» и «прагматический компонент смысла» как синонимичные.

Ранее, анализируя внутреннюю структуру ПККЗ, мы представили её как сочетание эмотивно и конативно окрашенных субкомпонентов (*Схема 2.1.4*). Рассматривая контекстное значение (включая его прагматические компоненты) как ситуативно зависимый вариант реализации доконтекстного значения, необходимо учитывать сочетание индивидуально и конвенционально (надындивидуально) обусловленных особенностей вербализации информации об отображаемых отправителем фрагментах действительности, которые, как нам представляется, логично отнести к внешней структуре ПККЗ (*Схема 2.2.1*).

Схема 2.2.1.

Внешняя структура ПККЗ

В индивидуально детерминированных субкомпонентах ПККЗ визуализируется информация, представляющая субъективные ценностные ориентации отправителя, уникальную систему его морально-этических норм, его личностные приоритеты, установки, переживания, ощущения. Конвенционально детерминированные субкомпоненты ПККЗ эксплицируют информацию об усвоенных отправителем эталонах морали; о принятых в рамках определённой социальной группы ценностях, об установках, о приоритетах [см. подробнее Горло (Мурашова) 2013: 32].

Индивидуально и конвенционально детерминированные субкомпоненты ПККЗ в пределах конкретной коммуникативной ситуации авторизуют прагматические составляющие, уточняя уникальные свойства речевого поведения отправителя как отдельной языковой личности и как представителя определённого лингвокультурного сообщества.

Поскольку индивидуально-личностные и социально усвоенные свойства отправителя не являются стабильными, неизменяющимися, замкнутыми на себе системами, то отражающие их сочетания субкомпонентов ПККЗ также являются нестабильными, постоянно изменяющимися образованиями. Это позволяет экстраполировать вывод о нестабильности значения [Kristeva 1972] относительно исследуемых ПККЗ.

Отметим, что в качестве средств реализации нестабильных ПККЗ мы рассматриваем актуализованные отправителем единицы различных уровней. Разноформатность средств реализации ПККЗ затрудняет их интерпретацию. На преодоление трудностей, связанных с интерпретацией актуализованных ПККЗ, направлены представляемые в нашем исследовании приёмы авторского интегративно-сопоставительного подхода. Один из таких приёмов проиллюстрируем в следующем разделе нашей работы.

2.3. Эмпирический анализ прагматических компонентов контекстного значения (ПККЗ)

Вербальная объективизация информации на уровне значения языковой / речевой единицы, отличаясь значительной сложностью ввиду специфических взаимоотношений эксплицитных и имплицитных элементов индивидуально и конвенционально маркированного восприятия и коммуникативной деятельности человека, со времён античности находится в центре внимания различных научных направлений, как лингвистических, так и нелингвистических.

В нашем исследовании в соответствии с уровнем привязанности значения к заданной коммуникативной ситуации мы выделяем доконтекстное значение языковой единицы и контекстное значение (смысл) речевой единицы.

В системе контекстного значения, актуализирующегося как результат функционирования одного из сопоставляемых доконтекстных значений языковой единицы, мы вычленяем прагматические компоненты. Прагматические компоненты значения трактуются как элементы контекстного значения речевой единицы, выражающие субъективное индивидуально и конвенционально обусловленное позиционирование отправителя по отношению к отображаемым им фрагментам действительности.

Такой подход предполагает включение в исследовательское поле пресуппозиций (как имплицитных предпосылок реализации ПККЗ) и интенций (представляющих собой эмоционально или нейтрально окрашенные коммуникативные намерения) отправителя. Изучение нюансов конвенционально обусловленного позиционирования субъекта строится с учётом феноменов социально маркированного использования им речевых знаков. Учёт индивидуально и конвенционально обусловленных нюансов вербального позиционирования, экстраполируемых ПККЗ, обуславливает необходимость внедрения новых методов и приёмов анализа.

Представленное исследование должно стать отправной точкой в разработке алгоритма новой концепции анализа контекстного значения и его

прагматических компонентов. Для решения данной задачи необходимо апробировать уже известные приёмы анализа (в первую очередь приёмы объективного и перлокутивного прагмалингвистических экспериментов) с целью выявления и первичной интерпретации ПККЗ; раскрыть наиболее и наименее эффективные стороны данных приёмов, дополнить их новыми и далее с их помощью уточнить нюансы актуализации ПККЗ; установить их категориальные свойства, представить чёткую иерархию типов ПККЗ; классифицировать полученные данные, синтезировать прикладную модель ПККЗ, представить теоретическое и методологическое обоснование нового подхода к их изучению.

На первом этапе разработки новой концепции анализа контекстного значения и его прагматических компонентов нам было необходимо экспериментально доказать возможность выявления и первичной интерпретации ПККЗ представителями различных лингвосоциальных образований и далее вывести тестовую иерархию типов ПККЗ.

Рассмотрим материал, минимальную единицу анализа, ход и результаты означенного этапа подробнее.

В данной части нашего исследования были проанализированы письма А.И. Дутова [Дутов 2006, 2011], П.Н. Краснова [Краснов 2009, 2010, 2021], А.С. Лукомского [Лукомский 1922, 2001, 2011, 2012], М.А. Шолохова [Шолохов 2003] и переводы этих писем на немецкий язык [Scholochow 2014, а также материалы лаборатории корпусной лингвистики института славистики Лейпцигского университета, <http://wortschatz.uni-leipzig.de/>, 2021]. Переводы писем (всегда в сопоставлении с текстами оригиналов) привлекались с целью выявления влияния социально обусловленных экстралингвистических факторов (здесь принадлежности к конкретной языковой группе – русской или немецкой) на возможность интерпретации ПККЗ ядерной группы.

Для выделения различных компонентов значений в лингвопрагматической практике часто используется методика сопоставления исходных и переводных письменных текстов [например, Матвеева, Бутусова, Ломова, Моисеенко, Одарюк, Чигридова 2007: 23-37]. Переводчик текста помимо информационной,

стилистической и других составляющих должен корректно передать и прагматическую составляющую исходного текста средствами иного языка с учётом пресуппозитивных, ситуативных и нормативных условий речевого общения. Это может быть сделано успешно или неуспешно в зависимости от индивидуального речевого опыта переводчика. Но неизбежно с наложением так называемого «фонового шума», обусловленного исторической, социокультурной и индивидуально-личностной парадигмой переводчика. Изучение фонового шума позволяет обнаружить отличия в актуализации субъектно-маркированных компонентов значений автором исходного текста (в нашем случае – казаком) и переводчиком (представителем другого этноса, в нашем случае – носителем немецкого языка).

Анализируемые тексты были разбиты на актуализированные синтаксические группы (АСГ), каждой АСГ присвоен соответствующий порядковый номер.

Выделение АСГ в отдельную исследовательскую единицу проводилось при наличии у неё трёх обязательных качеств: 1) актуализированности, т.е. соответствия факту объективизации посредством набора взаимосвязанных речевых единиц в конкретном текстовом окружении; 2) предикативности, заключающейся в реализованной в ней способности предикаторов (во-первых, глаголов [Карнап 2000: 27, 25; Busse 2009: 116-118], во-вторых, существительных и прилагательных [Busse 2009: 118, 120]) идентифицировать свойства обозначаемых отправителем предметов, и 3) модальности [Матвеева 2004: 128], восходящей к способности входящих в её состав единиц репрезентировать отношение отправителя к конкретной речевой ситуации в целом или к отдельному её компоненту.

Поскольку актуализированность представляется нам ведущим свойством АСГ, здесь и далее мы будем оперировать именно таким её названием – АСГ [ср. Школа скрытой прагмалингвистики Г.Г. Матвеевой – малая синтаксическая группа (МСГ), Матвеева 1999: 15; Матвеева 2004: 128-129], имея ввиду, что рассматриваемые нами актуализированные предикативно-модальные единицы могут отличаться различным объёмом и наполняемостью. В тексте АСГ могут быть реализованы в виде простого, части сложносочинённого или сложноподчинённого предложения, обращения, слова-предложения «да» или «нет», вводного

слова или конструкции, инфинитивной группы, причастного или деепричастного оборота [ср. Матвеева 1999: 15, 55-56, 76-77], эллиптического предложения или однородного члена предложения, восстанавливаемого с учётом контекстного окружения в отдельную модально-предикативную единицу [Матвеева 2004: 128-129] и обособленного междометья.

Проиллюстрируем данный шаг эксперимента на примере отрывка письма М.А. Шолохова от 9 ноября 1924 г.

Пример 5

«Милая моя и родная Марусёнок!

Сию в ожидании доброй погоды в слободе Ольховый Рог (в 25 верстах от Миллерово) в комнате достаточно теплой и хочу написать тебе подробнейшее письмо» [Шолохов 2003: 10].

Таблица 2.3.1.

Сегментированный отрывок письма М.А. Шолохова от 9 ноября 1924 г.

№	АСГ	Синтаксическая функция АСГ
1.	Милая моя	обращение
2.	и родная Марусёнок!	однородное определение в составе обращения, восстанавливаемое до самостоятельной АСГ
3.	Сию в ожидании доброй погоды в слободе Ольховый Рог в комнате достаточно теплой	простое повествовательное предложение с неоднородными обстоятельствами места, представляющими разные координаты (в слободе, в комнате)
4.	↑ (в 25 верстах от Миллерово) ↑	уточняющее однородное обстоятельство места, часть простого повествовательного предложения
5.	и хочу написать тебе подробнейшее письмо.	часть простого повествовательного предложения, включающая однородное сказуемое и восстанавливаемая до самостоятельной АСГ

Содержание ПККЗ в пределах конкретного коммуникативного окружения является результатом актуализации определённых референциональных интенций субъекта-отправителя. Следовательно, проанализировав актуализированные отправителем интенции с учётом исходных и конечных характеристик коммуникативной ситуации, в которых они локализованы, можно определить и тип прагматического компонента значения. Отметим критерии определения типов ПККЗ в таблице.

Таблица 2.3.2.

Критерии классификации ПККЗ

☺	☹*	☺ / ☹
→	→	→
исходная ситуация (формируется интенция отправителя)	экспликация доминирующего прагматического компонента контекстного значения (интенция актуализуется)	конечная ситуация (интенция отправителя реализована / не реализована)

Исходя из того, что минимальной единицей анализа, в пределах которой можно провести интерпретацию экспликации доминирующего ПККЗ, является АСГ, мы исследовали каждую из выделенных на данном этапе АСГ (всего 3 467) с учётом интенций субъекта-отправителя, исходных и конечных характеристик коммуникативной ситуации. Ориентируясь на результаты анализа, мы определили последовательность репрезентативных тестовых единиц, на основании которой составили следующую описательную классификацию ПККЗ (Таблица 2.3.3.).

Таблица 2.3.3.

Описательная классификация ПККЗ

Тестовое единство	Подкласс тестового единства	Пример	Интенция	Конкретное намерение	Конечная ситуация	Тип ПККЗ
отправитель информирует получателя ...	о том, что устанавливаются отношения определённого типа	«Здравствуйте, дорогая и уважаемая мамуня Евгения Григорьевна! Я известный Вам сын Ваш Михаил Александрович Шолохов пребываю в здравии и благополучии, чего и Вам желаю от господа бога. Шлю Вам , дорогая мамуня Евгения Григорьевна, мое сыновье почтение и с любовью низкий поклон » [Шолохов 2003: 72]. «Спешу ответить, хотя коротко, на Ваше письмо » [Краснов 2021: 262].	представление ситуации контакта	установить контакт	получатель проинформирован о том, что отношения установлены	контактивы

отправитель информирует получателя ...	о том, что изменяются отношения определённого типа	«Как приеду, – напишу , теперь «обет молчания» не действует» [Шолохов 2003: 65]. Отвечая на Ваше письмо от 3 марта, я должен отметить , что короткий ответ на поставленные вопросы дать трудно, а ответить обстоятельно, не имея никаких материалов и за давностью времени – ещё трудней... [Лукомский 2012: 725].	представление ситуации контакта	изменить условия контакта	получатель проинформирован о том, что отношения изменены	контакты
	о том, что прерываются отношения определённого типа	« Пока заканчиваю письмо и прошу принять уверение в совершенном почтении и глубоком уважении» [Дутов 2006: 142].		прервать контакт	получатель проинформирован о том, что отношения прерваны	
	о том, что существует некоторое положение вещей	« Жду весну. Всю жизнь все мы чего-то ждём , да так и умираем , не дождавшись самого главного. А может умирание и есть «самое главное»? [Шолохов 2003: 149]. «Россия умирает . Мы присутствуем при последних её вздохах» [Дутов 2006: 97].	представление некоего положения вещей в мире	передать знания о фактах действительности	получатель проинформирован о том, что существует некое положение вещей	констативы
	о том, что ранее существовало некоторое положение вещей	«Я, при вручении мне булавы, клялся Кругу, что буду стоять на страже интересов Войска» [Дутов 2006: 97]. « В прошлом году потерял бездну времени , выхаживая мною же подраненную стрепетку. ... На дню по три раза ходил за станицу ловить ей кузнецов, к вщему удивлению баб, которые зело недоумевали , видя меня (это женатого-то человека!) за столь детским занятием» [Шолохов 2003: 88].			получатель проинформирован о том, что ранее существовало некое положение вещей	
	о том, что возможно существование некоего положения вещей	« Если я и допишу «Тих<ий> Дон», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат<урной> общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне» [Шолохов 2003: 55].			получатель проинформирован о том, что возможно существование некоего положения вещей	

отправитель информирует получателя ...	о том, что необходимо восполнение дефицита знания	«Где ты, дорогая мать наша? Ты больна или лежишь уже при смерти?!» [Дутов 2006: 97]. «И надо ли мне, и как , доказывать, что мой «Тихий Дон», – мой?» [Шолохов 2003: 52].	представление некоего положения вещей в	восполнить дефицит знания	получатель проинформирован о том, что необходимо восполнение дефицита знания	квестивы
	о своём психическом состоянии	«Мучают меня всяческие поездки, не дают работать, зол я и «истерзан душевно» ... Лето пропало!» [Шолохов 2003: 90]. «Мало пишу по ряду всяких причин и – в связи с этим – чувствую себя убийственно плохо . Работать хочется очень, а не удастся» [Шолохов 2003: 157].	представление субъективных переживаний отправителя	отобразить субъективные переживания	получатель проинформирован о психическом состоянии отправителя	эмотивы
	о своём эмоциональном состоянии	« Горько , т. Сталин! Сердце кровью обливается , когда видишь все это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо лежащих лошадей; когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенный в землю» [Шолохов 2003: 64].	представление субъективных переживаний отправителя	отобразить субъективные переживания	получатель проинформирован об эмоциональном состоянии отправителя	
	о том, что желательно некое положение вещей	« Просил бы Вас войти в связь с генералом Гавриловым, находящимся в Одессе» [Дутов 2006: 153]. «Очень хочется видеть Вас и потолковать с Вами обо всем, обо многом» [Шолохов 2003: 94].	представление субъективных ожиданий	обозначить субъективные ожидания	получатель проинформирован о том, что желательно некое положение вещей	регулятивы
	о том, что нежелательно некое положение вещей	«Надо работать, почему очень прошу меня освободить от длительной беседы , да ещё на политическую, т.-е. совсем мне чуждую, незнакомую и непонятную тему» [Краснов 2010: 165]. «О планах не хочется и говорить , коли ближнее стоит на месте и нет возможности его осуществить» [Шолохов 2003: 151].	представление субъективных ожиданий	обозначить субъективные ожидания	получатель проинформирован о том, что нежелательно некое положение вещей	

отправитель информирует получателя ...	о том, что некое положение вещей оценивается им положительно	« Хорошему слову радуешься ведь, как хорошему человеку» [Шолохов 2003: 150]. «Считаю ту партию лучшей , которая спасёт Россию» [Дутов 2006: 134]. «Мне жизнь каждого жителя и казака одинаково дорога » [Дутов 2006: 134].	представление субъективной оценки	эксплицитировать субъективную оценку	получатель проинформирован о том, что некое положение вещей оценивается отправителем положительно	репрезентативы
	о том, что некое положение вещей оценивается им отрицательно	«Двор у нас пустой и без цветов будет плохо » [Шолохов 2003: 162]. «На пасквили и клевету отвечать противно » [Дутов 2006: 95].			получатель проинформирован о том, что некое положение вещей оценивается отправителем отрицательно	

К последовательности ПККЗ, выделенных по результатам анализа АСГ, относятся контактивы, констативы, квестивы, эмотивы, регулятивы и репрезентативы (всего шесть типов). Определив наполнение каждого из шести типов ПККЗ, мы соотнесли показатели их реализации с количеством АСГ (отдельно для оригиналов писем и их переводов) и получили показатели прагматической плотности исследуемых текстов (Таблица 2.3.4.).

Таблица 2.3.4.

Актуализация ПККЗ в оригиналах и переводах казачьих писем

ПККЗ		Типы прагматических компонентов значений							Разница
		Контактивы	Констативы	Квестивы	Эмотивы	Регулятивы	Репрезентативы	Прагматическая плотность	
Тексты									
Письма А.И. Ду-	Оригинальные тексты (306 АСГ)	36 (11,43%)	184 (58,41%)	5 (1,59%)	6 (1,9%)	2 (0,64%)	82 (26,03%)	315 (100%) → 1,029 на 1 АСГ	0,013 на 1 АСГ

	Переводы (714 АСГ)	34 (10,86%)	186 (59,42%)	4 (1,28%)	5 (1,6%)	3 (0,96%)	81 (25,88%)	313 (100%) → 1,016 на 1 АСГ	
Письма П.Н. Краснова	Оригинальные тексты (408 АСГ)	5 (0,88%)	392 (69,38%)	12 (2,12%)	55 (9,74%)	24 (4,25%)	77 (13,63%)	565 (100%) → 1,385 на 1 АСГ	0,006 на 1 АСГ
	Переводы (402 АСГ)	4 (0,72%)	394 (70,48%)	10 (1,79%)	51 (9,12%)	24 (4,29%)	76 (13,6%)	559 (100%) → 1,391 на 1 АСГ	
Письма А.С. Лукомского	Оригинальные тексты (226 АСГ)	14 (6,09%)	129 (56,09%)	2 (0,87%)	11 (4,78%)	2 (0,87%)	72 (31,3%)	230 (100%) → 1,018 на 1 АСГ	0,018 на 1 АСГ
	Переводы (224 АСГ)	12 (5,33%)	130 (57,78%)	2 (0,89%)	9 (4%)	1 (0,44)	71 (31,56%)	225 (100%) → 1,000 на 1 АСГ	
Письма М.А. Шолохова	Оригинальные тексты (593 АСГ)	12 (1,78%)	482 (71,41%)	19 (2,82%)	68 (10,07%)	21 (3,11%)	73 (10,81%)	675 (100%) → 1,138 на 1 АСГ	0,005 на 1 АСГ
	Переводы (594 АСГ)	12 (1,78%)	484 (71,92%)	18 (2,67%)	67 (9,96%)	20 (2,97%)	72 (10,7%)	673 (100%) → 1,133 на 1 АСГ	

Разница актуализации ПККЗ в оригинальных и переводных текстах минимальна (А.И. Дутов – 0,013, П.Н. Краснов – 0,006, А.С. Лукомский – 0,018; М.А. Шолохов – 0,005 на 1 АСГ). Это наблюдение позволяет констатировать незначительное влияние социально обусловленного экстралингвистического фактора, а именно принадлежности к русской или немецкой лингвокультуре, на средний коэффициент распознавания ПККЗ.

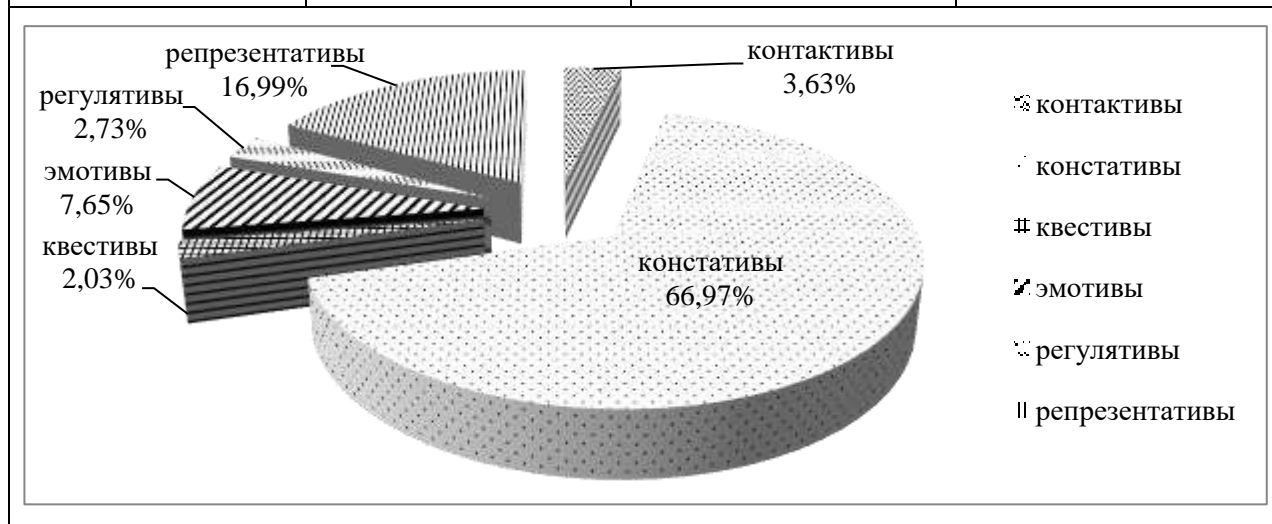
Представим среднестатистические коэффициенты реализации ПККЗ в русско- и немецкоязычных текстах.

Таблица 2.3.5.

Реализация ПККЗ в русско- и немецкоязычных текстах.

Средние показатели

Тип ПККЗ	Оригинальные тексты	Переводы	Средние показатели
Контактивы	16,75 (3,75%)	15,5 (3,5%)	16,125 (3,63%)
Констативы	296,75 (66,5%)	298,5 (67,46%)	297,625 (66,97%)
Квестивы	9,5 (2,13%)	8,5 (1,92%)	9 (2,03%)
Эмотивы	35 (7,84%)	33 (7,46%)	34 (7,65%)
Регулятивы	12,25 (2,75%)	12 (2,71%)	12,125 (2,73%)
Репрезентативы	76 (17,03%)	75 (16,95%)	75,5 (16,99%)
ПККЗ	446,25 (100%)	442,5 (100%)	444,375 (100%)

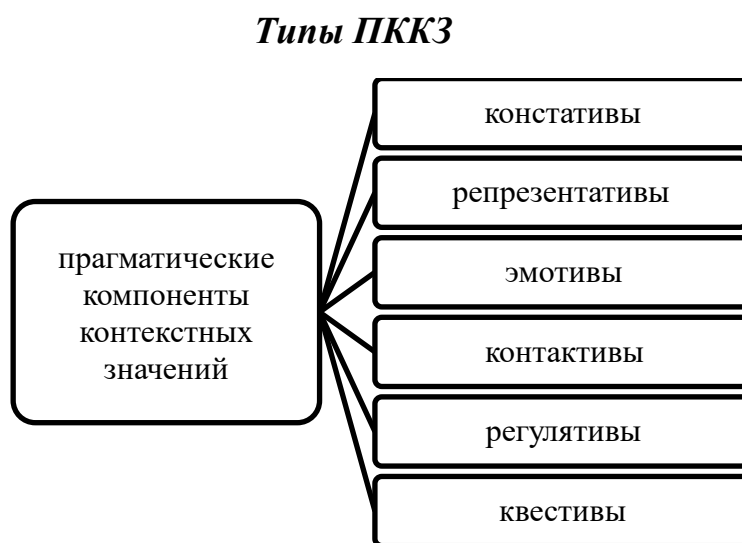

Согласно данным *Таблицы 2.3.5.*, на первом месте в иерархии зафиксированных в ходе составления описательной классификации ПККЗ находятся констативы (66,97%), на втором – репрезентативы (16,99%), на третьем – эмотивы (7,65%), на четвёртом – контактивы (3,63%), на пятом и шестом – регулятивы (2,73%) и квестивы (2,03%).

В ходе эмпирического анализа, ход и результаты которого представлены выше, нам удалось по-новому взглянуть на проблему актуализации контекстного значения, выделив в соответствии с учётом интенций отправителя, а также исходных и конечных составляющих реализованной коммуникативной ситуации

шесть типов ПККЗ. Сформированную иерархию текстовой актуализации выделенных типов отобразим на схеме.

Схема 2.3.6.

В следующих разделах работы апробируем подход к изучению ПККЗ на более широком объёме экспериментального материала. Далее ещё раз обратимся к результатам анализа ПККЗ и сформулируем их категориальные свойства.

2.4. Категориальные свойства ПККЗ

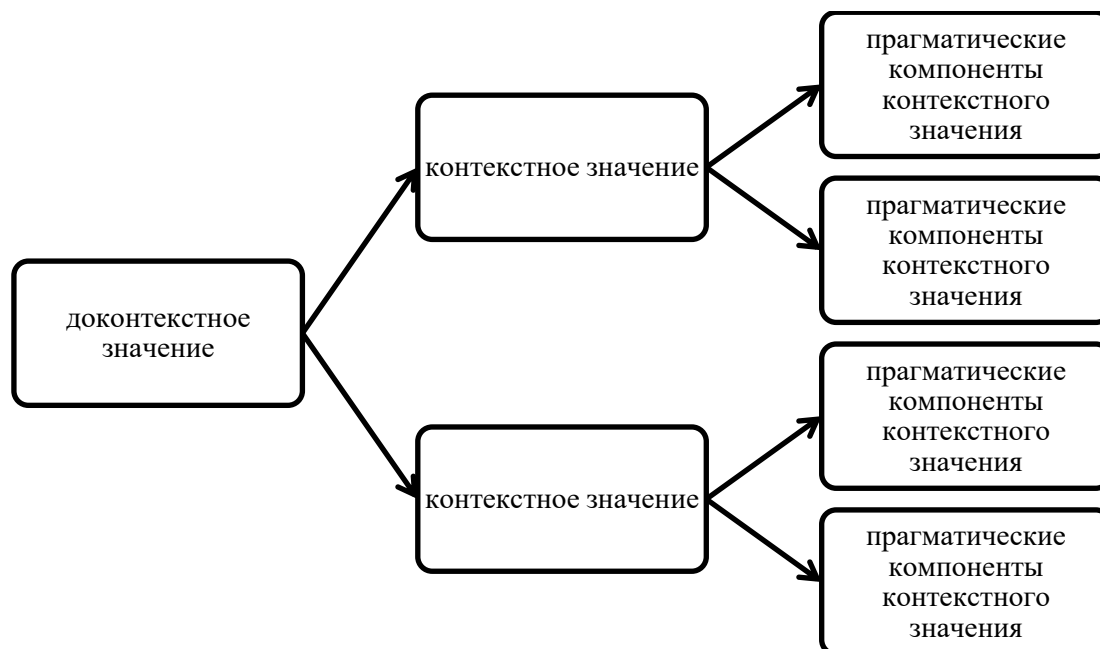
Специфика ПККЗ речевых единиц проявляется в ходе их сопоставления с доконтекстным значением и его компонентами. Такое сопоставление позволяет выявить три уровня языковой / речевой конгруэнтности.

Первый уровень – доконтекстное значения соответствует конвенционально закреплённой норме, вербализирующей унифицированное представление носителя языка об определённой части действительности (субъекте, объекте, действии, свойстве). Второй уровень – контекстное значение соответствует выражению уточнённого представления в условиях заданной коммуникативной ситуации. И третий тип – ПККЗ пропорционально обозначению субъективного отношения отправителя к отображаемому в рамках данного уточнённого представления. Взаимодействие данных уровней делает возможным рассмотрение доконтекстного значения как инварианта по отношению к контекстному значению и

его прагматическим компонентам [ср. Горло (Мурашова) 2013: 24-35]. Отобразим это на диаграмме.

Диаграмма 2.4.1.

Отношения подчинения: доконтекстное и контекстное значения

Обязательным условием существования ПККЗ как составляющих контекстного значения является их привязанность к условиям коммуникативной ситуации. ПККЗ постоянно развиваются и преобразуются в зависимости от того, как развиваются и преобразуются внешние и внутренние условия заданной коммуникативной ситуации, в том числе пресуппозиции отправителя, его интенции и установки; а также пресуппозиции, интенции, установки потенциального получателя и его конвенционально / индивидуально обусловленные реакции на речевые сигналы, актуализованные отправителем. В сопоставлении со стабильным доконтекстным значением, отражающим норму представления унифицированного фрагмента действительности, ПККЗ отличается особой динамичностью.

Динамичность непосредственно связана с селективностью (избирательностью), которая заключается в способности ПККЗ акцентировать определённое соотношение между актуализованной отправителем единицей речи и конкретными условиями коммуникативной ситуации.

Возможность реализации такого соотношения обеспечивается оценочным потенциалом ПККЗ, т.е. их эвентуальной способностью вербализовывать разнообразные характеристики позиционирования отправителя, основывающейся на механизмах лингвистического и экстралингвистического рефлексирования. Оценочный потенциал ПККЗ создаёт базис для актуализации такого свойства ПККЗ, как рефлексивность. Она представляет собой способность визуализации компонентов отображаемого в многокомпонентном отношении друг к другу.

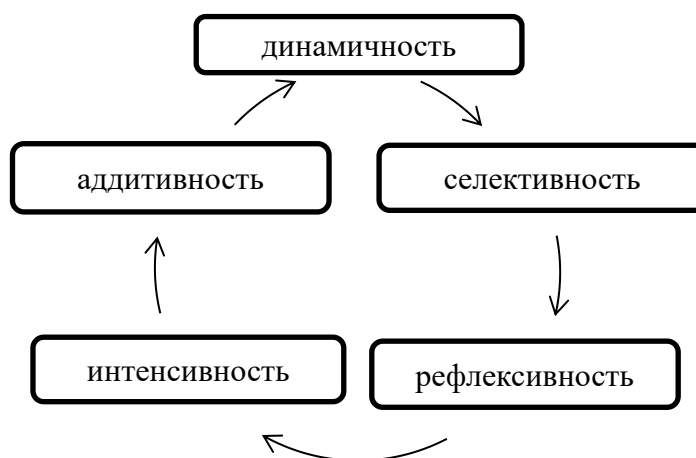
К перечисленным свойствам следует добавить интенсивность ПККЗ, основывающуюся на выражении качественно-количественных характеристик оценочного рефлексирования отправителя по отношению к отображаемому.

В заданной коммуникативной ситуации ПККЗ приобретают также свойство аддитивности, добавляя к известному содержанию речевых единиц, новое, актуальное содержание.

Для всех свойств ПККЗ (динамичности, селективности, рефлексивности, интенсивности, аддитивности) характерна высокая степень взаимосвязанности и взаимообусловленности (*Диаграмма 2.4.2.*).

Диаграмма 2.4.2.

Категориальные свойства ПККЗ

Каждое из свойств можно рассматривать в качестве категориального, характерного для ПККЗ. Кроме того, все свойства ПККЗ представляются восходящими к референциональным основаниям их возникновения и функционирования. Последнее утверждение рассмотрим подробнее в следующей части работы.

2.5. Референциальные основания ПККЗ

Эмпирический анализ, ход и результаты которого описаны в предыдущих параграфах, позволил нам выявить различные типы ПККЗ, провести их первичную классификацию с учётом интенциональной направленности актуализированных высказываний, отметить свойства, присущие выделенным ПККЗ, а также зафиксировать в контексте казачьих писем регулярное совпадение актуализованных ПККЗ с определёнными вариантами соотнесённости речевых единиц и отображаемых отправителем фрагментов действительности. Последующие наблюдения над этим феноменом показали, что данное совпадение эксплицирует проявляющуюся при реализации всех выделенных типов ПККЗ, имманентно присущую речевым единицам-маркерам их актуализации способность к референции (т.е., способность конституировать иницируемую отправителем соотнесённость с конкретными фрагментами отображаемой им действительности).

Проблема референции речевых единиц в контексте современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы имеет онтологический статус, входя в круг интересов не только лингвистики, но также и философии, логики, психологии, прежде всего, в тех их частях, которые занимаются изучением соответствия структур языка структурам объективизируемой субъектом реальности. В современных исследованиях намечены два способа исследования этой проблемы: 1) за счёт фиксирования и последующей интерпретации феноменов, определяющих соответствие языковых структур структурам реальности, в системе языка и 2) посредством фиксирования и последующей интерпретации означенных феноменов в измерениях мира реальной действительности и действительности, существующей в сознании коммуницирующего субъекта [Лебедев, Черняк 2001: 5-6]. Разрабатываемый интегративно-сопоставительный подход призван объединить два этих способа изучения проблемы и представить новые алгоритмы её решения, учитывая историческую и современную теоретическую базу и методологический опыт.

В исторической перспективе рассмотрение проблемы референции осуществляется в непосредственной связи с проблемой значения языковых или речевых единиц, его видов и компонентов. При этом с изменением подходов к исследованию значения, его видов и компонентов меняются и отправные точки изучения референции. Изначально референция разрабатывается как предмет, обозначаемый посредством определённого высказывания [Frege 2008: 41], впоследствии как связь языковых выражений с объектами реальной или ментальной действительности [Russel 1956: 24], при этом в качестве основного назначения такой связи постулируется указание на данный объект действительности.

В некоторых работах, написанных в русле теории языка, подчёркивается, что референция как указание (посредством выражения) не является свойством самого языкового выражения [Линский 1982: 161], и скорее может быть рассмотрена как характеристика его употребления говорящим, как действие говорящего, которое можно квалифицировать как правильное или неправильное [Линский 1982: 162].

В теории речевых актов основанием для определения референции становится взаимосвязь намерений говорящего и идентификации этих намерений слушающим [Серль 1982: 199-201]. Акцентуация активной роли коммуницирующих субъектов позволяет, с одной стороны, включить в поле исследования конвенционально закреплённые способы вербального выражения и идентификации намерений, с другой стороны, индивидуально-личностные характеристики отправителя и слушателя.

В современной лингвистической традиции следует отметить ряд фундаментальных работ, представляющих системный анализ проблемы референции, в том числе работы, выполненные в русле теории языка [Стросон 1982], семантики [Алефиренко 2005; Арутюнова 2007; Бочкарёв 2009, Гак 2000, Лайонз 2003, Падучева 2008, Krifka 2007, Schwarz 2007], психолингвистики [Geiger 1995], когнитивной лингвистики [Кибрик 2003], прагматики [Емельянова 2010; Шмелёв 2002, Ernst 2010, Meibauer 2008], а также на стыке прагматики и когнитивной лингвистики [Гусаренко 2009]. В каждой из этих работ в качестве доминантных

выделяются различные свойства и функции референции; в результате уточняется или кардинально трансформируется определение референции, а также вырабатываются собственные основания для классификации этого феномена.

С учётом доминирующих элементов референции в работах, написанных в ракурсе теории языка, выделяется единичная, идентифицирующая и неопределённая референция. Единичная референция трактуется как референция, базирующаяся на предположении о существовании отдельного лица или предмета, оцениваемого говорящим в качестве истинного до тех пор, пока не будет доказана его ложность [Стросон 1982: 64]. Идентифицирующая референция определяется как референция, основывающаяся на презумпции знания, устанавливающего тождество неизвестного слушающему лица или предмета известному лицу или предмету вследствие совпадения их признаков [Стросон 1982: 114]. Исходные элементы неопределённой референции не позволяют слушающему установить однозначное совпадение признаков соотносимых известных и неизвестных лиц или предметов.

Н.Д. Арутюнова разрабатывает логико-синтаксические аспекты референции, дефинируя последнюю в качестве отношения к объекту имени или именной группы, которое или которую актуализует говорящий [Арутюнова 2007: 179]. Исходя из вида актуализируемого отношения выделяются типы референции, относящие имя или именную группу к признакам или к произвольному члену класса объектов; к объекту или классу объектов, известному или неизвестному говорящему или адресату [Арутюнова 1976: 204]. В работах Н.Д. Арутюновой отношение имени или именной группы к единичному объекту или классу объектов и его взаимодействие с логико-синтаксической структурой предложения определяется как результирующая модели мышления и коммуникативной перспективы высказывания [Арутюнова 1976: 366].

В.Г. Гак, изучая денотативные свойства значения, в качестве исходной единицы исследования также рассматривает предложение. Интерес учёного сосредоточивается на определении соотнесенности высказывания и той экстралингвистической ситуации или события, которые означает данное

высказывание. Подробно анализируются референтность, ситуация или событие, присутствующие одновременно в действительности и в сознании говорящего субъекта, и референт, обуславливающий отбор языковых элементов при формировании высказывания [Гак 2000: 346].

В трудах Дж. Лайонза референция анализируется в качестве контекстно зависимого аспекта высказывания, который отображает взаимоотношения интенций говорящего и содержания его конкретного сообщения [Лайонз 2003: 310]. Дж. Лайонз выделяет две формы существования референции: актуальную, обусловленную разнообразными контекстуальными факторами, и потенциальную, существующую в зафиксированных в языке смыслах и денотациях.

Понятие референции разрабатывается в работах Е.В. Падучевой в связи с необходимостью анализа конкретно-референтного статуса лексем, предполагающего их соотнесение с заданным внеязыковым объектом, и анализом нереферентного статуса, эксплицируемого посредством кванторных слов (для существительных это, например: *всякий, какая-нибудь*) [Падучева 2008: 53]. Кроме того, Е.В. Падучева формулирует понятие референциональной упорядоченности предложения, т.е. такого его построения, в котором непосредственно связаны конструкция имени и его место в коммуникативной структуре [Падучева 2008: 70].

А.Е. Бочкарёв исследует референцию как доминантный фактор, обуславливающий характер определения значения языкового знака [Бочкарёв 2009: 13]. При этом особое внимание уделяется отношениям языкового знака с другими знаками внутри выражения, отношениям выражений заданного текстового ряда, а также отношениям выражения / выражений с соотносимыми ментальными состояниями говорящего.

В работах Н.Ф. Алефиренко референция рассматривается как приложение словесного знака к определённому объекту номинации [Алефиренко 2005: 155].

В трудах М. Шварца референция анализируется в качестве (со)отношения языкового выражения и предмета [Schwarz 2007: 83, 92-93], которое устанавливается в заданной ситуации коммуникации посредством слов, актуализируемых

говорящим в соответствии с индивидуальными и принятыми в определённой языковой среде ментальным лексиконом и нормами коммуникации.

Схожий подход к определению референции предлагает немецкий семантик М. Крифка, исследующий референцию как корреляцию знаков определённого языка и тех фрагментов действительности, которые обозначаются с помощью данных знаков [Krifka 2007: 32].

П. Брандт, Р.А. Дитрих и Г. Шён, представители структурной лингвистики, также определяют референцию как отношение лингвистической переменной и референта мира реальной действительности [Brandt, Dietrich, Schön 2006: 12].

С позиций психолингвистики референция изучается как результат секвенции когнитивных операций, представляющий один из видов взаимодействия языковой и / или другой знаковой системы [Geiger 1995: 19].

В исследованиях А.А. Кибрика и его последователей, проводимых в русле когнитивной лингвистики, референция вычленяется в качестве указания на перцептивно доступные или недоступные для коммуникантов «сущности» [Кибрик 2003 а: 249; Кибрик, Прозорова 2007: 220-221]. Согласно характеристикам конкретного акта коммуникации выделяются два вида референции: 1) связывающийся с непосредственным осуществлением коммуникации в доступном субъекту здесь и сейчас перцептивном пространстве (дейктическая референция) и 2) осуществляющийся в условиях, когда коммуниканты не могут непосредственно воспринимать референты (анафорическая референция). В качестве основных средств референции А.А. Кибрик анализирует полные (например, имена собственные, дескрипции) и редуцированные именные группы (местоимения), в качестве вспомогательных – категорию рода [Кибрик 2003: 50, 61-72; 2003 а: 249-250].

Объединяя достижения когнитивной лингвистики и коммуникативной прагматики, С.В. Гусаренко рассматривает референцию как отнесенность ментальной знаково-символической актуализации языковой единицы к индивидуализированному и идентифицированному адресатом объекту [Гусаренко 2009: 29].

В исследованиях прагматиков определение референции уточняется в зависимости от качества репрезентируемого ею отношения и связывается 1) с идентификацией референта, отражающей коммуникативные намерения и пресуппозиции отправителя [Емельянова 2010: 3]; 2) со сформировавшимися в условиях конкретной ситуации коммуникации отношениями речевых выражений и объектов действительности [Schwarz, Chur 2014: 83]; 3) с инициированным отправителем соотношением языкового символа и части реальной действительности [Meibauer 2008: 19].

В работах, написанных на стыке прагматики и лингвистики, референция трактуется как функция актуализации конкретного высказывания [Ernst 2010: 67].

Учитывая опыт представленных исследований, в нашей работе мы рассматриваем референцию в качестве инициируемой отправителем соотносённости языкового знака с отображаемыми с его помощью фрагментами действительности. Будучи инициированной отправителем, референция является продуктом его индивидуально и конвенционально обусловленного языкового сознания, вербально объективизирующим различного рода корреляции между составляющими конкретной ситуации. Исходя из степени проявления вербальной пассионарности отправителя, считаем логичным выделить денотативно-идентифицирующие и модальные референции.

Основная функция денотативно-идентифицирующих референций – номинация отображаемых отправителем фрагментов действительности, их свойств и способов взаимодействия, обусловленных извне и формально и не зависящих от воли субъекта. Функция модальных (субъектно маркированных референций) состоит в представлении субъективного отношения отправителя к отображаемому, обусловленному изнутри сознанием отправителя, его пресуппозициями, интенциями и опытом как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровнях. Проиллюстрируем различие представленных видов модальных референций.

«Ст. Вёшенская. 31 июля.

Получил письмо, в котором Вы меня «разносите». Тронуло оно меня. Устыдился я и спешу скорее исправить ошибку и дать клятвенное обещание, что буду писать и часто, и много» [Шолохов 2003: 39].

В отрывке письма М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 31 июля 1929 г. референциально-фактологический план содержания реализован с помощью денотативно-идентифицирующих референций, а модальный (субъективный) план содержания – посредством модальных референций.

В качестве средств референциально-фактологического плана актуализированы личные местоимения (*я, Вы, оно*), именные (*Ст[аница] Вёшенская, 31 июля*) и глагольные группы (*получил письмо, спешу исправить ошибку и дать ... обещание, что буду писать*), представляющие объективную информацию о фактах отображаемой действительности: 1) об отправителе (*я*), 2) о получателе (*Вы*); 3) об объекте, обозначающем канал инициируемой отправителем коммуникации (*письмо, оно*), 4) о пространственно-темпоральной локализации (*Ст[аница] Вёшенская, 31 июля*) совершённых, совершающихся и предполагаемых действий (*получил, спешу исправить и дать, буду писать*).

Модальный план реализуется посредством речевых единиц, указывающих на субъективное оценивание отправителем отображаемого, в том числе: 1) открытое позиционирование себя как активного, занимающего центральную позицию в инициируемом им акте коммуникации субъекта, (*получил, меня, меня, устыдился я, спешу исправить ... и дать ..., буду писать*), 2) ставшее результатом воздействия из вне (*получил письмо, в котором Вы меня «разносите»*) собственное эмоциональное состояние (*тронуло оно меня, устыдился я*), 3) действия, которые отправитель намерен предпринять в ответ на данное воздействие (*спешу ... исправить ошибку и дать ... обещание, что буду писать*), а также 4) индивидуально-личностное отношение, репрезентирующее различные параметры оценивания описываемых фактов (*«разносите», тронуло, устыдился, спешу скорее, исправить ошибку, клятвенное обещание; и часто, и много*). Отправителем осуществляется также вербализация его положительного

эмоционального отношения к получателю письма и демонстрируется солидарность с ним (*Вы, тронуло ... меня, устыдился я, спешу ... исправить ошибку и дать ...обещание*).

Как видим, денотативно-идентифицирующие референции в анализируемом отрывке номинируют отдельные фрагменты действительности, сообщают конкретную объективную информацию о них. Модальные референции представляют позицию отправителя, задают направление интерпретации вербализированной отправителем фактологической информации. Реализация референциально-фактологического и модального планов содержания в целом позволяет отправителю, одной стороны, обозначить конкретные факты отображаемой действительности, с другой стороны, выразить своё отношение к ним.

Изучая денотативно-идентифицирующие референции, исследователи, как правило, сосредоточивают своё внимание на проблеме обозначения объекта действительности, существующего материально (референта) [Арутюнова 2007: 204, 306; Падучева 2008: 83-102], или проблеме представления или понятия, существующего виртуально в нашем сознании [Арутюнова 1982: 19]. Анализ модальных референций делает возможным вывести на первый план проблему выражения субъектно маркированного отношения отправителя к отображаемым им внешним стимулам. Это положение отвечает интересам современной антропоцентрически ориентированной лингвистики и, прежде всего, лингвистической прагматики, образующей центральный вектор нашего интегративно-сопоставительного исследования. Попробуем осуществить классификацию означенного типа референций, учитывая положения разрабатываемого подхода.

Исходя из интенциональной наполненности высказываний и соответствующей ей специфики содержания, считаем возможным выделить следующие виды модальной референции (*Схема 2.5.1.*, ср. § 2.2.).

Виды субъектно маркированной референции

- **дейктическая референция** (выражает отношение отправителя к темпорально-локальному позиционированию субъектов и объектов действительности);
- **оценочная референция** (выражает ценностное и / или вероятностное отношение отправителя к денотируемым им субъектам, объектам, событиям, процессам и т.д.);
- **эмотивная референция** (выражает отношение отправителя к эксплицируемому эмоциональному или / и психическому состоянию);
- **контактная референция** (выражает отношение отправителя к необходимости установить контакт, изменить условия контакта или прервать контакт);
- **регулятивная референция** (выражает субъективные ожидания отправителя относительно необходимости осуществления определённого действия получателем / получателями, участвующим / участвующими в коммуникативном процессе);
- **квестивная референция** (выражает отношение субъекта-отправителя к ситуации, когда объём наличествующей информации представляется ему недостаточным для успешной коммуникации и должен быть пополнен получателем или отправителем).

Учитывая зависимость типа ПККЗ от вида модальной референции, уточним критерии их классификации, введённые в § 2.3.

Таблица 2.5.2.

Критерии классификации ПККЗ

☺	☹*	☺ / ☹
→	→	→
исходная ситуация (формируется интенция отправителя, актуализируется соответствующий вид модальной референции)	эксплицируется доминирующий прагматический компонент контекстного значения (интенция актуализуется, прагматический компонент значения выступает как результат актуализации соответствующего вида модальной референции)	конечная ситуация (интенция отправителя реализована / не реализована)

В условиях заданной коммуникативной ситуации реализация модальных референций (как и ПККЗ, являющихся результатами объективизации субъектно-маркированной соотнесённости единиц речи и отображаемых отправителем фрагментов действительности) осуществляется в соответствии с одним из

вариантов субъектно маркированной направленности: субъект-субъектной или субъект-объектной. Здесь изучение соотношения субъект-объектности, субъект-субъектности опирается на традиции классической лингвистики, в частности, на тезис А.М. Пешковского о противопоставлении объективных категорий, т.е. таких категорий, которые обозначают отношения между словами и словосочетаниями, и субъективно-объективных категорий, т.е. категорий, обозначающих отношение «надындивидуального» субъекта-говорящего к этим отношениям [Пешковский 2009: 89-90]. С учётом данного фактора абстрактная структура высказываний с реализованной модальной референцией может быть представлена в виде двух моделей, уточняемых в зависимости от их интенциональной наполненности и содержания:

- модели субъект-субъектной модальной референции – высказывания с эксплицитным (определённым) модусным субъектом,
- модели субъект-объектной модальной референции – высказывания с имплицитным (неопределённым) модусным субъектом.

В третьей главе актуализация данных моделей и их вариантов будет рассмотрена подробно.

Выводы по второй главе

При том, что изучение значения и его компонентов продолжительное время находится в центре интересов разнообразных научных направлений, до сих пор не существует единого подхода к толкованию данного феномена. Это обуславливает актуальность и перспективность обращения к проблеме с позиций интегративно-сопоставительного подхода с доминирующим лингвопрагматическим вектором, располагающим уникальными предпосылками для создания комплекса продуктивных методов и приёмов, с помощью которых становится возможным эмпирическим путём экстрагировать сегменты как объективной, так и субъективной информации, выраженной средствами языка и речи на уровне различных видов значений и их компонентов.

Разрабатываемый интегративно-сопоставительный подход к определению значения в качестве информации, транслируемой отправителем с помощью разноразрядных вербальных средств в условиях потенциальной или заданной коммуникативной ситуации, даёт возможность выделить два его вида в зависимости от степени привязанности к коммуникативной ситуации: доконтекстное и контекстное значение.

Контекстное значение в силу высокой степени привязанности к условиям коммуникативной ситуации и её составляющим, прежде всего, к отправителю, может наряду с объективной информацией эксплицировать или имплицировать субъективную информацию о действительности, отображаемой субъектом-отправителем, в том числе индивидуальное содержание его сознания, личностные ощущения, убеждения, намерения. Субъективная информация аккумулируется в заданной коммуникативной ситуации посредством ПККЗ речевых единиц.

Использование интегративно-сопоставительного подхода в раскрытии проблемы значения делает возможным добавить к уже имеющимся теоретическим знаниям новые, в частности представить взаимообусловленные и взаимосвязанные свойства ПККЗ (динамичность, селективность, рефлексивность,

интенсивность, аддитивность), а также установить и осуществить первичную систематизацию оснований актуализации ПККЗ, в том числе интенциональную направленность речевой деятельности отправителя и субъектно маркированную соотнесённость речевых единиц и фрагментов отображаемой им действительности; обозначить основные типы данной соотнесённости и спрогнозировать абстрактную структуру высказываний, в которых ПККЗ выступают как результат контекстуальной актуализации субъектно маркированной референции.

Глава III. Субъектно маркированные референциальные основания актуализации ПККЗ

В первой и второй главах отображены теоретико-методологические предпосылки изучения ПККЗ, объективизирующих индивидуальное содержание сознания, личностные ощущения, убеждения, намерения отправителя текста и другую субъективную информацию; сформулированы основные положения нового интегративно-сопоставительного подхода к изучению данного феномена и обосновано их применение в ходе эмпирического анализа. В третьей части будут продемонстрированы возможности интегративно-сопоставительной концепции в отношении выделенных нами видов субъектно маркированной соотнесённости речевых единиц и фрагментов отображаемой отправителем действительности как основания для реализации ПККЗ.

3.1. Дейктическая модальная референция

Эмпирический анализ реализованных ПККЗ, ход и результаты которого представлены во второй главе исследования, продемонстрировал абсолютное доминирование констативов. Средний показатель их актуализации равняется 66,97% от числа всех зафиксированных ПККЗ (см. § 2.3., *Таблица 2.3.5.*).

Констативы представляют собой тип ПККЗ, контекстная реализация которых даёт отправителю возможность выразить своё субъективное отношение к факту темпорально-локального позиционирования фрагмента отображаемой им действительности, в том числе его представление о том, что в настоящий момент существует, что ранее существовало или что в будущем будет существовать некоторое положение вещей.

Проанализировав референцию в качестве субъектно маркированной соотнесённости фрагментов объективизируемой отправителем действительности и объективизирующих их речевых единиц, мы выделили модальные референции

как один из вариантов такой соотнесённости, провели их дифференциацию, в том числе вычленив в отдельный подвид дейктическую референцию. Рассмотрим данный подвид модальных референций как основание актуализации ПККЗ класса констативов.

Дейктическая референция (далее ДР) представляет информацию относительно антропо-темпорально-локального позиционирования определённого фрагмента действительности (субъекта, объекта, его свойства, действия и т.п.), проецируемого отправителем в пространстве заданного текста.

В качестве системы координат выстраиваемой отправителем проекции выступают три прагматические переменные: участники, место и время, актуальные для отображаемого. Каждая из прагматических переменных задаёт вектор развёртывания ДР. Соответственно, ДР может быть описана совокупностью трёх составляющих: персональной, пространственной (локальной) и временной (темпоральной) ДР.

Маркерами персональной ДР являются семантические и грамматические средства, указывающие на отображаемый субъект или субъекты интеракции; для темпоральной ДР – семантические и грамматические формы, обладающие временным значением; для пространственной ДР – семантические и грамматические формы с пространственным значением, в том числе указывающие на ориентацию субъектов или объектов относительно друг друга [Кобозева 2000: 2, 5, 10; Brandt, Dietrich, Schön 2006: 299].

Актуализируя маркеры персональной ДР, отправитель манифестирует собственную позицию в отношении пассионарности отображаемого субъекта или субъектов, в том числе субъекта или субъектов вербальной интеракции; маркеры пространственной ДР – в отношении параметров локализации субъектов и объектов в визуализируемом отправителем фрагменте действительности, маркеры темпоральной ДР – в отношении расположения отображаемого фрагмента или его компонентов на временной оси. Составляющие ДР могут пересекаться. Представим это на схеме.

Пересечение составляющих ДР

Разрабатываемый интегративно-сопоставительный подход к изучению ДР, как одного из подвидов модальной референции, детерминирующего текстовую реализацию констативов, опирается на положения, которые были выработаны сравнительно-историческим языкознанием [Балли 2001; Кацнельсон 2011; Поленова 2011], грамматикой [Бондарко 2002], традиционной семантикой [Бенвенист 2009], семиотикой [Якобсон 1972], прагматикой [Пирс 2000; Ernst 2010], лингвистической прагматикой [Ehrhard, Heringer 2011], а также психолингвистикой [Бюлер 2000; Кибрик, Прозорова 2007], когнитивной лингвистикой [Доброва 2003] и литературоведением [Бабенко, Казарин 2009].

Ш. Балли одним из первых выделяет дейктические знаки в особую группу, обозначая в качестве их основной функции ассоциированное с контекстом представление или локализацию обозначаемого понятия [Балли 2001: 62, 96]. Актуализация языковых дейктических знаков сопоставляется с использованием равнозначных экстралингвистических знаков (например, с реализацией жестов: *Дайте!* = Дайте мне то, что находится там!) в условиях связанной актуализованной последовательности, соединяющей выражение и мысль говорящего [Балли 2001: 59, 97]. Это позволяет определить границы языковых и экстралингвистических знаков как способов сообщения слушающему определённого содержания.

С.Д. Кацнельсон противопоставляет дейктические слова назывным [Кацнельсон 2011: 5-7] и проводит внутриязыковую классификацию дейктических слов, уточняя их основные функции и выделяя соответствующие им признаки, в том числе смысловую зависимость от речевой ситуации, константную отнесенность к субъекту и случайное выделение внешнего объекта.

В работах школы сравнительно-исторических исследований протоенисейских и енисейских языков под руководством Г.Т. Поленовой дейктические единицы, объединённые общей функцией идентификации и указания на дискурсивную локализацию субъектов и объектов, эксплицируемых говорящим [Поленова 2011: 304], анализируются в их развитии [Поленова 2011, также Мельник 2009, Потапова 2009 и др.]. Особенности эволюции дейктических единиц рассматриваются как источник информации о субъектно-объектных отношениях и соответствующих им механизмах доисторических и исторических этапов развития отдельных языков и родственных языковых семей. В связи с этим проводится подробная дифференциация морфологических и синтаксических форм, обладающих временным значением, в повествовательном и диалогическом режиме с учётом синхронного и диахронного аспектов их актуализации [Мельник 2009, Потапова 2009, также Галкина 2007]. Это позволяет на материале различных языков (преимущественно енисейских в сопоставлении с русским, древнерусским; английским, древнеанглийским; немецким, древнегерманским и др.) провести комплексный функционально-грамматический анализ категории дейксиса и уточнить параметры становления функционально-семантического дейктического поля и алгоритмов антропо-темпорально-локальных соотношений языковых единиц и объектов отображаемой говорящим действительности.

В исследованиях А.В. Бондарко дейктические категории классифицируются в соответствии с реализацией указания на субъект или объект и разделяются на категории конкретного и неконкретного дейксиса [Бондарко 2002: 556]. Группа категорий конкретного дейксиса представляется тремя оппозициями: 1) собственноличным и предметным, 2) неанафорическим и анафорическим, 3) ситуативно актуализированным и ситуативно не актуализированным

дейксисом [Бондарко 2002: 556-557]. Группа неконкретного персонального дейксиса – оппозицией неопределённо-личного и обобщённо-личного дейксиса [Бондарко 2002: 558-559].

Э. Бенвенист сосредоточивает своё внимание на дейктической категории лица. На материале местоимений и глаголов различных языковых семей (атабаскских, тюркских и т.д.) учёный проводит противопоставление форм, указывающих на непосредственных участников коммуникации, формам, не имеющим такого функционального компонента. К первой группе Э. Бенвенист относит формы первого и второго лица, ко второй – формы третьего лица («не лица») [Бенвенист 2009: 262, 265, 269]. Внутри первой группы подробно анализируется корреляция личности («я – ты») и корреляция субъективности.

В концепции Р.О. Якобсона система дейктических элементов представлена языковыми единицами, указывающими на инициатора высказывания (личное местоимение «я»), и единицами, локализирующими коммуникативную ситуацию в пространстве (наречие места «здесь») и во времени (наречие времени «сейчас») [Якобсон 1972: 95-113]. В ряду элементов, транслирующих активную роль говорящего, особое внимание уделяется глаголу и реализуемой им дейктической категории времени, противопоставленной недейктической категории вида.

Ч. Пирс ориентируется на изучение указательных местоимений. Подчёркивая, что их основное назначение состоит в установлении непосредственной связи с означаемыми с их помощью объектами [Пирс 2000: 82-85]. Ч. Пирс выделяет указательные местоимения в качестве наиболее значимых индексальных дейктических элементов.

П. Эрнст анализирует отношения языковых и внеязыковых элементов, выделяя дейксис в виде своеобразной проекции контекста высказывания и речевого события [Ernst 2010: 44-45]. Ядро этой проекции, по мнению учёного, составляет «классический дейксис», имеющий в своём основании эгоцентричное отражение действительности, образованное сочетанием трёх дейктических измерений: личного, локального и темпорального [Ernst 2010: 47, 50, 53]. Данные измерения обозначаются лингвистом как первичные в сравнении с вторичными,

периферийными по отношению к субъекту-отправителю [Ernst 2010: 46]. Вторичные дейктические измерения: социальное, ситуативное и дискурсивное также образуют систему [Ernst 2010: 6, 55, 59], репрезентируя такие особенности речевой ситуации, как: статус и роль участников коммуникации, условия, в которых осуществляется коммуникация; отношения отдельных высказываний в целом к речевой ситуации или одному из её компонентов.

В психолингвистических исследованиях интересы учёных концентрируются на изучении высказываний, значение которых может быть реализовано только в контексте актуальной речевой ситуации. В качестве исходной интерпретации таких высказываний рассматривается соответствие их реализованных составляющих компонентам дейктической модели «я-здесь-сейчас» [Bühler 1999: 102-103]. При этом семантическое наполнение реализованного варианта модели высказываний данного типа анализируется как символическое [Бюлер 2003: 82] и субъектно маркированное [Bühler 1999: 106], поскольку считается привязанным к указательным (дейктическим) средствам, воспринимаемым получателем. В ряду дейктических средств последователями К. Бюлера особое внимание уделяется личным местоимениям первого и второго лица как наиболее значимым дискурсивным элементам перцепции [Кибрик, Прозорова 2007: 220]. Кроме того, активно анализируются дейктические средства, локализирующие отображаемые субъекты и объекты действительности [Андреева 2004]. Система элементов, реализующих модель «я-здесь-сейчас», регулярно расширяется, выделяются новые периферийные элементы, например, притяжательные местоимения первого и второго лица, модальные глаголы, глаголы субъективного оценивания [Angermüller 2011: 4-5].

Представителями когнитивной лингвистики дейктическая система анализируется как элемент динамичного когнитивного и речевого развития субъекта [Доброва 2003]. Средства реализации дейктической системы, в первую очередь личные местоимения, рассматриваются на предмет индивидуально и этнически обусловленных параметров коммуникативного взаимодействия.

В трудах литературоведов денотативное пространство рассматривается как макрокомпонент текста, визуализирующий индивидуально-авторское знание об отображаемой ситуации действительности [Бабенко, Казарин 2009: 8]. В качестве исходных для анализа конструируемого автором денотативного измерения воплощённых в тексте моделей мира интерпретируются пространственные [Бабенко, Казарин 2009: 96] и временные [Бабенко, Казарин 2009: 121] отношения. При этом особенно подчёркивается их иерархичность и многомерность.

Лингвистическая прагматика разрабатывает дейксис на уровне выражений, которые говорящий актуализирует для указания на субъекты и объекты, находящиеся в его коммуникативном пространстве [Ehrhard, Heringer 2011: 2, 21]. При этом выделяются: 1) персональные дейктические выражения, характеризующие конъюнктуру коммуникативной ситуации и роли субъектов, представленных в ней [Ehrhard, Heringer 2011: 21]; 2) локальные дейктические выражения, уточняющие конъюнктуру пространственных измерений [Ehrhard, Heringer 2011: 2]; 3) темпоральные дейктические выражения, отображающие конъюнктуру измерения времени [Ehrhard, Heringer 2011: 24]. Каждый из означенных видов дейктических выражений интерпретируется исключительно в контексте заданных речевых ситуаций.

Как видим, диапазон работ, направленных на исследование дейксиса, достаточно широк. Однако при всём их многообразии до настоящего времени без решения остаётся вопрос системного описания маркеров, объективизирующих индивидуальное представление отображаемого отправителем дейктического измерения. При этом сам факт субъективизации как выражения индивидуального отношения к отображаемому остаётся общепризнанным. Приведём небольшую цитату для иллюстрации данного положения.

«Переживание времени связано с переживанием нашего собственного 'я', с переживанием собственного существования. 'Я существую' значит 'я существую сейчас', однако существую в некоем 'вечном теперь' и чувствую себя тождественным самому себе в неуловимом потоке времени» [Рейхенбах 2009: 130].

Выражение индивидуального отношения отправителя к дейктически значимым фрагментам действительности выделяется нами как основание для

рассмотрения дейктической референции в качестве одного из подвидов в системе модальных референций. Так же как и другие подвиды модальной референции, дейктическая референция реализуется в тексте с помощью соответствующих семантических и грамматических маркеров.

Сопоставив результаты исследований, проведённых с позиций рассмотренных выше научных подходов, с результатами, полученными нами в ходе лингвопрагматического эксперимента (§ 2.3.), мы пришли к выводу, что ДР может актуализироваться в тексте с помощью определённых дескрипций, ядром которых являются:

- речевые средства, содержащие в своей семантике или в морфологической форме указание на актуального отправителя или получателя: дейктические местоимения (русс: *я, мы; ты, вы, Вы*; нем.: *ich, wir; du, ihr, Sie*), притяжательные местоимения (русс: *мой, твой, наш*; нем.: *mein, dein, unser*) первого и второго лица ед. и мн. числа и (в немецком языке) возвратные местоимения (Reflexivpronomen) (нем.: *mich, dich, uns*) [ср. Арутюнова 2009: 22; Григорьян 2003: 5; Мельник 2009: 44-45, 48-68; Червоный 2014: 14-16; Busse 2009: 73], формы глаголов первого и второго лица ед. и мн. числа [Григорьян 2003: 8; Bublitz 2009: 243-24], имена собственные (указывающие на уникальный, единственный в своём роде активный коммуникативный субъект) [ср. Костюченкова 2009: 9; Червоный 2014: 15-16];
- речевые средства, вербализующие оценку темпорального позиционирования отправителя семантически: наречия времени (например, русс: *сейчас, сегодня*; нем.: *jetzt, heute*), морфологически: глаголы в изъявительном наклонении [ср. Аюпова 2011: 45-50; 2012: 34-39; Григорьян 2003: 5; Лалаева 2007: 85-89; Максимов 2008: 6-7; Мельник 2009: 45, 87-108; Brandt, Dietrich, Schön 2006: 301-302; Bublitz 2009: 251-256] или синтаксически: придаточные предложения времени [ср. Аюпова 2012: 42-43; Busse 2009: 74-75];
- речевые средства с пространственно-реляционными значениями (пространственные наречия (например, русс: *здесь*; нем.: *hier*), и предлоги

[ср. Аюпова 2011: 45-47; 2012 а: 51-53; Галкина 2007: 41, Еливанова 2004: 11-12; Кобозева 2000 а: 3; Мельник 2009: 68-84; Сребрянская 2006: 92-94; Bublitz 2009: 246-247], а также указательные местоимения [Григорьян 2003: 5; Еливанова 2004: 11-12], глаголы пространственной локализации (русс: *сидеть, стоять, идти, приходить, располагаться*; нем.: *sitzen, stehen, gehen, kommen, sich befinden*) [ср. Еливанова 2004: 12, 18; Brandt, Dietrich, Schön 2006: 299-301; Bublitz 2009: 248]; предложно-падежные конструкции, выражающие пространственные отношения [Еливанова 2004: 13], придаточные предложения места [Аюпова 2012: 30-31; Busse 2009: 74].

Отметим, что в некоторых прагматических работах в качестве маркера актуализации персональной дейктической референции рассматривается указание на социальный статус коммуниканта. В нашей работе данный тип указания трактуется как маркер актуализации персональной дейктической референции только в связке с экспликацией актуального отправителя или получателя. Так же как и имена собственные, которые анализируются нами в ряду маркеров актуализации персональной ДР именно постольку, поскольку они называют уникальный, единственный в своём роде активный коммуницирующий субъект. Такой подход не противоречит позиции С. Крипке, рассматривающего имена собственные как жёсткие десигнаторы, отсылающие к субъекту, когда имя указывает на один и тот же субъект во всех возможных мирах, в которых этот субъект существует [Kripke 2014: 351].

Каждое из представленных речевых средств, будучи помещённым в пространство заданного текста, может реализовать отношения первичного и вторичного (в определениях Ю.Д. Апресяна, К. Бюлера и Е.В. Падучевой) дейксиса (первичной и вторичной ДР). В качестве средства первичного дейксиса (первичной ДР) актуализированный маркер указывает на отправителя, время и место осуществления неопосредованной речевой ситуации [Апресян 1995; Bühler 1990: 102]. Средства вторичного дейксиса (вторичной ДР) указывают на коммуницирующий субъект, время и место речевой ситуации, опосредованной отправителем, или ситуации, чьё восприятие отправителем и получателем текста не

предполагает их одномоментного присутствия в общем перцептивном поле [Падучева 1996: 268]. Последнее характерно для художественных, а также эпистолярных текстов, выбранных нами в качестве материала исследования референций (см. примеры здесь и далее).

Пример 7

Разве **теперь моя** жизнь **обогатилась** иными переживаниями? Нет, всё то же, даже хуже. **Не скажу**, что **я скучаю**, это бы неверно выражало **теперешнее моё** настроение. (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 16 ноября 1924 г., г. Москва [Шолохов 2003: 13]).

В данном отрывке отправитель (М.А. Шолохов) позиционирует себя как активный участник актуальной вербальной интеракции. Указание на пассионарного отправителя осуществляется с помощью средств центральной группы персональной ДР: личного местоимения (*я*) притяжательных местоимений (*моя, моё*) и глаголов (*не скажу, скучаю*) в форме первого лица ед. числа. Темпоральное наречие (*теперь*) и прилагательное (*теперешнее*) выступают при этом как средства актуализации ядерной группы темпоральной ДР и служат для позиционирования описываемого события в той части реальности, которая существует в момент написания текста. Данный тип позиционирования поддерживает актуализация глаголов в настоящем времени (*не скажу, скучаю*). Отнесение момента написания письма к настоящему подчёркивается также посредством противопоставления его прошлому, реализованного с помощью глагола в прошедшем времени (*обогатилась*), и ещё не существующему, но возможному, эксплицированного глаголом в сослагательном наклонении (*выражало бы*).

Пример 8

«Родная **мне** безмерно! **Десятый день не вижу** тебя, не ощущая **около себя** твоей близости, а **кажется**, что долгие-долгие дни, как стеной, **отгородили нас**, и **недавнее прошлое встаёт перед моими** глазами, **подёрнутое** дымкой тумана. **Скажи**, ведь недавно **ходили мы с тобой за Чиром**, **ломали** пушистый камыш и воздух **возле воды** был свеж и морозен и **на щеках твоих дрожал** бледный румянец?» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 16 ноября 1924 г., г. Москва [Шолохов 2003: 13]).

Здесь для указания на отправителя и получателя используются личные (*мне, тебя, нас, мы с тобой, мне*) и притяжательные местоимения (*твоей, моими, твоих*) первого и второго лица ед. числа и первого лица мн. числа, а также формы

первого и второго лица ед. и мн. числа глаголов (не *вижу*, *скажи*, *ходили*, *ломали*). Как и в первом отрывке (*Пример 7*), эгоцентрическое прагматическое значение речевых единиц центральной группы персонального дейксиса поддерживается условиями заданного контекста. Темпоральный дейктический центр находится в настоящем. В качестве маркеров темпоральной ДР, относящих момент написания к данному моменту времени, выступают глаголы в настоящем времени (не *вижу*, *кажется*, *встаёт*). Момент написания письма противопоставлен прошлому, воспоминаниям отправителя, эксплицированным с помощью глаголов в прошедшем времени (*отгородили*, *ходили*, *ломали*, *был*, *дрожал*), страдательного причастия прошедшего времени (*подёрнутое*) и сочетания «темпоральное прилагательное + темпоральное существительное» (*недавнее прошлое*). Продолжительность временного отрезка, разделяющего отправителя письма и получателя, подчёркивается сочетанием «прилагательное + темпоральное существительное» (*долгие-долгие дни*) «порядковое числительное + темпоральное существительное» (*десятый день*). Локализация субъектов в пространстве относительно друг друга отмечена посредством предложно-падежных конструкций (*около себя ... близости*, *на щеках*), в том числе включающих в себя глаголы пространственной локализации (*встаёт перед ... глазами*, *ходили мы ... за Чиром*, *как стеной*, *отгородили нас*) и локального наречия в сочетании с существительным (*возле*).

Пример 9

«**Сейчас** упорнейше **работаю**, много **езжу окрест Вёшенского р-на**, очень устал, но водку (о ней **Вы писали мне**, адресуюсь к **жене**) **не пью...**» (М.А. Шолохов А.С. Серафимовичу 23 апреля 1932 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 85]).

Указание на отправителя, занимающего активную позицию в отображаемом фрагменте коммуникативной ситуации, реализовано в вышеприведённом примере посредством глаголов (*работаю*, *езжу*, *устал*, *не пью*) и личного местоимения (*мне*) в форме первого лица ед. числа. Опосредовано указывает на отправителя также существительное (*жене*), имеется в виду М.П. Шолохова. Получатель представлен в вежливом обращении личным местоимением (*Вы*) и

согласованным с ним глаголом (*писали*). В темпоральном диапазоне дейктического поля ситуация отнесена к зоне происходящего в настоящий момент (момент написания письма) с помощью темпорального наречия (*сейчас*) и однородных сказуемых в форме изъявительного наклонения настоящего времени. Локализация субъекта-отправителя осуществляется с помощью сочетания «пространственно-реляционный предлог + локальное прилагательное + существительное» (*окрест Вёшенского р-на*).

В следующем отрывке пространственный вектор ДР выражен эксплицитно.

Пример 10

«У вас **в Москве**, наверно, ещё зима, а **на Дону** – лед синий, пахнет весной, дорога почернела и уже появились первые грачи» (М.А. Шолохов Ю.М. Литваковой, 16 марта 1934 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 156]).

Речевыми средствами, конкретизирующими местоположение отправителя и получателя в отображаемом фрагменте коммуникативной ситуации, служат нарицательные существительные в сочетании с пространственными предлогами (*в Москве, на Дону*). Экспликация получателя письма осуществляется с помощью личного местоимения (*вас*) второго лица мн. числа. Указание на отправителя восстанавливается из ближайшего контекста ([*у нас*] *на Дону*). Темпоральная ДР выражена имплицитно, но достаточно широко. В качестве маркера, прямо определяющего местоположение отправителя здесь и сейчас, актуализирован глагол в настоящем времени (*пахнет*). Настоящее отправителя предельно конкретизировано в границах временного континуума (*пахнет весной*, и соответствующие признаки наступления весны: *лёд синий, дорога почернела, появились первые грачи*). Настоящее получателя также детализировано (*зима*). В качестве речевых средств, косвенно указывающих на темпоральную локализацию отправителя и получателя, выступают темпоральные наречия (*ещё – уже*). Кроме того, настоящее включает отображение результатов свершившихся действий (*почернела, появились*).

Пример 11

«**Ждали** до 2 часов, **думали**, может, утихнет, а оно ещё хуже, и вот **мы** **днюем в Ольховом Рогу**, а **я** **сиду за столом** и на листе из блокнота убористо **пишу** письмо...» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 9-10 ноября 1924 г., Ольховый Рог, г. Миллерово [Шолохов 2003: 11]).

Отправитель позиционирует себя как часть группы субъектов, объединённой общими условиями экстралингвистической ситуации с помощью глаголов (*ждали, думали, днюем*) и личного местоимения (*мы*) в форме первого лица мн. числа, а также как самостоятельный пассивный субъект с помощью личного местоимения (*я*) и глаголов (*сижу, пишу*) в форме первого лица ед. числа. Сиюмоментная локализация идентифицируемого субъекта осуществляется с помощью сочетаний с пространственно-реляционными значениями «локальный предлог + составное географическое название (прилагательное + существительное)» (*в Ольховом Рогу*) и «локальный предлог + нарицательное существительное» (*за столом*). Темпоральный диапазон сформирован прошлым и настоящим, соответственно глаголами в прошлом и настоящем времени.

Далее отобразим ход и результаты проведённого нами анализа способов актуализации ДР. Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе информанты получили задание, согласно которому должны были описать ситуацию, представленную на картине (см. *Рисунок 3.1.2.*), так, чтобы тот, кто не видит изображения, мог получить исчерпывающую информацию о нём.

Рисунок 3.1.2.

Темпорально-локальное позиционирование фрагментов действительности

А.К. Ованесов
Казачки Дона,
 Ростовский
 областной
 музей
 изобразитель-
 ных искусств,
 г. Ростов-на-
 Дону,
 1949 г., Холст,
 масло 154*220.

Группы информантов формировались с учётом предмета и гипотезы исследования, а также критериев внутренней валидности, позволяющих экстраполировать полученные при анализе речевых реакций данные на каждого члена заданной группы. В качестве значимых характеристик испытуемых, которые могли бы существенно повлиять на выделяемые переменные (маркеры актуализации ДР), мы учитывали: пол, возраст, уровень образованности, основной вид деятельности, национальную принадлежность, уровень владения русским языком.

Таблица 3.1.3.

Параметры формирования групп информантов

Критерии валидности	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV
пол	мужской / женский	мужской / женский	мужской / женский	мужской / женский
возраст	17 - 21	45 - 65	25 - 45	21 - 65
уровень образованности	высшее незаконченное образование	высшее филологическое образование, учёная степень кандидата / доктора филологических наук	среднее специальное, высшее, высшее филологическое образование, учёная степень кандидата / доктора филол. наук	высшее незаконченное образование / высшее филологическое образование / учёная степень доктора филол. наук
основной вид деятельности	студенты факультета иностранных языков (ГОУ ВО «ТГПИ им. А.П. Чехова», ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)) с выпускной специальностью «Филология»	преподаватели иностранных языков (ГОУ ВО «ТГПИ им. А.П. Чехова», ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», ГОУ ВО «ЮФУ»	разные специальности, члены литературного объединения «Чайка» (г. Таганрог)	студенты и преподаватели русского языка как иностранного (г. Лейпциг – Лейпцигский университет, г. Галле – университет им. М. Лютера).
национальная принадлежность	русские, украинцы, армяне, ундины, немцы	русские	русские, украинцы, русские немцы	немцы, русские
уровень владения русским языком	C1-C2	C2	C1-C2	C1-C2
количество информантов	54	49	48	47

С учётом данных параметров были сформированы четыре контрольные группы. Работа информантов (описание предложенной им картины) не ограничилась во времени и в объёме. Проиллюстрируем работу информантов несколькими отрывками, отражающими основные тенденции описания полотна.

Пример 12

На рисунке изображена группа женщин. Вероятно, они обсуждают какую-то важную проблему на собрании сельских жителей. Действие, скорее всего, происходит где-то на юге (*Т.П., респондент первой группы*).

Пример 13

Судя по сюжету картины, по одежде изображённых на ней лиц, по предметам интерьера, по строениям, различимым на заднем плане, по отсутствию мужчин, можно утверждать, что события происходят в середине прошлого века, во время или после Великой Отечественной войны на Дону или на Кубани (*А.Н., респондент второй группы*).

Пример 14

На картине я вижу советских колхозниц в кумачовых косынках, разгорячённых работой в поле, собравшихся на закате в одном из колхозных дворов и оживлённо обсуждающих сбор урожая (*А.А., респондент третьей группы*).

Пример 15

На картине представлены сельские жители: женщины, дети, на заднем плане старик. Женщина у стола что-то рассказывает собравшимся односельчанам. Действие происходит в деревне у реки (*П.А., респондент четвёртой группы*).

Общее направление описания картины А.К. Ованесова информантами каждой из четырёх групп сопоставимо с комментарием к ней составителя иллюстрированной художественной энциклопедии «Донское наследие» Т.И. Коневской:

Пример 16

«Картина отображает события послевоенных годов, когда огромное число мужчин не вернулись с фронта. Тяжесть восстановления хозяйства легла на хрупкие плечи женщин. Хотя женщин на картине Ованесова А.К. не назовешь хрупкими и беззащитными. Верится, что им, пережившим оккупацию и голод и не сломавшимся, всё по силам» [Коневская 2002].

В ходе анализа переменных внутри каждой из групп было проведено нормирование результатов с учётом означенных выше (*Таблица 3.1.3.*) характеристик. Показатели актуализированных информантами средств ДР были занесены в экспертные таблицы и систематизированы в сводной таблице (*Таблица 3.1.4.*).

Таблица 3.1.4.

Результаты эксперимента по выявлению способов актуализации ДР.

Этап первый. Сводная таблица

Средства актуализации \ Вид ДР	Персональная	Темпоральная	Пространственная
Группа I			
Лексические средства	8	303	445
Морфологические средства	8	0	0
Синтаксические средства	0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой I	16 (2,09%)	303 (39,66%)	445 (58,25%)
Группа II			
Лексические средства	15	110	172
Морфологические средства	15	0	0
Синтаксические средства	0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой II	30 (9,61%)	110 (35,26%)	172 (55,13%)
Группа III			
Лексические средства	24	275	151
Морфологические средства	24	6	0
Синтаксические средства	0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой III	48 (10%)	281 (58,54%)	151 (31,46%)
Группа IV			
Лексические средства	39	76	196
Морфологические средства	39	0	0
Синтаксические средства	0	0	7
Всего речевых средств, актуализированных группой IV	78 (21,85%)	76 (21,29%)	203 (56,86%)
Средний показатель актуализации средств ДР (группы I, II, III, IV)	43 (8,99%)	192,5 (40,25%)	242,75 (50,76%)

Анализ реакций информантов (преимущественно второй и третьей группы) позволил пополнить списки маркеров пространственной ДР существительными и прилагательными, локализирующими описываемые фрагменты действительности (например, *забалка* (окраинная часть станицы), *жнива* (поле, с которого сжат

хлеб), *площадь* (незасеянное место в конце огорода), *обдолье* (земля, территория, прилегающая к Дону); *верховский* (относящийся к верховьям Дона), *обнизовый* (располагающийся от Багаевской станицы и ниже по течению Дона).

Списки маркеров реализации темпоральной ДР были расширены в ходе эксперимента за счёт темпоральных прилагательных (*вечерешний* (вечерний), *будённый* (будничный, повседневный)) и словосочетаний «предлог + существительное» (*с ранья* (рано утром, на рассвете), *в обеды* (в полдень), *на час* (на некоторое время, на минутку)), «предлог + прилагательное + существительное» (*на коровьем реву* (на заре)).

Сопоставив усреднённые показатели трёх подвидов ДР, мы получили иерархию их актуализации для проанализированных текстов-описаний. На первом месте оказалась пространственная ДР (50,76%), на втором – временная ДР (40,25%), на третьем – персональная ДР (8,99%). В этой части эксперимента перед информантами-отправителями не ставилась задача обозначить своё собственное отношение к тому, что представлено на полотне. Тем более показательно наличие в их описаниях маркеров субъект-субъектного позиционирования (речевых средств с реализованной категорией первого лица). Отметив данный феномен, мы перешли ко второму этапу.

Здесь мы обратились к информантам с просьбой представить, что они сами являются наблюдателями или непосредственными участниками ситуации, отображённой на картине, и описывают её, обращаясь к своему собеседнику / собеседникам. Объём текстов-описаний информанты определяли сами, не будучи ограничены во времени так же, как и в первой части эксперимента. Приведём пример такого субъективизированного описания.

Пример 17

Вчера после работы в поле мы собрались в доме деда Матвея на собрание колхоза, обсудить сбор урожая и что ещё предстоит сделать. Решали, чем будем кормить скотину, думали, выполним ли план мясозаготовок. На собрании были все. Первой выступала Вера, председатель нашего колхоза (*Л.А., респондент третьей группы*).

Нормированные результаты анализа описаний информантов обобщены и приведены ниже (*Таблица 3.1.5*).

Таблица 3.1.5.

*Результаты эксперимента по выявлению способов актуализации ДР.**Этап второй. Сводная таблица*

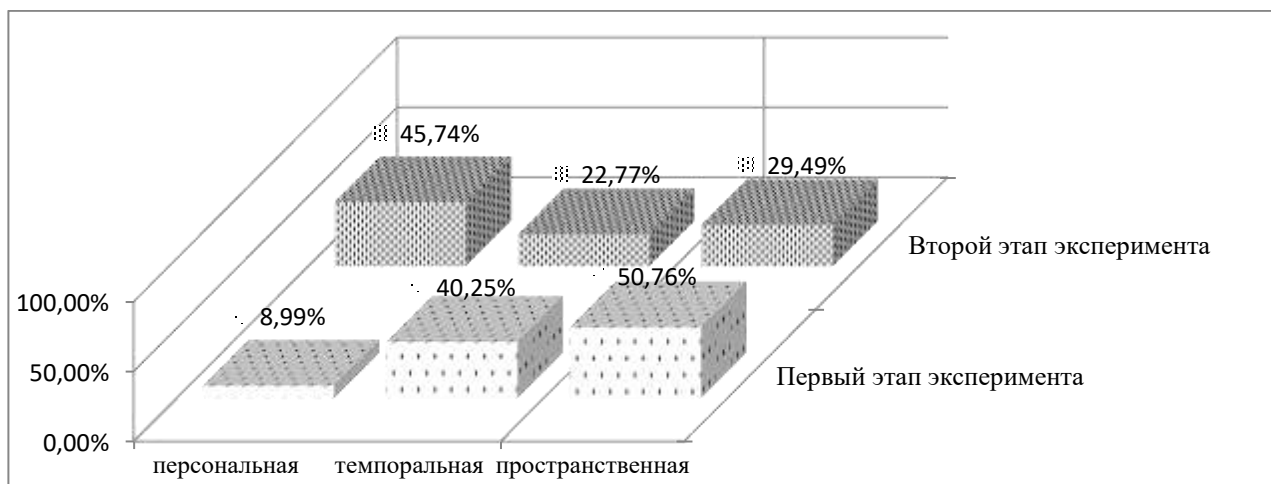
Средства актуализации	Вид ДР	Персональная	Темпоральная	Пространственная
Группа I				
Лексические средства		186	168	313
Морфологические средства		202	39	0
Синтаксические средства		0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой I		388 (42,73%)	207 (22,8%)	313 (34,47%)
Группа II				
Лексические средства		144	126	222
Морфологические средства		114	16	0
Синтаксические средства		0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой II		258 (41,48%)	142 (22,83%)	222 (35,69%)
Группа III				
Лексические средства		161	178	161
Морфологические средства		96	13	0
Синтаксические средства		0	10	0
Всего речевых средств, актуализированных группой III		257 (41,52%)	201 (32,47%)	161 (26,01%)
Группа IV				
Лексические средства		119	119	110
Морфологические средства		148	8	0
Синтаксические средства		0	0	0
Всего речевых средств, актуализированных группой IV		347 (59,42%)	127 (21,75%)	110 (18,83%)
Средний показатель актуализации средств ДР (группы I, II, III, IV)		312,5 (45,74%)	169,25 (24,77%)	201,5 (29,49%)

Согласно данным, отмеченным в таблице, на втором этапе эксперимента персональная ДР (45,74%) занимает первую позицию, за ней следует пространственная ДР (29,49%), на третьем месте в иерархии актуализации видов ДР

располагается темпоральная ДР (24,77%). Сопоставим полученные данные с результатами первого этапа эксперимента (Диаграмма 3.1.6.).

Диаграмма 3.1.6.

Актуализация подвидов ДР. Первый и второй этапы эксперимента

Полученные данные легитимируют наблюдения о том, что актуализация маркеров различных подвидов ДР зависит от условий речевой ситуации. В субъективизированных описаниях картины доминирует персональная ДР, в описаниях, где перед отправителем не ставится задача, обозначить собственное позиционирование, приоритет отдаётся пространственной и темпоральной ДР (персональная ДР: первый этап – 8,99%, второй этап – 45,74%). Кроме того, соотношение показателей пространственной и темпоральной ДР (первый этап: пространственная ДР – 50,76%, темпоральная ДР – 40,25%, интервал – 10,51%; второй этап: пространственная ДР – 29,49%, темпоральная ДР – 22,77%, интервал – 6,72%; разница интервалов <10%, но > 5%) демонстрирует значительно более высокую зависимость персональной ДР от исходных установок отправителя.

Проанализировав принадлежность маркеров ДР к языковым уровням, мы выяснили, что каждый их трёх подвидов ДР значительно чаще актуализируется с помощью лексических, чем с помощью морфологических или синтаксических маркеров не зависимо от исходных условий речевой ситуации (этап первый – Таблица 3.1.4., этап второй – Таблица 3.1.5.). Объединим показатели первого и второго этапов эксперимента и представим их в сводной таблице.

Таблица 3.1.7.

Распределение маркеров ДР соответственно языковым уровням.

Первый и второй этапы эксперимента

Средства актуализации \ Вид ДР	Персональная		Темпоральная		Пространственная		Всего
	И	II	И	II	И	II	
Группа I							
Этап эксперимента	И	II	И	II	И	II	И, II
Лексические средства	8	186	303	168	445	313	1423
Морфологические средства	8	202	0	39	0	0	249
Синтаксические средства	0	0	0	0	0	0	0
Группа II							
Лексические средства	15	144	110	126	172	222	789
Морфологические средства	15	114	0	16	0	0	145
Синтаксические средства	0	0	0	0	0	0	0
Группа III							
Лексические средства	24	161	275	178	151	161	950
Морфологические средства	24	96	6	13	0	0	139
Синтаксические средства	0	0	0	10	0	0	10
Группа IV							
Лексические средства	39	119	76	119	196	110	659
Морфологические средства	39	148	0	8	0	0	195
Синтаксические средства	0	0	0	0	7	0	7

Лингвистический уровень	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвёртая группа
Лексические	85,11%	84,48%	76,54%	
Морфологические	18,99%	15,52%	12,65%	22,65%
Синтаксические	0,91%			0,81%

Показатели актуализации лексических маркеров ДР существенно превосходят показатели маркеров других языковых уровней для представителей каждой из четырёх групп информантов (первая группа – 85,11%, вторая – 84,48%, третья – 86,44%, четвёртая – 76,54%). Морфологические маркеры реализуются значительно реже (первая группа – 18,99%, вторая – 15,52%, третья – 12,65%, четвёртая – 22,64%). Синтаксические достаточно редко (третья группа – 0,91%, четвёртая – 0,81%).

На третьем этапе эксперимента информантам было предложено выбрать (подчеркнуть) слова или выражения, указывающие на говорящего, а также его расположение во времени и в пространстве, в подготовленных текстах-образцах (письмах А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова). Объём исследованных текстов составил 4 158 АСГ. Пометы информантов были обработаны, систематизированы соответственно принадлежности языковым уровням и переведены в процентные величины (*Таблица 3.1.8.*).

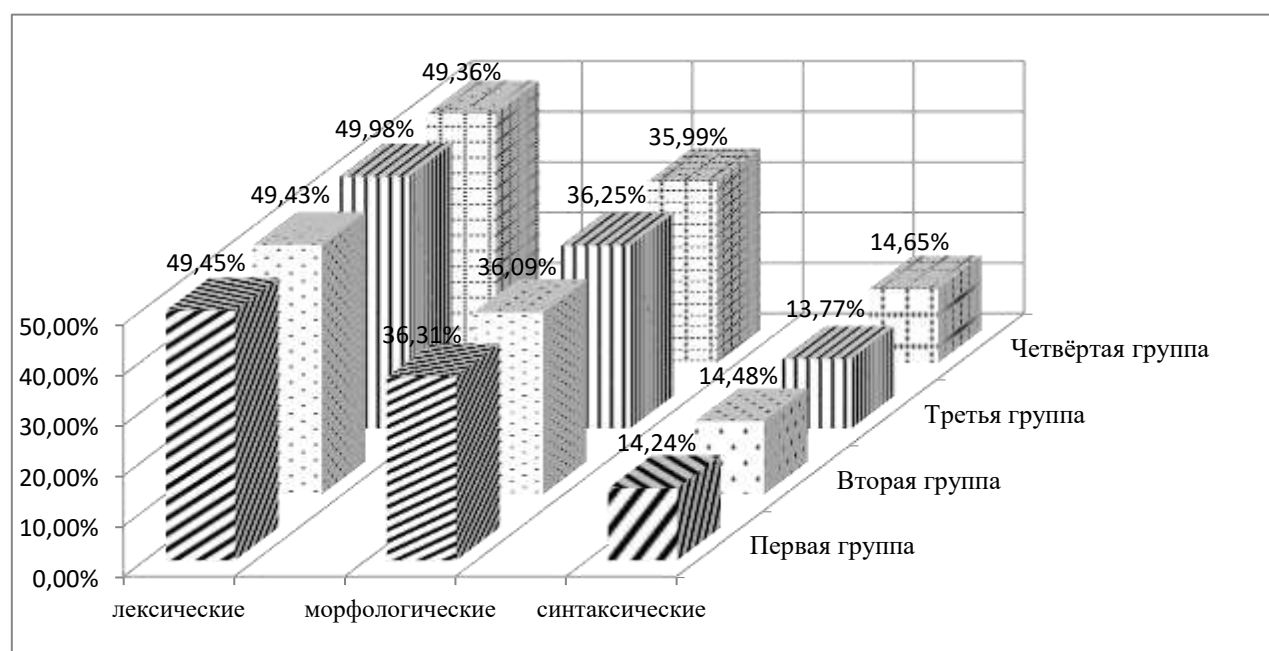
Таблица 3.1.8.

Распределение маркеров ДР соответственно языковым уровням.

Третий этап эксперимента

Средства актуализации \ Вид ДР				Всего
	Персональная	Темпоральная	Пространственная	
Группа I				
Лексические средства	928	138	980	2046 (49,45%)
Морфологические средства	752	750	0	1502 (36,31%)
Синтаксические средства	0	190	399	589 (14,24%)
Всего речевых средств, отмеченных группой I	1680	1078	1379	4137 (100%)
Группа II				
Лексические средства	939	142	971	2052 (49,43%)
Морфологические средства	750	748	0	1498 (36,09%)
Синтаксические средства	0	198	403	601 (14,48%)
Всего речевых средств, отмеченных группой II	1689	1088	1374	4151 (100%)

Группа III				
Лексические средства	940	144	963	2047 (49,98%)
Морфологические средства	748	735	2	1485 (36,25%)
Синтаксические средства	0	175	389	564 (13,77%)
Всего речевых средств, отмеченных группой III	1688	1054	1354	4096 (100%)
Группа IV				
Лексические средства	951	151	977	2079 (49,36%)
Морфологические средства	760	756	0	1515 (35,99%)
Синтаксические средства	0	210	407	617 (14,65%)
Всего речевых средств, отмеченных группой IV	1711	1117	1384	4212 (100%)
Средний показатель актуализации средств ДР (группы I, II, III, IV)	1692 (40,78% от общего числа дейктических маркеров)	1084,25 (26,13% от общего числа дейктических маркеров)	1372,75 (33,09% от общего числа дейктических маркеров)	4149 (100%)

Первую позицию в иерархии актуализации маркеров ДР (как и на первых двух этапах эксперимента) заняли лексические, вторую – морфологические, третью – синтаксические средства.

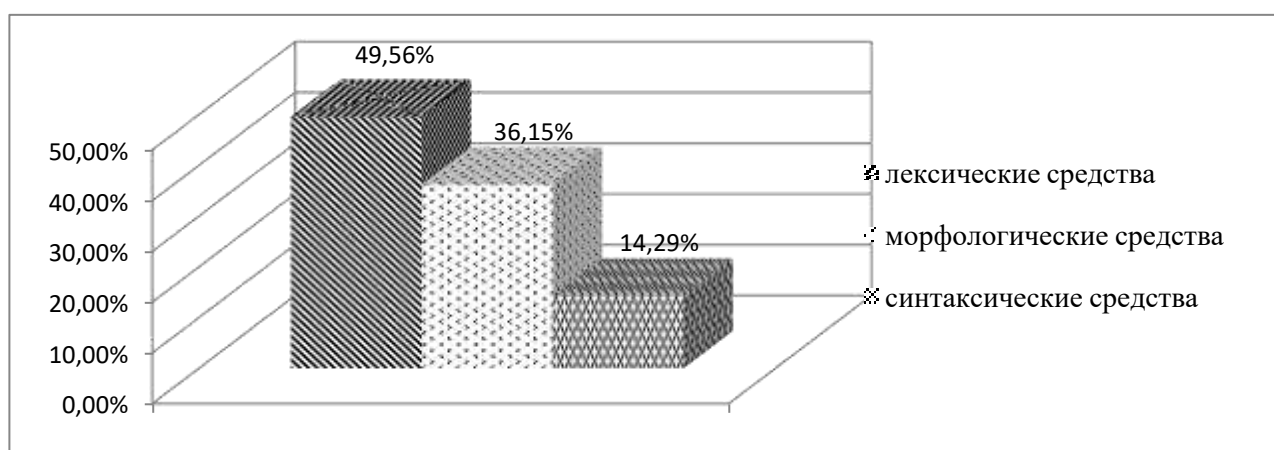
Систематизируем средние показатели актуализации маркеров ДР в таблице (Таблица 3.1.9.).

Таблица 3.1.9.

Распределение маркеров ДР соответственно языковым уровням.

Средние показатели. Третий этап эксперимента

Группа Средства актуализации	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Лексические средства	2046 (49,45%)	2052 (49,43%)	2047 (49,98 %)	2079 (49,36 %)	2056 (49,56%)
Морфологические средства	1502 (36,31%)	1498 (36,09%)	1485 (36,25 %)	1515 (35,99 %)	1500 (36,15 %)
Синтаксические средства	589 (14,24%)	601 (14,48%)	564 (13,77 %)	617 (14,65%)	592,75 (14,29%)
Всего	4137 (100%)	4151 (100 %)	4096 (100 %)	4212 (100 %)	4148,75 (100%)

Исследование ДР на третьем этапе эксперимента подтверждает доминирование лексических маркеров (49,56%). Второе и третье места занимают морфологические (36,15%) и синтаксические (14,29%) маркеры.

Трёхэтапное изучение маркеров ДР показало, что каждый из исследованных уровней языка предоставляет широкий выбор средств для указания на активный субъект коммуникации, его пространственную и временную локализацию, а также на пространственно-темпоральную локализацию отображаемых им объектов действительности. Осуществляя выбор средств из наличного репертуара маркеров ДР и позиционируя себя и фрагменты отображаемой

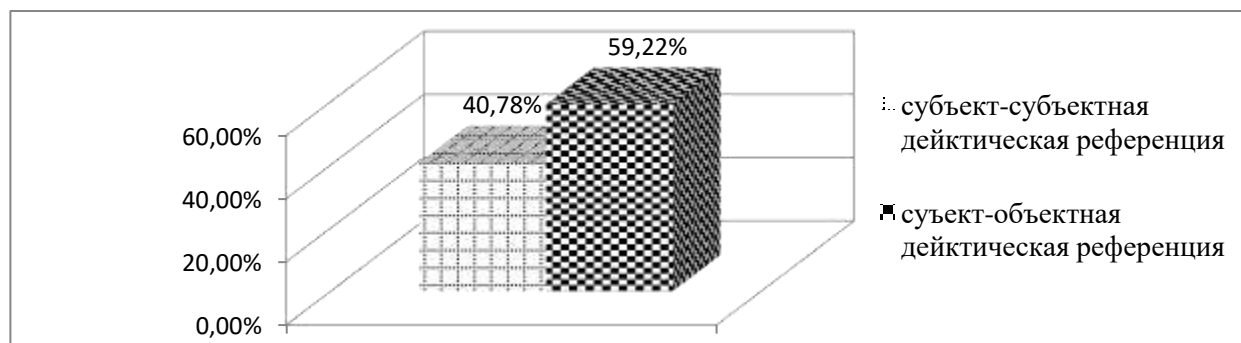
действительности во времени и в пространстве, субъект-отправитель раскрывает собственный прагматический код, основанный на его уникальных хронотипических приоритетах. Это позволяет рассматривать актуализацию ДР в качестве одного из видов актуализации субъектно маркированной референции.

К такому выводу мы приходим, сопоставляя составленные по результатам эксперимента абстрактные модели актуализации ДР: 1) субъект-субъектную, реализующуюся в высказываниях с выраженным модусным субъектом, и 2) субъект-объектную, реализующуюся в высказываниях с невыраженным модусным субъектом.

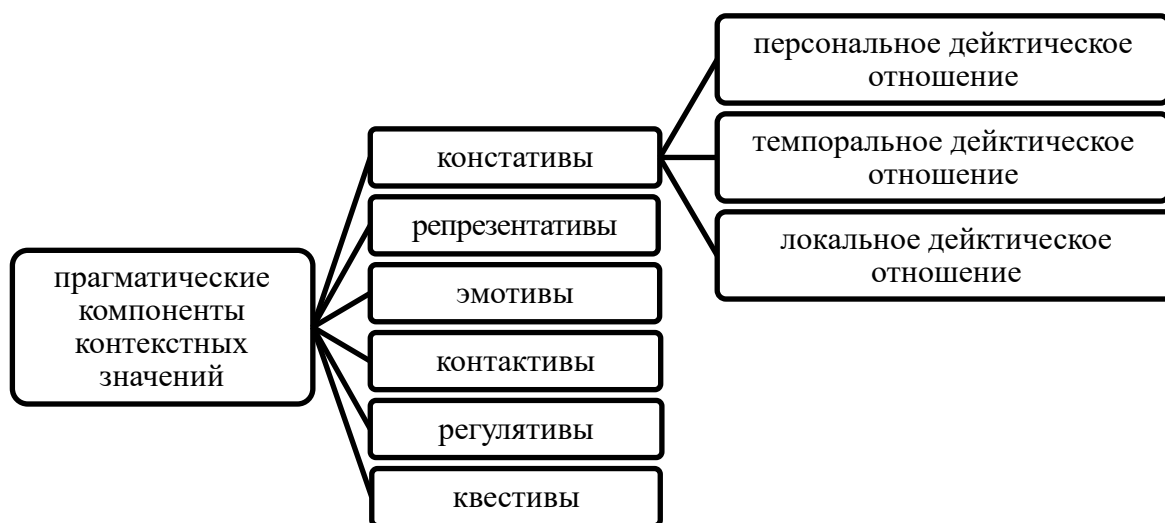
Исследование текстов-образцов на предмет соответствия абстрактным моделям актуализации ДР, проведённое на четвёртом этапе эксперимента, позволило выявить соотношение двух типов моделей ДР (субъект-субъектной и субъект-объектной) (*Диаграмма 3.1.10.*).

Диаграмма 3.1.10.

Актуализация моделей субъект-субъектной и субъект-объектной ДР

Сравнение процентных показателей позволяет заключить, что субъект-субъектная ДР (40,78%) имеет высокие показатели, но не доминирует в проанализированных эпистолярных текстах. Речевые средства её актуализации выступают в тексте как маркеры-носители ПККЗ класса констативов, при этом объективизируется их потенциальная способность сообщать о представлениях отправителя, касающихся темпорально-локального позиционирования отображаемого им фрагмента действительности (*Схема 3.1.11.*).

ПККЗ. Класс констативов

Способность сообщать об определённом спектре индивидуализированных представлений отправителя о фактах отображаемой им действительности обуславливает актуальность и перспективность изучения констативов в сопоставлении с маркерами-носителями других видов ПККЗ, в том числе с репрезентативами.

3.2. Оценочные модальные референции

Репрезентативы как класс ПККЗ, актуализация которого обуславливается реализацией оценочных модальных референций, представляющих такой способ репрезентации коммуницирующего субъекта в заданном коммуникативном пространстве, который предполагает выражение им собственного ценностного или вероятностного отношения к отображаемому, занимает по результатам эксперимента в общей иерархии ПККЗ второе место (§ 2.3., Таблица 2.3.6., Диаграмма 2.3.7. показатель актуализации репрезентативов – 16,99%).

Согласно содержанию компонентов внутренней структуры, репрезентативы могут быть разделены на две группы: 1) репрезентативы, направленные вовне – на оцениваемые отправителем фрагменты действительности и, соответственно, восходящие к эмотивным оценочным референциям, 2) репрезентативы,

направленные вовнутрь – на оценивающего отправителя, ориентированные на его саморефлексию и интроспекцию и, следовательно, восходящие к конативным (интрапсихическим) оценочным референциям.

Содержание компонентов внешней структуры репрезентативов соотносится с факторами индивидуально и стереотипно реализуемых оценочных референций, которые, в свою очередь, разделяются соответственно доминантам, сложившимся в условиях конкретной лингвокультуры и характеризующим как наивные, так и научно обоснованные представления отправителя и социальной группы, к которой он принадлежит, относительно природы эксплицируемых / имплицитных ценностей.

Ещё одним основанием для классификации оценочных референций могут быть нюансы осуществляемой отправителем оценки, с учётом которых можно выделить: 1) аксиологические оценочные референции, описывающие ценностное отношение, и 2) эпистемические оценочные референции, резентирующие вероятностное отношение отправителя к отображаемому фрагменту действительности. Рассмотрим каждую из обозначенных групп подробно.

3.2.1. Аксиологическая оценочная референция

Изучение феномена вербального выражения ценностного отношения отмечено высокой степенью лингвистической релевантности, которая является следствием назревшей к настоящему моменту необходимости описания соответствующих базисных понятий, а также выделением и стратификацией специальных маркеров-репрезентантов и конвенциональных и индивидуальных алгоритмов их актуализации, отображающих особенности языкового сознания и коммуникативного поведения отправителя.

Интегративно-сопоставительное исследование аксиологического фактора в языке опирается на классические и современные научные труды, ориентированные на раскрытие сущности и уточнение критериев осуществления

оценивания субъектом-отправителем мыслимой или непосредственно воспринимаемой им действительности.

В ряду классических работ, заложивших основы научного описания данного феномена, в первую очередь следует отметить труды античных философов: Сократа и Платона, разрабатывавших вопросы, касающиеся сущности реализованных ценностей и рассматривавших благое, полезное и красивое как составляющие многокомпонентной структуры добродетели человека [Ксенофонт 2020: 36; Платон 2006: 226-227].

Не менее значимы исследования феномена в философии Средних веков, экстраполировавшей оценивание состояния блаженства созерцания Божественного на определение ценностного статуса воспринимаемых человеком субъектов и объектов [Аврелий 2019: 52].

Исследования Нового времени, посвященные проблемам выражения ценностного отношения субъекта, возводят в ранг принципиально значимых его биопсихические потребности [Дьюи 2003: 137]; отражающие культурную динамику и практические установки, выступающие в качестве духовной цели [Windelband 2019: 90-91]; постоянную аксиологическую серию в Боге, как онтологическую основу личности [Scheler 2021: 283, 287]; нормы бытия, значимые для личности [Weber 2012: 561]) и т.д. Многочисленные философские исследования создают предпосылки лингвистической аксиологии.

Лингвистическая аксиология существует с середины XX века. В духе этого направления анализируется ценность разноуровневых языковых единиц [Бодуэн де Куртенэ 2004], ценностные ориентации персонажей и авторов художественных произведений [Бахтин 2000], вербализация аксиологических ментальных стереотипов в условиях, отмеченных особенностями определённой лингвокультуры и данностями времени [Бартминьский 2005]. При этом языковая оценка часто определяется как разновидность познавательной деятельности, базирующаяся на стереотипах научного и обыденного сознания отдельной языковой личности и целостного национально-исторического коллектива [например, Богуславский 2004: 11].

Исследования лингвистической аксиологии пополняются новыми сведениями, полученными в смежных направлениях. Так, например, в рамках логической теории языка рассматривается проблема ценностно маркированного значения, реализуемого средствами языковой системы: значения «хорошего», т.е. того, что отвечает параметрам идеализованной мировой модели, и «плохого» – того, что этим параметрам противоречит [Арутюнова 1988: 59]. В связи с этим поднимаются важные для нашего исследования вопросы представления отношения отправителя к идеальной модели, ориентируясь на которую, отправитель квалифицирует отображаемый объект реальности, и впоследствии воздействует на получателя [Арутюнова 1988: 59-60]. При этом ценностно маркированные значения «хорошо» / «плохо» противопоставляются значениям других типов, в том числе эстетическим, вкусовым, сенсорным оценочным значениям [Арутюнова 1988: 84], что позволяет наметить специфику иллокутивной и содержательной наполненности языковых единиц-носителей данных значений.

Проблема вербализации оценочных суждений, представляющих особенности восприятия субъектом различных фрагментов действительности и эмоциональной реакции на них, разрабатывается также в связи с необходимостью интерпретации текстов, воплощающих в себе индивидуально-авторские картины мира их создателей, переводчиками. Рассматривая текст как особое смысловое единство, чей коммуникативно-эстетический потенциал значительно превосходит совокупность содержания составляющих его высказываний [Серебрякова 2007: 20], исследователи приходят к выводу об обязательности осмысления дополнительного оценочного содержания, имплицитно связанного с языковым значением [Серебрякова 2007: 20-21, Серебрякова, Донцова 2016: 254].

В последние десятилетия оценочные значения «хорошо» / «плохо», реализованные в языке, активно разрабатываются в сопоставлении с эталонами конвенционально закреплённых ценностей и антиценностей [Байрамова 2006: 82; 2018]. С учётом степени соответствия каждому из означенных эталонов выделяются неоднородные по составу и значимости языковые единицы, в том числе онимы, отображающие самосознание конкретного лингвосоциального

сообщества в заданный период времени [Костюченкова 2009: 4]. Ценностные эталоны лингвосоциальных сообществ становятся ориентирами при уточнении функции и алгоритмов вербализации оценивания как в предметной, так и в строго социальной действительности [Абишева 2002: 14; Самигуллина 2005: 47; 2006].

Особое место в современной лингвистике занимают исследования вербальных и невербальных оценок, транслирующих разновекторные ценностно-этические установки в процессе коммуникативного взаимодействия как внутри отдельных лингвокультур, так и между различными культурами [Олянич 2014, Олянич, Астафурова 2014]. Привлечение лингвосемиотического алгоритма «знак → слово → текст / дискурс», с одной стороны, позволяет зафиксировать и осуществить анализ качества и значений семиотических и лингвосемиотических знаков, с помощью которых отправители текстов кодируют этическую информацию, отражающую их витальные (в их числе, прежде всего, поведенческие и когнитивные) потребности, с другой стороны, последовательно описать динамический процесс их дискурсивного развёртывания [Олянич 2014: 219-220, Олянич, Астафурова 2014: 19-33].

Анализ речевой экспликации ценностных эталонов представителями различных лингвосоциальных сообществ широко представлен в прагмалингвистических исследованиях [Матвеева, Бутусова, Ломова, Моисеенко, Одарюк, Чигридова 2007; Матвеева 2010]. Традиционное разделение оценочных маркеров по шкале «хорошо» / «плохо» экстраполируется в них на маркеры положительного / отрицательного отношения субъекта-отправителя к отображаемым им фрагментам действительности.

Учитывая множественность существующих классификаций, в нашем исследовании мы анализируем вербализацию ценностного отношения отправителя как отражение средствами языка определённой степени соответствия представляемого им фрагмента действительности тем ценностным критериям, которые сформировались в его сознании под влиянием различных субъективных (личностных) и объективных (конвенциональных) факторов.

Вербализация ценностного отношения осуществляется благодаря наличию строгих смысловых ассоциаций между объективной реальностью и аксиологическими установками, касающимися общих и специфических (интеллектуальных, практических, эстетических, этических) параметров соответствия отображаемого ценностным критериям субъекта. Это означает, что в системе аксиологических оценочных референций (АОР) можно экстрагировать:

- общие (общеоценочные) АОР,
- интеллектуальные АОР,
- эстетические АОР,
- этические АОР,
- практические АОР.

Дальнейшее разделение подвидов АОР как одного из видов субъектно-маркированных референций, восходящих к выражению ценностного отношения отправителя к отображаемому, можно провести с учётом степени индивидуализации / социализации соответствия отображаемого субъектом фрагмента действительности ценностным критериям, наличествующим в его сознании, выделив, например, субъект-субъектную и субъект-объектную общеоценочную АОР и т.д. Субъект-субъектная общеоценочная АОР будет отображать при этом общие параметры соответствия отображаемого индивидуальным ценностным критериям, субъект-объектная оценочная АОР – конвенционально обусловленным критериям, существующим в сознании отправителя.

Принимая в качестве основания статус аксиологического оценивания, мы выделяем также подвиды абсолютных и относительных АОР. Абсолютные АОР вербализуют полное соответствие / несоответствие отображаемого фрагмента действительности критериям ценностного оценивания подобно модальным понятиям *хорошо* / *плохо* [ср. Ивин 2001: 38], относительные АОР демонстрируют сравнение отображаемых параметров с ценностными критериями по типу относительных модальных понятий *лучше* / *хуже*.

Каждый из подвидов АОР реализуется в высказываниях, построенных по следующей формуле:

«*S* полагает, что *O* есть *M*»,

где *S* – субъект, *O* – объект, *M* – модальное понятие (аксиологический модальный оператор), отображающее нюансы ценностного оценивания.

Проиллюстрируем актуализацию АОР в контекстном окружении.

Пример 18

«*По-моему*, это **хорошо** только в том случае, ежели, сидя на диване, путешествуешь по карте» (М.А. Шолохов Е.Г. Левицкой, 28 июня 1930 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 57]).

Абсолютный модальный оператор *хорошо* указывает на совпадение отображаемой ситуации действительности с усвоенными субъектом общеоценочными критериями (общеоценочная АОР). Прямое указание на осуществляющий оценивание субъект (*по-моему*) персонализирует факт данного подвида референции и позволяет отнести её к группе субъект-субъектных общеоценочных АОР.

Пример 19

«Махорка *мне* глотку переела, а папиросы в Вёшках есть 4-го сорта. **Хуже** любой религии» (М.А. Шолохов Е.Г. Левицкой, 2 декабря 1931 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 74]).

В данном отрывке письма отправитель проводит сопоставление набора отдельных объектов (*папиросы*) с усвоенными им ценностями. Сопоставление вербализуется с помощью относительного модального оператора общей оценки (*хуже*), имплицитно связанного с указанием на активный субъект (см. в препозиции личное местоимение первого лица ед. числа *мне*). Это означает, что в отрывке актуализирован подвид субъект-объектной общеоценочной АОР.

Пример 20

«**Умный** читатель запоминает всё с одного раза, а на **дураков** не стоит ориентироваться» (М.А. Шолохов М. В. Ливинцову, 17 ноября 1956 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 314]).

Здесь модальные операторы с положительной (*умный*) и отрицательной (*дураков*) коннотациями указывают на абсолютное соответствие наличествующих интеллектуальных характеристик существующим в сознании отправителя критериям оценки интеллектуального статуса не участвующих в коммуникации субъектов (*читателей*). Прямое указание на совершающий оценивание субъект

в данном обобщающем высказывании отсутствует, следовательно, перед нами актуализированная модель субъект-объектной интеллектуальной АОР.

Пример 21

«Мне думается, что в отношении её поступили **несправедливо** и на работе её надо восстановить» (М.А. Шолохов П.К. Луговому, 24 марта 1944 г., г. Камышин [Шолохов 2003: 238]).

В данном отрывке письма реализован маркер этической АОР (*несправедливо*). Препозитивное указание на осуществляющий оценивание субъект (*мне*) позволяет говорить об актуализации субъект-субъектной этической АОР.

Пример 22

«За Ваши **самопожертвования, подвиги и верность долгу** Вас будет благословлять Русский народ, а сыны и внуки вспоминать с **гордостью и уважением**» [Дутов 2006: 231].

Абсолютные модальные операторы (*самопожертвования, подвиги, верность долгу, гордостью, уважением*), реализованные в отношении непосредственных получателей письма (казаков), транслируют однозначную положительную морально-этическую оценку отправителем (А.И. Дутовым) их деятельности. Не будучи связанными с непосредственным указанием на отправителя, в тексте они выступают как маркеры субъект-объектной этической АОР. То же самое происходит и в следующем отрывке:

Пример 23

«Как и во всех предыдущих войнах офицеры и солдаты показали себя **героями**» [Лукомский 2001: 18],

Абсолютный модальный оператор (*героями*) представляет высокую оценку морально-этических качеств участников военной кампании. Отсутствие в высказывании указания на оценивающий их качества субъект позволяет отнести его к группе маркеров субъект-объектной этической АОР.

В контекстном окружении выражение различных нюансов оценивания часто осуществляется параллельно. Например, в следующем отрывке:

«Казак же, какого бы цвета лампасы он не носил, прежде всего, является **хозяином** и на реквизиции его **добра**, как бы они ни были **нужны**, всегда смотрит весьма **косо**» [Дутов 2011: 1],

модальный оператор общей оценки, эксплицирующий отрицательное отношение субъекта (смотрит *весьма косо*) к происходящему (реквизиции казачьего имущества), сосуществует с модальными операторами положительной практической оценки (*хозяином, добра, нужны*). Оценивающий субъект остаётся при этом не выраженным эксплицитно. Это означает, что здесь реализованы подвиды субъект-объектной общеоценочной и практической АОР.

Проведя анализ контекстной актуализации различных подвидов АОР, мы пришли к выводу, что в качестве её маркеров могут использоваться речевые единицы различных уровней:

- субъективно-оценочные лексические единицы (русс.: *хорошо / плохо, умно / глупо, красиво / некрасиво, морально / аморально, практично / непрактично* и т.д.; нем.: *gut / schlecht, klug / dumm, schön / unschön, moralisch / unmoralisch, praktisch / unpraktisch* и т.д.) [ср. Арутюнова 1988: 77-81, 202-245; Битнер 2011: 3; Максимов 2008: 5; Старостина 2007: 237; Юнусова 2009: 8];
- речевые средства, выражающие оценку посредством морфологической формы (степени сравнения прилагательных: русс.: *хорошо / лучше / лучше всего*; нем.: *gut / besser / der beste / am besten*),
- речевые средства, содержащие оценку в своей структуре (например, суффиксы субъективной оценки: русс.: *умнейший / глупенький*) [Кирьянова 2007: 18],
- синтаксические речевые средства (например, субъективно-оценочные вводные конструкции, сравнения) [ср. Арутюнова 1988: 228, 252-258; Кирьянова 2007: 16-17], а также устойчивые сочетания [Архипова, Баранова 2020: 32-36].

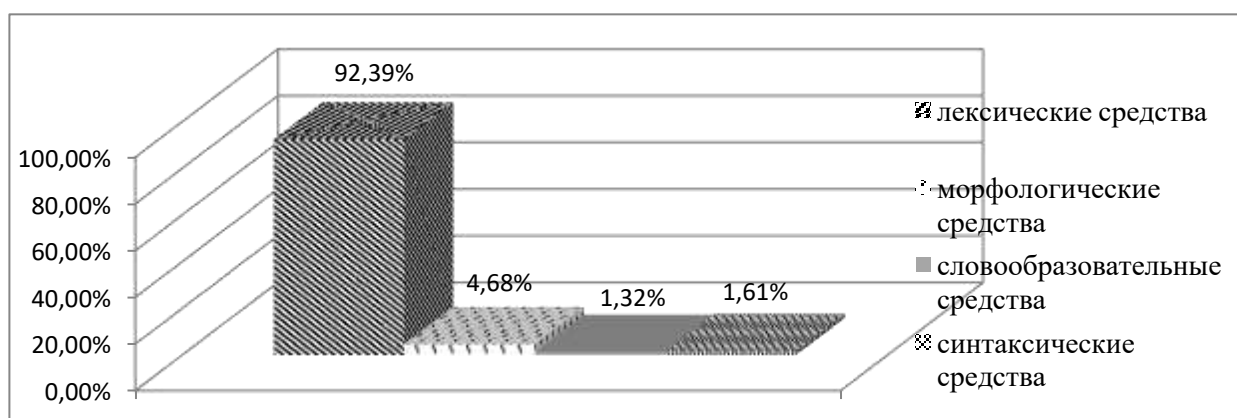
Актуализация данных речевых средств была проанализирована в ходе специального эксперимента.

На первом этапе эксперимента информанты отмечали в предварительно розданных им текстах-образцах речевые единицы, представляющие нюансы различного рода оценки фактов отображаемой действительности. После обработки результатов полученные данные были усреднены, переведены в процентные величины и зафиксированы в табличной форме (см. *Таблица 3.2.1.1.*).

Таблица 3.2.1.1.

Средства актуализации АОР

Группа Средства актуализации	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Лексические средства	689 (92,98%)	702 (92,49%)	712 (92,11%)	703 (92,02%)	701,5 (92,39)
Морфологические средства	31 (4,18%)	35 (4,61%)	37 (4,79%)	39 (5,1%)	35,5 (4,68%)
Словообразовательные средства	10 (1,35%)	9 (1,19%)	12 (1,55%)	9 (1,18%)	10 (1,32%)
Синтаксические средства	11 (1,49%)	13 (1,71%)	12 (1,55%)	13 (1,7%)	12,25 (1,61%)
Всего	741 (100%)	759 (100%)	773 (100%)	764 (100%)	759,25 (100%)

Эксперимент показал, что наиболее часто распознаваемыми средствами актуализации АОР являются маркеры лексического уровня (92,39 %). За ними следуют маркеры морфологического (4,68 %) и синтаксического (1,61 %) уровней. Реже других эксперты распознавали маркеры словообразовательного уровня (1,32 %).

Анализ статуса аксиологической оценки в отмеченных экспертами случаях актуализации АОР продемонстрировал доминирование высказываний с абсолютными аксиологическими маркерами, соответствующих модели:

«S полагает, что O есть хорошо / плохо».

Количество таких высказываний – 88,5%. Это значительно больше высказываний с относительными аксиологическими маркерами, отвечающих модели:

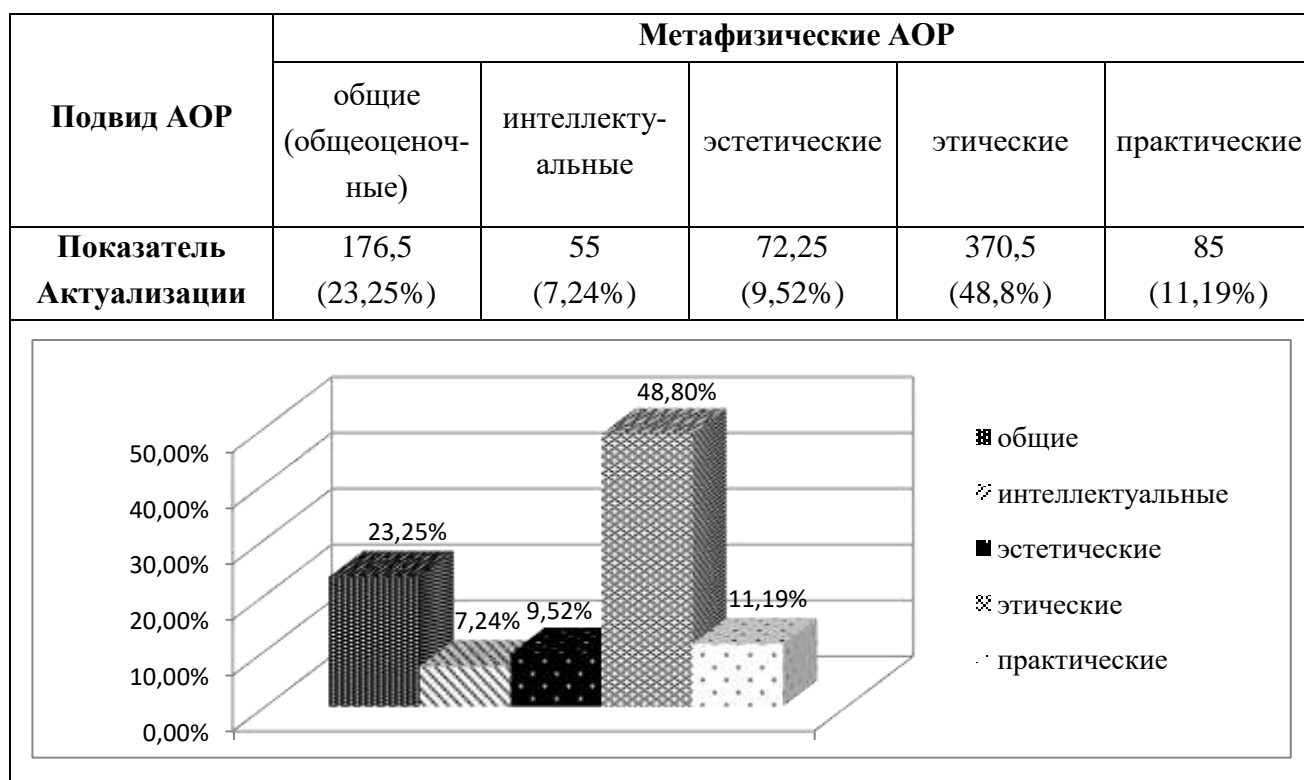
«S полагает, что O есть лучше / хуже».

Данные выводы подтверждают наблюдения, полученные в ходе первичной обработки материала, о том, что в пространстве казачьей лингвокультуры преобладают лексические средства АОР, представляющие нюансы абсолютной аксиологической оценки.

На втором этапе эксперимента мы обратились к респондентам с просьбой отнести помеченные ими высказывания с наличествующими в них маркерами ценностного отношения к одному из пяти подвидов реализации АОР. Реакции респондентов были зафиксированы в табличной форме (Таблица 3.2.1.2.).

Таблица 3.2.1.2.

Актуализация подвидов АОР. Средние показатели

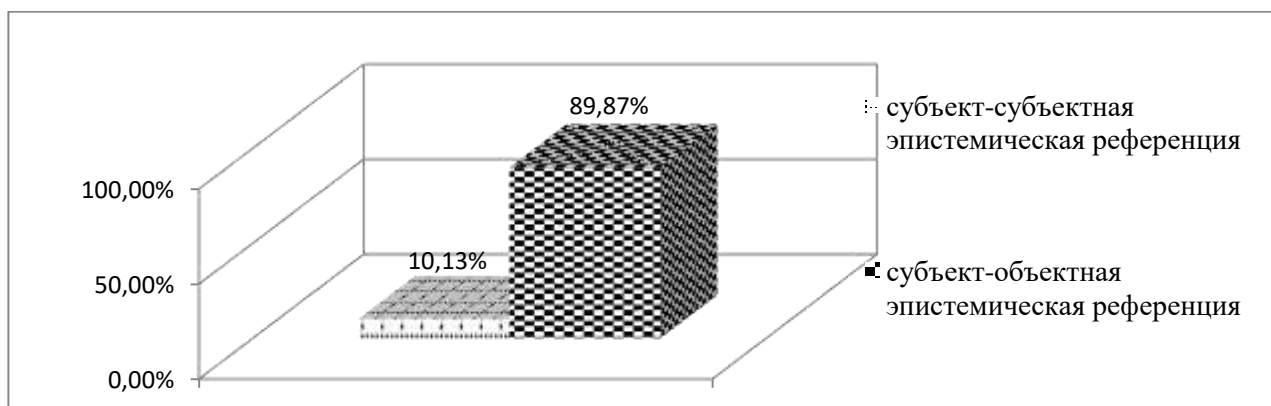

Как видим, первое место в иерархии актуализированных АОР занимают этические (48,8%), второе – общие (23,25%), третье – практические (11,19%), четвёртое – эстетические (9,52%) и пятое – интеллектуальные АОР (7,24%). Следовательно, доминирующим в проанализированных текстах является выражение этического оценочного отношения отправителя к отображаемым фрагментам действительности (*Примеры 21,22*).

От анализа актуализации подвидов АОР перейдем к подсчёту частоты реализации моделей субъект-субъектной и субъект-объектной АОР, выделенных на третьем этапе эксперимента. Результаты отразим на диаграмме.

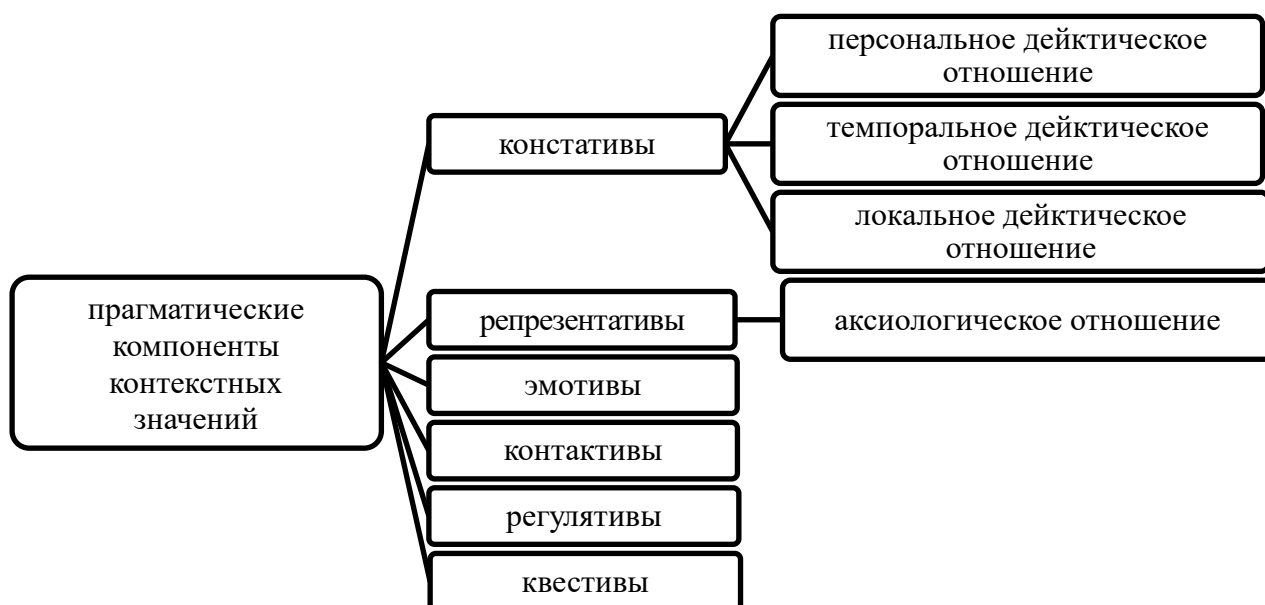
Диаграмма 3.2.1.3.

Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной АОР

По результатам подсчёта, абсолютным лидером является субъект-объектная АОР (89,87%). Такие данные позволяют утверждать, что отправители исследованных текстов реализуют конвенционально обусловленные предпочтения чаще, чем индивидуально обусловленные оценки.

АОР, актуализированная в высказываниях, соответствующих субъект-субъектной модели (77 (10,13%)), является одним из способов актуализации ПККЗ класса репрезентативов. Представим это на схеме (*Схема 3.2.1.4*).

ПККЗ. Класс репрезентативов

Оценивание отправителем фрагментов действительности помимо аксиологических нюансов может распространяться на нюансы выражения степени вероятности существования данных фрагментов непосредственно в перцептивном поле отправителя или опосредованно вне данного поля. Данный вид оценивания рассмотрим в следующем параграфе.

3.2.2. Эпистемическая оценочная референция

Вербализация оценивания вероятности существования отображаемых субъектом фрагментов действительности, так же как и их аксиологическое оценивание, является одним из самых сложных для анализа и последующей интерпретации нюансов вербальной объективизации действительности. Это обуславливается особенной комбинаторностью онтологической структуры самих эпистемически значимых феноменов, а также средств и алгоритмов обозначения степени их достоверности, существующих в национальной традиции и в сознании отдельного носителя языка.

При несомненной сложности подобных исследований в современной научной парадигме накоплен значительный опыт анализа и интерпретации разнообразных эпистемических факторов. Их системное представление подготовлено работами, написанными в русле эпистемической логики [например, Kipke 2014; 2017; Wright 2008], раскрывающими разнообразные векторы вероятностного оценивания отображаемой действительности, такие, например, как: возможность, ложность, ошибочность.

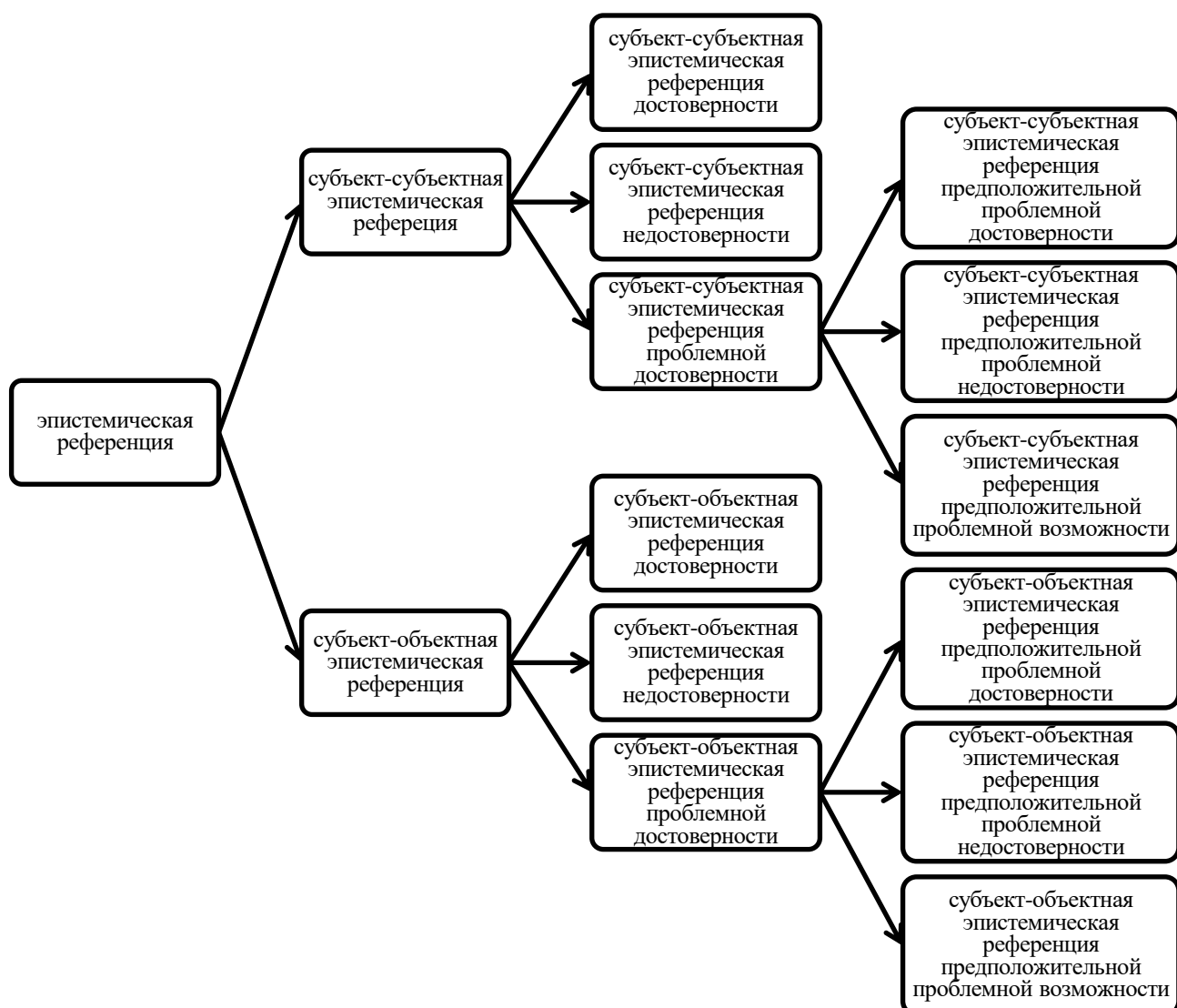
Интенциональная сторона речевого выражения оценивания эпистемически значимых факторов широко представлена в работах, написанных в духе теории речевых актов [Brändle 2007; Pfister 2007], где большое внимание уделяется проблеме экспликации логикоэпистемического статуса принципов организации речевой деятельности.

В данном исследовании, концентрируя особое внимание на характерной роли субъекта, выступающего в качестве активного деятеля в процессе оценивания эпистемически значимых феноменов, мы рассматриваем эпистемические (*epistemic* – греч. «знать, уметь», «полагать, думать») оценочные референции (далее ЭОР) в качестве референций, основная спецификация которых состоит в выражении отношения субъекта-отправителя к степени вероятности существования отображаемого им фрагмента действительности.

Исследование ЭОР с позиций разрабатываемого интегративно-сопоставительного подхода ориентировано на установление и интерпретацию связей между индивидуально и конвенционально маркированными эпистемически валентными средствами языка и отображаемыми субъектом эпистемически значимыми феноменами.

Учитывая установки, отвечающие различным когнитивным состояниям оценивающего субъекта [ср. Швец 2007: 16], мы выделяем три группы ЭОР: 1) достоверности, 2) недостоверности и 3) проблемной достоверности. Каждая группа имеет два варианта реализации: с эксплицированным субъектом (субъект-субъектная ЭОР) и без него (субъект-объектная ЭОР).

Подвиды ЭОР

Для каждого из подвидов ЭОР можно вывести соответствующую формулу:

- ЭОР достоверности: « S полагает (уверен), что P »,
- ЭОР недостоверности: « S полагает (уверен), что не P »,
- ЭОР проблемной достоверности: « S не полагает (не уверен), что P », где

где S – оценивающий субъект, а P – оцениваемая пропозиция.

Последний подвид ЭОР может быть эксплицирован вариантами, выражающими различные направления субъективного представления отправителя. В отношении проблемной достоверности это предположение о достоверности / недостоверности или предположение о возможности, которое транслирует,

соответственно, низкую и среднюю степень уверенности субъекта в существовании того, что он отображает. Уточним модусную формулу для каждого из подвидов предположительной проблемной достоверности:

- « S не полагает (не уверен), что P , но предполагает что P »,
- « S не полагает (не уверен), что P , но предполагает что не P »,
- « S не полагает (не уверен), что P , но предполагает возможным как P , так и не P ».

Так же как и другие виды оценочной референции, ЭОР реализуются в тексте в высказываниях, соответствующих каждой из приведённых выше эпистемических моделей, посредством разноуровневых маркеров:

- речевых средств, выражающих оценку степени вероятности семантически (модальных глаголов и предикативов (русс.: *мочь*; нем.: *können*), предикатов эпистемических состояний (русс.: *знать, думать, полагать, предполагать*; нем.: *wissen, denken, glauben, vermuten*), модальных прилагательных (русс.: *возможный, неизбежный*; нем.: *möglich, unvermeidlich*), модальных слов и частиц (русс.: *возможно, необходимо, неизбежно, действительно, подлинно, так*; нем.: *möglich, nötig, unvermeidlich, wirklich, echt, von selbst*) [ср. Аверина 2010: 14; 21-22, 29; Гак 2000: 317; Кобозева 2000: 24], модальных фраз в функции вводных оборотов или в функции главной части сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным предложением [ср. Беляева 1992: 159; Швец 2007: 164-165]),
- речевых средств, выражающих оценку степени вероятности грамматически (посредством категории времени и наклонения [Аверина 2010: 14; Гак 2000: 23], утвердительных (пропозитивных) предложений с предикатами в изъяснительном наклонении, общих вопросов [ср. Швец 2007: 164-166]).

Отметим, что упомянутые выше предикаты эпистемических состояний, являясь речевыми средствами, содержащими оценку степени вероятности в своей семантике, могут рассматриваться как маркеры актуализации ЭОР

каждого из трёх выделенных подвидов (референции достоверности, недостоверности, проблемной достоверности). Данные маркеры образуют систему, где выделяются ядро и периферия. Ядром являются предикаты, называющие эпистемические состояния: «знать», «думать, полагать», «предполагать»), периферию составляют предикаты, у которых эпистемическое значение не является основным. Разграничение предикатов эпистемических состояний на конкретном материале вызывает определённые трудности, не всегда удаётся чётко провести границу между различными их группами. В таких случаях при определении принадлежности предиката к группе маркеров референции достоверности, недостоверности или проблемной достоверности приходится руководствоваться прагматическим контекстом (а также сочетаемостью маркеров с другими речевыми сигналами ЭОР семантического и грамматического уровней, например, с наклонением глаголов придаточного предложения, относящегося к предикату).

Речевые средства, реализующие категорию времени и категорию наклонения, выступая в качестве маркеров ЭОР, демонстрируют следующие особенности. В соответствующем контекстном окружении в форме настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения они маркируют ситуацию действительности преимущественно как реально существующую или существовавшую и достоверную; в форме настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения с отрицательной частицей *не* (нем.: *nicht*) – как реально несуществующую или несуществовавшую и недостоверную; в форме будущего времени изъявительного и сослагательного наклонения – как воображаемую или возможную. Рассмотрим реализацию маркеров ЭОР в контексте.

Пример 25

«**Бывает**, что и муха чихает» (*казачья пословица*).

Глагол в изъявительном наклонении третьего лица ед. числа, настоящего времени (*бывает*) представляет результат рефлексии субъекта-отправителя относительно возможности существования определённого факта и выражает высокую степень уверенности отправителя в данной возможности.

Пример 26

«Я **надумал** такой **план**: *приеду* в Москву, *осмотрюсь* и, **если служба будет наклёвываться** и **если помещу рассказ**, то **вполне возможно**, что я *оставлю* на надежных людей корзину и налегках *катну* за тобой» (М.А. Шолохов М. П. Шолоховой 9-10 ноября 1924 г., Ольховый Рог, г. Миллерово [Шолохов 2003: 12]).

Предикат эпистемического состояния (*надумал*) вместе с существительным, описывающим результат соответствующей когнитивной операции (*план*), в позиции к представляющим прогнозируемые отправителем (М.А. Шолоховым) действия глаголам в форме первого лица ед. числа будущего времени изъявительного наклонения (*приеду, осмотрюсь*) указывает на высокую степень вероятности осуществления данных действий. Придаточные условные предложения (*если служба будет наклёвываться и если помещу рассказ*) репрезентируют факторы, обуславливающие вероятность реализации плана отправителя. Уверенность отправителя в совершении последующих действий (*оставлю ... корзину и ... катну за тобой*) эксплицируется посредством модального наречия (*возможно*). Данная уверенность подчёркивается с помощью наречия меры и степени (*вполне*), указывающего на высокую степень вероятности осуществления запланированного. Сочетание предиката эпистемического состояния (*надумал*) с личным местоимением первого лица ед. числа (*я*), а также наличие глаголов в форме первого лица ед. числа (*приеду, осмотрюсь; помещу*) в данном отрывке индивидуализируют факт эпистемического оценивания.

Пример 27

«Я давно **мечтаю** о том, чтобы *побывать* на Дальнем Востоке, *поохотиться* там на зверя, и – чем чёрт не шутит – к осени, **быть может**, и **соберусь поехать** туда (М.А. Шолохов А.Ф. Беланову, 6 февраля 1935 г., г. Миллерово [Шолохов 2003: 160]).

Маркер эпистемического состояния (*мечтаю*) с устойчивой позитивной эмоциональной окраской направляет внимание получателя на предполагаемую отправителем возможность осуществления действий, обозначенных в придаточных дополнительных предложениях с помощью инфинитивов (*побывать, поохотиться*). Модальная фраза (*быть может*) в функции вводного оборота в сочетании с глаголом в форме первого лица ед. числа будущего времени

изъявительного наклонения также в сочетании с инфинитивом (*соберусь поехать*) демонстрирует среднюю степень уверенности говорящего, эксплицированного посредством местоимения первого лица ед. числа (*я*), в осуществлении данной возможности. Фразеологический оборот (*чем чёрт не шутит*) подчёркивает тот факт, что то, о чём пишет отправитель, не соответствует действительности, но представляется им как желаемое и вполне вероятное событие.

Пример 28

«Я **бы** век **сидел**, не вставая с того кожаного кресла, которое **стоит** около стола и в которое с удовольствием **проваливаешься**, когда **садишься**; век **сидел бы**, хорошие книжки **читал** и милостиво **писал** письма (М.А. Шолохов Е.Г. и И.К. Левицким, апрель 1932 г. [Шолохов 2003: 79]).

В данном отрывке отправитель с помощью глаголов в форме сослагательного наклонения (*сидел, читал, писал бы*) задаёт вектор желаемых и вероятных, но ещё не существующих в действительности событий. На этом фоне глаголы в форме настоящего времени изъявительного наклонения (*стоит, проваливаешься, садишься*) маркируют ситуацию как объективно существующую и достоверную.

Пример 29

«**Расстрелял** я и одного из своих офицеров за неисполнение приказа. Это очень тяжело, но в создавшихся условиях **неизбежно**» [Дутов 2006: 188].

Сказуемое, выраженное глаголом в форме первого лица ед. числа прошедшего времени изъявительного наклонения (*расстрелял*) в сочетании с непосредственным указанием на отправителя (*я*) указывает на то, что свершившееся относится к группе фактов, интерпретируемых отправителем как достоверные. Модальный оператор со значением неотвратимости (*неизбежно*) демонстрирует при этом высокую степень уверенности отправителя в том, что совершение данного действия соответствовало требованиям действительности (*в создавшихся условиях*).

Пример 30

«**Думаю**, что *мои* воспоминания представят интерес и для современников и для будущих историков» [Лукомский 1922: 16].

В этом отрывке объективизирована высокая степень уверенности отправителя в прогнозируемых им событиях. Данная уверенность вербализуется с помощью предиката эпистемического состояния (*думаю*), имеющего пресуппозитивный характер и аффилирующего к достоверности сообщаемых сведений, относимых к будущему (*воспоминания представляют интерес*). Вероятность осуществления действия напрямую соотносится с отправителем посредством актуализации формы первого лица ед. числа самого предиката и притяжательного местоимения также в форме первого лица ед. числа (*мои*). Суждение косвенно связывается с отправителем посредством нарицательного существительного (*современники*).

Изучение маркеров ЭОР, принадлежащих к различным уровням языка, показывает также, что в контекстном окружении они успешно сосуществуют друг с другом, поддерживая различные направления эпистемического оценивания и транслируя (даже в пределах небольших по объёму отрывков) различные типы ситуаций предположения, например, достоверности (*Примеры 26-30*), предположительной проблемной достоверности (*Примеры 25, 26, 30*), предположительной проблемной возможности (*Примеры 26, 27, 28*).

Номенклатура маркеров ЭОР и особенности их актуализации уточнены и проанализированы нами в ходе трёхэтапного эксперимента. Представим его ход и результаты.

На первом этапе мы обратились к четырём группам информантов с просьбой отметить слова, словосочетания и выражения, обозначающие различного рода утверждения и предположения в текстах-образцах. Группы и текстовые выборки привлекались те же самые, что и для изучения маркеров ДОР и АОР (§§ 3.1., 3.2.1.).

Выделенные информантами маркеры ЭОР были систематизированы согласно их принадлежности к соответствующему уровню языка.

Было отмечено, что значительное число маркеров представляют собой симбиоз средств морфологического и синтаксического уровней, в том числе высказывания с наличествующими в них модальными глаголами, выражающими возможность или долженствование осуществления действия; повествовательные

высказывания с глаголами в настоящем или прошедшем времени изъявительного наклонения, представляющие разные варианты утверждения; повествовательные высказывания с глаголами в будущем времени изъявительного наклонения, указывающие на возможность осуществления действия, и синонимичные им повествовательные высказывания с глаголами в сослагательном наклонении, а также вопросительные высказывания, инферирующие возможность / невозможность совершения действия.

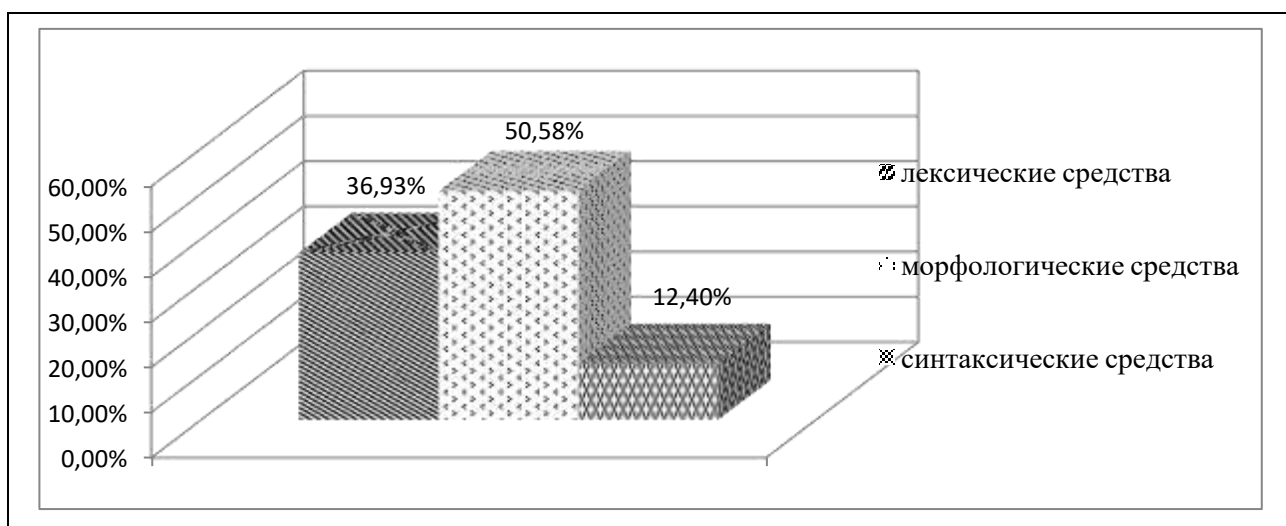
Информанты также выделили большое количество лексических средств, выражающих утверждения и предположения: модальные лексемы (*можно, возможно, необходимо*), вводные слова и словосочетания (*вероятно, конечно, безусловно, очевидно; кажется, может быть, по-видимому, по всей вероятности*), частицы, сообщающие оттенки достоверности / недостоверности и предположения (*верно, ведь, просто, всё-таки; едва ли, вряд ли, якобы* и др.).

Обобщив данные о маркерах ЭОР, представим их в таблице.

Таблица 3.2.2.2.

Средства актуализации ЭОР

Группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Средства актуализации					
Лексические средства	105 (36,84%)	108 (35,29 %)	103 (38,57 %)	92 (37,25 %)	102 (36,93%)
Морфологические средства	145 (50,88 %)	153 (50 %)	132 (49,44 %)	130 (52,63 %)	140 (50,58 %)
Синтаксические средства	35 (12,28 %)	45 (14,71 %)	32 (11,99 %)	25 (10,12%)	34,25 (12,4%)
Всего	285 (100%)	306 (100 %)	267 (100 %)	247 (100 %)	276,25 (100%)

Исследование реакций информантов показало, что морфологические средства актуализации ЭОР чаще других идентифицируются информантами (50,58%), за ними следуют лексические (36,93%) и синтаксические (12,4%) маркеры ЭОР.

После уточнения списка маркеров ЭОР мы перешли к следующему этапу эксперимента, обратившись к информантам с просьбой пронумеровать отмеченные ими слова, словосочетания и выражения соответственно степени обозначаемой с их помощью вероятности осуществления действия или события (от наиболее вероятных (коэффициент 10) к наименее вероятным (коэффициент 1)).

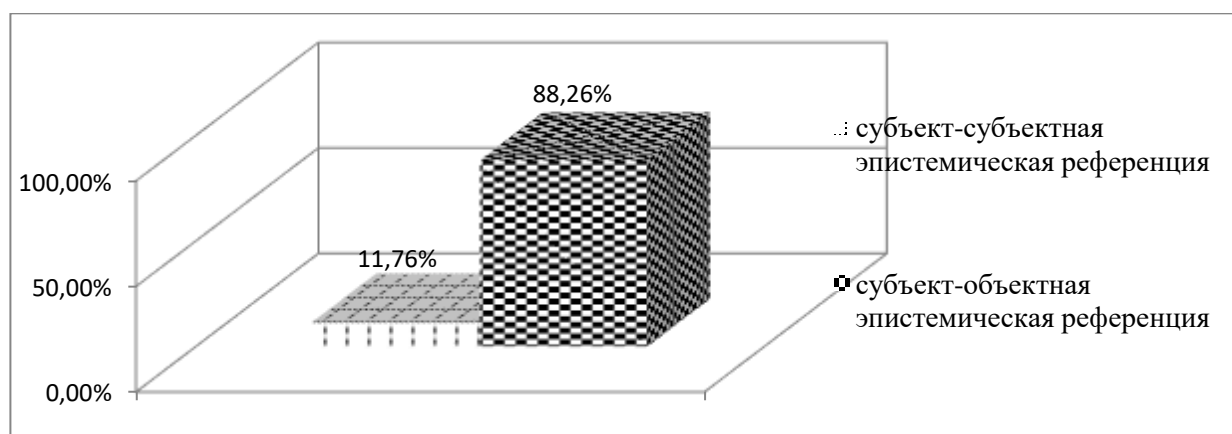
В качестве наиболее употребительных средств обозначения высокой степени достоверности (коэффициенты 10-9) информанты отметили лексические маркеры (63%); проблемной достоверности, в том числе предположительной проблемной достоверности (коэффициенты 8-7), предположительной проблемной возможности (коэффициенты 6-5), предположительной проблемной недостоверности (коэффициенты 4-3) – морфологические средства (54%); недостоверности (коэффициенты 2-1) – лексические маркеры (67%). Синтаксические маркеры во всех случаях оказались периферийными.

На следующем этапе эксперимента информанты выбирали из выделенных ими ранее слов, словосочетаний и выражений, обозначающих различного рода утверждения и предположения, те, которые, по их мнению, можно отнести к индивидуальным предположениям автора или лирического героя. Анализ анкет

информантов позволил уточнить соотношение эксплицитных эпистемических установок субъекта-отправителя (субъект-субъектная ЭОР) и тех эпистемических установок, где субъект является невыраженным (субъект-объектная ЭОР). Усреднив показатели реализации субъект-субъектной (32,5 (11,74%)) и субъект-объектной ЭОР (243,75 (88,26%)), отобразим их на диаграмме.

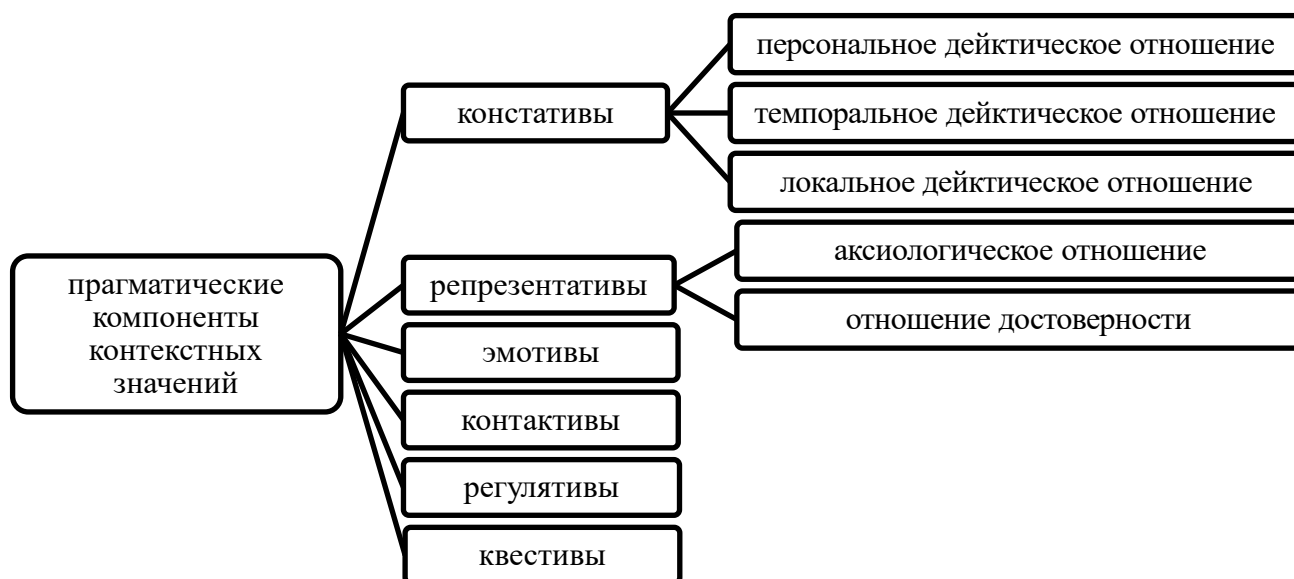
Диаграмма 3.2.2.3.

Соотношение субъект-субъектной и субъект-объектной ЭОР

Анализ реакций информантов подтвердил сформулированное ранее предположение о том, что экспликация эпистемически значимых фрагментов отображаемого непосредственно субъектом-отправителем осуществляется с помощью речевых средств в форме первого лица ед. числа. Соответственно, наличие означенных маркеров в высказывании позволяет отнести реализованную в нём ЭОР к уровню субъективной достоверности. В отличие от высказываний, где указание на оценивающий эпистемическую ситуацию субъект коррелирует со вторым или с третьим лицом ед. числа или мн. числа. Такие высказывания маркируют принадлежность актуализированной в них ЭОР к уровню объективной достоверности. ЭОР уровня субъективной достоверности являются основанием актуализации ПККЗ типа репрезентативов.

Уточним классификацию ПККЗ с учётом полученных нами в ходе анализа ЭОР выводов (Схема 3.2.2.4.).

ПККЗ. Класс репрезентативов (ЭОР)

Перейдём к следующему виду субъектно-маркированных референций.

3.3. Эмотивная модальная референция

Ориентированность современной лингвистической парадигмы на раскрытие различных антропологически значимых феноменов значительно расширяет диапазон изучения языка и речи. В поле зрения учёных всё чаще оказываются преломлённые в языке экстралингвистические нюансы человеческого бытия. Наше исследование не является в данном случае исключением, экстраполируя данные тенденции в том числе на анализ нюансов вербального выражения эмоционального отношения отправителя к отображаемой им действительности.

Эмоциональное отношение коммуницирующего субъекта, транслирующее его перцептивный и аффективный опыт, сиюминутное или константное эмоционально-психическое состояние эксплицируется в тексте с помощью эмотивов. Согласно анализу, ход и результаты которого представлены во второй главе данной работы, эмотивы занимают третье место в иерархии ПККЗ (см. § 2.3. – 7,65%).

Эмотивы (как и носители других представленных выше вариантов субъектно маркированной информации) восходят к одному из шести типов модальной референции – эмотивным модальным референциям (далее ЭР). Рассмотрим данный тип референций подробнее, учитывая разносторонний опыт изысканий, осуществлённых в русле многочисленных научных направлений.

В ряду классических семантических исследований наиболее полный анализ речевых средств-носителей информации об эмоционально-психическом состоянии субъектов представлен в работах Е.В. Падучевой. Сосредоточивая своё внимание на глаголах эмоций, учёный выводит модели их семантической деривации, представляет развёрнутую классификацию глаголов эмоций, выделяя в отдельные классы глаголы эмоционального состояния, эмоционального отношения и психического воздействия [Падучева 2004: 275-276], и уточняет список потенциальных значений каждого из указанных классов [Падучева 2004: 290-303]. Е.В. Падучевой разрабатываются также алгоритмы первичного и вторичного выражения эмоций [Падучева 2004: 286] и совместимость информации об эмоционально-психическом состоянии с указанием степени или меры его проявления [Падучева 2004: 304].

Работая на стыке лингвистической семантики и прагматики, А. Вежбицкая представляет развёрнутое толкование эмоциональных концептов, в которых определённые речевые средства существуют в рамках прототипических моделей, реализуя соответствующий алгоритм вербализации мыслей и чувств [Вежбицкая 1996: 326]. А. Вежбицкая обращается к составленному ею списку семантических примитивов для того, чтобы стандартизировано представить организацию эмоциональной области сознания [Вежбицкая 1996: 331]. Это позволяет структурировать иерархию эмоциональных концептов с учётом различных лингвистических и экстралингвистических параметров, в том числе с учётом степени вовлечённости говорящего в описываемый факт эмоционально-психического состояния [Вежбицкая 1996: 339]. Большое значение в процессе толкования эмоциональных концептов А. Вежбицкая придаёт анализу контекстных вариаций.

Прагматическая сторона речевой актуализации эмоционально-психического опыта или состояния отправителя последовательно интерпретируется в теории речевых актов. Здесь выделяется отдельная группа элементарных речевых действий – экспрессивные речевые акты, общим свойством которых провозглашается выражение эмоционально-психической установки отправителя к уточнённому в пропозициональном содержании положению вещей [Searle 1982: 8, 34]. Информация, которую отправитель передает получателю в ходе реализации разноуровневых речевых средств в составе экспрессивных речевых актов, изучается в непосредственной и опосредованной связи с оттенками выражения его эмоционального настроения / настроения [Marten-Cleft 1991: 6-7, 29]. Здесь также вводится иерархия экспрессивных речевых актов [Marten-Cleft 1991: 79; 345-346], согласно которой экспрессивные речевые акты разделяются на симпатизирующие, оппонирующие и освобождающие с учётом особенностей их иллокутивной направленности.

На стыке теории логического анализа языка и когнитивной лингвистики эмоциональные компоненты значения анализируются как результат интерпретации говорящим собственного эмоционального состояния или отношения [Арутюнова 1988: 109, 112]. Выделяемые исследователями модусы эмоционального состояния и эмоционального отношения [Приходько 2011: 176-178] / эмоциональной оценки [Самигуллина, Федорова 2004] разграничиваются по основанию наличия или отсутствия непосредственной связи с интерпретирующей действительностью говорящим и его осознанным намерением достичь прагматического эффекта. Факторы оязыковлени эмоционального состояния, отношения / оценки рассматриваются в качестве системообразующих факторов вербализации процесса познания, осуществляемого членами определённого лингвосоциального сообщества в отношении описываемых фрагментов реальной действительности.

Представители когнитивной лингвистики рассматривают систему объективизированных эмоций в качестве своеобразного языка, посредством которого участники вербальной интеракции осуществляют взаимное информирование и эксплицируют особенности своего субъективного отношения к происходящему

[Battacchi, Suslow, Renna 1997: 11, 54, 82]. Большое внимание уделяется феноменам биологически (индивидуально) и социально (культурно) обусловленного усвоения единиц данного языка и алгоритмам их реализации в речи.

В трудах представителей психолингвистики средства языка, преднамеренно или непреднамеренного используемые говорящим для обозначения эмоций, анализируются с учётом реальных параметров коммуникативной ситуации. Акцентируя наличие у таких средств двойственной референциональной соотнесённости, обусловленной их реальной и потенциальной способностью репрезентировать когнитивные и психоэмоциональные стороны коммуникации, учёные стремятся определить место алгоритмов вербализации эмоций в глобальной системе речевой деятельности человека и установить их связь с мотивационными алгоритмами [Гридин 1983: 113-119]. Сопоставление алгоритмов выражения эмоций и мотивации позволяет выделить в широком диапазоне средств вербализации эмоций языковые средства, репрезентирующие биологические и социально обусловленные потребности говорящего.

Социально обусловленная реализация эмоциональных компонентов речевого поведения подробно представлена в работах, написанных в духе межкультурной коммуникации. Здесь алгоритмы оязыковления эмоций рассматриваются в качестве составляющих национальной языковой культуры, обусловленных специфическими нормами и конвенциями [Ларина 2009: 51-70], и анализируются с целью выявления уникальных характеристик носителей конкретных языков (русского, немецкого, английского и др.). Интуитивная и зависящая от условий единичной коммуникативной ситуации демонстрация чувств сопоставляется с преднамеренной и стереотипной демонстрацией психоэмоционального состояния говорящего [Ларина 2009: 68; Солдатова 2009: 11], соответственно, выделяется эмоциональный и эмотивный тип речевого поведения, вводится подробная градация эмотивных речевых актов и уточняется частотность их реализации в официальном и бытовом общении.

Схожий подход к соотнесению вербализированных эмоциональных состояний с индивидуально-личностными и национальными особенностями

коммуникативного поведения субъекта разрабатывается в лингвокультурологических исследованиях. Вербализация эмоций трактуется в качестве специфического индикатора национально маркированной интерпретации действительности [Седых 2004: 30; 2010: 132-133]. При этом доказывается, что средством выражения эмоциональных состояний может стать фактически любая языковая единица, помещённая в соответствующий эмоциональный контекст.

В трудах Волгоградской школы эмотиологов под руководством В.И. Шаховского эмотивная составляющая значения слова отождествляется с социально обусловленным итогом представления семантизированных эмоций как мотивационная основа сознания и языкового поведения человека [Шаховский: 2007: 15]. Реализация речевых средств – носителей эмотивных компонентов анализируется как результат оязыковления эмоций, запечатлевший наряду со специфическими свойствами эмоциональной категориальной ситуации также универсальные характеристики национально-языковой общности коммуницирующих субъектов [Шаховский 2008, а также Солодовникова 2010, Толкачева 2009, Чесноков 2009, Штеба 2012 и др.].

В литературоведческих исследованиях помимо национально детерминированных стереотипов объективизации эмоций большое внимание уделяется исследованию эмотивного пространства текста, в котором конкретная языковая личность распространяет испытываемые и выражаемые ею психоэмоциональные состояния на диктально-эмотивные и модально-эмотивные смыслы [Бабенко, Казарин 2009: 122].

В прагматически ориентированных исследованиях эмоционально валентных языковых единиц помимо особенностей вербализации разнообразных типов психоэмоциональных реакций и состояний носителей отдельных языков (например, русского и немецкого [Баженова 2004; Fries 1994]) анализируется потенциальная способность языковых средств эксплицитировать «зашифрованные» отправителем и «декодируемые» получателем эмоциональные реакции и состояния [Баженова 2004: 6-8]. При этом сами эмоциональные реакции и состояния противопоставляются друг другу как интроспективно воспринимаемые настроения

[Fries 1994: 2] и инферирующие определённые интенциональные состояния установки [Fries 1994: 5], которые характеризуют речевое поведение отправителя.

Представленный обзор позволяет заключить, что к настоящему времени в трудах разнонаправленных научных школ намечен ряд положений, принципиально значимых для нашей интегративно-сопоставительной концепции, в том числе положение об индивидуальной обусловленности оязыкования эмоциональных состояний и отношений; положение о национально специфическом отражении психоэмоционального состояния субъекта в условиях стереотипных коммуникативных ситуаций; положение о наличии в языковой системе разноуровневых средств, обладающих эмотивным потенциалом, реализуемым в поливариантных условиях коммуникации.

Обобщив опыт представленных выше работ и результаты проведённого нами эксперимента (§ 2.3), мы выделили эмотивно валентные средства – маркеры актуализации ЭР – согласно их принадлежности к речевым уровням:

- лексические речевые средства, выражающие эмоциональное состояние субъекта (междометия, эмотивные существительные, прилагательные и глаголы) [ср. Балли 2001: 50-51, Гридин 1983: 117, Ларина 2009: 58-59, Приходько 2011: 177, Fries 1996: 10, Matren-Cleft 1991: 6-8],
- словообразовательные речевые средства (суффиксы: русс. -ик, -ишк (-ышк), -а: *домик, домишко, домина*, -к, -онк (-оньк), -еньк, -ищ: *ручка, ручонка, рученька, ручища*, -ок, -очек: *дружок, дружочек*, -ун, -утк, -ечк, -яш, -к: *Машуня, Машутка, Машечка, Маняша, Машка*; нем. -chen, -ler, -ling: *Männchen, Fräuchen, Liebchen, Herzchen, Karinchen, Abweichler, Gewinnler, Umstürzler, Schönling*; префиксы и полупрефиксы: русс. супер-; нем. super-, miß-, scheid-: *Supertag, Scheißwetter, Mißvorschlag* и т.д.) [ср. Гридин 1983: 119, Ларина 2009: 59, Приходько 2011: 177, Fries 1996: 11],
- речевые средства, выражающие эмоциональное состояние субъекта грамматически: через синтаксические модели, эксплицирующие аффективные состояния субъекта и отношение к ним: экспрессивно окрашенные словосочетания и восклицательные предложения [ср. Гридин 1983: 119,

Пешковский 2009: 394, Приходько 2011: 177, Fries 1996: 12-13], например: русс. *Каким большим стал Пётр! Придёт ли он? Встал! Ганс порядочно [глу:::::n]!*; нем. *Wie groß ist Peter geworden! Ob er kommt? Aufgestanden! Hans ist ziemlich [do:::::f]!*

Проиллюстрируем контекстную реализацию ЭР примерами из текстов.

Пример 31

«Я крепко и с **грустью разочарываюсь** в людях...» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г., г. Москва [Шолохов 2003: 29]).

Негативное эмоциональное переживание, вербализированное в данном отрывке, эксплицитно связано с отправителем с помощью личного местоимения (*я*) и эмотивного глагола в форме первого лица ед. числа (*разочарываюсь*). Сопутствующее данному переживанию эмоциональное состояние выражено посредством связки предлога и эмотивного существительного (*с грустью*).

Пример 32

«Для *меня* было ясно, что прибытие 15 000 ртов и огромного числа лошадей, больных и измученных, шедших далеко не в порядке, **не может дать радостного настроения**» [Дутов 2011: 1].

Здесь представлена предполагаемая отрицательная эмоциональная реакция группы субъектов (Семиреченских казаков) в отношении отображаемой ситуации действительности (прибытию казачьих частей Оренбургской армии) – *не может дать радостного настроения*. Данное представление реализовано с помощью двух модальных операторов: существительного, обозначающего тип эмоционального состояния (*настроения*) и уточняющего эмотивного прилагательного (*радостного*) в связке модальным глаголом (*может*) и отрицательной частицей (*не*). Предполагаемая эмоциональная реакция связана с отправителем посредством личного местоимения первого лица ед. числа (*для меня*), расположенного в препозиции.

Пример 33

«*Моя милая Марусёнок*, ты тысячу раз права – из Москвы скоро не уедешь...» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г., г. Москва [Шолохов 2003: 28]).

Положительное эмоциональное отношение отправителя письма (М.А. Шолохова) к получателю (М.П. Шолоховой) вербализировано в этом отрывке с помощью лексического (*милая*) и словообразовательного (*Марусёнок*) абсолютных модальных операторов с выраженной положительной эмоциональной оценкой. Наличие в препозиции притяжательного местоимения первого лица ед. числа (*моя*) эксплицитно связывает данную оценку с инициировавшем коммуникацию субъектом.

Пример 34

«Я **утешаюсь** тем, что за 1 000 верст дорогой мне – **самый дорогой!** – человек **горюет** и **радуется** со *мною* и живёт со *мною* в мыслях, как и я с этим самым человечком. **Целую, целую!..**» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г., г. Москва [Шолохов 2003: 30-31]).

Данный отрывок письма транслирует динамическое развитие психоэмоционального состояния отправителя и получателя: от негативного (*горюет, утешаюсь*) до позитивного (*целую, радуется*). Указание на эмоциональное состояние субъектов сопровождается эмоциональной характеристикой получателя (*самый дорогой*). В качестве маркеров эмоционального состояния и эмоциональной характеристики реализованы эмотивные глаголы (*утешаюсь, горюет, радуется, целую*) и прилагательное (*дорогой*) в сочетании с местоимением (*самый*). Особый эмоциональный тон данного отрывка формируют также восклицательная форма уточнения (*самый дорогой!*) и восклицательное предложение с простым лексическим повтором (*Целую, целую!..*). Отправитель представлен эксплицитно (*я, мне, мною*).

Пример 35

«Всё это я Вам излагаю потому, что уж **очень горько** и **обидно переживать** мне все эти дразги, сплетни в то время, когда льется кровь и создается Россия, когда нужно единение и работа на общее дело» (А.И. Дутов А.В. Колчаку, 22 марта 1919 г. [Дутов 2006: 240-241]).

Здесь негативное психоэмоциональное состояние отправителя, представленного с помощью личного местоимения первого лица ед. числа (*я, мне*), вербализировано сочетанием эмотивных наречий (*горько, обидно*) и глагола (*переживать*), усиленным наречием меры и степени (*очень*).

«Нисколько не претендуя на непогрешимость своих выводов, буду **рад**, если они подвергнутся критике» [Лукомский 1922: 17].

Прогнозируемое психоэмоциональное состояние отображено в отрывке посредством краткой формы эмотивного прилагательного (*рад*). С помощью глагольной формы будущего времени первого лица ед. числа (*буду*) состояние связывается с ещё не наступившими, но вероятными событиями, в центре которых будет находится отправитель.

Реализованные в контексте маркеры ЭР регулярно сочетаются друг с другом, выражая различные нюансы психоэмоционального состояния и эмоционального отношения активных и пассивных субъектов коммуникации. Для уточнения особенностей их актуализации мы провели развёрнутый лингвопрагматический анализ. Представим его поэтапно.

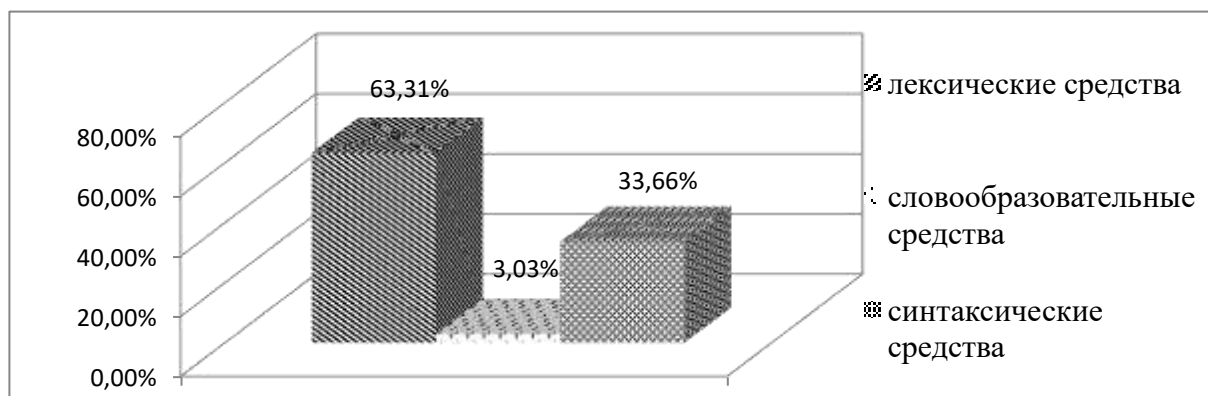
В ходе первого этапа четыре группы информантов отмечали в предложенных им текстах слова, словосочетания и предложения, содержащие указание на психоэмоциональное состояние, характеристику или отношение к каким-либо отображаемым фактам. Для чистоты эксперимента были использованы те же тексты, что и в предыдущих параграфах (§ 3.1., 3.2.). По результатам опроса информантов была составлена картотека маркеров ЭР. Далее маркеры ЭР были систематизированы согласно принадлежности к языковым уровням, определена частотность их актуализации. Усреднённые показатели занесены в таблицу.

Таблица 3.3.1.

Средства актуализации ЭР

Группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Средства актуализации					
Лексические средства	322 (63,64%)	335 (62,62%)	395 (64,86%)	287 (61,72%)	334,75 (63,31%)

Словообразова- тельные средства	7 (1,38%)	22 (4,11%)	30 (4,93%)	5 (1,08%)	16 (3,03%)
Синтаксические средства	177 (34,98%)	178 (33,27%)	184 (30,21%)	173 (37,2%)	178 (33,66%)
Всего	506 (100 %)	535 (100 %)	609 (100 %)	465 (100 %)	528,75 (100 %)

Результаты первого этапа анализа указывают на абсолютное доминирование лексических (63,31%), относительно частую реализацию и распознавание информантами синтаксических (33,66%) и достаточно редкую реализацию и распознавание информантами словообразовательных (3,03%) маркеров ЭР.

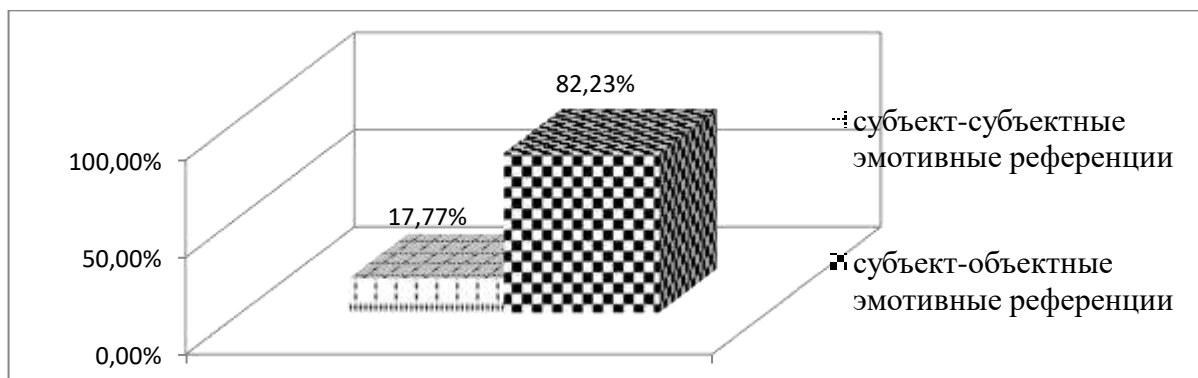
На втором этапе анализа мы обратились к информантам с просьбой пронумеровать (от 1 до 10) отмеченные ими маркеры ЭР соответственно интенсивности обозначенного психоэмоционального состояния, характеристики или отношения. Согласно реакциям информантов, наибольшую степень выраженности психоэмоциональных реакций имеют синтаксические маркеры ЭР (98,31% – коэффициенты 10-8), среднюю степень выраженности – лексические маркеры ЭР (64,14% – коэффициенты 7-4), низшую степень выраженности – словообразовательные маркеры ЭР (54,52 % – коэффициенты 3-1).

На третьем этапе анализа информанты получили задание выделить среди отмеченных ими ранее маркеров ЭР те, которые указывают непосредственно на психоэмоциональное состояние, характеристику или отношение отправителя текста. Количество отмеченных по данному основанию маркеров составило 17,77% от общего числа маркеров, выделенных информантами ранее.

Проведя анализ высказываний с актуализированной ЭР с учётом данного показателя, мы разделили модели их абстрактной структуры на две группы: 1) модели субъект-субъектной и 2) модели субъект-объектной ЭР.

Диаграмма 3.3.2.

Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной ЭР

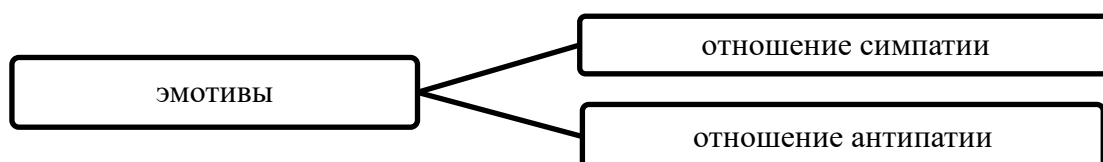

В высказываниях, соответствующих первой модели, реализованы маркеры ЭР, коррелирующие с первым лицом ед. числа. В роли субъекта, актуализирующего психоэмоциональную реакцию, в них выступает отправитель или лирический герой (см. *Примеры 31-36*). Маркеры, реализованные в таких высказываниях, мы рассматриваем в качестве носителей ПККЗ класса эмотивов.

Проанализировав модели субъект-субъектной ЭР, мы дифференцировали их с учётом направления вектора выражения психоэмоционального состояния или отношения (симпатия / антипатия), выделив две группы соответствующих ЭМОТИВОВ.

Схема 3.3.3.

Группы эмотивов

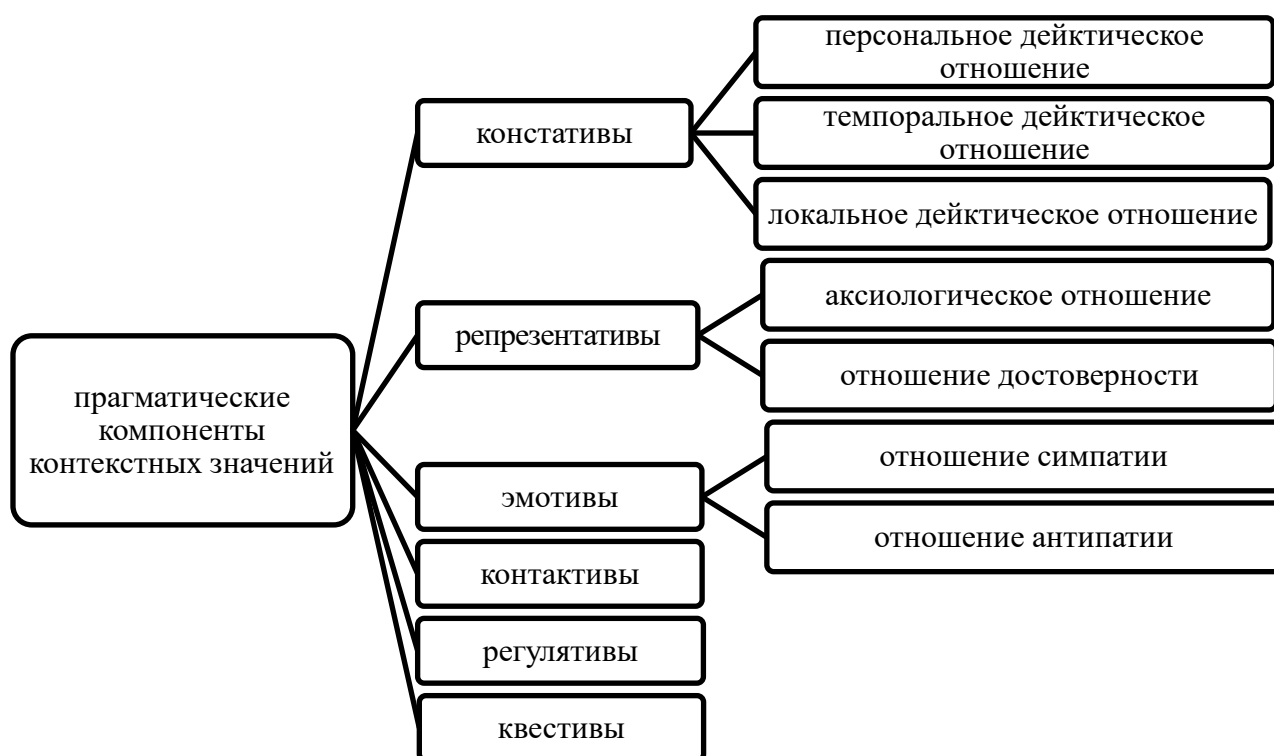
В числовом выражении соотношение эмотивов, вербализирующих симпатию, и эмотивов, вербализирующих антипатию, – 35,48% к 64,52%.

Отметим, что зафиксированная тенденция открыто выражать антипатию по отношению к определённым фактам действительности присуща не только носителям русского языка и казачьего социолекта, она в полной мере отвечает общеевропейским лингвокультурным традициям [Noth 1992: 83].

Проведённое нами исследование позволяет уточнить общую классификацию ПККЗ (Схема 3.3.4.).

Схема 3.3.4.

ПККЗ. Класс эмотивов (ЭР)

Дополним данную классификацию ПККЗ сведениями о контактивах.

3.4. Контактивная модальная референция

Контактивные модальные референции (далее КР) репрезентируют отношение пассионарного субъекта вербальной интеракции к необходимости установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта. Данная репрезентация находит своё выражение в контактивах, которые, по результатам

раннее проведенного нами анализа (§ 2.3.), эксплицируются в текстах сравнительно редко, занимая четвёртое место в общей иерархии ПККЗ (3,63%).

В данной части нашего исследования рассмотрим теоретические предпосылки изучения КР, проиллюстрируем её экспликацию в казачьих текстах, представим ход и результаты экспериментального анализа контактивов как маркеро-актуализаторов данного вида референции, установим их иерархические отношения, обозначим абстрактные модели высказываний, в которых были зафиксированы означенные маркеры, уточним нюансы субъективного отношения, эксплицируемое контактивами, и определим их место в общей иерархии ПККЗ. Начнём с теоретических предпосылок.

Традиционно проблема вербального установления, преобразования или прерывания контакта связывается в лингвистике с социально маркированными алгоритмами осуществления речевой деятельности, а также различного рода языковыми / речевыми средствами, отражающими её общепринятые нормы, в числе последних особое внимание уделяется обращениям.

Обращения рассматриваются в лингвопрагматической плоскости как инструменты построения одноимённого речевого акта [Pieper 1984: 15], в плоскости лингвосоциальных отношений – как индивидуализированные элементы речевого поведения отправителя, осуществляющего общение в условиях заданного социокультурного контекста [Pieper 1984: 9-11], в лингвосемантической плоскости – как операторы социального дейксиса [Busse 2009: 75], в лингвокогнитивной плоскости – как речевые средства, результирующее осмысление адресованных получателю референций [Kohz 1984: 28].

Исследователи выделяют различные детерминанты функционирования обращений в качестве маркеров установления, модификации или прерывания контакта. Все (прагматические, семантические, социальные, когнитивные и даже биологические) детерминанты анализируются в тесной взаимозависимости [Pieper 1984: 9-12]. Возможность их выделения и последующего сопоставления обеспечивается реализацией обращений в конкретном контекстном окружении [Kohz 1984: 33-37]. Именно контекстная реализация обращений, противопоставленная

конвенционально нормированной реализации, позволяет выделить, к примеру, гендерные или возрастные параметры их функционирования.

Сами обращения также исследуются как часть сложной конвенционально закреплённой национальной языковой системы [Schubert 1984: 73], транслирующая «врождённые» языковые формулы [Besch 1998: 8], чьё основное назначение состоит в реализации дейктически валентной отсылки отправителя к получателю / получателям [Braun 1986: 15; Busse 2009: 75].

Представители некоторых научных направлений, к примеру теории межкультурной коммуникации, в качестве специальных средств установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта помимо этикетных формул (включая обращения) анализируют также модальные глаголы и «модальные модификаторы» [Ларина 2009: 77-78], выражающие различные степени психологической или социальной (в том числе статусной) дистантности, между отправителем и получателем.

Обозначение получателя в качестве первичной функции обращений изучается в отечественной функциональной грамматике в сопоставлении с их вторичными функциями, в том числе с выражением вежливости, категоричности суждения, обозначения субъективного отношения к получателю [Гак 2000: 361]. Такой подход позволяет представить развёрнутую, учитывающую указанные выше параметры, классификацию слов и словосочетаний, указывающих на получателя сообщения.

Вторичные значения обращений и некоторых других средств, прямо или косвенно указывающих на партнёров коммуникации, и реализующаяся в них прагматическая информация разрабатываются представителями коммуникативно-прагматического направления. Анализ контекстуального употребления таких речевых средств позволяет подтвердить их непосредственное отношение к периферийной зоне дейксиса [Формановская 2007: 9-10], уточняющей соответствующие параметры ориентационного каркаса коммуникативной ситуации.

Значительное число исследований обращений и некоторых других маркеров установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта

ориентируются на разработку частных вопросов их доконтекстного существования или контекстной реализации, при этом за рамками внимания учёных остаётся системное представление данной категории речевых средств как источника информации о субъективных характеристиках речевого поведения субъекта, актуализировавшего их. В заполнении этой теоретической лакуны мы видим задачу данной части нашего исследования.

Анализ теоретико-методологических источников и результаты эксперимента, направленного на выявление оттенков субъектно-маркированного отношения отправителя к отображаемому (§ 2.3.), позволяет нам выделить в качестве маркеров КР, эксплицирующих отношение отправителя к необходимости установления, изменения условий или прерывания коммуникативного контакта, следующие:

- лексические речевые средства с контактоустанавливающей, контактопреобразующей и контактопрерывающей составляющей: местоимения первого и второго лица, указывающие на партнёров коммуникации (русс.: *я, мы; ты, вы, Вы*; нем.: *ich, wir; du, ihr, Sie*), имена существительные, называющие их (русс.: *внук, Пётр*; нем.: *Enkel, Peter*) [ср. Braun 1986: 15-16], а также существительные и глаголы, представляющие форму или канал осуществления коммуникативного контакта (русс.: *письмо, разговор; писать письмо, вести разговор*; нем.: *der Brief, das Gespräch; den Brief schreiben, das Gespräch führen*), в том числе перформативные глаголы (*обрацаюсь, приветствую*);
- морфологические речевые средства с контактоустанавливающей, контактопреобразующей и контактопрерывающей апеллятивной составляющей: обращения [ср. Гак 2000: 361; Ларина 2009: 207-219], вводные слова и конструкции; глаголы в повелительном наклонении (русс.: *скажи, скажите; подумай, подумайте*; нем.: *sage, sagt, sagen Sie, denke, denkt, denken Sie*).

Проанализируем реализацию выделенных маркеров КР в текстах.

Пример 37

«Кроме этого, не *забывай* урвать хоть в м-ц раз для *меня* 10 м. и **написать письмо**» (М.А. Шолохов М.Б. Колосову, 24 мая 1924 г., г. Москва [Шолохов 2003: 8]).

Отправитель (М.А. Шолохов), указание на которого осуществляется посредством личного местоимения первого лица ед. числа (для *меня*), инициирует установление коммуникативного контакта с получателем (М.Б. Колосовым), реализуя в связке с глаголом в побудительном наклонении, сопровождаемым отрицательной частицей (не *забывай*), глагол, который уточняет способ осуществления коммуникации (*написать*), и существительное, которое транслирует информацию о том, что обмен информацией будет происходить письменно в дистантной форме (*письмо*).

Пример 38

«**Уважаемый т. Ливинцов!** *Прошу прощения* за то, что так непозволительно долго **задержал ответ** и отсылку рукописи. Так сложились обстоятельства» (М.А. Шолохов М.В. Ливинцову, 12 ноября 1948 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 260]).

В данном отрывке актуализированное в препозиции обращение (*Уважаемый т. Ливинцов*) непосредственно называет адресата, с которым устанавливается коммуникативный контакт. Форма обращения соответствует сложившейся на момент написания письма (1948 г.) коммуникативной традиции, следовательно и ожиданиям адресата, что свидетельствует о стремлении отправителя к установлению гармоничного, бесконфликтного общения. Об этом же сигнализирует прилагательное с положительной эмоциональной коннотацией (*уважаемый*) в составе обращения. Глагол в форме прошедшего времени (*задержал*) в сочетании с существительным, указывающим на ожидаемую получателем реакцию адресата (*ответ*), информирует о том, что контакт был прерван, но отправитель желает его возобновить. Последнее поддерживается перформативным словосочетанием (*прошу прощения*) и содержанием последующего высказывания (*Так сложились обстоятельства*). То, что прерывание контакта было инициировано отправителем, выводится из контекста письма.

Пример 39

«**Я, атаман Дутов**, стою во главе одной из армий, действующих против большевиков и их союзников австро-германцев. **Обращаюсь к вам, офицеры русской армии...**» [Дутов 2006: 231].

Эксплицитно выраженный адресат (*я, атаман Дутов*) сообщает с помощью перформативного глагола в форме первого лица ед. числа (*обращаюсь*) об однократно совершаемом им действии, направленном на установление коммуникативного контакта с коллективным адресантом (*к вам, офицеры русской армии*).

Пример 40

«А теперь **голову преклоню: благословите, родители, батюшка и матушка**, меньшого сына **вашего** молодого верного **Казака Ивана**. **Дошлите мне вашу грамотку** с нарочным человеком» [Шмелёв 2001: 4].

Ситуация прерывания коммуникативного контакта маркирована здесь реализацией обращений (*родители, батюшка и матушка*) и глаголов с апеллятивной составляющей в форме побудительного наклонения (*благословите, дошлите*), а также устойчивыми этикетными связками, актуализированными в форме первого лица ед. числа (*голову преклоню*) и второго лица мн. числа (*дошлите грамотку*). Последняя представляет форму желаемого отправителем следующего коммуникативного контакта (*грамотка* = письмо). Адресаты прерываемого коммуникативного контакта обозначены с помощью имён существительных, указывающих на близкородственные связи с его инициатором (*родители, батюшка и матушка*), и притяжательных местоимений в форме второго лица мн. числа (*вашего, вашу*). Инициатор обозначен с помощью нарицательных существительных (*сын, казак*) конкретизирующих степень его родства с адресантами и социальный статус; сочетания нарицательного имени и имени собственного (*Казака Ивана*), также указывающих на социальный статус отправителя, и личного местоимения в форме первого лица ед. числа (*мне*). Реализуемые отправителем маркеры-контакты характеризуют дистанцию между партнёрами коммуникации партнёрами как близкую, доверительную.

Пример 41

«**Терпи, казак**, атаманом будешь» (казацья пословица).

Стремление отправителя к установлению коммуникативного контакта выражено в пословице имплицитно. Потенциальный получатель обозначен посредством имени нарицательного (*казак*), выступающего в функции обращения. Помимо указания на субъект, которому адресуется это побуждение, актуализация данного маркера косвенно выполняет также ограничительную функцию, представляя социальный статус адресата. Установление коммуникативного контакта, связанного с реализацией обращения, поддерживается повелительной формой глагола во втором лице ед. числа (*терни*).

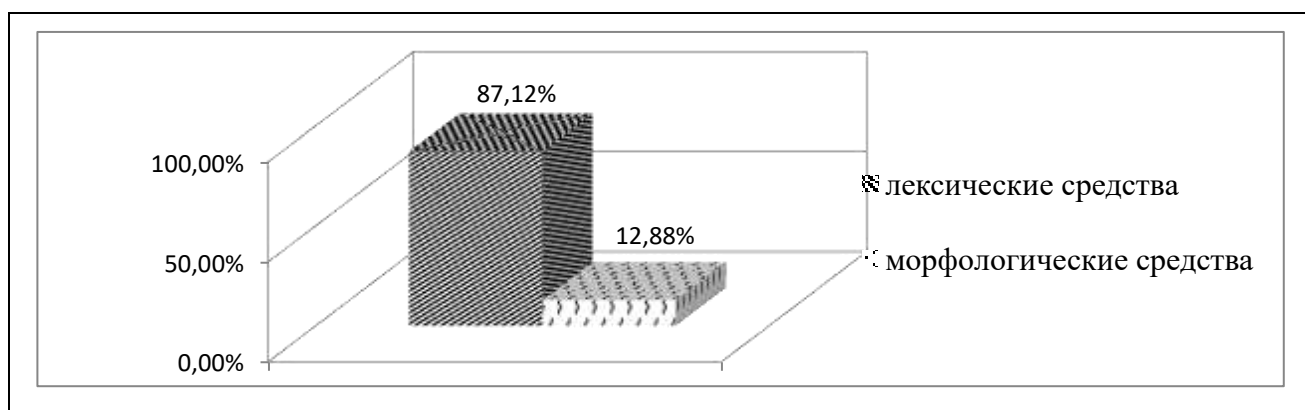
Проиллюстрировав актуализацию маркеров-контактивов в контексте казахской лингвокультуры, представим ход и результаты их экспериментального изучения.

На первом этапе эксперимента мы обратились к информантам с просьбой выделить в предложенных им текстах слова и словосочетания, указывающие на установление, преобразование или прерывание коммуникативного контакта, а также слова и словосочетания, называющие или инициирующие его. Выделенные информантами маркеры были распределены согласно их принадлежности к языковым уровням, показатели реализации маркеров подвергнуты статистической обработке, результаты которой зафиксированы в следующей таблице.

Таблица 3.4.1.

Средства актуализации КР

Группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Средства актуализации					
Лексические средства	510 (86,59%)	537 (88,18%)	552 (87,62%)	498 (86,01%)	524,25 (87,12%)
Морфологические средства	79 (13,41%)	72 (11,82%)	78 (12,38%)	81 (13,99%)	77,5 (12,88%)
Всего	589 (100%)	609 (100%)	630 (100%)	579 (100%)	601,75 (100%)

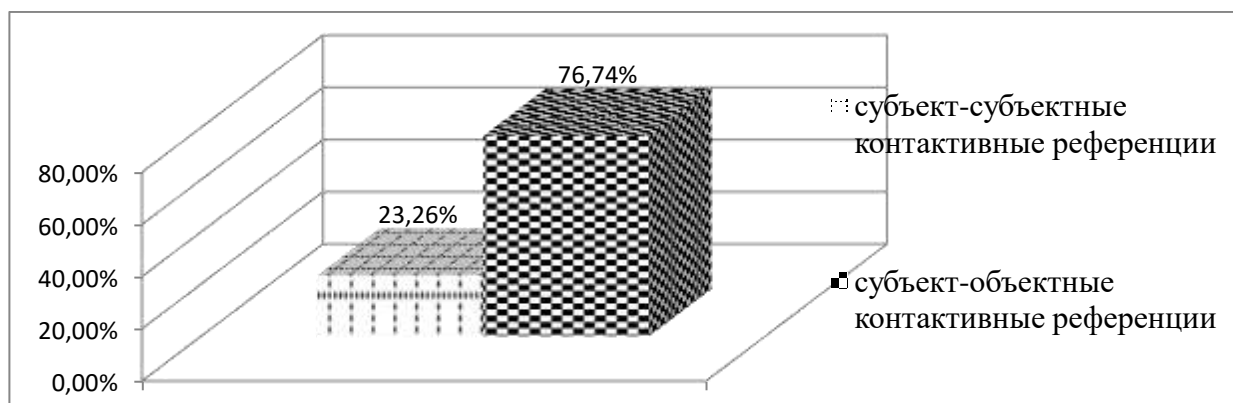

Данные *Таблицы 3.4.1.* демонстрируют абсолютное доминирование лексических маркер-контактивов (87,12%), выделенных информантами в ходе первого этапа эксперимента.

На втором этапе эксперимента средства актуализации КР были проанализированы с учётом их актуализации в высказываниях с наличествующим / отсутствующим указанием на контактоустанавливающий, контактопреобразующий или контактопрерывающий субъект. В соответствии с наличием / отсутствием такого указания было выявлено соотношение субъект-субъектной (23,26%) и субъект-объектной (76,74%) КР (*Диаграмма 3.4.2.*).

Диаграмма 3.4.2.

Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной КР

Высказывания, отвечающие модели субъект-субъектной КР, – это высказывания с контактивами, которые коррелируют с первым лицом ед. числа (*Примеры 37-40*). В качестве лица, устанавливающего, преобразующего или прерывающего коммуникативный контакт, в них эксплицируется (*Примеры 39, 40*) или

имплицитно (Примеры 37, 38) отправитель. Количество таких высказываний – 140 (23,26%).

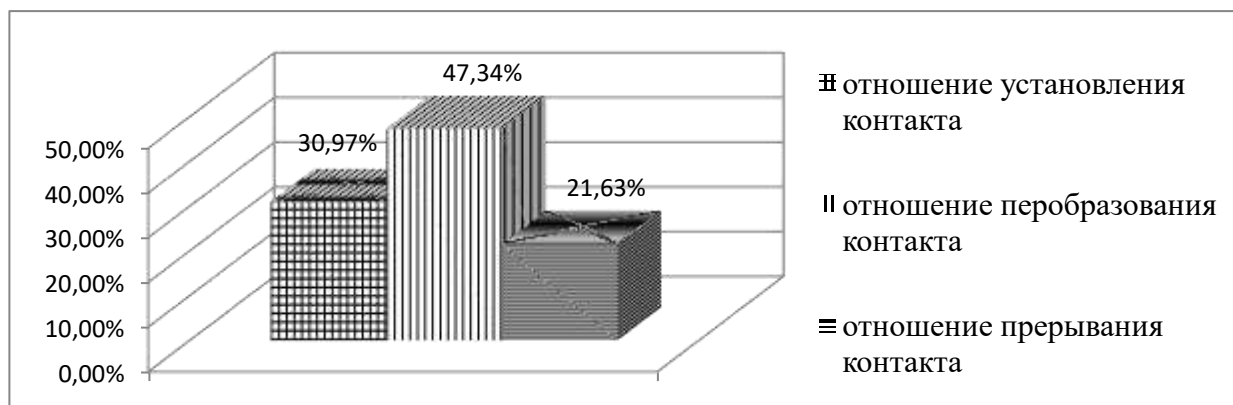
Реализация моделей субъект-объектной КР проиллюстрирована *Примером 41*. Здесь отсутствует указание на инициатора установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта. Средний показатель реализации схожих моделей субъект-объектной КР – 461,75 (76,74%).

На третьем этапе эксперимента мы разделили ПККЗ класса контактивов, актуализированные в высказываниях модели субъект-субъектной КР, на три группы, исходя из транслируемого с их помощью отношения отправителя к необходимости установить контакт, изменить его условия или прервать. Были выделены контактивы, выражающие намерение отправителя 1) инициировать коммуникацию, 2) преобразовать условия коммуникации, 3) прервать коммуникацию.

В процентном соотношении актуализация ПККЗ класса контактивов выглядит следующим образом.

Диаграмма 3.4.3.

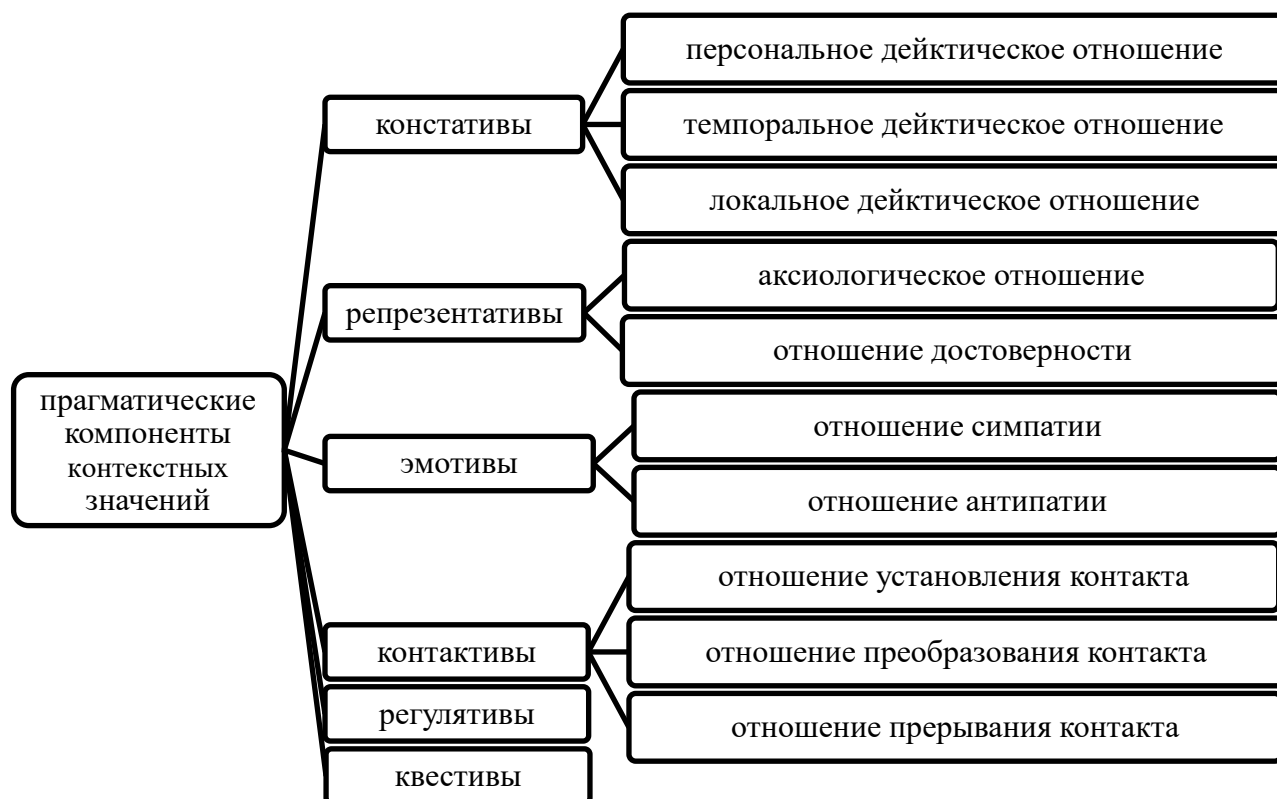
Актуализация подвидов ПККЗ класса контактивов

Контактивы, выражающие намерение отправителя 1) преобразовать условия коммуникации, занимают первое место (47,34%), 2) инициировать коммуникацию – второе место (30,97%), 3) прервать коммуникацию – третье место (21,63%) в иерархии.

Проведённый трехэтапный эксперимент позволил дополнить общую классификацию ПККЗ.

ПККЗ. Класс контактивов (КР)

Уточнив формальную и содержательную сторону реализации ПККЗ класса контактивов, перейдём к исследованию ещё одного класса субъектно маркированных референций – регулятивных модальных референций и восходящих к ним ПККЗ, относящихся к классу регулятивов.

3.5. Регулятивная модальная референция

Регулятивные модальные референции (далее РР) и восходящие к ним ПККЗ класса регулятивов выражают отношение реализующего их субъекта к необходимости инициации и выполнения им самим или другими субъектами, непосредственно или косвенно участвующими в коммуникации, определённого действия.

В иерархии ПККЗ, зафиксированных в казачьих текстах, регулятивы занимают пятое место (2,73%) (§ 2.3). Они также могут рассматриваться как маркеры,

чья актуализация в тексте характеризует один из нюансов отношения субъекта-отправителя к отображаемой им ситуации действительности, следовательно, имеют выраженный диагностирующий потенциал.

Далее рассмотрим РР и объективизирующие их маркеры-регулятивы с позиций разрабатываемого интегративно-сопоставительного подхода. Приоритетные задачи данного этапа нашего исследования мы видим в обновлении и унификации разрозненных сведений, в отдельных случаях в заполнении существующих теоретико-методологических лакун, в изучении особенностей структуры, а также прагматической валентности и дискурсивной актуализации регулятивов. Реализация данных задач не может не опираться на опыт предыдущих исследований. Рассмотрим их. Предварительно отметим, что определение «регулятивный» (регулирующий, вносящий порядок в исполнение каких-либо действий) в нашем исследовании рассматривается как синоним с более широким диапазоном значения по отношению к определениям «побудительный» (побуждающий к какому-либо действию), «императивный» (требующий безусловного исполнения), «директивный» (обязующий к исполнению).

В сравнительно-историческом языкознании исследование феномена регулятивности традиционно связывается со стилистической интерпретацией «субъективности в языке» [Балли 2001: 43-44, 60-61], в том числе с завершающимся лингвистическим или экстралингвистическим действием проявлением вербализованной посредством побудительных высказываний воли отправителя.

Субъективное волеизъявление говорящего в русском языке подробно разрабатывается на материале глаголов «повелительной речи», основная функция которых состоит в регулировании поведения реципиента согласно оттенку отображённой в них воли или намерения говорящего [Пешковский 2009: 79, 392]. Регулирование отождествляется в данном контексте как с действием, так и с последствием, например, с приказом или просьбой, влекущими за собой изменение состояния действительности.

Перформативные индикаторы интенции, сводящиеся к побуждению к действию, вычлениваются в повелительных высказываниях и подробно

анализируются в семасиологических исследованиях. Здесь в качестве индикаторов данного типа выделяются, прежде всего, повелительное наклонение и интонация [Никитин 2007: 620]. Наличие или отсутствие перформативных индикаторов рассматривается как основание для противопоставления открытого и скрытого типов побуждения к действию.

То же самое основание позволяет представителям теории речевых актов выделить в системе директивных речевых актов речевые акты с прямой и опосредованной каузацией действий адресата. Анализируя обязательную каузацию действий адресата в качестве основной иллокутивной составляющей речевых актов данного вида, исследователи видят их основное назначение в изменении экстралингвистической реальности в целом [Searle 1982: 19] и в координации действий, моделирующих продуктивное взаимодействие активных субъектов коммуникации в частности [Бойчук 2011: 54]. При этом совпадение исходной установки с содержанием и вектором его реализации не рассматривается как принципиально значимое, обязательным является лишь факт совершения действия [Лайонз 2003: 271].

Более подробную дифференциацию директивных речевых актов проводят представители лингвистической семантики. Как основание для выделения приказов, просьб и советов в качестве отдельных видов директив рассматриваются: исследование семантических компонентов в их составе, анализ глубиной структуры соответствующих предположений и реализуемый интонационный рисунок [Вежбицка 1985: 256-257]. При этом в качестве аксиомы представляется неразрывная связь директивных речевых актов каждого из данных видов с неречевыми действиями, проистекающими на экстралингвистическом уровне [Schneider 1975: 11].

Отдельные виды директивных речевых актов разрабатываются в лингвистической прагматике с привлечением психолингвистического инструментария. Это позволяет уточнить коммуникативные функции некоторых директив и, выделив характеристики речевых ситуаций, в контексте которых они реализуются, провести их внутривидовую классификацию. Так, например, приказы,

трактуемые в качестве прагматических единств с приоритетной функцией выражения принуждения получателя к действию [Dorn-Mahler 1991: 289], дифференцируются с учётом факта речевой тематизации первичной или вторичной цели высказывания [Dorn-Mahler 1991: 292] и противопоставляются приказам, легитимизирующим требования отправителя.

К уточнению содержательной стороны директивных речевых актов привлекается также инструментарий иллокутивной логики. Директивные речевые акты, побуждающие получателя к ответной реакции, разделяются с учётом категоричности побуждения и обязательности ответной реакции отправителя на следующие типы: приказы, требования, указания и инструкции [Rolf 1997: 177-178]. В ходе анализа директив различных типов используется приём разложения, усечения или расширения их иллокутивных составляющих, это обеспечивает возможность доречевого анализа структуры и последующей интерпретации их речевой реализации. В качестве основания для данной классификации директив рассматриваются также пропозициональные установки отправителя и выбор им определённых речевых средств из соответствующих частей директивного арсенала конкретного национального языка, например, актуализация говорящим глаголов в форме побудительного наклонения 2-го лица ед. числа в немецком, финском языках [Winkler 2010: 27, 210].

Зависимость номенклатуры речевых средств в реализованных побудительных актах от исторически и социально сложившихся стереотипов подробно разрабатывается представителями социолингвистики. При этом выделяются различные конвенционально обусловленные характеристики побудительных речевых актов и проводится дифференциация их подвидов. К примеру, побудительные акты просьбы анализируются в системе русского языка в сопоставлении с системой французского языка как особый генерализированный тип реквестивного побуждения, при актуализации которого высокая степень «депресонифицированности» отправителя подчёркивает его авторитетность, а ярко выраженная «генерализованность» адресата указывает на облигаторность инициируемого действия [Бойчук 2011: 54]. Исследование дополнительных функциональных

нагрузок, стереотипно реализуемых носителями конкретного национального языка, позволяет выделить просьбы-регулятивы, чьей основной функцией является регулирование невербального поведения получателя; просьбы-коррективы, которые направлены на корректировку коммуникативных действий; и просьбы-партитивы, чье назначение состоит в инициации выполнения действий различного типа, коммуникативных и некоммуникативных [Бойчук 2012: 8]. Сопоставление репертуара речевого выражения речевых актов просьбы и других типов побудительных речевых актов способствует выявлению универсальных и национально-культурных особенностей речевого поведения адресанта и адресата в частности и коммуникативной ситуации в целом.

Отдельные вопросы классификации регулятивов разрабатываются также представителями логического анализа языка, семантики, грамматики, межкультурной коммуникации и скрытой прагмалингвистики.

В рамках теории логического анализа языка модусы желания и волеизъявления, реализуемые с помощью таких глаголов, как *хотеть*, *требовать*, *приказывать*, *велеть*, и таких страдательных причастий, как *приказано*, *велено*, противопоставляются модусам необходимости, актуализируемым посредством наречий и прилагательных, например, *необходимо*, *нужно* [Арутюнова 1988: 109]. При этом модусы желания и волеизъявления и модусы необходимости характеризуются как вариации модуса волитивного плана.

В семантических исследованиях проводится подробный анализ динамических моделей глаголов принятия / исполнения решений (например, *решишь*, *задумать*, *отважиться* и т.д.) – лексических единиц класса волитивов, актуализируемых отправителем в условиях «свободно выбираемого поступка» [Падучева 2004: 307-354].

С позиций классической грамматики классифицируются морфосинтаксические средства выражения воли говорящего [Корди 2009]. Их функционально-грамматическое описание сопоставляется с выявленными семантическими характеристиками, в результате выводится подробная иерархия побудительных высказываний.

В русле исследований теории межкультурной коммуникации разрабатывается семантическое, синтаксическое и прагматическое наполнение директив, обязательным условием успешной реализации которых является ответная реакция получателя [Беляева 1992: 8, 20, 140]. С учётом специфики распределения ролей, отношения к каузируемому действию, доминирующей мотивации и presupпозиций участников коммуникации выделяются директивы: 1) выражающие совет по выполнению действий (суггестивы), 2) транслирующие побуждение к действию в интересах отправителя (реквестивы), 3) называющие предписываемые действия (прескрептивы) [Беляева 1992: 15]. В ходе анализа формального выражения коммуникативной интенции уточняется лингвистический статус речевых средств со значением побуждения. Интерпретация данных средств в условиях контекста позволяет выделить периферийные семы, сопутствующие побудительным значениям, в том числе семы социальной обусловленности, интенсивности и эмоционально-оценочные семы [Меликян 2012: 114-116]. В результате анализа подвижности значения речевых средств побуждения формулируется вывод о высокой степени их обобщённости.

Представители скрытой прагмалингвистики исследуют регулятивы с иллюкутивной составляющей запрета в качестве особого вида директив [Дегтярёва 2012: 41-42], средствами актуализации которого выступают целенаправленно или стереотипно выбираемые положительные или отрицательные формы глаголов в повелительном наклонении второго лица ед. и мн. числа, а также модальные глаголы.

При очевидной разнонаправленности теоретико-методологического базиса исследования регулятивов нельзя не отметить наличие некоторых точек их соприкосновения, в частности, в аспекте определения номенклатуры речевых средств, с помощью которых отправитель инициирует совершение вербального или невербального действия. По результатам теоретико-методологического обобщения, а также с учётом проведённого анализа (§ 2.3.) к таким речевым средствам мы относим:

- лексические средства с семантикой принятия / исполнения решений (например, русс.: *просьба, приказ, требование*; нем.: *die Bitte, der Befehl, die Forderung*), перформативные глаголы (русс.: *приказывать, требовать, просить*; нем.: *befehlen, fordern, bitten*), ментально-волитивные глаголы в сочетании с другими смысловыми глаголами (например, *следует* сказать, сделать, спросить), модальные глаголы с семантикой долженствования (русс.: *долженствовать* → быть должным, быть обязанным; нем.: *sollen, müssen*), модальные слова (например, русс.: *нужно, надо, необходимо, должно*; нем.: *nötig, notwendig*) [ср. Беляева 1992: 22-23, 35, 76-82; Дегтярёва 2012: 42, Конрад 1985: 359, Кукса 2011: 14-15, Ларина 2009: 105, Меликян 2012: 112-116, Vublitz 2009: 277];
- морфологические средства (глаголы в форме побудительного наклонения) [ср. Беляева 1992: 22, 26; Дегтярёва 2012: 42, Конрад 1985: 359, Никитин 2007: 613, Пешковский 2009: 395];
- синтаксические средства: побудительные или вопросительные предложения (с указанием на прямое, дистантное, формальное и т.д. побуждение) [ср. Беляева 1992: 21, 23, 26, 37, 65-75, 82-89; Бойчук 2011: 56-57, Лайонз 2003: 272-273, Ларина 2009: 111, Пешковский 2009: 395, Vublitz 2009: 277-279]; сочетания частиц *да / пусть* с глаголами в будущем времени изъявительного наклонения; конструкцию *sein + zu + Infinitiv* (в немецком языке).

Актуализация данных речевых средств объективизирует отношение отправителя к необходимости инициации определённого действия. Рассмотрим, как это происходит, на конкретных примерах.

Пример 42

«Сегодня еду в Коминтерн, **надо** там локализовать слухи» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г, г. Москва [Шолохов 2003: 30]).

Указание на облигаторность совершения действия реализуется в данном отрывке с помощью модального маркера (*надо*). Субъект, иницирующий действие (*локализовать слухи*), и субъект, которому необходимо это действие

реализовать, – одно лицо, а именно отправитель, имплицированный в препозиции глаголом в форме первого лица ед. числа (*еду*).

Пример 43

«**Надо** же *мне оправдать* давным-давно выбранный для конца эпитафия» (М.А. Шолохов Е.Г. Левицкой, 4 августа 1932 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 92]).

Здесь необходимость совершения действия (*оправдать эпитафия*) также обозначается с помощью модального слова с семантикой долженствования (*надо*). Указание на активного деятеля осуществляется посредством личного местоимения в форме первого лица ед. числа (*мне*).

Пример 44

«Я очень **прошу** Вас всё-таки на некоторое время **покинуть** г. Новочеркасск, не заставляя *меня* применять какие-либо иные меры» [Краснов 2010: 178].

В этом примере пассионарный коммуницирующий субъект (П.Н. Краснов) указывает на необходимость совершения получателем (М.В. Родзянко) конкретного действия (*покинуть г. Новочеркасск*). Данное указание реализуется посредством перформативного глагола (*прошу*). Облигаторность совершения действия получателем подчёркивается с помощью постпозитивного деепричастного оборота, представляющего ещё одно возможное инициированное действие (скрытую угрозу – *не заставляя меня применять какие-либо иные меры*). При этом, как в части указания на необходимость совершения действия, так и в части, уточняющей степень данной необходимости, открыто демонстрируется активная позиция отправителя. Это происходит за счёт актуализации личных местоимений (*я, меня*) и глагола (*прошу*) в форме первого лица ед. числа.

Пример 45

«Я, властью мне данной избранным Вами же Кругом, **приказываю** всех без исключения, не взирая на чины, возраст, пол и положение: распускающих ложные слухи и позорящих казачество, немедленно **арестовывать**...» [Дутов 2006: 235].

Перформативный глагол в форме первого лица ед. числа (*приказываю*), усиленный личным местоимением в соответствующей форме (*я*), представляет открытую позицию отправителя, иницирующего совершение конкретного

действия (арестовывать) в отношении обобщённого адресата (*всех..., распускающих ложные слухи и позорящих казачество*).

Пример 46

«**Не вини** коня, **вини** дорогу» (казачья пословица).

Побуждение к совершению определённого рационального действия (причину неудачи необходимо искать справедливо), реализованное в казачьей пословице, вне контекста может быть отнесено к любому потенциальному получателю. При этом обращение к нему посредством глагольной формы второго лица ед. числа создаёт эффект доверительного отношения.

Пример 47

«Шепнул *мне* ветер: **стой**, Казак! **береги** пулю, дойдёт время!» [Шмелёв 2001: 2].

В этом отрывке субъект, которому необходимо совершить несколько действий, конкретизирован. Это отправитель письма. Указание на него осуществляется с помощью личного местоимения (*мне*) в форме первого лица ед. числа и обращения, эксплицирующего социальный статус субъекта (*казак*). Побуждение к совершению отправителем действий (*стой, береги*) осуществляется метафоризованным адресантом (*ветер* – судьба). Глагол в препозиции (*шепнул*) подчёркивает необлигаторность совершения действий. Субъект сам должен вынести решение о необходимости их выполнения.

Пример 48

«**Не плачьте, не убивайтесь**. *Ворочусь на Родину, на Тихий Дон, на Казацкую Волю новую!*» [Шмелёв 2001: 2].

Далее в том же тексте происходит смена качества и направления регулятивного вектора. Инициатором совершения / несовершения действий становится отправитель письма, сами эмоционально окрашенные действия (плакать, убиваться) контекстуально связываются с потенциальными получателями письма (родителями). Регулирующая функция актуализированных отправителем глагольных форм повелительного наклонения второго лица мн. числа в сопровождении отрицательной частицы *не* (*не плачьте, не убивайтесь*) реализуется в наложении запрета на совершение означенных действий. Отсутствие

необходимости в их выполнении поясняется в следующем за запретом высказывании, содержащем имплицитное указание на отправителя (*ворочусь, на Родину*).

Пример 49

«**Да спасёт** нас родная земля» (казацья поговорка).

Инициатор совершения действия, представленный с помощью личного местоимения первого лица мн. числа (*нас*), включает в круг регуляторов также других неноминированных субъектов, к которым можно отнести всех потенциальных участников коммуникации. Побуждение к действию реализуется с помощью волетативной частицы (*да*), выступающей в сочетании с глаголом в будущем времени (*спасёт*), и адресуется метафоризированному получателю (родной земле, Родине). Реализация волетативной частицы представляет иницируемое действие как желательное.

Пример 50

«Заранее за это *извиняюсь* и **прошу** тех, кои могут сделать необходимые исправления или указать на допущенные *мною* ошибки – сообщить об этом *мне* или сделать поправки путём печати» [Лукомский 1922: 16].

С помощью перформативных глаголов, актуализованных в форме первого лица ед. числа (*извиняюсь, прошу*), а также личных местоимений, также в форме первого лица ед. числа (*мною, мне*) отправитель демонстрирует свою активную позицию в инициации указанного в следующей части действия (*прошу сообщить или сделать поправки*).

Побуждение к совершению действия прямо или контекстуально связывается с отправителем в большинстве проанализированных нами случаев актуализации регулятивов (*Примеры 42-50*).

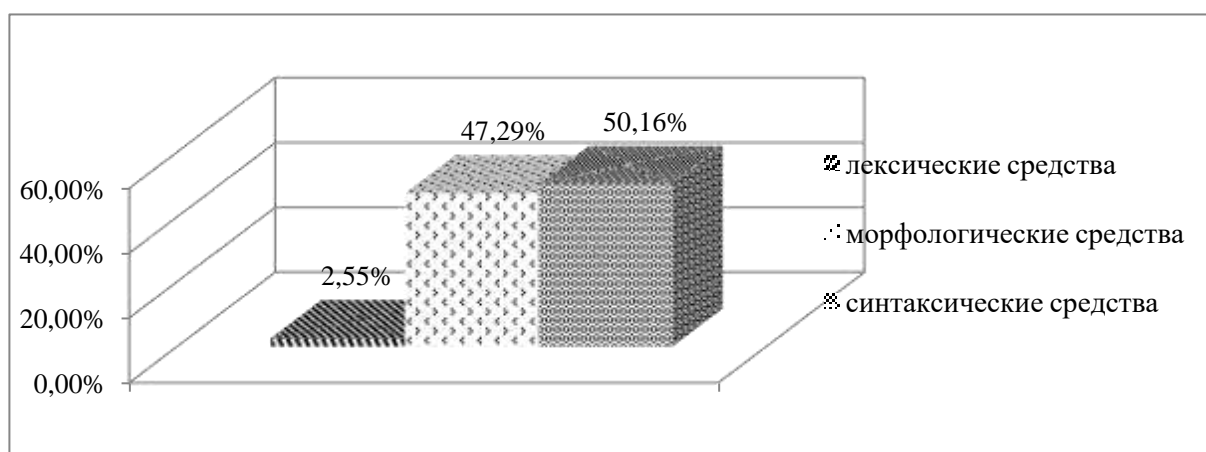
Исследовав реализацию регулятивов в качестве речевых средств РР, активизирующей отношение отправителя к необходимости инициации определённого действия, мы отметили наличие общей тенденции – тенденции к эксплицитному выражению активной позиции отправителя с обязательным указанием реального или мыслимого получателя. Данное наблюдение было проверено в ходе последующего трёхэтапного эксперимента.

На первом этапе эксперимента мы обратились к информантам с просьбой отметить в предложенных им текстах-образцах слова или словосочетания, указывающие на необходимость совершения какого-либо действия. Систематизировав полученные реакции информантов, мы вычислили усреднённые показатели актуализации средств-регулятивов для лексического, морфологического и синтаксического уровней (Таблица 3.5.1.).

Таблица 3.5.1.

Средства актуализации РР

Группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Средства актуализации					
Лексические средства	12 (2,59%)	20 (4,35%)	11 (2,34%)	3 (0,27%)	11,5 (2,55%)
Морфологические средства	214 (46,12%)	217 (47,28%)	227 (48,09%)	199 (48,42%)	213,5 (47,29%)
Синтаксические средства	238 (51,29%)	222 (48,37%)	234 (49,57%)	209 (51,85%)	226,5 (50,16%)
Всего	464 (100%)	459 (100%)	472 (100%)	411 (100%)	451,5 (100%)

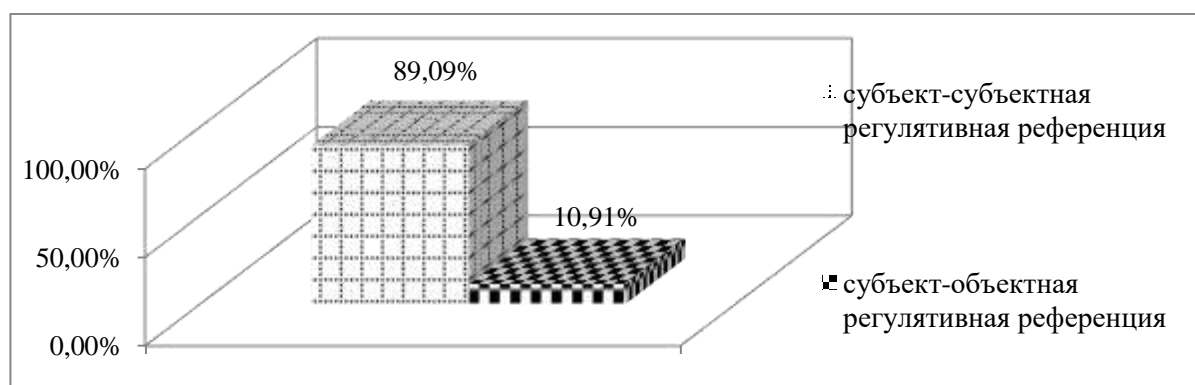
В ряду отмеченных информантами речевых средств, указывающих на необходимость совершения действия, наиболее многочисленной оказалась группа синтаксических регулятивов (50,16%). Второе место заняли

морфологические регулятивы (47,29%), третье – лексические регулятивы (2,55%). Анализ продемонстрировал синкретичность средств различных уровней. Прежде всего, синтаксического и морфологического, регулярно пересекающихся, к примеру, в побудительных высказываниях.

На втором этапе эксперимента информанты отмечали слова или словосочетания, которые представляют указание на необходимость совершения какого-либо действия, исходящее от отправителя текста. Высказывания, отмеченные информантами на данном этапе, были проанализированы как высказывания субъект-субъектной модели РР. Сопоставив числовые показатели их актуализации с общим количеством высказываний, содержащих регулятивы, мы выявили соотношение моделей субъект-субъектной (89,09%) и субъект-объектной РР (10,91%) в проанализированных текстах (*Диаграмма 3.5.2.*).

Диаграмма 3.5.2.

Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной РР

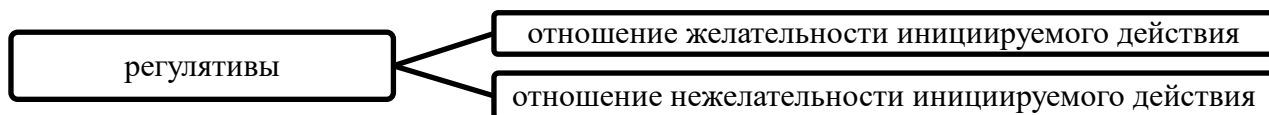
Преобладание моделей субъект-субъектной РР продемонстрировало исключительное значение индивидуальных установок отправителя, объективизирующего собственное отношение к необходимости совершения действия.

Анализ показал, что само инициируемое действие, может быть представлено как действие, чья реализация является желаемой или не желаемой отправителем. По этому основанию мы разделяем субъект-субъектные РР и маркеры их актуализации – регулятивы – на два подвида: 1) объективизирующие

инициируемое действие как желаемое, и 2) объективизирующие инициируемое действие как не желаемое отправителем.

Схема 3.5.3.

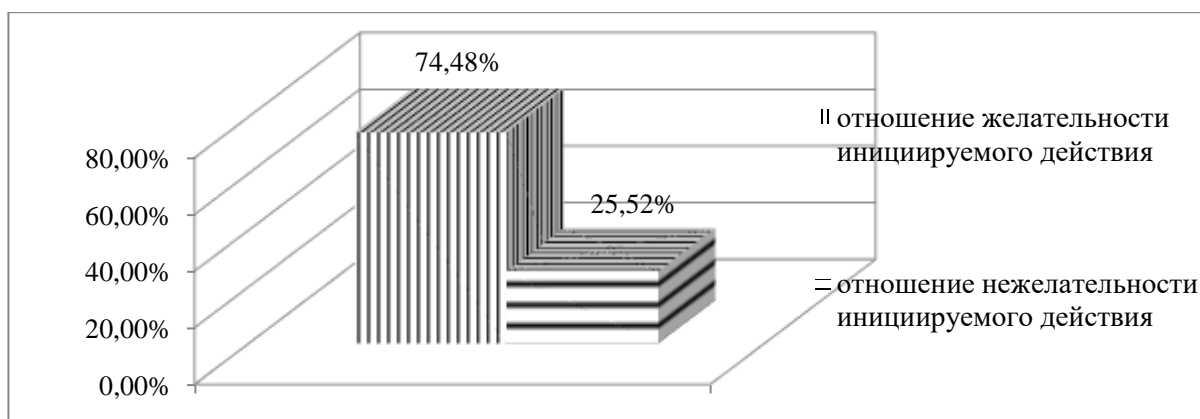
Подвиды субъект-субъектных РР

На третьем этапе анализа мы уточнили соотношение подвидов субъект-субъектной РР с учётом дополнительного содержательного нюанса – желательности / нежелательности инициируемого отправителем действия.

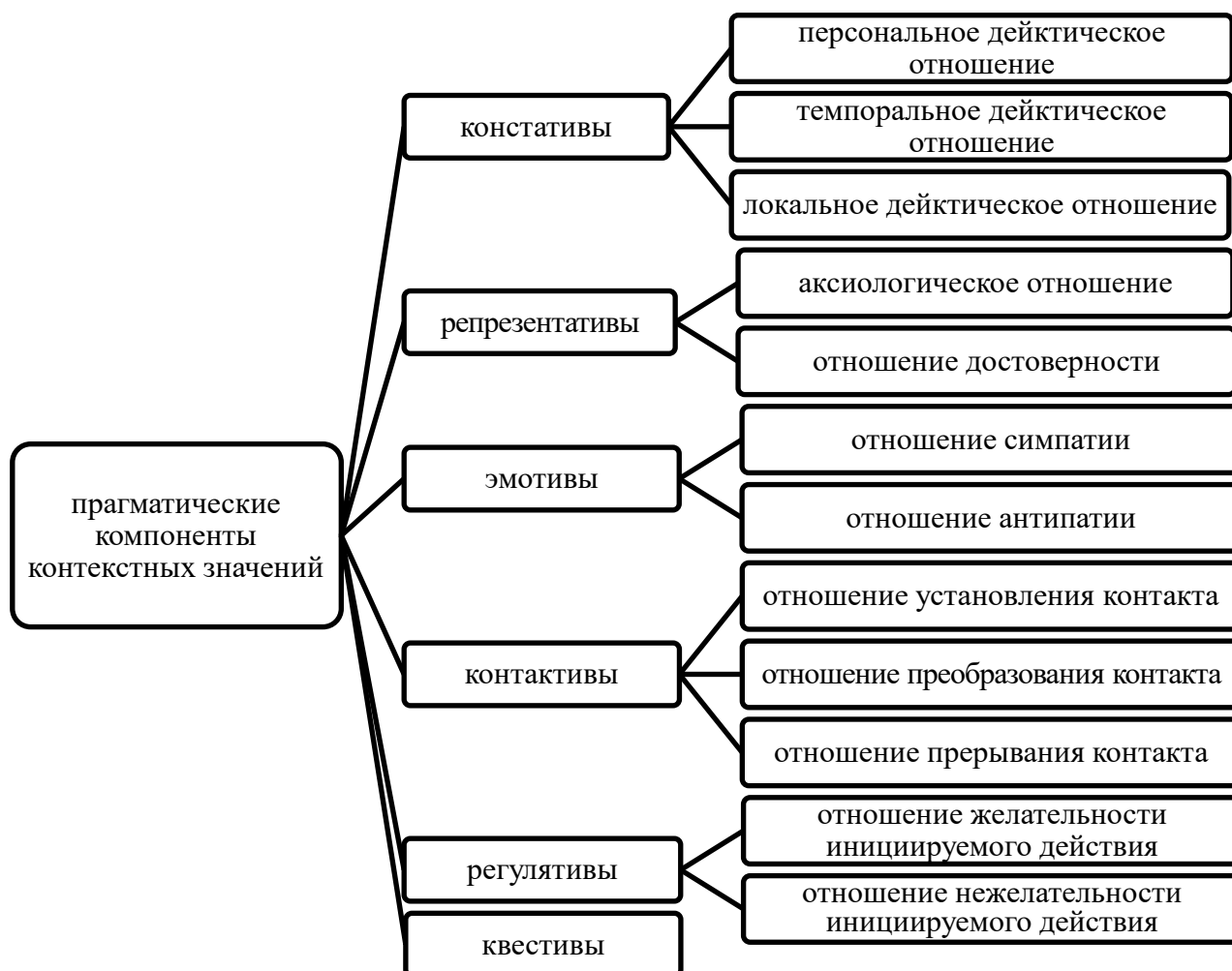
Диаграмма 3.5.4.

Актуализация подвидов субъект-субъектной РР

Как видим, в большинстве АСГ с субъект-субъектной РР присутствует указание на желательность инициируемого отправителем действия (74,48%).

РР субъект-субъектной модели являются основанием для реализации ПККЗ класса регулятивов. Используем результаты представленного анализа для дополнения таблицы актуализации ПККЗ новыми сведениями (Схема 3.5.5).

ПККЗ. Класс регулятивов (РР)

Уточнив особенности номенклатурной наполненности группы регулятивов, проанализировав реализацию РР в текстах, выделив подвиды РР, дополнив таблицу актуализации ПККЗ новыми сведениями, перейдём к последнему выделенному нами классу субъектно-маркированных референций – квестивным модальным референциям и маркерам их актуализации – квестивам.

3.6. Квестивная модальная референция

В данном параграфе отметим наиболее важные для нашего исследования теоретические предпосылки изучения квестивных референций и их маркероносителей – квестивов, уточним их функциональную составляющую и

проанализируем варианты реализации квестивных референций на материале конкретных текстов.

В ходе предварительного эксперимента (§ 2.3.) мы выяснили, что квестивы, восходящие к квестивным модальным референциям, являются самой малочисленной группой на фоне других групп маркеров модальных референций, занимая шестое место в общей иерархии актуализации выделенных нами типов ПККЗ (2,03%).

Квестивные модальные референции (далее КвР), объективизируемые квестивами в ходе дискурсивной реализации, транслируют отношение субъекта-отправителя к необходимости пополнения другим субъектом (или самим отправителем) объёма наличествующей в данный момент времени информации.

Обращаясь к исследованию КР с позиций интегративно-сопоставительного подхода, мы опираемся на результаты разнонаправленных научных изысканий, представляющих грамматические, семантические и прагматические основания функционирования разноуровневых языковых / речевых единиц, в той или иной форме каузирующих запрос недостающей информации.

Наиболее последовательное описание подобного рода единиц проведено в традициях классических грамматических исследований, где они представлены в качестве особых репрезентантов вопросительной речи, реализующих исходящее от говорящего и адресованное слушающему побуждение, задачей которого является передача новой, неизвестной говорящему информации [Пешковский 2009: 392]. Классической грамматике принадлежат также попытки системного анализа номенклатуры квестивных единиц: вопросительных частиц (например, *разве, ли, неужели*), местоимённых существительных (*кто, что*) и прилагательных (*какой, который*), а также инверсии и интонации в вопросительных предложениях [Пешковский 2009: 393-395].

В психолингвистических исследованиях анализируются параметры функционирования данных единиц и их вопросительное значение, разрабатываются алгоритмы его фиксирования. Вопросительное значение трактуется при этом как результат целеобращения, трансформирующийся в побуждение получателя к

ответу на адресованную ему речь [Жинкин 1955: 23]. Особое внимание уделяется механизмам перехода вопросительного значения в другие виды [Жинкин 1955: 23-24, 32], а также возможностям слияния вопросительного, утверждающего и отрицающего видов сообщений [Жинкин 1955: 25, 29-30]. Вопросительные сообщения отождествляются с утверждающими, отрицающими и побудительными.

В работах, написанных в духе лингвистической семантики, вопросительные значения рассматриваются на уровне речевых актов, выделяемых в ряду других по основанию наличия компонента «желание знать» и особого вопросительного вида интонации [Вежбицка 1985: 261]. Вопросительные речевые акты сопоставляются с речевыми актами других видов, в том числе с речевыми актами просьб.

В социолингвистических исследованиях анализ вопросительных предложений проводится с учётом их иллокутивной составляющей [Конрад 1985: 349-383]. Реализация вопросительного предложения в речи отождествляется с актуализацией косвенного речевого акта. Эротетическое значение вопросительных предложений, соответствующее выражению вопроса [Конрад 1985: 353-355], трактуется как результат образования посылки к операции логического вывода, осмысливаемый отправителем с учётом внешних и внутренних условий речевого акта [Конрад 1985: 356, 381]. Вопросительное значение рассматривается также в гибридных предложениях [Конрад 1985: 377] в сопоставлении со значениями просьбы, желания или требования, объединёнными рамками одной пропозиции.

В духе теории межкультурной коммуникации вопросительные высказывания, направленные на выражение желания отправителя обладать информацией, объективно отображающей определённую ситуацию действительности, интерпретируются как самостоятельный вид речевых актов [Беляева 1992: 8-9]. Назначение реализации речевых актов данного вида характеризуется особой двунаправленностью, с одной стороны, воплощаясь в указании отправителя на существование некоторой информационной лакуны, с другой стороны, осуществляя

указание на его намерение заполнить данную информационную лауну недостающими объективными данными.

Когнитивная лингвистика пополняет сведения о сущности и особенностях функционирования вопросительных высказываний информацией об обязательности их пресуппозиционной обусловленности и закреплённости обобщённых алгоритмов реализации в сознании каждого носителя языка [Confais 1995: 10]. Отдельно рассматриваются вопросы особой детерминированности содержания вопросительных высказываний [Marschall 1995: 21] и их прагматического потенциала [Нечаева 2012: 132] в составе заданного лингвосоциального сообщества.

Анализ теоретических предпосылок исследования КвР, а также результаты предварительного эксперимента (§ 2.3.) позволяют вывести номенклатуру маркеров, соответствующих выражению отношения субъекта-отправителя к необходимости пополнения другим субъектом (или самим отправителем) объёма наличествующей в данный момент времени информации, в том числе:

- лексические средства с вопросительной семантикой (вопросительные частицы: русс.: *что, что же, как, что ли, ли, не ... ли, или, разве, неужели, что если, а, да, правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли, верно*; нем.: *was, was; denn, wie, was denn, wohl, oder, was wenn, aber, echt*; вопросительные местоимения: русс.: *кто, что, какой, каков, чей, насколько; который, где, когда, куда, откуда, почему, зачем, как, сколько*, нем.: *wer, wen, wem, welche, welcher, wessen, warum, weshalb, weswegen, wofür, wozu, womit, wodurch, worum, worüber; wo, wieso*);
- синтаксические средства – вопросительные или повествовательные предложения (со значением прямого или косвенного вопроса).

Рассмотрим актуализацию КвР на примерах текстов казачьей лингвокультуры.

Пример 51

«Хлеб да солица, нельзя **ли** с вами садиться?» (казачья присказка).

В качестве лексического маркера КвР в данном вопросительном высказывании актуализируется частица (*ли*), с помощью которой отправитель указывает

на необходимость заполнения информационной лакуны ответом-реакцией получателя (согласием или отказом присоединиться к совместному принятию пищи).

Пример 52

«**Чё** вертишься как круженная овца?» (казацья поговорка).

В этой пословице реализация лексического маркера (*чё*) вместе с квестивной синтаксической формой (формой вопроса) транслируют экспрессивно окрашенный запрос необходимой отправителю информации.

Пример 53

«И **кто** я теперь, Казак! И где *мои* песни? **Какого** коня поить?..» [Шмелёв 2001: 3].

Вопросительные местоимения (*кто, где, какого*) выступают в качестве лексических квестивных актуализаторов, маркирующих инициируемый отправителем поиск отсутствующей информации. Восклицательное предложение в препозиции к серии вопросительных предложений (синтаксических квестивных маркеров) отображает эмоциональную нагруженность ситуации, растерянность отправителя, неприятие им существующего в данный момент времени положения дел.

Пример 54

«Волен **ли** я в выборе? И **что** мне выбирать?» (М.А. Шолохов в Федерацию объединений советских писателей, 9 июля 1928 г., ст. Вёшенская [Шолохов 2003: 23]).

Лексические (*ли, что*) и синтаксические (вопросительные предложения) квестивные маркеры, актуализированные отправителем, сигнализируют о недостающем объёме информации в ситуации необходимости принятия им решения. В качестве потенциального получателя выступает не только коллективный адресат письма (Федерация объединений советских писателей), но и сам адресант (М.А. Шолохов).

Пример 55

«**Что** же делать *нам*, родные станичники? **Неужели** гибнуть со всеми?» (А.И. Дутов на 2-м очередном войсковом округе 7 декабря 1917 г., г. Оренбург [Дутов 2006: 97]).

Здесь лексические маркеры КВР также активно взаимодействуют с синтаксическими. Вопросительное местоимение (*что*), реализованное отправителем в первом вопросительном предложении в связке с указанием на коллективный

адресант (*нам*), эксплицирует потребность получения информации относительно последующего действия. Вопросительная частица (*неужели*) во втором вопросительном предложении выражает сомнения отправителя в правомерности предполагаемых и реальных последующих действий.

Пример 56

«Мне стало ясно, что сзади *меня* медведь. **Что** будет дальше? Повернёт или пойдёт вперёд?» [Лукомский 2001: 110].

Отправитель, представленный в отрывке эксплицитно с помощью личного местоимения в форме первого лица ед. числа (*мне, меня*), инициирует заполнение информационной лакуны на уровне лексики посредством вопросительного местоимения (*что*), на уровне синтаксиса – вопросительных предложений (*Что будет дальше? Повернёт или пойдёт вперёд?*).

Для того, чтобы уточнить особенности актуализации маркеров КвР, мы провели следующий эксперимент.

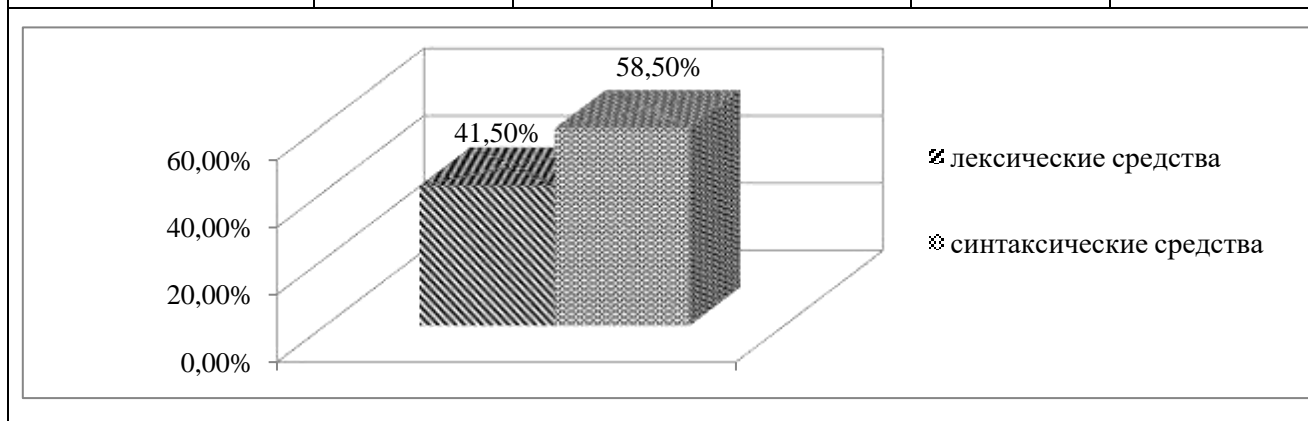
На первом этапе эксперимента мы обратились к информантам с просьбой, ознакомившись с предложенными им текстами-образцами, выделить слова, указывающие в той или иной форме на необходимость пополнения объёма наличествующей информации. Маркеры, отмеченные информантами в опросных листах, были проанализированы на предмет их принадлежности к определённому языковому уровню, полученные данные усреднены, переведены в процентные величины и зафиксированы в табличной форме (*Таблица 3.6.1.*).

Таблица 3.6.1.

Средства актуализации КвР

Группа	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Средний показатель
Средства актуализации					
Лексические средства	144 (41,26%)	139 (39,94%)	171 (40,07%)	140 (41,06%)	148,5 (41,65%)

Синтаксические средства	205 (58,74%)	209 (60,06%)	217 (59,93%)	201 (58,94%)	208 (58,35%)
Всего	349 (100%)	348 (100%)	388 (100%)	341 (100%)	356,5 (100%)

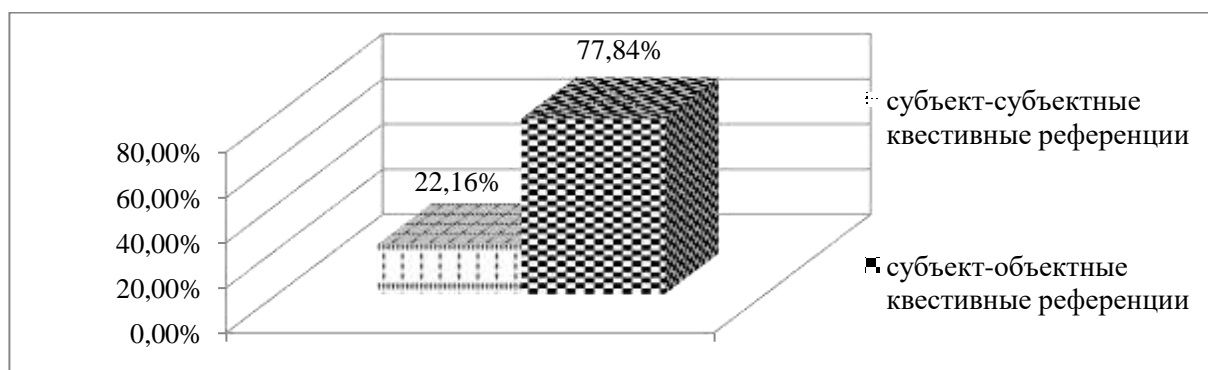

Анализ продемонстрировал доминирование синтаксических маркеров КвР (58,50%) по отношению к лексическим маркерам (41,50%) в изученных текстах.

На втором этапе эксперимента мы проанализировали контекстное окружение маркеров КвР на предмет наличия / отсутствия их непосредственной связи с речевыми средствами, которые указывают на пассивный субъект коммуникации, представляющий информационную лакуну и инициирующий её заполнение. В высказываниях, где такая связь была установлена, реализуется субъект-субъектный тип КвР; в высказываниях, где такая связь отсутствует, – субъект-объектный тип КвР. Процентное соотношение субъект-субъектного и субъект-объектного типов КвР отражено на диаграмме.

Диаграмма 3.6.2.

Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной КвР

В проанализированных текстах количество высказываний, в которых реализуется субъект-объектный тип КвР (77,84%), значительно превосходит

количество высказываний, с актуализированным субъект-субъектным типом КвР (22,16%). Высказывания первого типа проиллюстрированы *Примерами 51, 52*, второго – *Примерами 53, 54, 55, 56*.

Анализ субъект-субъектного типа КвР показал, что указание на инициирующей квестивную ситуацию субъект, как правило, осуществляется посредством речевых средств в форме первого лица ед. числа. Значительно реже круг таких субъектов расширяется за счёт реализации речевых средств в форме первого лица мн. числа.

КвР, актуализированные в высказываниях первой модели, эксплицируют ПККЗ класса квестивов. В общей системе ПККЗ квестивы занимают следующую позицию.

Схема 3.6.3.

ПККЗ. Класс квестивов (КвР)

Рассмотрев особенности актуализации КвР, обратимся к сопоставлению основных свойств шести видов выделенных субъектно маркированных референций.

3.7. Общие свойства субъектно маркированных референций

В §§ 3.1.-3.6. мы проиллюстрировали реализацию алгоритма интегративно-сопоставительного анализа, направленного на выявление нюансов обозначаемого с помощью специальных речевых средств отношения отправителя к отображаемому. Качественно-количественный анализ данных речевых средств с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения их актуализации позволил выстроить и уточнить иерархию ПККЗ, носителями которых они являются.

В результате исследования мы получили трёхчастную модель, представляющую особенности реализации обобщённого алгоритма вербальной объективизации отправителем субъективной информации.

Трёхчастность данной модели реализуется в соответствии с особенностями триады «объективная реальность – коммуницирующий субъект – языковая / речевая единица». Субъектно-маркированные (субъект-объектные и субъект-субъектные) референции представляют феномен объективизации субъективной информации на уровне объективной реальности, маркеры референций, отбираемые отправителем из его наличного репертуара, – на уровне индивидуализированного интенционально валентного отношения самого коммуницирующего субъекта; реализованные в условиях контекста ПККЗ – на уровне оязыковлённых (и как следствие, объективизированных) содержательных компонентов, закреплённых в соответствующей (суб)языковой системе.

Пошаговое развёртывание данной модели в пределах конкретной коммуникативной ситуации осуществляется отправителями на фоне взаимной обусловленности конвенциональных и индивидуальных ассоциаций между референциями, объективизирующими их языковыми / речевыми средствами и эксплицируемыми отправителем и интерпретируемыми получателем в качестве таковых ПККЗ.

Объективизация содержательных компонентов может осуществляться с помощью языковых / речевых средств различных уровней: фонетических, лексических, грамматических и словообразовательных. В серии экспериментов, представленных в данной главе, мы ориентировались на те средства, которые могут быть зафиксированы в письменном тексте, это объясняет отсутствие в работе сведений об актуализации фонетических маркеров-носителей ПККЗ.

Изучение словообразовательных, лексических, морфологических и синтаксических и маркеров доказало, что прагматическую валентность могут проявлять отдельные части и формы слов, словосочетания, части предложений и целые предложения.

В номенклатуре прагматически валентных средств были выявлены лексические, грамматические и словообразовательные доминанты как для субъектно маркированной референции в целом, так и для отдельных её видов. Сведения о них занесены в соответствующие таблицы. По результатам интерпретации данных таблиц составлена следующая сводная таблица (Таблица 3.7.1.).

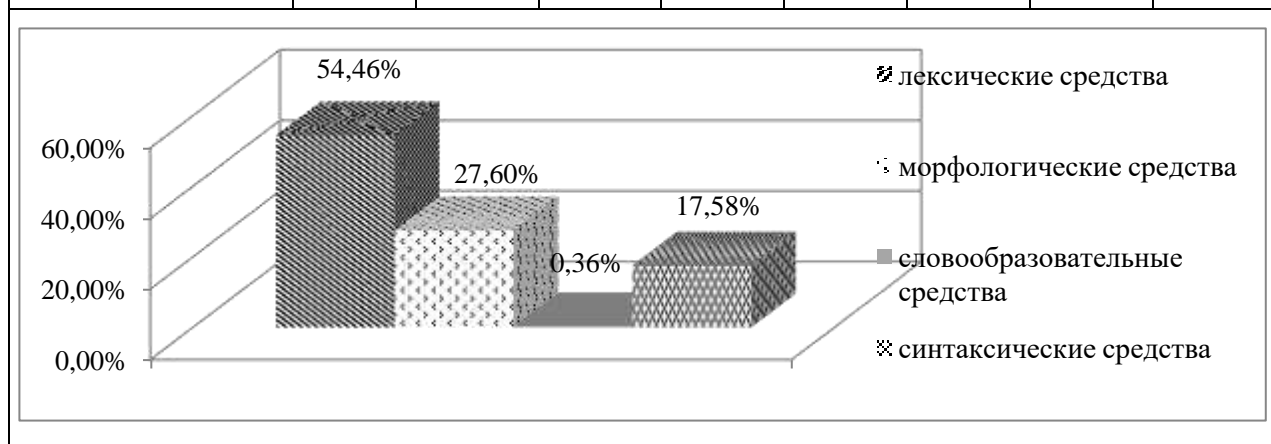
Таблица 3.7.1.

Актуализация маркеров субъектно маркированных референций.

Средние показатели. Сводная таблица

Вид референции Средства актуализации	Дейктическая референция	Аксиологическая референция	Эпистемическая референция	Эмотивная референция	Контактная референция	Регулятивная референция	Квестивная референция	Средний показатель
		Оценочная референция						
Лексические средства	2056 (49,56%)	701,5 (92,39%)	102 (36,93%)	334,75 (63,31%)	524,25 (87,12%)	11,5 (2,55%)	148,5 (41,65%)	554,07 (54,46%)
Морфологические средства	1500 (36,15%)	35,5 (4,68%)	140 (50,58%)	0	77,5 (12,88%)	213 (47,29%)	0	280,86 (27,6%)
Синтаксические средства	592,75 (14,29%)	12,25 (1,61%)	34,25 (12,4%)	178 (33,66%)	0	226,5 (50,16%)	208 (58,35%)	178,82 (17,58%)

Словообразова- тельные средства	0	10 (1,32%)	0	16 (3,03%)	0	0	0	3,71 (0,36%)
Всего	4148,75 (100%)	759,25 (100%)	276,25 (100%)	528,75 (100%)	601,75 (100%)	451 (100%)	356,5 (100%)	1017,46 (100%)

Согласно результатам анализа, наиболее часто актуализируемыми маркерами субъектно маркированной референции являются лексические маркеры (54,46%). На втором месте находятся морфологические маркеры (27,6%), на третьем – синтаксические (17,58%), на четвёртом – словообразовательные (0,36%).

Несовпадения частеречных иерархий внутри номенклатур средств актуализации отдельных видов субъектно-маркированных референций, проиллюстрированные в §§ 3.1.-3.6., в целом могут быть объяснены спецификой языковой системы, располагающей различными возможностями объективизации эксплицируемых или имплицитруемых нюансов отношения отправителя к отображаемому.

Сопоставив средние показатели, мы выявили соотношение отдельных видов модальной референции как составляющих системы вербальной объективизации субъективной информации в проанализированных текстах. Данное соотношение выглядит следующим образом: дейктические – 58,25%, оценочные – 14,54%, контактивные – 8,45%, эмотивные – 7,42%, регулятивные – 6,33%, квестивные – 5,01% референции.

Анализ высказываний, в которых были актуализированы различные виды субъектно маркированных референций посредством разноуровневых речевых маркеров, позволил вывести общие формулы их актуализации:

- $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$, где $S(m)$ – эксплицитный (определённый) модусный субъект, $P(m)$ – управляющий модальный предикат, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект, а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат (модель субъект-субъектной модальной референции) и
- $P(m) + S(d) + P(d)$ – высказывания с имплицитным (неопределённым) модусным субъектом (модель субъект-объектной модальной референции).

Первая формула – модель субъект-субъектной модальной референции – содержит указание на пассионарный субъект вербальной интеракции (отправителя текста или лирического героя). Высказывания такого типа демонстрируют наличие непосредственной связи субъекта коммуникации с его коммуникативными интенциями, с эксплицируемыми или имплицитруемыми оттенками его субъективного отношения к отображаемому фрагменту действительности, объективизированными в ПККЗ соответствующих типов. В высказываниях второго типа такая связь отсутствует. Усреднённые показатели актуализации маркеров модальной референции в высказываниях обоих типов представлены в *Таблице 3.7.2.*

Таблица 3.7.2.

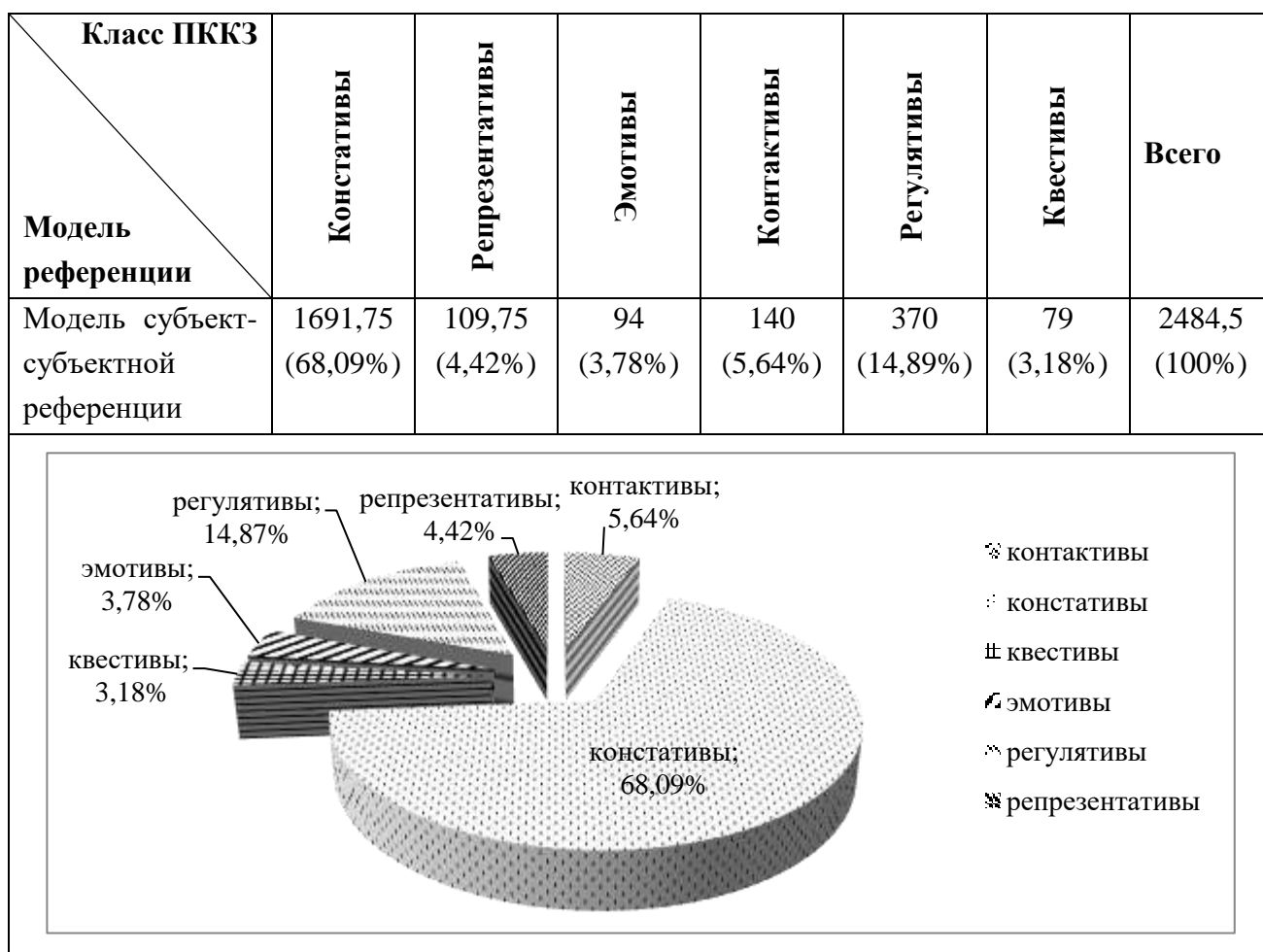
Актуализация компонентов контекстных значений (ККЗ)

Класс ККЗ Модель референции	Констативы	Репрезентативы		Эмотивы	Контактивы	Регулятивы	Квестивы	Средний показатель
		аксиологическое отношение	эпистемическое отношение					
Модель субъект-субъектной референции	1691,75 (40,78%)	77,25 (10,13%)	32,5 (11,76%)	94 (17,77%)	140 (23,26%)	370 (89,09%)	79 (22,16%)	354,93 (34,88%)
Модель субъект-объектной референции	2457 (59,22%)	682 (89,87%)	243,75 (88,26%)	434,75 (82,23%)	461,75 (76,74%)	81,5 (10,91%)	277,5 (77,84%)	662,53 (65,12%)
Всего	4148,75 (100%)	759,25 (100%)	276,25 (100%)	528,75 (100%)	601,75 (100%)	451 (100%)	356,5 (100%)	1017,46 (100%)

Исследование высказываний, отвечающих параметрам модели субъект-субъектной модальной референции, позволяет представить уточнённую (в сравнении с иерархией, составленной по результатам предварительного эксперимента, § 2.3.) иерархию актуализации ПККЗ. Для того чтобы максимально объективизировать результаты анализа актуализации ПККЗ, мы увеличили объём исследовательского материала (до 4 158 АСГ) и привлекли четыре группы информантов, реакции которых фиксировались, тщательно интерпретировались, и, будучи переведёнными в числовые показатели, систематизировались в табличной форме. Объединив коэффициенты актуализации аксиологической и эпистемической референции, отобразим скорректированную иерархию актуализации ПККЗ в таблице (Таблица 3.7.4.).

Таблица 3.7.4.

Процентное соотношение показателей актуализации ПККЗ

В уточнённой иерархии актуализации ПККЗ на первом месте находятся констативы (68,09%), второе место занимают регулятивы (14,89%), третье – кон- тактивы (5,64%), четвёртое – репрезентативы (4,42%), пятое – эмотивы (3,78%), шестое – квестивы (3,18%).

Исследование маркеров модальных референций различных видов в целом и маркеров субъект-субъектных модальных референций (и восходящих к ним ПККЗ) в частности продемонстрировало также их постоянное взаимопересече- ние, часто в границах одной АСГ. Это объясняет значительное превосходство коэффициентов реализации маркеров субъектно маркированных референций над числом АСГ. Доказанная способность субъектно маркированных референций су- ществовать в постоянном взаимодействии друг с другом позволяет также гово- рить о таком их свойстве, как незамкнутость.

Сформулируем основные выводы данной части нашего исследования.

Выводы по третьей главе

В третьей главе исследования представлено подробное описание субъектно-маркированных (субъект-объектных и субъект-субъектных) референций, отображающих различные оттенки субъективного отношения отправителя к действительности; уточнена номенклатура маркеров модальных референций, проиллюстрирован алгоритм интегративно-сопоставительного анализа данных маркеров с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения их актуализации, по результатам данного анализа детализирована иерархия ПККЗ, восходящих к субъект-субъектному типу модальных референций.

Субъектно-маркированные референции, средства их актуализации и реализованные с их помощью в условиях контекста ПККЗ рассмотрены как элементы трёхчастной модели, транслирующей особенности обобщённого алгоритма вербальной объективизации отправителем субъективной информации.

С учётом наличия конвенциональных и индивидуальных ассоциаций между референциями, объективизирующими их маркерами и эксплицируемыми отправителем и интерпретируемыми получателем в качестве таковых ПККЗ, исследовано субъектно маркированное развёртывание данной трёхчастной модели для шести оттенков отношения отправителя к отображаемым им внешним стимулам, в том числе его:

- отношение к темпорально-локальному позиционированию определённого фрагмента действительности (дейктическая референция),
- ценностное и / или вероятностное отношение к представляемому (оценочная референция),
- отношение к описываемому эмоциональному или / и психическому состоянию (эмотивная референция),
- отношение к необходимости установления, изменения или прерывания контакта (контактивная референция),

- отношение к необходимости инициации определённого действия (регулятивная референция),
- отношение к необходимости пополнения объёма наличествующей информации (квестивная референция).

Проведено иерархическое упорядочение актуализации шести видов модальной референции. Согласно зафиксированным показателям, модальные референции в пространстве эпистолярного казачьего дискурса проявляют себя следующим образом: дейктические – 58,25%, оценочные – 14,54%, контактивные – 8,45%, эмотивные – 7,42%, регулятивные – 6,33%, квестивные – 5,01% референции.

Установлено, что модальные референции и соответствующие им лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные маркеры, актуализированные отправителем, постоянно взаимодействуют друг с другом в рамках определённого текстового пространства.

Согласно результатам анализа высказываний, в которых были реализованы различные виды модальных референций, представлены отдельные формулы для субъект-субъектного и субъект-объектного типов модальной референции.

По итогам серии экспериментов доказано, что ПККЗ реализуются в АСГ, которые соответствуют субъект-субъектной модели модальной референции, предполагающей обязательное присутствие эксплицитного модусного субъекта.

Сформулирован вывод о том, что в пространстве АСГ различные виды субъект-субъектного типа модальной референции (и соответствующих им ПККЗ) регулярно пересекаются, дополняя друг друга и обеспечивая системе, в которой они существуют, свойство незамкнутости.

Глава IV. Лингвопрагматическая интерпретация ПККЗ, объединённых заданным текстовым пространством

4.1. К содержанию лингвопрагматической интерпретации

Изучая прагматические компоненты контекстных значений (ПККЗ) в качестве феномена, представляющего различные нюансы вербальной объективизации отправителем субъективно маркированной информации через призму его собственных индивидуально и конвенционально обусловленных характеристик и речевого опыта, мы установили, что данные нюансы материализуются в тексте с помощью разноуровневых прагматически валентных речевых средств – маркеров ПККЗ. В едином текстовом пространстве маркеры ПККЗ могут пересекаться друг с другом, дополняя друг друга (см. § 3.7.), обогащая широкий спектр потенциальных вариантов интерпретации объективизируемой субъективной информации вероятным получателем текста и (в то же время) образуя целостное прагматическое пространство. Интерпретация данного пространства, учитывающая характеристики отдельных ПККЗ и тех субъектно маркированных референций, на которых они основываются, в сопоставлении с ПККЗ как системы элементов, объединённых заданным контекстом (в узком и в широком смысле, в идеале с характеристиками широкого лингвокультурного фона, в условиях которого сформулировано данное высказывание, создан данный текст и т.д.), может стать новым перспективным методом, позволяющим получить дополнительные сведения о феномене вербальной объективизации субъективной информации.

Алгоритм интерпретации прагматического пространства текста, разрабатываемый нами в рамках интегративно-сопоставительного подхода, в центре которого позиционируются достижения лингвистической прагматики, опирается на ряд принципиально значимых теоретических положений, сформулированных в отношении индивидуально и конвенционально обусловленных составляющих процесса интерпретации вербальной интеракции.

Среди таких положений следует назвать переориентацию лингвистической парадигмы на изучение тех компонентов значений языковых единиц, которые транслируют неопосредованную связь с человеком, использующим язык как орудие общения, с человеком, называющим, указывающим, выражающим свое отношение к действительности [Формановская 2007: 5-6]. Не менее значимо выделение данных компонентов в качестве особой системы, образующей прагматическое пространство языка [Формановская 2007: 6], и переоценивание их прагматической ценности в сопоставлении с центральными (с точки зрения системы и отдельных, например, лексической, грамматической баз [Падучева 2004: 17]) компонентами и единицами языка.

Такое переоценивание невозможно без учёта данных о парадигматическом и синтагматическом системно-структурном устройстве языка, в особенности его лексической и морфосинтаксической составляющих, полученных в многочисленных классических исследованиях языка, в том числе в семантических [Алефиренко 2005, Апресян 1995, Бочкарёв 2009, Вежбицкая 1996, Кобозева 2000, Лайонз 2003, Никитин 2007, Падучева 2004, Селиверстова 2004, Brandom 2000, Busse 2009, Krifka 2007] и грамматических [Бондарко 2002, Гальперин 2016, Кацнельсон 2011, Москальская 1981, Поленова 2011]. Основным отличием нашего интегративно-сопоставительного подхода является в данном случае то, что, описывая исходные и обусловленные контекстом реализованные инварианты значений (в том числе контекстные значения и их прагматические компоненты) в качестве направляющих интерпретации прагматического пространства текста, мы переходим из линейной системно-структурной плоскости в трёхмерную систему координат, в которой в качестве ординаты, абсциссы и аппликаты выступают объективная реальность, коммуницирующий субъект и языковая / речевая единица.

Переход от линейного к объёмному представлению ПККЗ обеспечивается включением в поле исследования составляющих прагматического контекста в качестве теоретической и когнитивной абстракции индивидуальных физико-биологических и конвенциональных баз знаний, интроспекции говорящим собственной коммуникативной активности и вероятных целей других участников

коммуникативного процесса, подробно разработанных в теории дискурса [Дейк 2000: 19, 23, 25, 31]. Особый статус получает необходимость учёта динамических свойств прагматического контекста, которые прямо пропорционально отображают изменения, вызванные смещением акцентов причинно-следственных отношений, а также введение дополнительных конвенций или других ограничений на последовательность отображаемых в условиях коммуникативной ситуации действий и событий [Дейк 2000: 30, 37], на диагностирующий потенциал которых впервые обратили внимание учёные, работающие в рамках теории дискурса.

В ранге принципиально значимых мы рассматриваем также положение о гипотетичности процесса лингвистической интерпретации, разработанное с учётом интересов когнитивной лингвистики и прагматики [Демьянков 1981: 369-370]. Осуществляя интерпретацию прагматического пространства текста, мы ориентируемся на результаты отдельных промежуточных интерпретаций, проводимых в условиях «расщепления» глобальной структуры на составляющие (высказывания, текста или дискурса). При этом в качестве модульного ориентира рассматривается тип речевого общения, в условиях которого осуществлено оязыковление внетекстовой действительности в совокупности всех составляющих данного процесса.

Исследуя в качестве исходных разрабатываемого алгоритма лингвопрагматической интерпретации характеристики актуализированных в тексте ПККЗ, мы, вслед за представителями немецкой школы прагматики, рассматриваем данные характеристики как результат процесса дву- или поликанальной (отправитель – получатель / получатели текста) вербальной интеракции [Busse 2009: 44, 47]. Это позволяет включить в процесс интерпретации деятельность реального или гипотетического получателя, ассоциативно конкретизирующего воспринимаемое им значение в совокупности его актуализированных компонентов и мультилинеально соотносящего заданное речевое средство и его контекстное значение с другими возможными вариантами потенциальных значений [Busse 2009: 46]. Результатом такого соотнесения является качественно новая производная от значения, актуализированного отправителем текста.

Наличие означенных точек пересечения разрабатываемого нами алгоритма с другими алгоритмами интерпретации вербальной интеракции в аспекте реализуемых отправителем значений и их компонентов, с алгоритмами, разрабатываемыми в русле семантики, грамматики, теории дискурса, когнитивной лингвистики и прагматики, не исключает существования его принципиальных отличий. Главное отличие состоит в приоритетной направленности не на достоверность вербального отображения определённой ситуации действительности, а на описание индивидуализированных параметров данного отображения, осуществляемого конкретным отправителем через актуализируемые им ПККЗ.

Система шести референциональных оснований и соответствующих им ПККЗ речевых сигналов, актуализируемых отправителем заданного текста, используется нами как своеобразная прагматическая система координат, толкование которой ведёт к интерпретации прагматического пространства текста. Каждая из выделенных координат (дейктическая, оценочная, эмотивная, контактивная, регулятивная, квестивная), раскладывается по соответствующим векторам, отображающим направление развития условий коммуникативной ситуации и учитывающим ресурсы соответствующих языковых / речевых маркеров. Так, например, дейктическая координата может быть представлена системой трёх направляющих: персональным, локальным и темпоральным подвидами дейктической референции. Оценочная координата образуется двумя направляющими: аксиологическим и эпистемическим подвидами оценочной референции.

В то же время уточнение иерархии актуализации частных видов (подвидов) референций приводит к функциональной организации и редукции анализа ПККЗ в приложении к заданной текстовой реальности. Иерархия актуализации частных видов референции способствует выявлению особенностей соотношения ПККЗ с множеством взаимосвязанных нерядорасположенных феноменов: на уровне текстовой (замысел, тема, образ, жанр, стиль) и на уровне дискурсивной оптимизации (пресуппозиции, интенции, стереотипы речевого поведения отправителя, нюансы коммуникативной ситуации).

Анализ последовательности актуализированных маркеров референций различных видов проводится также и на глобальном уровне, когда текст интерпретируется как единое целое. Здесь имеет смысл говорить уже об анализе так называемой макрореференции, определяющей общие тенденции развёртывания через актуализируемые отправителем ПККЗ индивидуализированного отображения отдельной ситуации действительности в частности и особенности вербальной объективизации субъективной информации в целом.

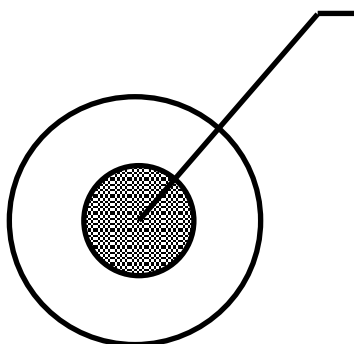
Рассмотрим возможности исследования прагматического пространства текста применительно к отдельным текстам казачьей лингвокультуры.

4.2. Интерпретация ПККЗ в письме М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.

Отправитель интерпретируемого текста – репрезентант казачьей лингвокультуры, значит, данное письмо (письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г. [Шолохов 2003: 14]), как и проанализированные ранее тексты (*Главы II* и *III*), принадлежит к центральной части эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры (*Схема 4.2.1*).

Схема 4.2.1.

Местоположение письма М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г. в системе эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры

казачьи письма (письма А.И. Дутова [Дутов 2006, 2011], П.Н. Краснова [Краснов 2009, 2010, 2021], А.С. Лукомского [Лукомский 1922, 2001, 2011, 2012] и М.А. Шолохова [Шолохов 2003], в том числе письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.

В письме известный русский советский писатель, журналист и киносценарист Михаил Александрович Шолохов обращается к своей жене Марии Петровне Шолоховой, рефлекслируя по поводу вынужденного с ней расставания.

Следуя разрабатываемому интегративно-сопоставительному алгоритму интерпретации (*Глава II. § 2.3.* и *Глава III. §§ 3.1.-3.7.*), мы сегментировали текст письма на актуализированные синтаксические группы (АСГ). После этого в каждой из выделенных АСГ были проанализированы наличествующие маркеры-носители ПККЗ и соответствующие им виды субъектно маркированных референций. Проиллюстрируем анализ каждого вида референций отдельно.

Начнём с дейктических референций (ДР). Ранее мы выяснили (§ 3.1.), что в качестве маркеров-носителей данного вида референций могут выступать речевые средства, указывающие на отправителя и / или получателей (маркеры персональной ДР), темпоральное позиционирование (маркеры темпоральной ДР) и пространственную локализацию (маркеры локальной ДР) разнообразных фрагментов действительности, включая субъекты и объекты коммуникативной ситуации.

В проанализированных АСГ в качестве маркеров-индикаторов персональной ДР реализованы личные (*я, ты, мы*) и притяжательные местоимения (*мой, твой, наш*) в различных падежных формах, а также личные формы глаголов (первое лицо ед. и мн. число и второе лицо ед. число). Всего 35 маркеров.

18 (51,43%) из 35 (100%) маркеров представляют отправителя письма, например: *мне, моя, не скажу, я, скучаю, моё, берусь, гляжу*:

Пример 57

«А **мне** эти дни кажутся давно минувшими, как будто после них жизнь прошла, а это осталось в памяти, как остается многое из ушедшего, как отблеск того, что уже не вернётся» [Шолохов 2003: 14].

Пример 58

«Разве теперь **моя** жизнь обогатилась иными переживаниями?» [Шолохов 2003: 14].

Пример 59

«Не **скажу**, что **я скучаю**, это бы неверно выражало теперешнее **моё** настроение» [Шолохов 2003: 14].

Пример 60

Равнодушно **берусь** за дело, равнодушно **гляжу** в зрачки будущему, лишь прошлое и воспоминания о тебе будят где-то внутри немые отголоски» [Шолохов 2003: 14].

11 (31,43%) из 35 (100%) индикаторов эксплицируют получателя: *ты, жди, не скучай, тебе.*

Пример 61

«Иду по дням, как по ступенькам, и **ты** неразрывным звеном связана с каждым мелькнувшим воспоминанием» [Шолохов 2003: 14].

Пример 62

«**Жди и не скучай.** Привезу **тебе** кое-что» [Шолохов 2003: 14].

6 (17,14%) из 35 (100%) маркеров представляют отправителя и получателя как единое целое: *нас, ходили, мы, ломали, мы, кидали:*

Пример 63

«Десятый день не вижу тебя, не ощущая около себя твоей близости, а кажется, что долгие-долгие дни, как стеной, отгородили **нас**, и недавнее прошлое встает перед моими глазами, подернутое дымкой тумана» [Шолохов 2003: 14].

Пример 64

«Скажи, ведь недавно **ходили мы** с тобой за Чиром, **ломали** пушистый камыш и воздух возле воды был свеж и морозен и на щеках твоих дрожал бледный румянец?» [Шолохов 2003: 14].

Пример 65

«Помнишь, на Хопре **мы** с тобой крошки **кидали** в воду, и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

Маркеры локальной ДР: собственные и нарицательные имена существительные (в сочетании с локальными предлогами и без), наречия места, глаголы со значением перемещения в пространстве, конкретизируют реальное местоположение отправителя (*Москва*), привязывают его воспоминания, размышления и действия к определённой части пространства (*за Чиром, возле воды, на Хопре; на щеках, кидали в воду, в зрачки, где-то внутри, идёт мимо*).

Пример 66

«**Москва.** 16 ноября 24 г.» [Шолохов 2003: 14].

Пример 67

«Скажи, ведь недавно **ходили мы** с тобой **за Чиром**, ломали пушистый камыш и воздух **возле воды** был свеж и морозен и **на щеках** твоих дрожал бледный румянец?» [Шолохов 2003: 14].

Пример 68

«Помнишь, **на Хопре** мы с тобой крошки **кидали в воду**, и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

Пример 69

«Равнодушно берусь за дело, равнодушно гляжу **в зрачки** будущему, лишь прошлое и воспоминания о тебе будят **где-то внутри** немые отголоски <...> Лето, когда закрою глаза, **идёт мимо** толпою звенящих солнечных дней» [Шолохов 2003: 14].

Маркеры локальной ДР представляют эксплицитно и имплицитно (*не вижу тебя, около себя* твоей близости; *как стеной, отгородили*) вынужденное дистанцирование отправителя и получателя и локализацию отображаемых объектов относительно отправителя (*прошлое встаёт перед моими глазами*).

Пример 70

«Десятый день не вижу тебя, не ощущая **около себя** твоей близости, а кажется, что долгие-долгие дни, **как стеной, отгородили** нас, и недавнее прошлое **встаёт перед моими глазами**, подёрнутое дымкой тумана» [Шолохов 2003: 14].

Значительная часть индикаторов локальной ДР актуализирована в связке с неопосредованным указанием на отправителя – 14 (60,87%) из 23 (100%).

Темпоральная ДР представлена в тексте 65 актуализованными маркерами, преимущественно глаголами в настоящем, прошедшем и будущем времени (*не вижу, кажется, встаёт; отгородили, ходили, ломали, был, дрожал; заработаю, приеду*), прилагательными в сочетании с темпоральными существительными (*долгие-долгие дни, недавнее прошлое*), числительными в сочетании с календарными существительными (*16 ноября, 24 г., десятый день*), календарными существительными (*ночь*), причастиями в форме страдательного залога, прошедшего времени (*подёрнутое*), темпоральными наречиями (*недавно*).

Пример 71

«**16 ноября 24 г. Ночь**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 72

«Десятый день **не вижу** тебя, не ощущая около себя твоей близости, а **кажется**, что долгие-долгие дни, как стеной, **отгородили** нас, и **недавнее прошлое** **встаёт** перед моими глазами, **подёрнутое** дымкой тумана» [Шолохов 2003: 14].

Пример 73

«...ведь **недавно** **ходили** мы с тобой за Чиром, **ломали** пушистый камыш и воздух возле воды **был** свеж и морозен и на щеках твоих **дрожал** бледный румянец» [Шолохов 2003: 14].

Пример 74

«Как **заработаю** деньги, **приеду**» [Шолохов 2003: 14].

34 (52,31%) маркера из 65 (100%) относят описываемые события к настоящему, 24 (36,92%) – к прошлому, 7 – к будущему (10,77%).

В 32 случаях (50%) из 65 (100%) темпоральные маркеры сопровождаются указанием на отправителя.

Таким образом, ДР трёх подвидов (персональная, темпоральная и локальная) реализованы в письме 123 раза (100%). При этом в 81 случае (65,85%) актуализация ДР сопровождается указанием на отправителя письма, это значит, что соотношение субъект-субъектных и субъект-объектных ДР составляет 81 (65,85%) к 42 (34,15%).

Отправитель письма активно осуществляет аксиологическое оценивание отображаемого. В пределах смежных или даже одного высказывания регулярно пересекаются лексические и синтаксические маркеры различных видов оценивания, например 1) этического (на уровне сопоставления описываемого состояния с эталонами морали: *равнодушной, проклятая*) и эстетического (на уровне метафоризации отображаемого: *хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски, не выпью до дна, берет за горло волчьей мёртвой хваткой*):

Пример 75

«Просто последние дни **хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски и не выпью её до дна, берет проклятая за горло волчьей мёртвой хваткой**» [Шолохов 2003: 14],

2) практического (на уровне соотношения с прикладными параметрами оценивания, вынесения суждения о полезности: *мелочь* = мелкая рыба) и этического (на уровне сопоставления с эталонами социального поведения, отношения к жизни: *мелочь* = мелкие, ничтожные люди):

Пример 76

«Помнишь, на Хопре мы с тобой крошки кидали в воду, и рыба кишела? **Мелочь**, как и люди» [Шолохов 2003: 14],

3) практического (на уровне соотношения с утилитарными параметрами оценивания, вынесения суждения о прочности: *неразрывным звеном*) и эстетического (на уровне метафоризации описываемых событий: *по дням, как по ступенькам; неразрывным звеном связана*):

Пример 77

«Иду по дням, **как по ступенькам**, и ты **неразрывным звеном** связана с каждым мелькнувшим воспоминанием» [Шолохов 2003: 14].

В письме зафиксировано 14 (27,45%) маркеров общей оценки, 13 (25,49%) этической, 5 (9,8%) практической и 19 (37,26%) эстетической, всего 51 (100%).

В 15 (29,41%) случаях из 51 (100%) маркеры аксиологической референции эксплицитно связаны с отправителем письма. Это означает, что субъект-субъектные АОР актуализованы в письме 15 (29,41%), субъект-объектные АОР – 36 (70,59%) раз.

Эпистемический рисунок данного текста сформирован широкой палитрой маркеров ЭОР.

Наиболее многочисленную группу образуют глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени, характеризующие отображаемую ситуацию в качестве достоверной, существующей в действительности как процесс или как результат уже свершившегося действия, всего 36 (73,47%) из 49 (100%).

Пример 78

«**Надоедает** быть не только участником, но даже и зрителем того, как люди **гоняются** за краюхой хлеба» [Шолохов 2003: 14].

Пример 79

«**Беспокоит** вопрос о квартире» [Шолохов 2003: 14].

Не соответствие отображаемого тому, что происходит в реальности, представлено только одним маркером – глаголом в форме изъявительного наклонения настоящего времени (*скучаю*) (1 (2,04%) из 49 (100%)), при этом такая его трактовка обуславливается исключительно контекстным окружением.

Пример 80

«Не скажу, что я **скучаю**, это бы неверно выражало теперешнее моё настроение» [Шолохов 2003: 14].

Проблемная достоверность (12 (24,49%) из 49 (100%) маркеров) выражена: 1) маркерами предположительной проблемной достоверности – глаголами в форме изъявительного наклонения будущего времени (всего три), обозначающими ещё не осуществившееся, но предполагаемое в будущем положение дел:

Пример 81

«Как **заработаю** деньги, **приеду**» [Шолохов 2003: 14],

Пример 82

«**Привезу** тебе кое-что» [Шолохов 2003: 14],

2) маркерами предположительной проблемной недостоверности (три маркера), указывающими на невозможность осуществления того, о чём пишет отправитель, как в настоящем, так и в будущем, например:

Пример 83

«...как отблеск того, что уже **не вернётся**» [Шолохов 2003: 14],

3) маркерами предположительной проблемной возможности (шесть маркеров), в основном глаголами и наречиями со значением предположения (*кажутся, как будто*), глаголами в форме сослагательного наклонения (*выражало бы*), а также вопросительными конструкциями (*помнишь... мы*), транслирующими высокую степень неуверенности говорящего в соответствии отображаемого реальной действительности:

Пример 84

«А мне эти дни **кажутся** давно минувшими, **как будто** после них жизнь прошла...» [Шолохов 2003: 14].

Пример 85

«Не скажу, что я скучаю, это **бы** неверно **выражало** теперешнее моё настроение...» [Шолохов 2003: 14].

Пример 86

«**Помнишь**, на Хопре мы с тобой крошки кидали в воду, и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

В 21 (42,86%) из 49 (100%) моделей актуализации ЭОР содержится указание на активный оценивающий субъект. Таким образом, 21 (42,86%) модель ЭОР можно определить как субъект-субъектную.

Отправитель реализует 17 (100%) маркеров эмоциональной оценочной референции, которые в контексте письма попеременно представляют как положительно (*родная безмерно!*), так и отрицательно (*мутная волна равнодушной тоски, проклятая, берёт за горло, волчьей мёртвой хваткой; равнодушно*) окрашенный перцептивный и аффективный опыт.

Пример 87

«**Родная** мне **безмерно!**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 88

«Просто последние дни **хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски и не выпью ее до дна, берёт проклятая за горло волчьей мёртвой хваткой**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 89

«**Равнодушно** берусь за дело, **равнодушно** гляжу в зрачки будущему, лишь прошлое и воспоминания о тебе будят где-то внутри немые отголоски» [Шолохов 2003: 14].

Эмоциональные переживания в 12 (70, 59%) из 17 (100%) случаев окрашены негативно. В 8 (47,06%) случаях демонстрация перцептивного и аффективного опыта непосредственно связана с личностью отправителя.

49 (100%) маркеров контактивной референции представляют участников коммуникативного контакта: отправителя – 20 (40,82%), получателя – 13 (26,54%), отправителя и получателя как единое целое – 6 (12,24%); определённые фазы – 5 (10,2%), а также тематическую направленность вербальной интеракции – 5 (10,2%).

Значительная часть маркеров КР – маркеры лексического уровня языка. Например, обозначая тему каждой следующей части письма, отправитель актуализирует соответствующие имена существительные (*переживания, настроение, воспоминанием*) и глагол (*вспоминаю*):

Пример 90

«Разве теперь моя жизнь обогатилась иными **переживаниями?**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 91

«Не скажу, что я скучаю, это бы неверно выражало теперешнее моё **настроение**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 92

«Часто **вспоминаю** всё. Иду по дням, как по ступенькам, и ты неразрывным звеном связана с каждым мелькнувшим **воспоминанием**» [Шолохов 2003: 14].

В письме присутствуют и синтаксические маркеры КР, в том числе обращение и вопросы, представляющие начало очередной фазы коммуникации.

Пример 93

«**Родная** мне **безмерно!**» [Шолохов 2003: 14].

Пример 94

«**Помнишь**, на Хопре мы с тобой крошки кидали в воду, и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

24 (48,98%) из 49 (100%) маркеров КР актуализованы в связке с указанием на эксплицитный модусный субъект. Это означает, что соотношение коэффициентов субъект-субъектной и субъект-объектной контактивной референции – 24 (48,98%) к 25 (51,02%).

Представления отправителя о необходимости инициации определённых действий, вербализуемые маркерами регулятивной референции, связываются исключительно с получателем письма и реализуются в тексте три раза посредством глаголов в форме побудительного наклонения второго лица ед. числа (*скажи, жди, не скучай*).

Пример 95

«**Скажи**, ведь недавно ходили мы с тобой за Чиром...» [Шолохов 2003: 14].

Пример 96

«**Жди и не скучай**» [Шолохов 2003: 14].

Указание на отправителя не осуществляется ни в одной из трёх моделей актуализации РР.

Субъективное отношение отправителя к необходимости пополнить наличествующую информацию в анализируемом тексте актуализовано посредством соответствующих лексических (вопросительных частиц: *ведь, разве*) и синтаксических (вопросительных предложений) маркеров квестивной референции семь раз.

Пример 97

«**Ведь** недавно?» [Шолохов 2003: 14].

Пример 98

«**Разве** теперь моя жизнь обогатилась иными переживаниями?» [Шолохов 2003: 14].

При этом актуализация данных маркеров три раза эксплицитно связывается с указанием на отправителя, значит, соотношение моделей субъект-субъектной и субъект-объектной КвР – 3 (42,86%) к 4 (57,14%).

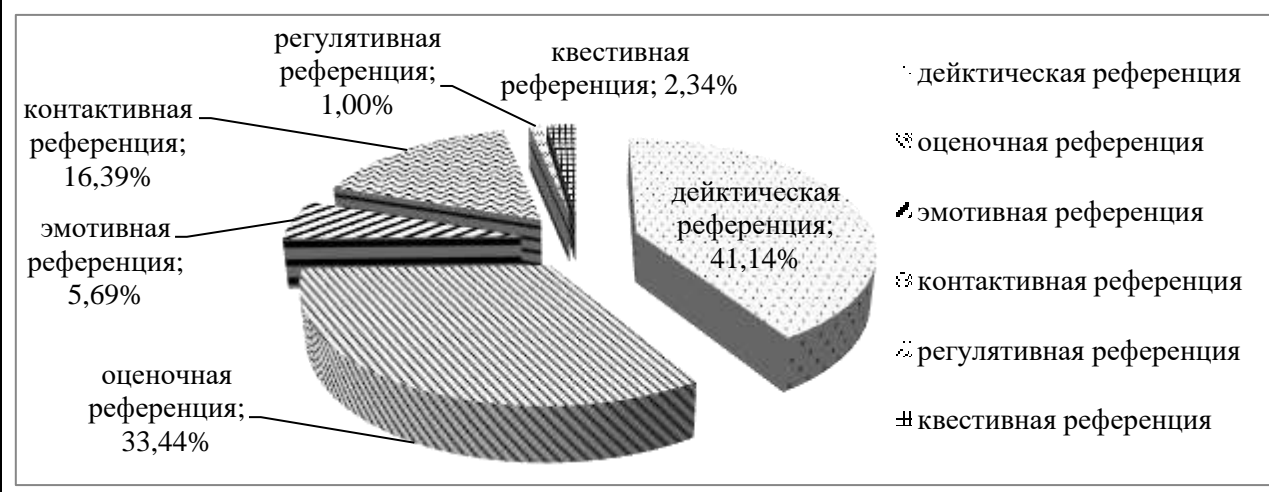
Проведя анализ реализации маркеров каждого из выделенных ранее типов субъектно маркированных референций, мы обобщили полученные данные и отразили их в таблице.

Таблица 4.2.2.

Актуализация субъектно маркированных референций в письме

М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.

Показатели актуализации \ Вид модальной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	35	14	32	15	21	8	24	0	3	152 (50,84%)
субъект-объектная референция (СОР)	0	9	33	36	28	9	25	3	4	147 (49,16%)
субъект-объектная + субъект-субъектная референция (ССР + СОР)	35	23	65	51	49	17	49	3	7	299 (100%)
Средний показатель	123 (41,14%)			100 (33,44%)		17 (5,69%)	49 (16,39%)	3 (1%)	7 (2,34%)	

В письме представлены шесть видов модальных референций. Их иерархические взаимоотношения выглядят следующим образом: дейктическая (41,14%),

оценочная (33,44%), контактивная (16,39%), эмотивная (5,69%), квестивная (2,34%) и регулятивная (1%) референция.

Исходя из данных, зафиксированных в *Таблице 4.2.2.*, мы определили также коэффициент реализации модальных референций на одну АСГ – 5,16 (299 маркеров референций и 58 АСГ).

В проанализированном эпистолярном тексте в приблизительно равных долях присутствуют модели субъект-субъектных (50,84%) и субъект-объектных референций (49,16%), это демонстрирует высокий уровень прагматической активности отправителя.

Следуя сформулированному ранее (§ 3.7.) положению о том, что субъект-субъектные модальные референции являются основаниями для реализации ПККЗ и что иерархия их реализации полностью соответствует иерархии ПККЗ, выделим субъект-субъектные референции в отдельную таблицу.

Таблица 4.2.3.
Субъект-субъектные референции (ПККЗ) в письме М.А. Шолохова
от 16 ноября 1924 г.

Вид модальной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	35	14	32	15	21	8	24	0	3	152
	81 (53,29%)			36 (23,68%)		(5,26%)	(15,79%)		(1,97%)	(100%)

квестивы; 1,97%

контактивы; 15,79%

эмотивы; 5,26%

репрезентативы; 23,68%

констативы; 53,29%

- констативы
- ▨ репрезентативы
- ▩ эмотивы
- ▧ контактивы
- ▦ квестивы

Как видим, иерархия актуализации ПККЗ в письме представлена пятью классами: констати́вы (53,29%), репрезентативы (23,68%), контактивы (15,79%), эмотивы (5,26%) и квестивы (1,97%). Регулятивны зафиксированы не были.

Это соответствует общим тенденциям актуализации ПККЗ в казачьих эпистолярных, выявленным ранее (§ 3.7.): на первом месте с большим отрывом от других ПККЗ находятся констати́вы (§ 3.7. – 68,09%, § 4.2. – 53,29%), на третьем – контактивы (§ 3.7. – 5,64%, § 4.2. – 15,79%), далее следуют эмотивы (§ 3.7. – 3,78%, § 4.2. – 5,26%) и квестивы (§ 3.7. – 3,18%, § 4.2. – 1,97%).

Есть и отличия. Так, если в общей иерархии ПККЗ регулятивны находятся на втором месте, в проанализированном письме они не актуализируются в связке с указанием на отправителя (§ 3.7. – 14,87%, § 4.2. – 0). Репрезентативы в общей иерархии ПККЗ занимают четвёртое место, в письме М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г. – второе (§ 3.7. – 4,42%, § 4.2. – 23,68%).

Данные отличия мы объясняем значительной разницей в объёме интерпретируемого материала. Текст анализируемого письма сравнительно небольшой (58 АСГ). Здесь на первом плане находится единичное ситуативно и интенционально обусловленное представление отправителем конкретного фрагмента действительности. В больших массивах текстов (§ 3.7.) мы имеем дело со стереотипными реакциями отправителей (А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова) или отправителей данного типа текстов (казачьих эпистолярных первой четверти XX века) в целом.

Вычислив коэффициент прагматической плотности – 2,62 (152 ПККЗ на 58 АСГ), мы пришли также к выводу, что в аспекте актуализации ПККЗ, несмотря на выделенные ситуативно-интенциональные расхождения, интерпретируемый текст (письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.) демонстрирует те же характеристики, что и другие тексты данного типа. Прежде всего, наличие значительных буферных зон актуализации ПККЗ. Здесь в одной АСГ посредством одних и тех же маркеров или их сочетаний могут быть объективизированы сразу несколько нюансов отношения отправителя к отображаемому. Это объясняется

функциональным сходством анализируемых референций и средств их актуализации, а также их особыми генетическими связями.

Обобщим результаты интерпретации ПККЗ, диагностирующие индивидуальные особенности объективизации отправителем представляемой им информации.

Отправитель письма (М.А. Шолохов) выступает в письме в качестве пассивного субъекта, активно аффилирующего получателя письма (свою супругу – М.П. Шолохову) в процесс коммуникации или представляющего себя и получателя как части единого целого.

Реальное местоположение отправителя – г. Москва. Но в своих воспоминаниях и размышлениях он постоянно возвращается на родину, туда, где находятся или находились близкие ему люди.

Темпоральный центр письма привязан к определённой дате (16 ноября 1924 г.). Но и в письме, и в размышлениях отправителя доминирует настоящее время. Значительную часть при этом занимает также активно осмысливаемое им прошлое.

Представление действительности активно сопровождается сопоставлением отображаемого с общими, практическими, моральными и эстетическими эталонами, усвоенными отправителем. Эстетическая составляющая оказывается при этом максимально выраженной.

Отображаемая действительность маркирована в целом как достоверная, но требующая некоторой корректировки в будущем.

Отправитель позиционирует себя как открытую эмоциональную личность. Письмо насыщено эксплицитным и имплицитным представлением его перцептивного и аффективного опыта. Эмоциональный тон письма окрашен преимущественно в тёмные, негативные тона, обусловленные вынужденным расставанием с получателем (М.П. Шолоховой) и неприятием ситуации, сложившейся к описываемому моменту действительности.

Инициировав вербальную интеракцию, отправитель регулярно поддерживает её развитие, последовательно раскрывает её тематические составляющие,

обращаясь к получателю, побуждая его к совершению определённых действий, направленных как в лингвистическую, так и в экстралингвистическую зоны.

Отправитель письма демонстрирует недостаточность объёма наличествующей информации, его действия ориентированы как на самостоятельное восполнение данной информации, так и на восполнение её получателем письма.

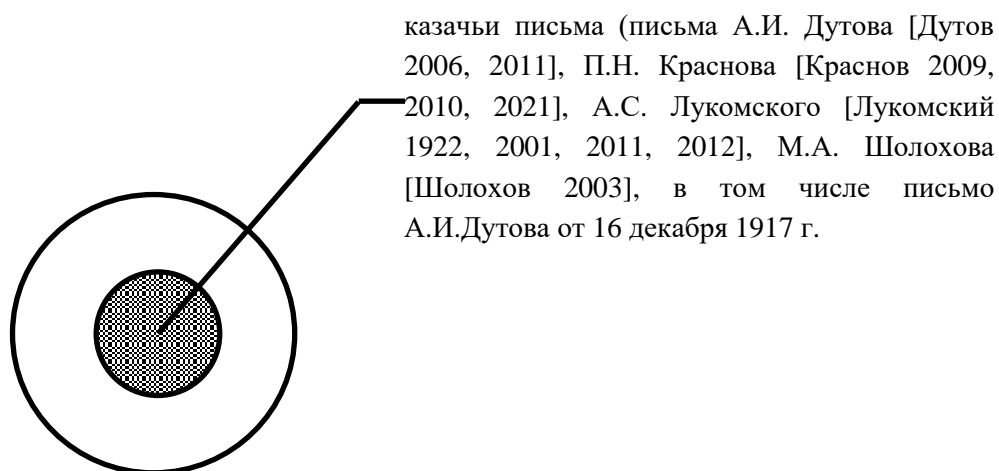
Сравним представленный интерпретационный рисунок письма М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г. с интерпретационными рисунками других эпистолярных писем.

4.3. Интерпретация ПККЗ в письме А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.

Адресованное неустановленному командиру оренбургской казачьей части письмо казачьего атамана А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г., как и проанализированное выше письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г., относится к ядру системы эпистолярных казачьих текстов.

Схема 4.3.1.

Местоположение письма А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г. в системе эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры

Согласно алгоритму лингвопрагматической интерпретации, проиллюстрированному в нашем исследовании выше (*Глава II. § 2.3. и Глава III. §§ 3.1.-3.7., Глава IV. § 4.2.*), текст письма был разделён на АСГ, далее был проведён качественно-количественный анализ наличествующих в АСГ маркер-индикаторов

актуализации шести групп субъектно маркированных референций. Рассмотрим анализ каждого вида референций отдельно.

Первый тип исследованных маркеров-индикаторов – индикаторы актуализации дейктической референции (ДР). В тексте письма реализованы три типа маркеров ДР: персональные, темпоральные и локальные.

Группа маркеров персональной ДР образована 17 (100%) речевыми средствами, указывающими почти в равных долях на пассионарный субъект вербальной интеракции – атамана А.И. Дутова – 8 (47,06%), а также предполагаемого им получателя – 9 (52,94%). Данное указание осуществляется преимущественно посредством личных местоимений и глаголов в форме первого лица ед. числа (*мне, я, считаю*) и второго лица мн. числа при вежливом обращении к получателю (*Вам*).

Пример 99

«Вверенному **мне** войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда России в действительности уже нет, **я считаю** своей священной обязанностью...» [Дутов 2006: 99].

Пример 100

«С этой целью, прилагая при сем выписку из постановления войскового круга от 13 сего декабря, **считаю** долгом сообщить **Вам** следующее: **Вам** как командиру части надлежит принять все меры к тому, чтобы казаки ...» [Дутов 2006: 99].

Соотношение маркеров персональной ДР, актуализированных в субъект-субъектных и субъект-объектных моделях, 9 (52,94%) к 8 (47,06%).

В тексте письма маркеры персональной ДР регулярно реализуются в непосредственной близости с маркерами, прямо или косвенно фиксирующими принципиально значимую для отправителя и предполагаемого им получателя принадлежность к казачьему сообществу. Только существительные *казак, казачество* и прилагательное *казачий* в различных падежных формах актуализированы в письме 13 раз. Это типично для отправителей проанализированных казачьих текстов в целом, с одной стороны, в силу сложившейся в первой четверти XX века исторической традиции позиционировать казачество как отдельный социальный слой или даже субэтнос в структуре российского общества [ср. Ермакова 2011: 25, Капля 2011, Рунаев 2011, Рыблова 2009], с другой стороны, благодаря

наличию крепких горизонтальных связей, солидарности, побратимства, чувства коллективной судьбы и ответственности [Рыблова 2009], проявляющихся как на уровне социальных и религиозных институтов, так и на уровне отдельных представителей казачества.

Маркеры локальной ДР в тексте письма реализовано всего 19. В качестве наиболее типичных выступают имена собственные (преимущественно географические названия, например, *Россия*), сочетания локальных предлогов с нарицательными существительными (*в войско, на фронте*), причастия (*находящихся*) и глаголы (*прибыли*), а также прилагательные с суффиксом *-ск-*, образованные от имён собственных – географических названий (*Донскую*), в сочетании с нарицательными существительными (*область*) со значением локализации в определённой части пространства.

Пример 101

«Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда **России** в действительности уже нет, я считаю своей священной обязанностью собрать **в войско** всех **находящихся на фронте** казаков и в случае надобности всеми мерами отстаивать казачество» [Дутов 2006: 99].

Пример 102

«Некоторые из строевых частей, как, например, первая, восьмая батареи и несколько сотен 15-го полка, **прибыли** вооружёнными **в Донскую область**» [Дутов 2006: 99].

Подавляющее большинство маркеров локальной ДР 18 (94,74%) из 19 (100%) не содержит прямого указания на отправителя.

Группа маркеров темпоральной ДР составлена речевыми средствами, относящими описываемые отправителем фрагменты действительности к одной из трёх стадий её существования: настоящему – 21 (58,33%), будущему – 13 (36,11%), прошлому – 2 (5,56%). В качестве средств темпоральной ДР отправителем актуализированы преимущественно темпоральные сочетания, например, «темпоральный предлог + темпоральное прилагательное + темпоральное существительное» (*в настоящее время*), глаголы в настоящем (*стараятся, не брезгают*), прошедшем (*создалось*) и будущем (*не будет*) времени, предикативы

(*известно*) и причастия в форме настоящего (*не желающие*) и прошедшего (*возвратившихся*) времени.

Пример 103

«В **настоящее время**, как Вам известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению **создалось** невыносимое положение для казаков» [Дутов 2006: 99].

Пример 104

«Большевики, **не желающие** примириться с существованием свободного казачества, **стараясь** разложить его однородную массу и для достижения своих целей **не брезгают** никакими средствами» [Дутов 2006: 99].

Пример 105

«Во всяком случае, всех **возвратившихся** в войско казаков войсковое правительство **не будет** считать дезертирами» [Дутов 2006: 99].

30 (83,33%) из 36 (100%) средств темпоральной ДР реализованы в высказываниях, не содержащих указания на отправителя.

Исследовав актуализацию аксиологической оценочной референции, мы отметили наличие в тесте письма 11 (20,75%) маркеров интеллектуальной, 22 (41,51%) – общеоценочной, 10 (18,87%) – этической и 10 (18,87%) практической её подтипов. При этом мы зафиксировали регулярное пересечение маркеров разных подтипов АОР внутри одних и тех же, а также смежных АСГ.

Каждый из указанных подтипов актуализуется посредством широкой палитры речевых средств, чаще всего субъективно-оценочных лексических единиц: предикативов (*известно*), предлогов, выражающих позитивную / негативную оценку и / или указывающих на причину, способствующую происходящему (*благодаря*); прилагательных (*всеобщему, невыносимое; здоровых, слабосильных; необходимым*), существительных (*разложению*), глаголов (*представляется*), наречий, в первую очередь наречий меры и степени (*крайне*):

Пример 106

«В **настоящее время**, как Вам **известно**, на фронте и внутри России **благодаря всеобщему разложению** **создалось** **невыносимое** положение для казаков» [Дутов 2006: 99].

Пример 107

«Что касается **здоровых** лошадей, то их под видом **слабосильных** следует отправить в войско» [Дутов 2006: 99].

Пример 108

«**Представляется крайне необходимым**, чтобы казаки прибыли в войско с оружием» [Дутов 2006: 99].

Значительно реже для актуализации АОР используются речевые средства, выражающие оценку (например, практическую) посредством своей морфологической формы, например, прилагательные в превосходной степени (*ближайшие*).

Пример 109

«Имеющееся в части казённое имущество надлежит сдать в **ближайшие** склады или продать...» [Дутов 2006: 99].

Из 53 (100%) маркеров АОР только пять реализованы в непосредственной близости с указанием на активный коммуницирующий субъект. Это значит, что соотношение субъект-субъектных и субъект-объектных моделей АОР можно представить как 5 (9,43%) к 48 (90,57%).

В письме А.И. Дутова зафиксировано 40 (100%) маркеров эпистемической оценочной референции. С помощью 16 маркеров (40%) отправитель обозначает отображаемые события как достоверные, соответствующие действительности; 4 (10%) – как не соответствующие действительности, 20 (50%) – как предполагаемые (из них 7 – как предположительно достоверные, 1 – предположительно недостоверные, 12 – возможные). Например, события, соответствующие действительности:

Пример 110

«В настоящее время, как Вам **известно**, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению **создалось** невыносимое положение для казаков» [Дутов 2006: 99],

не существующие в действительности:

Пример 111

«Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда **России в действительности уже нет...**» [Дутов 2006: 99],

как предположительно достоверные:

Пример 112

«...я **считаю** своей священной **обязанностью собрать** в войско всех находящихся на фронте казаков и **в случае надобности** всеми мерами **отстаивать** казачество» [Дутов 2006: 99],

предположительно недостоверные:

Пример 113

«Всё это, однако, должно делаться так, чтобы **не навлечь** никаких подозрений со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная Вам часть» [Дутов 2006: 99],

возможные:

Пример 114

«Если Вы с частью **находите затруднительным и опасным прибыть** в своё войско, то следует направиться в ближайшую казачью область» [Дутов 2006: 99].

Оценивание вероятности описываемых событий редко сопровождается указанием на отправителя письма. Соотношение моделей субъект-субъектной и субъект-объектной ЭОР составляет 5 (12,5) к 35 (87,5%).

Эмотивная референция актуализирована в письме один раз в этикетном обращении к получателю, выраженным восклицательным предложением, не содержащем указания на отправителя:

Пример 115

«Милостивый государь!» [Дутов 2006: 99].

Актуализация контактивной референции осуществляется в письме 19 раз. Начало и завершение коммуникативного взаимодействия маркируются с помощью традиционных для времени написания письма контактных формул. Регулярно визуализируются отправитель (*прошу, моём, А. Дутов*) и получатель (*Милостивый государь! Вам*) письма.

Пример 116

«**Милостивый государь!** В настоящее время, как **Вам** известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению создалось невыносимое положение для казаков» [Дутов 2006: 99].

Пример 117

«**Прошу** принять уверения в совершенном **моём** к **Вам** уважении и таковой же преданности. **А. Дутов**» [Дутов 2006: 100].

Кроме того, посредством глаголов говорения (*сообщить*), вводных слов и словосочетаний (*например, во всяком случае*) и обозначения дополнительного канала информации (*выпуску из постановления войскового круга*) в письме постоянно поддерживается развитие коммуникативного контакта.

Пример 118

«...считаю долгом **сообщить** Вам следующее...» [Дутов 2006: 99].

Пример 119

«Некоторые из строевых частей, как, **например**, первая, восьмая батареи и несколько сотен 15-го полка, прибыли вооружёнными в Донскую область» [Дутов 2006: 99].

Пример 120

«**Во всяком случае**, всех возвратившихся в войско казаков войсковое правительство не будет считать дезертирами» [Дутов 2006: 99].

Пример 121

«С этой целью, прилагая при сём **выписку из постановления войскового круга** от 13 сего декабря...» [Дутов 2006: 99].

Актуализация КР в 10 (41,67%) из случаях 24 (100%) дополняется указанием на субъект.

Регулятивные референции реализуются отправителем преимущественно с помощью лексических речевых средств: ментально-волитивных глаголов (*надлежит, следует; подлежат*), предикативов (*должно*) и модальных слов (*необходимо*) в сочетании с инфинитивами соответствующих смысловых глаголов.

Пример 122

«Имеющееся в части казённое имущество **надлежит сдать** в ближайшие склады или **продать...**» [Дутов 2006: 99].

Пример 123

«Что касается здоровых лошадей, то их под видом слабосильных **следует отправить** в войско» [Дутов 2006: 99].

Пример 124

«Всё это, однако, **должно делаться** так, чтобы не навлечь никаких подозрений со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная Вам часть» [Дутов 2006: 99].

Пример 125

«Для этого **необходимо** увеличить норму отпускных казаков, уволить на льготу, не дожидаясь прихода из войска сменной команды, тех казаков, которые **подлежат** замене» [Дутов 2006: 99].

Субъективное волеизъявление отправителя эксплицируется в 4 (15,38%) случаях реализации РР из 26 (100%).

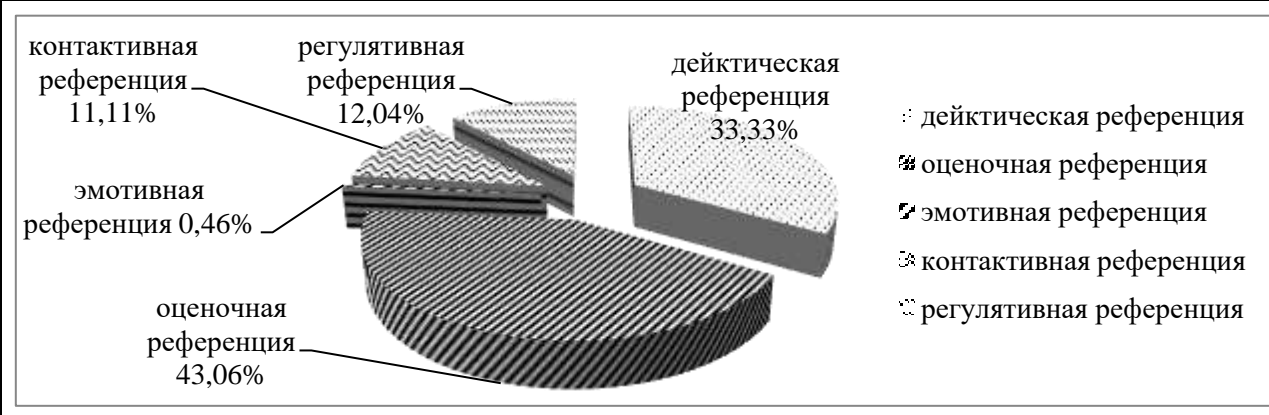
Квестивные референции в письме не актуализированы.

Проанализировав актуализацию шести видов модальных референций в письме А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г., мы обобщили полученные показатели и представили их в табличной форме (Таблица 4.3.2.).

Таблица 4.3.2.

*Актуализация субъектно маркированных референций в письме
А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.*

Вид модальной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	9	1	5	5	5	0	10	4	0	39 (18,06%)
субъект-объектная референция (СОР)	8	18	31	48	35	1	14	22	0	177 (81,94%)
субъект-объектная + субъект-субъектная референция (ССР + СОР)	17	19	36	53	40	1	24	26	0	216 (100%)
Средний показатель	72 (33,33%)			93 (43,06%)		1 (0,46%)	24 (11,11%)	26 (12,04%)	0	

Согласно показателям актуализации, субъектно маркированные референции располагаются в общей иерархии следующим образом: оценочные (43,06%), дейктические (33,33%), регулятивные (12,04%), контактивные (11,11%), эмотивные (0,46%). Квестивные референции в письме не реализованы.

Коэффициент субъектно маркированных референций равняется 3,66 (216 маркеров референций и 59 АСГ).

Соотношение показателей субъект-субъектных и субъект-объектных референций – 39 (18,06%) к 177 (81,94%) – демонстрирует значительное доминирование последних. Это сигнализирует о низком уровне прагматической активности отправителя (в сравнении, например, с проанализированным в § 4.2. письмом М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.), а также визуализирует тенденцию к объективизации отображаемой отправителем действительности.

О том же свидетельствует и коэффициент актуализации ПККЗ в письме, равняющийся 0,66 (на 59 АСГ приходится 39 реализованных ПККЗ).

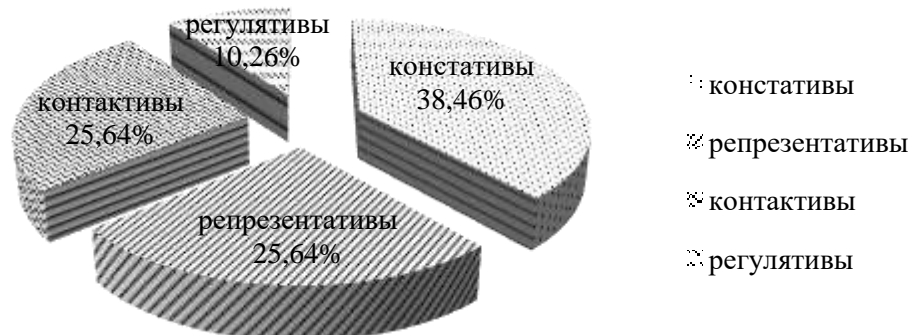
Рассмотрим отдельно реализацию субъект-субъектных референций и восходящих к ним ПККЗ (Таблица 4.3.3.).

Таблица 4.3.3.

Субъект-субъектные референции (ПККЗ) в письме

А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.

Вид модальной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	9	1	5	5	5	0	10	4	0	39
Средний показатель	15 (38,46%)			10 (25,64%)		0	10 (25,64%)	4 (10,26%)	0	(100%)

Четыре актуализированные в письме типа ПККЗ маркируют приоритетные направления оценивания отправителем происходящего. Первое место в письме (как и в массиве проанализированных выше казачьих писем – § 3.7.) занимают констативы (§ 3.7. – 68,09%, § 4.3. – 38.46%). Второе место делят контактивы (25,64%) и репрезентативы (25,64%). На третьем месте находятся регулятивы (10,26%).

Расположение контактивов, репрезентативов и регулятивов в анализируемом письме, как и в рассмотренном в § 4.2. письме М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г., отличается от усреднённой иерархии ПККЗ, представленной в § 3.7. Это позволяет нам подтвердить вывод о высокой степени ситуативно-интенциональной обусловленности представления отправителем отображаемой действительности в текстах сравнительно небольшого объёма, разнящегося со стереотипными реакциями отправителей (А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова), исследованными на материале большого массива текстов.

Обобщим данные лингвопрагматической интерпретации письма А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.

Прагматический фон письма является негомогенным градуированным образованием.

Вектор коммуникации, инициированной отправителем, направлен в настоящее. Субъект активно представляет сиюминутное положение вещей, регулярно выражает собственные суждения о будущем и редко о прошлом.

Отправитель активно вовлекает получателя в процесс вербальной интеракции, постоянно апеллируя к нему.

Его местоположение, как и местоположение отправителя, привязано к определённом месту – это Россия, казачий округ, вверенное ему / им казачье войско.

Осуществляя оценивание отображаемой ситуации, отправитель стремится к максимальной объективизации. Это обуславливает общую социальную (неэгоцентрическую) направленность аксиологического оценивания в письме.

Вектор эпистемического оценивания в анализируемом тексте значительно смещён в сторону отображения предполагаемых событий. Кратко обозначив сложившееся к моменту написания письма положение вещей, отправитель размышляет о том, как ситуация могла бы развиваться в будущем.

Субъект активно поддерживает инициированный коммуникативный контакт, прилагает дополнительный источник информации, стремится к достижению взаимопонимания с получателем письма.

Отправитель активно инициирует совершение действий со стороны получателя. При этом максимально объективизирует происходящее.

Объём информации, которой располагает отправитель, представляется им как достаточный, не требующий пополнения.

4.4. Интерпретация ПККЗ в казачьей песне «Ночь прислонилась к камышу»

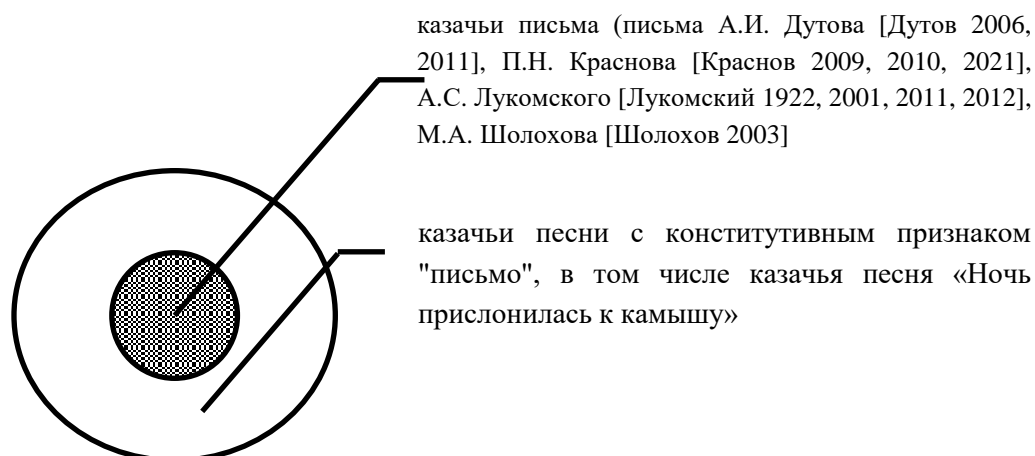
Песенные традиции являются своеобразным депозитарием знаний и представлений национальных и субнациональных языковых коллективов об отображаемой ими действительности, а также об отношении к ней. В народных песнях раскрываются уникальные особенности этнической самоидентификации, осуществляющейся на разных уровнях, в том числе на уровне коммуникативного взаимодействия, транслирующего традиционные способы позиционирования языкового коллектива по отношению к различным фрагментам действительности как сумму индивидуализированных алгоритмов такого представления каждого из его членов. Соответственно, казачьи песни с конститутивным признаком «письмо» могут рассматриваться как важный материал в ходе широкоформатных исследований эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры.

Казачьи песни с конститутивным признаком «письмо», в том числе песня «Ночь прислонилась к камышу», относятся к периферийной зоне казачьего эпистолярного наследия (*Схема 4.4.1.*) на основании наличия в тексте формальных

и содержательных признаков письма, при том, что адресант (отправитель) текста неизвестен (песня считается народной), а круг потенциальных адресатов фактически неограничен.

Схема 4.4.1.

Местоположение казачьей песни «Ночь прислонилась к камышу» в системе эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры

Лингвопрагматическая интерпретация песни была проведена согласно алгоритму, проиллюстрированному выше (§ 4.2., § 4.3.). Сегментировав текст песни на АСГ, каждую АСГ мы проанализировали на предмет реализации в ней маркеров-индикаторов шести видов модальных референций. Рассмотрим данную реализацию, попутно отмечая выявленные показатели для каждого вида референций отдельно.

Дейктическая референция (78 (100%)) представлена в тексте песни тремя подвидами: персональным – 30 (38,46%), локальным – 22 (28,21%), и темпоральным – 26 (33,33%).

Доминирующими маркерами персональной ДР в тексте песни являются личные местоимения первого лица мн. числа (*мы; нас*) и связанные с ними глаголы (*успели, отправились*), отображающие принадлежность отправителя к казачьей общине. Последнее подчёркивается регулярной реализацией в смежных высказываниях существительных с соответствующей семантикой (*казаков, атаман*):

Пример 126

«Кого **успели мы** догнать –
Тому досталось с лихвой.
Остался враг в земле лежать,
А **мы отправились** домой» (казачья народная песня),

Пример 127

«А **нас** всего-то было шесть,
Шесть **казаков** и **атаман**» (казачья народная песня),

а также личные местоимения первого и второго лица ед. числа (*я, тебе*), притяжательные местоимения первого лица ед. числа (*моей*) и связанные с ними глаголы в соответствующих личных формах (например, *пишу*):

Пример 128

«А **я** письмо **тебе пишу** –
Моей любимой и родной» (казачья народная песня).

Актуализация персональной ДР напрямую связывается с отправителем 23 раза, при этом отправитель представлен как отдельная личность 6 раз (26,09%) и как часть казачьего общины 17 раз (73,91%). Получатель обозначен в тексте 7 раз. Это позволяет определить соотношение моделей субъект-субъектной и субъект-объектной персональной ДР как 23 (76,67%) к 7 (23,33%).

Локальная ДР реализуется в песне с помощью сочетаний локальных предлогов с нарицательными существительными (*к камышу, в земле*), глаголов со значением стабильного пространственного месторасположения (*лежать*), глаголов и наречий, представляющих направление движения (*прислонилась; отправились*):

Пример 129

«Ночь **прислонилась к камышу**» (казачья народная песня).

Пример 130

«Остался враг **в земле лежать**,
А **мы отправились домой**» (казачья народная песня).

Опосредовано принадлежность отправителя к определённом локально-социальному образованию – донскому казачеству – отмечается посредством нарицательного существительного (*донцы*), а также топонима (*Землю русскую*).

Пример 131

«А **мы донцы!**» (казачья народная песня).

Пример 132

«...Сражаясь храбро в дождь и зной
За **Землю Русскую** свою» (казацья народная песня).

Расположение отображаемых фрагментов действительности связывается с отправителем в 9 АСГ, не связывается – в 13, а значит соотношение субъект-субъектной и субъект-объектной локальной ДР – 9 (40,91%) к 13 (59,09%).

Маркеры-актуализаторы темпоральной ДР зафиксированы нами в 26 АСГ. Отправитель представляет темпоральные характеристики отображаемых событий посредством глаголов настоящего (*стоит, пишу*) и прошедшего (*обнажили, помолился*) времени.

С помощью маркеров темпоральной ДР отправитель относит представляемую действительность к настоящему – 13 (50%):

Пример 133

«Дым от костра **стоит** стеной.
А я письмо **тебе** пишу...» (казацья народная песня),

и к прошлому – 13 (50%):

Пример 134

«И **обнажили** мы клинки,
И **помолился** атаман» (казацья народная песня).

Темпоральная характеристика отображаемого напрямую связывается с субъектом-отправителем в 15 АСГ, в 11 АСГ такая связь отсутствует. Таким образом, модели субъект-субъектной и субъект-объектной темпоральной ДР соотносятся как 15 (57,69%) к 11 (42,31%).

24 (100%) маркера аксиологической оценочной референции эксплицируют:

1) эстетические (*дым... стоит стеной, врезаясь грудью*):

Пример 135

«**Дым** от костра **стоит стеной**» (казацья народная песня),

Пример 136

«И поскакали напрямик –
Врезаясь грудью в вражий стан» (казацья народная песня),

2) аксиологические (*храбро, срама*):

Пример 137

«...Сражаясь **храбро** в дождь и зной...» (казачья народная песня),

Пример 138

«Не имут **срама** мертвецы!» (казачья народная песня),

3) общие (*всего-то*):

Пример 139

«А нас **всего-то** было шесть...» (казачья народная песня),

4) интеллектуальные (*помнит, знает*):

Пример 140

«То **помнит** солнце и луна,

И **знает** поле, белый свет» (казачья народная песня),

тесно связанные друг с другом оттенки оценивания отправителем отображаемых в тексте событий.

Реализация маркеров АОР открыто связывается с осуществляющим оценку отправителем в 9 АСГ. Модели субъект-субъектной и субъект-объектной АОР соотносятся как 9 (37,5%) к 15 (62,5%).

Эпистемическая оценочная референция (30 (100%)) представлена в тексте тремя подвидами: ЭОР достоверности – 27 (90%), недостоверности – 2 (6,67%), проблемной достоверности – 1 (3,33%).

ЭОР достоверности реализуется с помощью грамматических речевых средств – глагольных форм настоящего и прошедшего времени (*пишу, есть; окружил*), относящих события, о которых сообщает отправитель, к достоверным, реально происходящим или происходившим событиям:

Пример 141

«**Пишу**, родимая, как **есть** –

Нас **окружил** турецкий хан» (казачья народная песня),

Маркеры ЭОР недостоверности указывают на события как на не имеющие места в действительности, в том числе глагольная форма настоящего времени в сочетании с отрицательной частицей *не* (*не имут*) и предикатив со значением «не имеется, отсутствует» (*нет*):

Пример 142

«**Не имут** страха мертвецы!» (казачья народная песня),

Пример 143

«В казачьем сердце страха **нет!**» (казачья народная песня).

ЭОР проблемной достоверности соответствует отображению не имеющего места в настоящий момент, но предполагаемого, инициируемого в будущем события.

Пример 144

«Так **сложим** головы в курган!» (казачья народная песня).

С актуальным отправителем маркеры ЭОР связываются в 13 АСГ. Следовательно, субъект-субъектная ЭОР соотносится с субъект-объектной ЭОР в пропорциях 13 (43,33%) к 17 (56,67%).

Эмотивная референция зафиксирована нами в 5 АСГ. Эмоциональное отношение объективизируется посредством восклицательных предложений.

Пример 145

«У казака вся жизнь война,

В казачьем сердце страха нет!» (казачья народная песня).

В 3 из 5 АСГ присутствует указание на объективизирующий реальность субъект. При этом данное указание сопровождается обозначением отправителя, разделяющего судьбу казачьей общины, как её неотъемлемой части. Взаимное отношение моделей субъект-субъектной и субъект-объектной эмотивной референции – 3 (60%) к 2 (40%).

Конъюнктура маркеров контактивной референции (33 (100%)) представлена преимущественно речевыми средствами, реализующими категорию лица: личными (*я, тебе*) и притяжательными местоимениями (*моей*), связанными с ними глаголами (*пишу*), а также нарицательными именами существительными (*письмо*), указывающими на способ осуществления коммуникации. Степень доверительности и преданности адресату подчёркивается характеризующими отношение адресанта к нему прилагательными (*любимой, родной*):

«А я письмо тебе пишу –
Моей любимой и родной!» (казачья народная песня).

В 23 АСГ из 33 АСГ с актуализированной КР зафиксирована экспликация модусного субъекта, в 10 АСГ такая экспликация отсутствует. Следовательно, соотношение моделей субъект-субъектной и субъект-объектной КР – 23 (69,7%) к 10 (30,3%).

Регулятивная референция реализована в одной АСГ песни. Маркером выступает повелительное наклонение глагола в форме первого лица мн. числа (*сложим*). Каузатор инициирует действие, в которое включает и себя самого.

«Так сложим головы в курган!» (казачья народная песня).

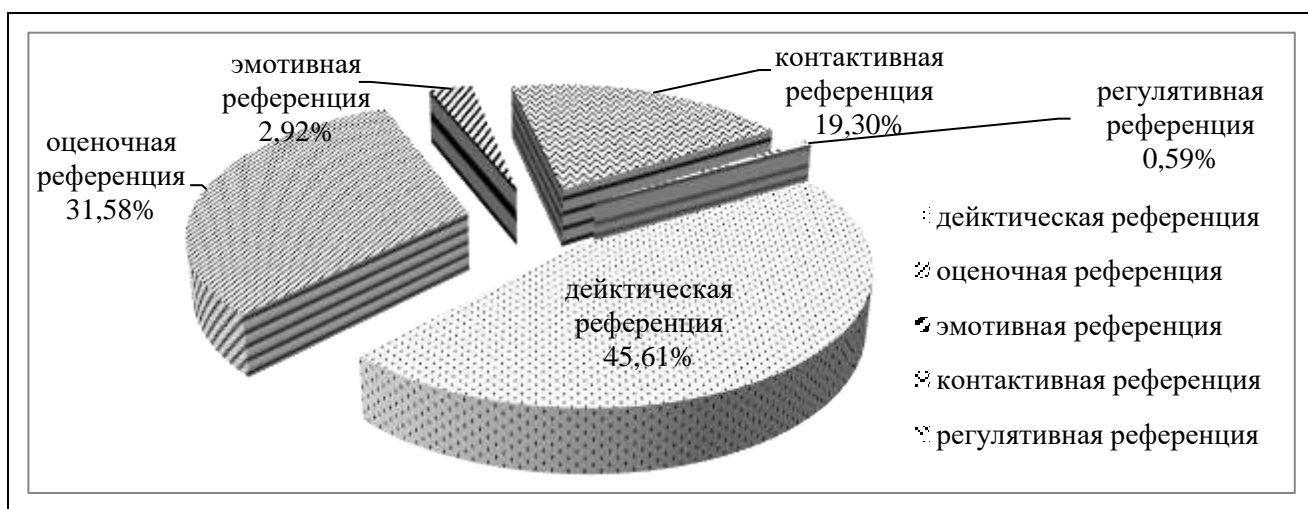
В песне отсутствуют маркеры квестивной референции.

Обобщим показатели актуализации шести проиллюстрированных видов референций и отобразим их в таблице.

Таблица 4.4.2.

**Актуализация субъектно маркированных референций в казачьей песне
«Ночь прислонилась к камышу»**

Вид субъектно маркированной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	23	9	15	9	13	3	23	1	0	96 (56,14%)
субъект-объектная референция (СОР)	7	13	11	15	17	2	10	0	0	75 (43,86%)
субъект-объектная + субъект-субъектная референция (ССР + СОР)	30	22	26	24	30	5	33	0	0	171 (100%)
Средний показатель	78 (45,61%)			54 (31,58%)		5 (2,92%)	33 (19,3%)	1 (0,59%)	0	

Средний коэффициент реализации модальных референций в песне «Ночь прислонилась к камышу» – 4,75 на одну АСГ (171 маркер референций и 36 АСГ).

Первое место в иерархии модальных референций в песне занимает дейктическая референция (45,61%), второе – оценочная (31,58%), третье – контактивная (19,3%), четвёртое – эмотивная (2,92%) и пятое – регулятивная (0,59%). Такое расположение маркеров референций соответствует общим тенденциям эпистолярной песенной традиции казачества, выявленным нами ранее (ср. казачья песня «Письмо казака со службы»: дейктические (47,82%), оценочные (20,29%), контактивные (19,2%), эмотивные (5,8%), регулятивные (4,35%), квестивные референции (2,54%) [Мурашова 2016: 304]).

Ещё одна общая тенденция казачьих эпистолярных писем, которую подтверждают показатели реализации модальных референций в песне «Ночь прислонилась к камышу», – это доминирование субъект-объектных референций (§ 4.2. письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.: субъект-субъектные (50,84%) и субъект-объектные референции (49,16%); § 4.3. письмо А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.: субъект-субъектные – 39 (18,06%) и субъект-объектные референции 177 (81,94%); а также «Письмо казака со службы»: субъект-субъектные (43,01%) и субъект-объектные референции (56,99%). Выявленная тенденция демонстрирует стремление отправителей казачьих эпистолярных писем к объективизации транслируемой ими действительности.

Далее обратимся к анализу субъект-субъектных референций (отвечающих показателям реализации ПККЗ).

Таблица 4.4.3.

**Субъект-субъектные референции (ПККЗ) в казачьей песне
«Ночь прислонилась к камышу»**

Вид субъектно маркированной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
Показатели актуализации										
Субъект-субъектная референция (ССР)	23	9	15	9	13	3	23	1	0	96
Средний показатель	47 (48,96%)			22 (22,91%)		(3,13%)	(23,96%)	(1,04%)	0	(100%)

Category	Percentage
констативы	48,96%
репрезентативы	22,91%
эмотивы	3,13%
контактивы	23,96%
регулятивы	1,04%

Согласно проиллюстрированным показателям актуализации ПККЗ, первое место в иерархии занимают констативы (48,96%), второе – контактивы (23,96%), третье – репрезентативы (22,91%), четвёртое – эмотивы (3,13%), пятое – регулятивы (1,04%).

Доминирование констативов соответствует общим тенденциям казачьих эпистолярных (§ 3.7. – 68,09%, § 4.4. – 48,96%). Расположение других ПККЗ

отличается от усреднённой иерархии ПККЗ, представленной в § 3.7. Это наблюдение подтверждает общие тенденции, выявленные в ходе проведённого анализа, демонстрируя высокую степень ситуативно-интенциональной обусловленности представления отправителем отображаемого в отдельных текстах небольшого объёма, разнящегося со стереотипными реакциями отправителей (А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова), исследованными на материале большого массива текстов.

Как и во всех проанализированных текстах, в тексте песни «Ночь прислонилась к камышу» коэффициент актуализации ПККЗ (2,7) значительно больше единицы (ср. 96 маркеров и 36 АСГ). Это объясняется регулярным пересечением различных видов субъект-субъектных референций в пределах одних и тех же АСГ. Например, в следующем отрывке песни:

Пример 148

«А я письмо тебе пишу...» (казачья народная песня).

одни и те же речевые средства (*я, письмо, тебе, пишу*) в пределах одной АСГ маркируют реализацию персонального и темпорального подвидов дейктической референции, а также реализацию контактивной референции.

Обобщим данные проведённого лингвопрагматического анализа.

Неидентифицированный отправитель песни-письма открыто позиционирует себя в качестве пассионарного субъекта вербальной интеракции, регулярно подчёркивая собственную принадлежность к казачьей общине.

События, представляемые отправителем, в равных долях связываются с настоящим и прошлым.

Коммуникативная ситуация на привязана к конкретному месту. При этом из текста восстанавливается принадлежность самого говорящего к конкретному социально-локальному образованию – к донцам, донскому казачеству.

Отображаемые события маркируются отправителем как достоверные, соответствующие реальности.

Отправитель не обозначает себя в качестве независимого инициатора каких-либо событий или действий, в том числе пополняющих объем наличествующей информации.

Выражая своё эмоциональное отношение к отображаемой реальности, отправитель песни регулярно подчёркивает солидарность с судьбой казачьей общины.

Чтобы выделить усреднённые параметры прагматического фона казачьих эпистолярных писем, систематизируем данные, полученные в ходе проведенных лингво-прагматических интерпретаций.

4.5. Обобщающая интерпретация ПККЗ в текстах казачьих эпистолярных писем

Казачьи письма как отдельный пласт самобытного русского эпистолярного наследия ретроспектируют отраженные в языке уникальные социокультурные традиции одного из наиболее контрадикторных и наименее изученных российских субэтнотипов – русского казачества. Выбрав казачьи письма в качестве эмпирического материала исследования особенностей объективизации субъективной информации, мы стремились к типологическому осмыслению отраженных в прагматическом пространстве исследуемых текстов алгоритмов вербального выражения содержания сознания, ощущений, убеждений, намерений как на уровне казачьего субэтнотипа, так и на уровне отдельных его представителей.

Анализ прагматического пространства казачьих эпистолярных писем проводился с опорой на массу текстов, аккумулирующих характерные признаки и составляющих его компактное ядро, а также проявляющие с ними сходство тексты, составляющие его периферию. В качестве текстов ядерной части мы исследовали письма, написанные казаками (*Глава III. § 3.1.-3.7., Глава IV. § 4.2., § 4.3.*, см. также письмо атамана П.Н. Краснова [Мурашова 2017: 104-115]). В качестве текстов периферийной части были проанализированы казачьи песни с тематикой «письмо» (*Глава IV. § 4.4.*, песня «Письмо казака со службы» [Мурашова 2013:

367-372]; рассказы, стилизованные под казачьи письма, в том числе рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» [Мурашова 2014: 72-88], Рассказ И.Э. Бабеля «Письмо» [Мурашова 2016: 271-291].

Для всех исследованных текстов мы вычислили показатели актуализации шести видов ПККЗ (Таблица 4.5.1.).

Таблица 4.5.1.

Показатели актуализации ПККЗ в текстах казачьих эпистолярий

ПККЗ Тексты	констативы	репрезентативы	эмотивы	контактивы	регулятивы	квестивы
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова (§ 2.3.)	66,97%	16,99%	7,65%	3,63%	2,73%	2,03%
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова (увеличенный объём материала) (§§ 3.1.-3.7.)	68,09%	4,42%	3,78%	5,64%	14,89%	3,18%
Письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.	53,29%	23,68%	5,26%	15,79%	0	1,97%
Письмо А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.	38,46%	25,64%	0	25,64%	10,26%	0
Письмо П.Н. Краснова от 24 июля 1918 г.	41,18%	29,41%	0	26,47%	2,94%	0
Песня «Ночь прислонилась к камышу»	48,96%	22,91%	3,13%	23,96%	1,04%	0
Песня «Письмо казака со службы»	45,83%	20,83%	5%	24,17%	2,5%	1,67%
Рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»	59,49%	30,24%	4,74%	3,56%	0,59%	1,38%

Рассказ И.Э. Бабеля «Письмо»	67,81%	20,31%	3,44%	1,88%	5,31%	1,25%
Средний показатель	54,45%	21,60%	3,66%	14,53%	4,47%	1,28%

Проведенная нами лингвопрагматическая интерпретация прагматического пространства казачьих эпистолярных текстов как в ядерной, так и в периферийной частях позволила эмпирическим путём, опираясь на количественные показатели актуализации ПККЗ, доказать наличие следующих его характеристик.

В казачьих эпистоляриях субъект-отправитель активно демонстрирует своё темпорально-локальное позиционирование относительно фрагментов отображаемой им действительности. К такому выводу позволяет прийти анализ показателей актуализации субъект-субъектной дейктической референции во всех исследованных нами текстах (констативы: § 2.3. – 66,97%, § 3.7. – 68,09%, § 4.2. – 53,29%, § 4.3. – 38,46%, § 4.4. – 48,96%).

На этом фоне особую значимость приобретает абсолютное доминирование среди прочих маркеров персонального подвида дейктической референции тех речевых средств, которые представляют пассионарного субъекта вербальной интеракции как часть казачьей общины, подчёркивая внутригрупповую солидарность её членов, общинность, соборность, традиционно приписываемых казачеству.

Субъект-отправитель в эпистолярных казачьих текстах активно выражает собственное ценностное и / или вероятностное отношение к отображаемым им фрагментам действительности. Об этом свидетельствуют высокие показатели актуализации ПККЗ класса репрезентативов (репрезентативы: § 2.3. – 16,99%, § 3.7. – 4,42%, § 4.2. – 23,68%, § 4.3. – 25,64%, § 4.4. – 22,91%).

Регулярное стремление отправителя к изменению конъюнктуры коммуникативного контакта отображается в высоких показателях актуализации ПККЗ класса контактивов (контактивы: § 2.3. – 3,63%, § 3.7. – 5,64%, § 4.2. – 15,79%, § 4.3. – 25,64%, § 4.4. – 23,96%).

Показатели актуализации ПККЗ типа регулятивов (регулятивы: § 2.3. – 2,73%, § 3.7. – 14,89%, § 4.3. – 10,26%, § 4.4. – 1,04%; контекстуально

обусловленное исключение § 4.2. – 0%) свидетельствуют о склонности к систематической инициации отправителем различного рода действий со стороны как получателей (известных или предполагаемых), так и его самого. Подчеркнём, что регулятивы чаще эксплицируются в ядерной, чем в периферийной части прагматического пространства казачьих эпистолярных текстов (например, регулятивы § 4.3. – 10,26% и § 4.4. – 1,04%). Полагаем, что систематическая инициация действий, моделирующих оптимальные (с точки зрения отправителя) варианты действительности, объясняется двумя следующими факторами. Во-первых, объективно обусловленной потребностью инициации активным коммуницирующим субъектом определённых действий, например, в случае необходимости изменения конъюнктуры коммуникативного контакта в условиях сложившейся речевой ситуации. Во-вторых, конвенционально закреплённой эталонной активной позицией отправителя – представителя казачества (сословия, в традициях которого предпринимать инициативные действия в ситуации опасности, в особенности в военное время).

В ходе анализа эпистолярных текстов казачьей лингвокультуры мы отметили также высокую степень проявления креативного речетворчества отправителя, выражающуюся в регулярных отклонениях от нормированного стереотипного речепорождения, в том числе в различных модификациях на уровне лексики, морфологии, синтаксиса и стилистики. Это наблюдение позволяет говорить о высокой степени приближенности речевого поведения отправителей к ситуации непринуждённого речевого общения.

Данный фактор, наряду со склонностью к экспликации субъектом нюансов чувственного познания действительности, объясняет высокие показатели реализации ПККЗ класса эмотивов в проанализированных нами текстах (эмотивы: § 2.3. – 7,65%, § 3.7. – 3,78%, § 4.2. – 5,26%, § 4.4. – 3,13%, контекстуально обусловленное исключение здесь составляет § 4.3., где показатель актуализации эмотивов – 0%).

Важной особенностью объективизации субъективной информации в текстах является достаточно часто вербализуемое стремление отправителя к

восполнению недостающей информации. Это подтверждают показатели актуализации ПККЗ класса квестивов (квестивы: § 2.3. – 2,03%, § 3.7. – 3,18%, § 4.2. – 1,97%, контекстуально обусловленное исключение здесь § 4.3. и § 4.4., где показатель актуализации квестивов – 0%).

Обобщённый алгоритм объективизации субъективной информации (с учётом проявления приоритетов: от наиболее выраженных к наименее выраженным) для проанализированных текстов казачьей лингвокультуры выглядит следующим образом. Отправитель активно представляет своё темпорально-локальное позиционирование относительно фрагментов отображаемой им действительности (средний показатель актуализации констативов – 54,45%); регулярно выражает собственно ценностное и / или вероятностное отношение к ним (средний показатель актуализации репрезентативов – 21,60%); стремится к изменению конъюнктуры коммуникативного контакта (средний показатель актуализации контактивов – 14,53%); инициирует различного рода действия со стороны как получателей (известных или предполагаемых), так и его самого (средний показатель актуализации регулятивов – 4,47%); эксплицирует различные оттенки чувственного познания (средний показатель актуализации эмотивов – 3,67%); стремится к восполнению недостающей информации (средний показатель актуализации квестивов – 1,28%).

К релевантным характеристикам ядерной и периферийной частей прагматического пространства казачьих эпистолярных текстов можно отнести также их референциальную и прагматическую плотность. К такому заключению мы приходим, анализируя высокие показатели реализации субъектно маркированных референций (к примеру, в письме М.А. Шолохова – 5,16 (299 маркеров актуализации референций на 58 АСГ)) и показатели актуализации ПККЗ (в том же письме – 2,62 (152 маркера актуализации субъект-субъектных референций на 58 АСГ)) и т.д., *Таблица 4.5.2.*

Таблица 4.5.2.

**Референциальная и прагматическая плотность
прагматического пространства казачьих эпистолярий**

Исследованные тесты	Количество АСГ	Референциальная плотность (показатель актуализации субъектно маркированных референций) на 1 АСГ	Прагматическая плотность (показатель актуализации ПККЗ) на 1 АСГ
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова (§ 2.3.)	3467	не вычислялась	1,03
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова (увеличенный объём материала) (§§ 3.1.-3.7.)	4158	0,25	0,16
Письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.	58	5,16	2,62
Письмо А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.	59	3,66	0,66
Письмо П.Н. Краснова от 24 июля 1918 г	17	3,71	2
Рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»	417	3,21	1,21
Рассказ И.Э. Бабеля «Письмо»	296	2,9	1,08
Песня «Письмо казака со службы»	70	3,99	1,71
Песня «Ночь прислонилась к камышу»	36	4,75	2,7
Песня «Друзья, не бойтесь клеветы»	34	3,56	0,32
Средний показатель		3,46	1,35

Высокие средние показатели референциальной (3,46) и прагматической плотности (1,35) подтверждают наличие такого свойства субъектно маркированных референций, как возможность текстового имплицирования (в пределах так называемых буферных зон) с помощью одних и тех же маркеров-носителей ПККЗ, кроме того, указывают на наличие генетических связей и функционального сходства субъект-субъектных референций (соответственно, и самих ПККЗ).

В среднем тексты ядерной части прагматического пространства казачьих эпистолярных отличаются более низкими показателями референциальной и прагматической плотности, чем тексты периферийной части эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры (*Таблица 4.5.1.*).

Как правило, тексты с меньшим количеством АСГ демонстрируют значительно более высокий уровень референциальной и прагматической плотности в сравнении с текстами с большим количеством АСГ (например, казачья песня «Ночь прислонилась к камышу» и рассказ И.Э. Бабеля «Письмо», *Таблица 4.5.2.*).

Представив обобщённую интерпретацию ПККЗ в прагматическом пространстве казачьих эпистолярных, далее сформулируем основные выводы главы.

Выводы по четвёртой главе

Проиллюстрированный в четвёртой главе исследования авторский алгоритм лингвопрагматической интерпретации разноуровневых речевых единиц-индикаторов шести классов ПККЗ позволил нам выйти за пределы отдельной АСГ в пространство целостного текста и далее в широкий лингвокультурный контекст создания и функционирования изучаемого феномена. Данный подход способствовал осмыслению проблемы интерпретации различных оттенков вербальной объективизации транслируемой отправителем субъективной информации (прежде всего, в аспекте соответствующих данным нюансам ПККЗ) с новых теоретико-методологических позиций.

Кроме того, исследование текстов разного характера и структуры (письма, песни, рассказы) в пространстве казачьей лингвокультуры с применением приёмов алгоритма лингвопрагматической интерпретации позволило сделать вывод об универсальном характере исследованных ПККЗ и об их негомогенности.

Представляется, что использование разработанного алгоритма лингвопрагматической интерпретации в целом способствовало оптимизации дальнейшего исследования вербальной объективизации субъективной информации, сделав возможным анализ механизмов функционирования ПККЗ (выражающих различные нюансы субъективного отношения отправителя к изображаемому) в неразрывном единстве с детерминированными экстралингвистическими параметрами вербальной интеракции, в том числе с уникальными характеристиками исторического и лингвокультурного опыта, конвенционально и индивидуально закреплёнными алгоритмами социального взаимодействия, моделями познавательно-мыслительной деятельности национальных и субнациональных групп, а также отдельных их представителей.

Глава V. Диагностирующий потенциал лингвопрагматической интерпретации

5.1. Доминанты прагматического пространства текста, определяющие вектор лингвопрагматической интерпретации

Исследовав шесть классов ПККЗ, выделенных по результатам лингвопрагматического эксперимента на материале казачьих эпистолярных писем, мы пришли к выводу, что прагматическое пространство каждого проанализированного текста составляет уникальное сочетание ПККЗ, реализованное с помощью разноуровневых речевых единиц-индикаторов и непосредственно через нюансы отношения к отображаемой отправителем действительности транслирующее особенности вербальной объективизации им субъективной информации.

Интерпретация прагматического пространства казачьих эпистолярных писем, проиллюстрированная в предыдущей главе, доказала возможность выявления характерных особенностей алгоритма объективизации субъективной информации на основании комплексного анализа показателей актуализации субъектно маркированных референций и восходящих к ним ПККЗ. Это позволяет нам говорить об особом диагностирующем потенциале лингвопрагматической интерпретации, открывающей новые возможности, с одной стороны, для уточнения и документального подтверждения особенностей содержательно-смыслового пространства отдельного текста (письма или целого массива писем или псевдописем и т.п.), а также широкого лингвокультурного контекста их создания, с другой стороны, для установления уникальных авторских алгоритмов вербальной объективизации субъективной информации.

Во всех проанализированных казачьих эпистолярных писем в качестве доминантных (по частоте актуализации) выступили лексические прагматические маркеры (48,32%), чаще других актуализируемые отправителями в субъект-субъектных моделях модальных референций для выражения индивидуализированного

отношения к фрагментам отображаемой ими действительности (для сравнения: морфологические (25,13%), синтаксические (19,14%) и словообразовательные (7,41%) маркеры). В данной (пятой) части нашего исследования рассмотрим подробнее актуализацию лексических прагматических маркеров, задающих (в силу своего численного превосходства) вектор лингвопрагматической интерпретации.

Лексические прагматические маркеры мы рассматриваем как лексические единицы, реализующие в конкретном контекстном окружении свой прагматический потенциал в плане выражения различных параметров позиционирования субъекта-отправителя по отношению к отображаемой им действительности.

Лексические прагматические маркеры анализируются в нашем интегративно-сопоставительном исследовании в качестве потенциальных носителей субъектно маркированной информации. Такой подход опирается на выводы, сформулированные в рамках семиотики (Ч. Моррис, М.В. Никитин), прагматики (Н.Д. Арутюнова, М. Крифка и др.) и некоторых других научных направлений, объединяя и дополняя их.

В семиотике в ходе анализа субъектно маркированной эмоционально-аффективной сферы коммуникации в ряду лексических речевых средств, передающих эмоциональное и волевое отношение говорящего к действительности, особенно выделяются междометия [Morris 2010: 52].

В прагматике, с учётом положений Ч. Морриса, к междометьям добавляются другие лексемы, основной функцией которых является выражение отношения говорящего к действительности. Это делается на основании расширения поля исследования субъективной оценки, эксплицируемой / имплицитруемой лексическими средствами. Экстрагируются три группы ориентированных на передачу субъективной информации лексических речевых средств [Krifka 2007: 3-11]: дейктические (русс.: *я, ты, здесь, сейчас, завтра*; нем.: *ich, du, hier, jetzt, morgen*), контекстуальные (русс.: *она, этот, вскоре после этого*; нем.: *sie, dieser, bald darauf*) и косвенные (русс.: *Вот повезло! (с иронией)*, нем.: *So ein Glück!*; русс.: *Не могли бы Вы закрыть дверь? (косвенный приказ)*, нем.: *Könnten Sie die Tür zumachen?*).

Объединяя достижения семиотики и прагматики, Н.Д. Арутюнова рассматривает прагматические компоненты в связи с критериями реализации речевой единицы [Арутюнова 1988: 83], сосредоточивая своё внимание на лексических единицах, эксплицирующих аксиологическую характеристику говорящим заданного объекта действительности. Классификация данных лексических единиц проводится в соответствии с их принадлежностью к определённой части речи, выделяются глагол [Арутюнова 1988: 202-207], наречие [Арутюнова 1988: 216-229] и прилагательное [Арутюнова 1988: 77-81, 243-245].

Развивая концепцию семасиологии, М.В. Никитин анализирует функцию экспликации субъективных позиций непосредственных участников коммуникации на примере номинативных лексических единиц на уровне предложения и текста [Никитин 2007: 78]. Данные компоненты, по мнению учёного, реализуются за счёт взаимодействия содержания слова с коммуникативной ситуацией, итогом которого становится эмоциональная нагруженность слов, соотносимая с их прагматическим компонентом, существующим изолированно (междометные слова) или в сочетании с когнитивным компонентом (все остальные номинативные лексические единицы) [Никитин 2007: 103].

Изучение прагматических компонентов значения некоторых групп лексических единиц (прежде всего, неологизмов) возводится представителями неологии в ранг принципиально значимых, основообразующих феноменов [Касьянова 2007: 36]. Прагматические компоненты значения неологизмов, выражающие различные оттенки отношения говорящего к познаваемой им действительности, подвергаются тщательному анализу на предмет установления целей и условий неосемиозиса, а также особенностей моделирования содержащих неологизмы коммуникативных структур.

В русле коммуникативной лингвистики значение лексических средств-носителей информации об отношении говорящего к действительности анализируется как составляющая коммуникативно-прагматического значения высказывания, реализующего его направленность на получателя. В числе таких средств изучаются социально-статусные наименования получателя; лексемы,

указывающие на волеизъявление отправителя (*право, следует* и др.) и перформативные глаголы [Лобашевская 2007: 52-57], выражающие адресные отношения.

Список исследований лексических единиц, передающих различные оттенки отношения говорящего, может быть продолжен (например, *Глава III. §§ 3.1.-3.7.*). Однако, ориентируясь на приоритетность выявления особенностей вербальной объективизации субъективной информации, заявленную нами в качестве основной цели работы, на данном этапе анализа лексических прагматических маркеров считаем необходимым вернуться в поле интегративно-сопоставительного подхода с доминирующим лингвопрагматическим вектором. Так как такой подход, с нашей точки зрения, отличается наибольшей перспективностью в вопросе системного осмысления субъективно и конвенционально обусловленной реализации речевых единиц разных уровней, в том числе лексического.

Основным критерием, который позволяет выделить лексические прагматические маркеры в отдельную группу в ряду других лексических единиц, является их потенциальная или реальная (реализованная в пределах конкретной АСГ) возможность представлять различные нюансы позиционирования отправителя по отношению к отображаемому им фрагменту действительности.

Описание специфики этих нюансов осуществляется в исследовании с учётом шести контрольных точек в прагматической системе координат заданной коммуникативной ситуации. Каждой из этих точек соответствует одна из шести групп лексических маркеров-носителей ПККЗ: лексические констативы, лексические регулятивы, лексические контактивы, лексические репрезентативы, лексические эмотивы и лексические квестивы (*Глава III. § 3.7.*).

Лексические маркеры ПККЗ из числа констативов вербализуют специфику субъективного отношения отправителя к темпорально-локальному позиционированию отображаемого. С учётом специфики данного отношения лексические констативы можно разделить на три группы: персональные, темпоральные и локальные. С помощью персональных лексических констативов отправитель указывает, во-первых, на коммуницирующие субъекты и, во-вторых, на субъекты,

характеризуемые коммуникантами. Первые относятся к ядру, вторые – к периферии персонального дейктического поля. Темпоральные и локальные лексические констативы демонстрируют отношение отправителя к факту его собственного позиционирования (ядро темпорального и локального дейктического поля) или позиционирования отображаемого им фрагмента действительности (периферия темпорального и локального дейктического поля) во времени и в пространстве.

Группа лексических репрезентативов представлена двумя подгруппами: подгруппой аксиологических и подгруппой эпистемических лексических репрезентативов. Аксиологические репрезентативы эксплицируют ценностное отношение субъекта-отправителя к отображаемому. Они также могут представлять ядро или периферию аксиологического прагматического поля, выступая в АСГ в связке и вне связки с активным коммуницирующим субъектом. Точно так же эпистемические репрезентативы, демонстрирующие отношение коммуницирующего субъекта к степени вероятности отображаемой действительности и реализующиеся в АСГ с эксплицитным модусным субъектом, принадлежат ядру эпистемического прагматического поля, актуализирующиеся в АСГ, где модусный субъект не эксплицирован – к периферии.

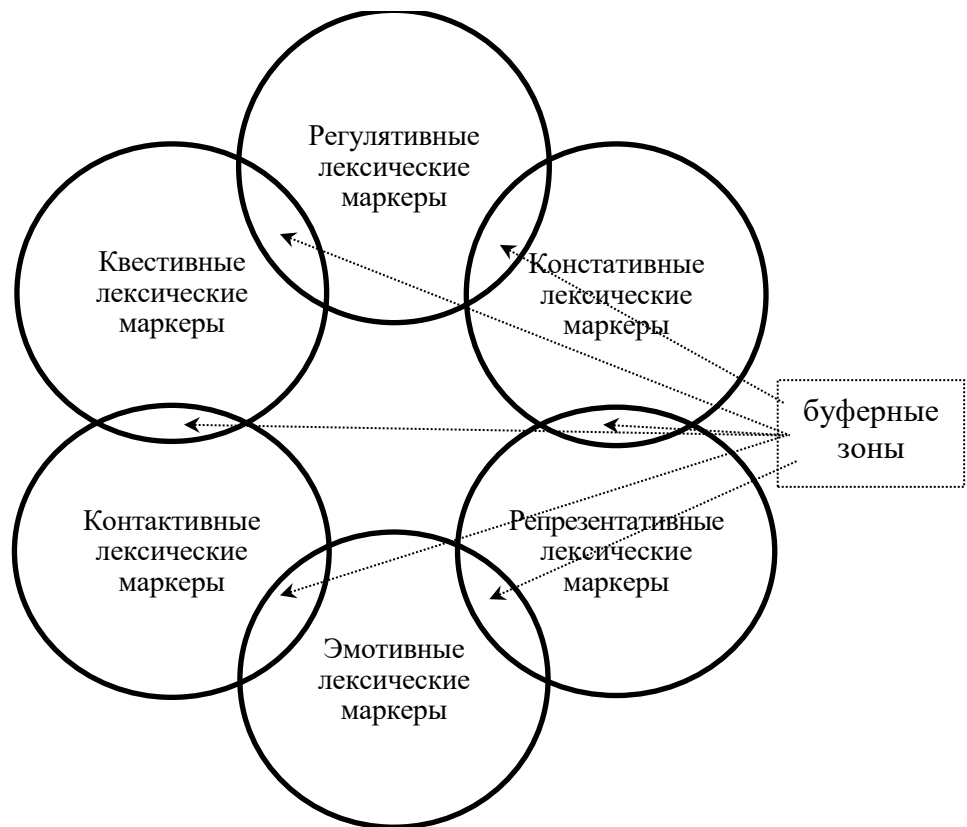
Посредством лексических контактивов отправитель выражает своё отношение к конъюнктуре коммуникативного контакта и к необходимости её изменения. В АСГ, содержащих указание на отправителя текста, актуализируются лексические контактивы, принадлежащие к ядру контактивного прагматического поля, в АСГ, в которых нет указания на отправителя, – лексические контактивы периферии контактивного прагматического поля.

Вербализация нюансов отношения субъекта-отправителя к необходимости инициации какого-либо действия может осуществляться с помощью лексических регулятивов: в отношении самого активного коммуницирующего субъекта – с помощью лексических регулятивов, образующих ядро регулятивного прагматического поля, в отношении других участников коммуникативной ситуации – с помощью лексических регулятивов, формирующих периферию регулятивного прагматического поля.

Мы выделяем также ядро и периферию лексических эмотивов и квестивов. Лексические эмотивы отображают перцептивный и аффективный опыт субъекта, включая нюансы его эмоционального или психического состояния, или отношения. Лексические квестивы представляют субъективные ожидания отправителя к необходимости пополнения наличествующей информации активными или пассивными участниками коммуникативной ситуации. Наличие в АСГ указания на определённый модусный субъект позволяет отнести реализованные в ней лексические эмотивы и квестивы к ядерной части эмотивного и квестивного прагматических полей. Отсутствие указания – к периферийной части эмотивного и квестивного прагматических полей. Проиллюстрируем это на схеме.

Схема 5.1.1.

Лексические маркеры ядра и периферии прагматического поля

Лингвопрагматическая интерпретация казачьих эпистолярных текстов показала, что посредством одних и тех же лексических прагматических маркеров в рамках одной или смежных АСГ одновременно могут реализовываться различные типы ПККЗ, образуя так называемые буферные зоны. Этот феномен объясняет

высокие показатели прагматической плотности интерпретированных текстов (Глава IV. § 4.7.).

Выделив ядерные и периферийные зоны прагматических полей, формируемые посредством актуализации различных групп лексических прагматических маркеров и задающие вектор лингвопрагматической интерпретации, попытаемся определить их внутреннюю иерархию.

5.2. Внутренняя иерархия системы лексических прагматических маркеров

Лексические доминанты прагматического пространства текста, определяющие вектор лингвопрагматической интерпретации, существуют в пространстве казачьих эпистолярных текстов в виде особой поликомпонентной системы, реализующей различные нюансы объективируемой отправителем субъективной информации. Для того чтобы использовать качественно-количественный анализ актуализации данной системы как основание для диагностирования алгоритмов объективизации субъективной информации, рассмотрим особенности функционирования её составляющих, их внутреннюю иерархию и логику отношений подробнее.

Ориентируясь на тексты казачьих эпистолярных текстов (письма, художественные тексты (песни и рассказы), стилизованные под казачьи письма; аутентичные дневниковые записи), а также тексты, поясняющие исследуемые эпистолярные тексты, в том числе анкеты информантов, лексикографические источники, архивные документы, в ходе описанных выше (Главы II., III., IV.) экспериментов, мы выделили 5 419 лексических единиц, проявивших в исследованных контекстах свойство представлять различные варианты позиционирования отправителя по отношению к отображаемой им действительности. Данные лексические единицы были объединены в словарь лексических прагматических маркеров казачьей лингвокультуры [Мурашова 2016: 483-656].

Осуществив дифференциацию зафиксированных в словаре маркеров с учётом потенциально реализуемых с их помощью ПККЗ и соответствующих им

базовых субъектно маркированных референций, мы выделили шесть групп лексических прагматических маркеров: констативные, регулятивные, контактивные, репрезентативные, эмотивные и квестивные. Проведённые в ходе экспериментов анализ и описание релевантных характеристик каждой из этих групп, позволили иерархически упорядочить их, принимая во внимание особенности актуализации, и соотнести данную актуализацию с имманентными признаками казацкой лингвокультуры. Представим иерархию выявленных лексических прагматических маркеров (Таблица 5.2.1.).

Таблица 5.2.1.

Лексические прагматические маркеры

Группа лексических прагматических маркеров	Констативные	Репрезентативные		Эмотивные	Контактивные	Регулятивные	Квестивные	Всего
		аксиологические	эпистемические					
Количество маркеров	1808 (33,37%)	2249	47	730 (13,47%)	509 (9,39%)	32 (0,59%)	44 (0,81%)	5419 (100%)
		2296 (42,37%)						

3D pie chart illustrating the distribution of pragmatic markers. The largest segment is 'репрезентативные' (42,62%), followed by 'констативные' (33,37%), 'эмотивные' (13,57%), 'контактивные' (9,39%), 'квестивные' (0,82%), and 'регулятивные' (0,59%). A legend on the right lists the marker types with corresponding patterns: контактивные (dots), констативные (horizontal lines), квестивные (vertical lines), эмотивные (diagonal lines), регулятивные (cross-hatch), and репрезентативные (wavy lines).

Исследование внутренней иерархии лексических прагматических маркеров показало, что наибольшей представленностью отличаются группы репрезентативных (42,37%) и констативных (33,37%) лексических маркеров. За ними со

значительным отрывом следуют группы эмотивных (13,47%) и контактивных (9,39%) маркеров. И последние позиции в иерархии, имея наименьшие показатели, занимают группы квестивных (0,81%) и регулятивных маркеров (0,59%).

Принимая во внимание наивысшие показатели количественной представленности репрезентативных и констативных лексических маркеров, мы рассматриваем их свойства в качестве показательных для всей совокупности выделенных лексических прагматических маркеров, а сами репрезентативные и констативные лексические маркеры – как безусловные доминанты прагматического пространства текста. Проанализируем данные группы маркеров подробнее.

Ценностное отношение отправителя, объективизируемое им с помощью актуализированных лексических репрезентативных маркеров, транслирует его индивидуально и конвенционально детерминированные установки в объективизации общих и специфических (в том числе интеллектуальных, практических, эстетических, этических) характеристик фактов, отображаемых в процессе коммуникации.

Актуализация репрезентативных лексических маркеров в проанализированных текстах отличается высокой степенью зависимости от условий конкретной коммуникативной ситуации, поэтому процентные показатели данной актуализации заметно отличаются пропорционально длине исследуемого текста, пресуппозициям, интенциям отправителя и предполагаемому им перлокутивному эффекту коммуникации (ср. *Глава IV. § 4.2.-4.5.*). Тем не менее, исследуя усреднённые показатели актуализации репрезентативных лексических маркеров, можно выделить общие тенденции, соответствующие следующим признакам объективизации субъектно маркированной информации представителями казачьей лингвокультуры.

Казачьи отправители текстов регулярно реализуют ценностные суждения, отображая соответствие или несоответствие, представляемых ими в процессе коммуникации фактов нравственным нормам казачьего сообщества. При этом значительное число маркеров непосредственно связывается с христианскими ценностями, в том числе с традиционно-православными мировоззренческими

установками и нормами индивидуального и общественного поведения. В качестве наиболее значимых и наиболее часто реализуемых в проанализированных казачьих текстах отмечены репрезентативные маркеры, реплицирующие религиозность, общинность, патриархальный уклад общества, семейственность, терпимость, свободу выбора. Так, например, в ряду лексических репрезентативных маркеров, наиболее часто реализованных в контексте эпистолярных казачьих текстов только в связи с выражением отправителем одобрения / неодобрения религиозного статуса отображаемого субъекта, были зафиксированы такие маркеры как: *богомол* (богомольный человек), *богохул* (богохульник), *молённый* (богомольный), *нехрёстный* (безбожник); *убожливый* (религиозный человек) и др. Всего 24 маркера.

Общинность и отношение к этой ценности в эпистолярных казачьих текстах напрямую связывается с представлением казачества. Данное представление осуществляется посредством лексических репрезентативов типа: *батька* (отец, уважаемый старейшина, атаман), *востропузая чига* (прозвище казаков иногородними), *голутва* (беднейшая часть казачества), *донец* (донской казак), *земля* (казак-земляк), *пихерцы* (верховые казаки), *скачок* (казак, отделившийся от родителей), *черкасин* (низовой казак) и т.д. В ходе исследования отмечено всего 62 подобных маркера. При актуализации этих лексических репрезентативов принадлежность к казачеству и принятие его норм в подавляющем числе АСГ (88,7%) оценивается положительно, а непринадлежность и нарушение норм – отрицательно. Дихотомия «свой – чужой» реализуется и вне связи с казачьим сообществом (43 маркера). При этом сохраняется вектор оценивания: «свой» – положительно, «чужой» – отрицательно: *баглан* (приезжий), *вичник* (коренной житель), *мугырь* (иногородний), *наброд* (приезжие люди), *нашевский* (житель той же станицы, земляк), *основной* (коренной), *сипа* (презрительное прозвище иногородних), *хохол* (некоренной житель Донского края), *хуторец* (земляк-хуторянин).

Лексические репрезентативные маркеры могут указывать на наличие определённого аксиологически значимого качества и одновременно (при

присутствии в АСГ прямого указания на пассионарный субъект коммуникации) уточнять позицию самого отправителя по отношению к данному качеству.

Таким же свойством обладают и констативные лексические маркеры (лексические констативы). Их эмпирическое изучение продемонстрировало меньшую степень зависимости от условий конкретной коммуникативной ситуации (ср. Глава IV. § 4.2.-4.5.). Соответственно этому наблюдению, рассмотрим их как диагностирующие доминанты прагматического пространства текста отдельно.

5.3. Лексические констативы

Лексические констативные маркеры в контекстном окружении реализуют те нюансы объективируемой отправителем субъективной информации, которые прямо или косвенно представляют его отношение к темпорально-локальному позиционированию отображаемых субъектов и объектов, в том числе его самого. Согласно соответствующему содержательному компоненту, каждый такой маркер может быть классифицирован как персональный, темпоральный или локальный лексический констатив.

5.3.1. Лексические персональные констативы (ЛПК)

Лексические персональные констативы могут указывать на активные и пассивные субъекты коммуникации, реализуя компоненты ядерной или периферийной части персонального дейктического поля текста. Проиллюстрируем это.

Пример 149

«**Я**, старый **боец** за родину и **казачество**, прошу **вас** учесть всю пагубность **вашей** позиции, грозящей гибелью **родине** и всему **казачеству**» [Дутов 2006: 204].

Актуализованные в письме лексические персональные констативы, представляют ядерную часть персонального дейктического поля, осуществляя указание на отправителя – атамана А.И. Дутова (*я, боец*), и периферийную часть того

же поля, указывая на получателя – атамана Г.М. Семенова (*вашей*). Кроме того, лексические персональные констативы письма отмечают принадлежность обоих коммуницирующих субъектов к одному субэтническому образованию (*казачество, казачеству, родине*), а также отмечают их непосредственное отношение к военному сословию и решительный настрой отправителя (*боец*).

Далее в том же письме с помощью лексических персональных констативов (*мы, наших*) отправитель представляет себя как часть консолидированной казачьей общины, эксплицируя её патриархальную градацию (*сыны, отцы, деды*):

Пример 150

«**Мы**, разорённые и имеющие много сожжённых дотла станиц, продолжаем борьбу, и в рядах **наших сыны, отцы и деды** служат вместе» [Дутов 2006: 204].

В рассматриваемых отрывках реализация лексических персональных констативов поддерживается морфологическими персональными констативами (*я, боец – прошу; мы – продолжаем*). Феномен регулярного пересечения лексических и морфосинтаксических маркеров был проанализирован нами выше (Глава III. § 3.1.). По результатам анализа с привлечением четырёх групп респондентов удалось выявить иерархию актуализации персональных, темпоральных и локативных констативных прагматических маркеров различных языковых уровней (Глава III. § 3.1.). Вернёмся ещё раз к результатам этого анализа (Таблицы 3.1.13., 3.1.15), сконцентрировав наше внимание на лексических персональных констативах (Таблица 5.3.1.1.).

Таблица 5.3.1.1.

Актуализация персональных констативов

Средства актуализации	Лексические средства	Морфологичес- кие средства	Синтаксические средства	Всего
Группа респондентов				
I	928	752	0	1680
II	939	750	0	1689
III	940	748	0	1688

IV	951	760	0	1711
Средний показатель для четырёх групп	939,5 (55,53%)	752,5 (44,47%)	0	1692 (100%)

Данные *Таблицы 5.3.1.1.* демонстрируют преобладание лексических персональных констативов (55,53%) над морфологическими (44,47%) и синтаксическими персональными констативами (0).

Абсолютное превышение показателей актуализации лексических персональных констативов в прагматическом пространстве исследованных текстов подтверждают и результаты лингвопрагматических интерпретаций, некоторые из которых представлены выше (*Глава IV. §§ 4.2.-4.4.*).

Выступая как абсолютные доминанты прагматического пространства текста, лексические персональные констативы как ядерной, так и периферийной зоны персональной части дейктического поля наряду с обязательным указанием на субъект коммуникации сообщают дополнительную информацию о его релевантных характеристиках. Представим дифференциацию лексических персональных констативов, которые зафиксированы в словаре, составленном по результатам нашего исследования [Мурашова 2016: 483-656], с учётом данных характеристик (*Таблица 5.3.1.2.*).

Таблица 5.3.1.2.

Классификация лексических персональных констативов

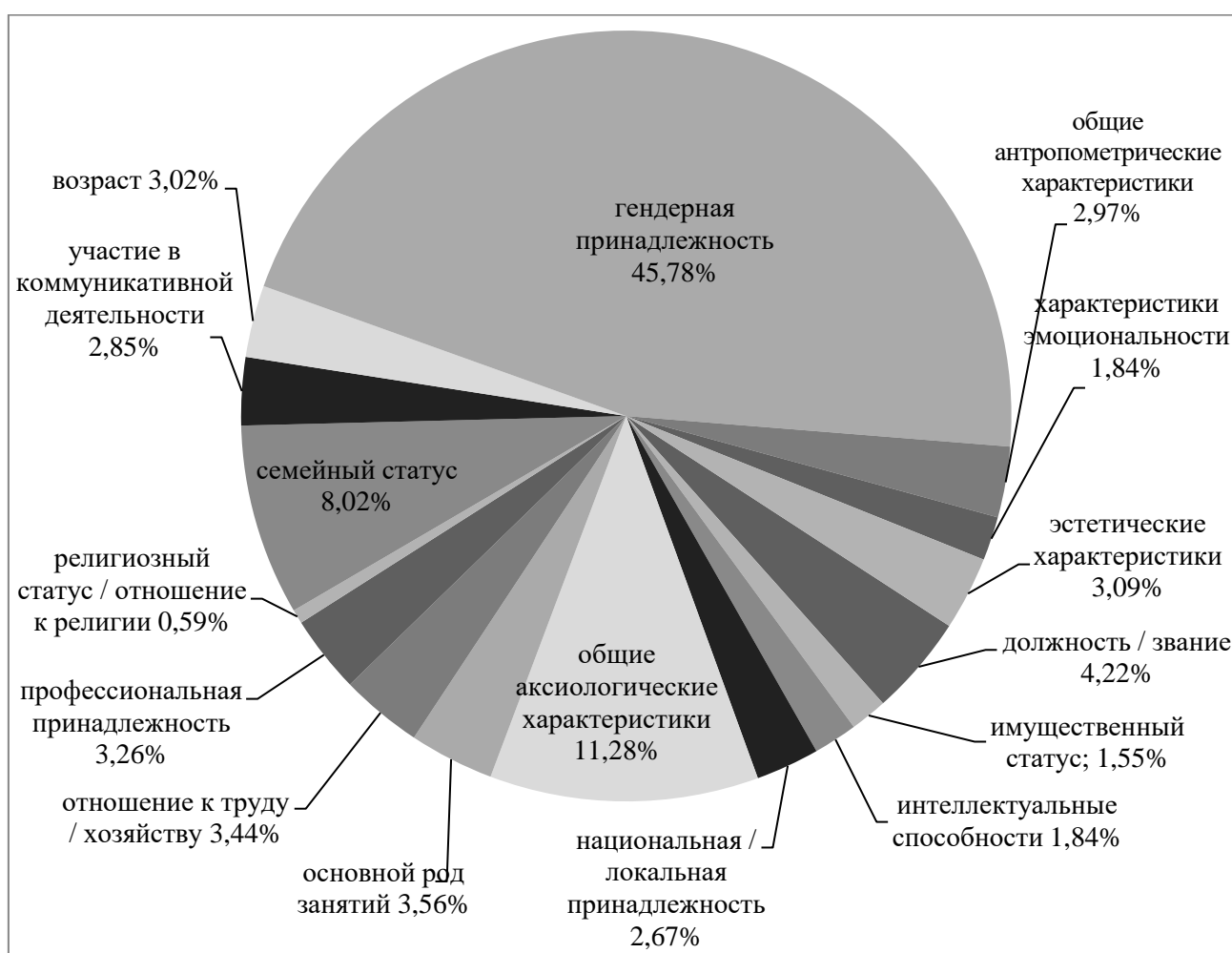
Указание на активный и / или неактивный коммуницирующий субъект + указание на...	возраст	51 (3,03%)	1684 (100%)
	гендерную принадлежность	771 (45,78%)	
	должность / звание	71 (4,22%)	
	имущественный статус / благосостояние	26 (1,55%)	
	интеллектуальные способности	31 (1,84%)	
	национальную / локальную принадлежность	45 (2,67%)	
	общие аксиологические характеристики (моральный / аморальный, хороший / плохой и т.д.)	90 (11,28%)	
	общие антропометрические характеристики	50 (2,97%)	
	основной род занятий (деятельности), в том числе основную роль в обрядовой деятельности	60 (3,56%)	
	отношение к труду / хозяйству (характеристики практичности)	58 (3,44%)	
	профессиональную принадлежность	55 (3,27%)	

религиозный статус / отношение к религии	10 (0,59%)
семейный статус (родственные связи, отношение к семье)	135 (8,02%)
участие в коммуникативной деятельности	48 (2,85%)
характеристики эмоциональности / эмоциональной зависимости	31 (1,84%)
эстетические характеристики	52 (3,09%)

На диаграмме это выглядит следующим образом.

Диаграмма 5.3.1.3.

Классификация лексических персональных констативов

Из 1 808 лексических констативов словаря персональными являются 983 (54,37%). Будучи актуализован в конкретном контексте, каждый из данных констативов обладает потенциальной возможностью указывать на одну или несколько характеристик отображаемого субъекта, поэтому количество зафиксированных дополнительных компонентов значений значительно больше

количества их маркеров-носителей (ср.: 1684 компонентов значений, транслирующих дополнительные характеристики субъекта, и 938 лексических персональных констативов).

771 (45,78%) лексический персональный констатив помимо указания на субъект коммуникации, характеризует его гендерную принадлежность (Таблица 5.3.1.4.).

Таблица 5.3.1.4.

Указание на гендерную принадлежность субъекта

Гендерная принадлежность коммуницирующего субъекта / коммуницирующих субъектов				
мужской род	женский род	гендерная принадлежность не выражена		
598	173	имена существительные общего рода	множественное число (<i>pluralia tantum</i>)	собираательные имена существительные
		134	16	17
771 (82,2%)		167 (17,8%)		
938 (100%)				

В широкой палитре лексических персональных констативов преобладают маркеры, представляющие субъекты коммуникации как лиц мужского пола, их 598 (77,56%). Маркеров, представляющих субъекты коммуникации как лиц женского пола, значительно меньше, их всего 173 (22,44%). При этом помимо парных персональных констативов типа: *аккуратинка – аккуратница* (аккуратный мужчина / женщина), *аманат – аманатка* (обманщик / обманщица), *баглай – баглайка* (бездельник / бездельница), *грохотун – грохотка* (громко смеющийся мужчина / громко смеющаяся женщина), *скугор – скугорка* (скупой мужчина / скупая женщина) и т.д., как в маскулинной, так и в фемининной частях присутствуют специфические маркеры, не имеющие параллельных форм, обозначающих лиц противоположного пола, например, *бабабня* (бабушка), *брюнчак* (мужчина-холостяк), *бурлак* (неженатый мужчина, казак, не имеющий хозяйства), *буркуль* (мужчина-бабник), *вековуха* (женщина, оставшаяся одинокой), *ворожейка* (женщина-гадалка), *засиделка* (старая дева). Отмечено также значительное

количество маркеров общего рода, которые потенциально могут указывать как на мужчину, так и на женщину: *басила* (щёголь / щеголиха), *боля* (возлюбленный / возлюбленная), *булында* (хмурый, надутый мужчина / хмурая, надутая женщина), *бурундуша* (взбалмошный мужчина / взбалмошная женщина), *ватага* (отважный мужчина / отважная женщина), *невыволока* (неповоротливый мужчина / неповоротливая женщина). Всего их зафиксировано 134. Некоторые лексические персональные констативы реализуются исключительно в форме мн. числа, обозначая представителей и мужского, и женского пола, например, *бояре* (неженатая молодежь), *деды* (дедушка и бабушка), *провожааны* (участники обряда провожания невесты), *позыватки* (участники свадебного обряда, приглашающие гостей на свадьбу), *свёкры* (свёкор и свекровь), *сродные* (дальние родственники) и др. Свойство представлять субъекты как мужского, так и женского пола проявляют также собирательные лексические персональные констативы: *пихра* (молодёжь; детвора), *природа* (родня), *ребятёжь* (детвора), *сродство* (родственники), *шаполочь* (сброд) и др.

Помимо сообщения о гендерной принадлежности, ЛПК могут транслировать дополнительную информацию и о других особенностях отображаемого субъекта, в том числе о его аксиологически значимых характеристиках (190 маркеров), семейном статусе (135), должности или звании (71), приоритетном роде занятий (60), отношении к труду / хозяйствованию (58), профессии (55), эстетических свойствах (52), возрасте (51), антропометрических характеристиках (50), коммуникабельности (48), субэтнической или локальной принадлежности (45), интеллектуальных способностях (31), эмоциональности (31), благосостоянии (26) и религиозности (10) (Таблица 5.3.1.5.).

Дополнительные характеристики отображаемого субъекта

Дополнительные характеристики субъекта	аксиологически значимые	<i>вахлак</i> (беспутный человек), <i>змеюдла</i> (злая женщина), <i>кила</i> (плохой человек), <i>латрыган</i> (грубый человек), <i>мужчиняга</i> (настоящий, крепкий мужчина), <i>мужчиняк</i> (пренеб. нестоящий мужчина), <i>нерадейка</i> (нерадивый человек), <i>осман</i> (наглый человек), <i>поблуда</i> (непоседливый человек, гуляка), <i>прозмеюка</i> (злой человек), <i>разбешака</i> (молодчина), <i>сапа</i> (злой, хитрый человек), <i>упырь</i> (упрямый человек)	190
	семейный статус	<i>браташ</i> (младший брат), <i>братка</i> (старший брат), <i>кобёл</i> (одинокий, бессемейный мужчина), <i>молодёна</i> (молодая замужняя женщина), <i>найдоочка</i> (внебрачная дочь), <i>накотыш</i> (внебрачный ребёнок), <i>накумович</i> (муж крестной матери по отношению к родителям крестника или крестницы), <i>односумка</i> (жена сослуживца), <i>перестарок</i> (старый холостяк), <i>сестица</i> (сестра мужа, которая моложе его; жена брата, который старше), <i>старшак</i> (старший сын в семье), <i>стариуха</i> (старшая дочь в семье), <i>сходатая</i> (родственница жениха, участвующая в организации сватовства), <i>ятровь</i> (замужняя женщина по отношению к братьям мужа)	135
	должность / звание	<i>ватажник</i> (рядовой член рыболовецкой артели), <i>заводной</i> (старший в рыболовецкой артели), <i>жаровщик</i> (рядовой рабочий на маслобойне), <i>наймачка</i> (наёмная работница).	71
	основной род / приоритетный вид занятий	<i>крутий</i> (браконьер), <i>курец</i> (курильщик), <i>кусошник</i> (попрошайка, взяточник), <i>переварка</i> (самогонщица), <i>рыбод</i> (рыболов-любитель), <i>танцура</i> (умелый танцор), в том числе роли субъектов в казачьих обрядах, преимущественно свадебных и похоронных, например, <i>сбережатый</i> (большой сват), <i>свашка</i> (распорядительница на свадьбе со стороны невесты), <i>повозник</i> (человек, везущий невесту и жениха в свадебном поезде); <i>читатель</i> (чтец по покойнику), <i>читальница</i> (чтица по покойнику)	60
	отношение к труду / хозяйствованию	<i>витютень</i> (нерасторопный человек), <i>дельница</i> (умелица), <i>легостяй</i> (лентяй), <i>разнуздай</i> (безхозяйственный человек), <i>раскурава</i> (неряха, неумелая хозяйка), <i>сидень</i> (ленивый человек), <i>стодельник</i> (мастер на все руки), <i>стодельница</i> (мастерица на все руки), <i>хантурник</i> (бездельник), <i>цаца</i> (белоручка)	58
	профессия	<i>букарщик</i> (пахарь), <i>воловница</i> (женщина, ухаживающая за домашним скотом), <i>кочморянин</i> (пастух), <i>оговорщик</i> (адвокат), <i>плугарь</i> (пахарь), <i>погонныч</i> (погонщик), <i>пупочница</i> (повитуха), <i>приговорщик</i> (колдун), <i>чеботарник</i> (сапожник), <i>чистодел</i> (краснодеревщик), <i>швачка</i> (швея)	55
	эстетические свойства	<i>голошейница</i> (модница), <i>краля</i> (красивая, видная женщина), <i>кудла</i> (лохматый, нечёсанный человек), <i>мазура</i> (неопрятная женщина), <i>нехлюй</i> (неопрятный человек), <i>побздюх</i> (невзрачный некрасивый человек), <i>чалканчик</i> (нарядно и чисто одетый человек), <i>чепаруха</i> (опрятная женщина, щеголиха)	52

Дополнительные характеристики субъекта	возраст	<i>новина</i> (новорожденный), <i>оголтуш</i> (непослушный ребёнок), <i>столетник</i> (очень старый человек) <i>узросток</i> (подросток), <i>чмырь</i> (престарелый мерзавец)	51
	антропометрические характеристики	<i>курдюбка</i> (кривобокий человек), <i>ламзот</i> (рослый парень), <i>летух</i> (толстяк), <i>лобах</i> (большелобый человек), <i>муцук</i> (пышащий здоровьем), <i>недоррош</i> (человек маленького роста), <i>талагай</i> (высокий нескладный человек), <i>хромдыль</i> (хромой человек), <i>худорба</i> (очень худой человек), <i>шкандыба</i> (хромой человек)	50
	коммуникабельность	<i>болтохвостник</i> (пустомеля), <i>дриснич</i> (человек, говорящий быстро и невнятно), <i>забурда</i> (бормотун), <i>молчок</i> (молчаливый человек), <i>немтырь</i> (молчаливый человек), <i>пустоболт</i> (болтун), <i>сорочиха</i> (быстро говорящая женщина), <i>толкуша</i> (болтливый человек), <i>цимбалист</i> (пустослов), <i>чичочка</i> (человек, говорящий очень быстро) <i>язычник</i> (болтун)	48
	субэтническая / локальная принадлежность	<i>верховец</i> (житель Верхнедонской станицы), <i>донец</i> (донской казак), <i>пихерцы</i> (казаки, живущие в верховьях Дона), <i>природный</i> (местный), <i>прихожий</i> (приезжий), <i>тутошний</i> (здешний, местный), <i>хохол</i> (некоренной житель Донского региона), <i>черкасин</i> (казак, живущий в низовьях Дона), <i>черкасня</i> (низовые казаки), <i>чига</i> (презрительно: верхнедонские казаки)	45
	интеллектуальные способности	<i>адам</i> (умный, сообразительный человек), <i>белтюк</i> (глупый, бестолковый человек), <i>галманы</i> (олухи, дураки), <i>дуухвай</i> (глупец, дурак), <i>интересантка</i> (умная, любознательная женщина), <i>талдон</i> (глупый, бестолковый человек), <i>талдыка</i> (бестолковый человек), <i>тумак</i> (очень глупый бестолковый человек), <i>умач</i> (умник, хитрец)	31
	эмоциональность	<i>буздырь</i> (хмурый человек), <i>булында</i> (хмурый, озлобленный человек), <i>грохотка</i> (женщина, любящая смеяться громко), <i>грохотун</i> (мужчина, любящий смеяться громко), <i>зажмура</i> (хмурый, неприветливый человек), <i>пустограй</i> (смешливый человек), <i>сочило</i> (говорун, весельчак), <i>тускменный</i> (угрюмый человек), <i>урё</i> (угрюмый, неприветливый человек)	31
	благополучное состояние	<i>байгуш</i> (бедный, необеспеченный человек), <i>голутва</i> (беднейшая часть казачьего сословия), <i>едачка</i> (женщина-иждивенка), <i>лохунник</i> (бедный человек, ходящий в лохмотьях), <i>побируша</i> (нищий), <i>растрандыка</i> (мот, мотовка)	26
	религиозность	<i>богомол</i> (богобоязненный человек, исполняющий церковные обряды), <i>богохул</i> (человек, демонстрирующий неприязненное отношение к вере, религии), <i>кулугур</i> (старовер)	10

Потенциальная возможность ЛПК в условиях соответствующего контекста реализовывать одну или несколько дополнительных характеристик номинируемого субъекта (например, *пихра* – принадлежность к казачьему сословию, юный или даже детский возраст, *скачок* – принадлежность к казачьему сословию и указание на семейный статус казака (женатый казак, отделившийся от родителей), *телок* – указание на возраст (подросток) и аксиологическая характеристика

(робкий), *стуцыр* – указание на профессиональную принадлежность / должность (воин, солдат) и аксиологическая характеристика (храбрый), *первушок* – указание на возраст (ребёнок) и семейный статус (первенец) и т.д.) обуславливает их способность выступать в качестве носителей различных типов ПККЗ (ср. *пихра*, *телок*, *стуцыр* – в качестве констативов и репрезентативов).

То же свойство проявляют и лексические локальные констативы, основным компонентом которых является указание на характерное позиционирование номинируемого субъекта.

5.3.2. Лексические локальные констативы (ЛЛК)

Группа лексических локальных констативов представлена 631 единицей, что составляет 34,9% от общего числа зафиксированных лексических констативов.

Анализ данной группы маркеров как средства объективизации субъективного представления отправителя о пространственной локализации отвечает тенденциям современного лингвистического знания, в той своей части, которая ориентирована на раскрытие индивидуализированных особенностей функционирования средств выражения категории пространства, относимых к лексическому уровню языка, а также на уточнение их взаимодействия со средствами других уровней.

Представители структурной семантики, к примеру, исследуют лексические средства выражения задаваемых автором текста пространственных координат в качестве «элемента воплощения» целостного художественного образа мира [Аюпова 2012: 9] с целью дальнейшего уточнения авторского видения действительности (ср. анализ авторской картины мира И.С. Тургенева [Аюпова 2011, 2012]).

Учёные, работающие в русле современной дериватологии, исследуют словообразовательный потенциал лексем, объективизирующих категорию пространства. Особое внимание уделяется при этом выявлению взаимовлияния закономерностей сочетания словообразовательных актов *nomina loci* и частотности реализованности данных единиц в контексте, обусловленной

экстралингвистическими условиями, например, востребованностью или невостребованностью потенциальных продуктов словопроизводства *nomina loci* [Белякова 2007: 23; 2008: 25].

Концептуальная лингвистика рассматривает лексические единицы, визуализирующие пространственное восприятие отправителя, как антропоцентрически значимые маркеры-составляющие универсальной онтологической категории, которая реализуется в конкретных национальных картинах мира [Сребрянская 2006: 91, 95]. Особое внимание при этом уделяется классификации данных лексических единиц с учётом отношения к «векторным», указывающим на фиксированное местоположение субъекта или объекта действительности, и «скалярным», обозначающим факт перемещения субъекта или объекта в пространстве, величинам.

В рамках когнитивной лингвистики феномен формирования локативной категории посредством лексических средств языка исследуется как один из способов концептуализации пространства в сознании субъекта [Еливанова 2004: 20-22], генетически связанный с другими бытийными категориями, в том числе с категорией количества и категорией времени.

Данные исследования, как и большинство работ, в центре которых находятся единицы лексического уровня, представляющие пространственную локализацию в восприятии субъекта, в том числе субъекта-отправителя, оставляют за рамками систематизированного анализа прагматический аспект функционирования таких единиц. К заполнению этой теоретической лакуны стремится наше интегративно-сопоставительное исследование с доминирующим лингвопрагматическим вектором.

Мы анализируем лексические локальные констативы (ЛЛК) как составляющие прагматически доминантной группы констативных маркеров, с помощью которых отправитель объективизирует собственное субъективное восприятие в отношении параметров локализации отображаемой им действительности.

В соответствии с определяющим компонентом пространственной локализации все выявленные в ходе лингвопрагматической интерпретации текстов

эпистолярного казачьего дискурса ЛЛК (631 (100%)) были разделены на две подгруппы: 1) ЛЛК, объективизирующие восприятие определённой стационарной части пространства – 480 (76,07%), и 2) ЛЛК, объективизирующие восприятие относительного расположения или перемещения в пространстве отображаемых отправителем фрагментов действительности – 151 (23,93%). Изучение контекстов, в которых были актуализированы ЛЛК обеих подгрупп, позволило подвергнуть их дальнейшей дифференциации: выделить в первой подгруппе лексические локативы, указывающие на объекты пространства естественного происхождения, и лексические локативы, называющие искусственно созданные пространственные объекты. Последние были также разделены соответственно их функциональному назначению, репрезентирующему основные виды жизнедеятельности казаков (быт, сельское хозяйство, животноводство, рыболовство, военное дело, охота). Во второй группе были выделены локативы, представляющие положение фрагментов действительности в географической системе координат, направление и протяжённость в пространстве (Таблица 5.3.2.1.).

Таблица 5.3.2.1.

Лексические локальные констативы

стационарная часть пространства	природные объекты		<i>балка</i> (пологий овраг, поросший травой и кустарником), <i>живица</i> (незамерзающий родник), <i>колдобань</i> (яма, образованная течением воды), <i>кучугур</i> (песчаный бугор), <i>кушири</i> (густые, непроходимые заросли у границы водоёма), <i>лиман</i> (залив), <i>сарма</i> (протока реки), <i>тенёк</i> (место в тени), <i>узволот</i> (пригорок)	214	480 (76,07%)
	искусственно созданные объекты	быт	<i>анбончик</i> (мощёная площадка перед крыльцом), <i>горщице</i> (чердак), <i>место</i> (усадебный дом), <i>скрыня</i> (чулан), <i>флигель</i> (нежилой дом рядом с основной пристройкой), <i>холобуда</i> (шалаш)	164	
		сельское хозяйство	<i>житник</i> (ржаное поле), <i>загонка</i> (полоса, участок, клин пашни), <i>кош</i> (стоянка в поле во время сельскохозяйственных работ), <i>облог</i> (пахотная земля, оставленная без обработки), <i>посадка</i> (огород, бахча)	45	
		животноводство	<i>баз</i> (огороженное место для содержания скота), <i>воловня</i> (скотный двор), <i>доярня</i> (молочная ферма), <i>лабаз</i> (огороженное место для скота), <i>овчарух</i> (сарай для овец), <i>полёвщина</i> (место в поле для отдыха скота), <i>саж</i> (хлев для откорма свиней), <i>толока</i> (пастбище)	33	

стационарная часть пространства	искусственно созданные объекты	рыболовство	<i>джулун</i> (шалаш на льду при аханной ловле рыбы), <i>котловушка</i> (прорубь для ловли рыбы), <i>притонки</i> (место выемки невода), <i>сал</i> (ограниченное место для ловли рыбы сетями)	9	480 (76,07%)
		военное дело	<i>бекет</i> (пограничный сторожевой пост), <i>долоба</i> (межа, граница), <i>кордон</i> (застава, караул), <i>ларь</i> (место переподготовки казаков, отслуживших действительную службу), <i>осада</i> (укрепление), <i>притин</i> (укромное место для часовых)	11	
		охота	<i>засед</i> (скрытное место расположения охотника), <i>сиж</i> (яма для охоты на волка), <i>хиток</i> (шалаш для засады на охоте)	4	
относительное расположение фрагментов действительности	в географической системе координат	<i>астраханец</i> (юго-восточный ветер), <i>бахмач</i> (северный ветер), <i>заход</i> (запад), <i>москвич</i> (холодный северный ветер), <i>полудёна</i> (ветер или дождь с юга), <i>чистяк</i> (южный ветер)	44	151 (23,93%)	
	направление	<i>бортыжничать</i> (плыть на лодке против ветра, поворачивая из стороны в сторону), <i>в гору</i> (вверх), <i>в левую руку</i> (налево), <i>наизволок</i> (в гору), <i>напереём</i> (наперерез, навстречу), <i>насторчак</i> (вертикально), <i>прямухами</i> (прямиком)	71		
	протяжённость в пространстве	<i>альнишь</i> (далеко), <i>даля</i> (даль), <i>за три тарары</i> (очень далеко), <i>уйма</i> (простор)	36		

В группе ЛЛК, эксплицирующих статическое восприятие объектов пространства, доминирующими оказались лексические локативы, указывающие на объекты искусственного происхождения (55,42%). Внутри этой подгруппы наиболее репрезентативными являются маркеры-локативы, представляющие объекты казачьего быта (164 маркера), сельскохозяйственной деятельности (45 маркеров) и животноводства (33 маркера).

Лингвопрагматическая интерпретация казачьих эпистолярных текстов показала, что реализация данных маркеров может быть связана с указанием на отношение представляемых фрагментов действительности к приватной или общественной (административной, политической, конфессиональной) зоне жизнедеятельности казаков, соответствующее индивидуальным и конвенциональным нормам эпохи.

Таблица 5.3.2.2.

ЛЛК, эксплицирующие статическое восприятие объектов пространства

Приватное пространство		<i>место</i> (усадьба), <i>на корене</i> (в отчем доме), <i>хата</i> (жилище в одну-две комнаты из турлука или самана под соломенной крышей)
Общественное пространство	административная зона	<i>городок</i> (главная часть станичного селения), <i>доярня</i> (молочная ферма)
	политическая зона	<i>майдан</i> (место, где собирается казачий круг)
	конфессиональная зона	<i>компличка</i> (часовня)

В числе ЛЛК, объективизирующих восприятие стационарной части пространства, были выделены ЛЛК-диминутивы (всего 51 единица) – лексемы с дополнительным субъективно-оценочным компонентом «объект малого размера, объёма и т.д.»: *путинушка* (дорога, путь), *тливашка* (погреб под домом, подвал), *халупинка* (маленький дом, хатка), *хатёнка* (летняя кухня), *холодок* (шалаш) и др. В исследованных контекстах актуализация данных ЛЛК связывается с выражением традиционно положительного отношения к обозначаемой приватной или общественно значимой части пространства.

Все выделенные нами лексические маркеры-локативы, как маркеры, представляющие стационарное расположение фрагментов действительности, так и маркеры, указывающие на их относительное расположение или перемещение в пространстве, регулярно взаимодействуют с маркерами-локативами других уровней, прежде всего, с синтаксическими локативами (словосочетаниями и придаточными предложениями, выступающими в качестве актуализаторов категории пространства).

Изучение лексических маркеров-локативов в тесной взаимосвязи с маркерами-локативами других языковых уровней, а также во взаимосвязи с описанными выше (§ 5.3.1.) персональными констативами способствует уточнению отображаемых субъектом-отправителем пространственных отношений и выделению диагностирующих параметров прагматического пространства исследуемых текстов. Наряду с персональными и локативными констативами,

эксплицирующими отношение отправителя к позиционированию отображаемых субъектов и объектов, схожей диагностирующей силой обладают темпоральные констативы. Рассмотрим лексические темпоральные констативы в качестве ещё одной группы доминант прагматического пространства текста подробнее.

5.3.3. Лексические темпоральные констативы (ЛТК)

В ходе описанных выше лингвопрагматических интерпретаций нами было зафиксировано 194 лексических темпоральных констатива (10,73% от общего числа выявленных лексических констативов).

Лексические темпоральные констативы (ЛТК), опосредуя лингвистический и экстралингвистический опыт отправителя, объективизируют ту сторону восприятия им отображаемых в акте коммуникации фрагментов действительности, которая манифестирует их темпоральную локализацию.

В ряду лексических темпоральных констативов прослеживается чёткая частеречная дифференциация. Особенно репрезентативными являются группы темпоральных наречий, существительных, прилагательных, союзов и частиц (Глава III. § 3.1.). В контекстном окружении ЛТК, относящиеся к различным частям речи, могут реализовываться как в непосредственной связке с указанием на активный субъект коммуникации, так и без него, актуализируя ядерную или периферийную части темпоральной зоны дейктического поля. Рассмотрим это на конкретном примере.

Пример 151

«Вы **припомните наши прежние** отношения: у нас **было** деление на «трудовых» и «нетрудовых» казаков. **Было** стремление вбить клинья в нашу дружную семью, расчленив её и тем самым ослабить и уничтожить ту внутреннюю спайку, которая **давала нам** мощь. У нас **не должно быть** никаких партий. Для нас **есть** партия «казак», а для государства у нас **есть** любовь к Родине, которую мы **доказали** не на словах, а на деле, жертвуя и имуществом, и жизнью!» [Дутов 2006: 142].

Темпоральная локализация отображаемых событий в данном отрывке непосредственно связана с указанием на пассионарный субъект вербальной

интеракции – атамана А.И. Дутова. Атаман, реализуя притяжательные и личные местоимения в форме первого лица мн. числа (*наши, нас, нашу, нам, нас, нас, нас, мы*), позиционирует себя как часть казачьей общины, включая в неё и потенциальных получателей (депутатов чрезвычайного съезда первого военного округа Оренбургского казачьего войска). Отображаемые им события преимущественно соотносятся с прошлым, для этого отправитель реализует темпоральное прилагательное (*прежние*) и глагольные формы прошедшего времени (*было, было, давала, доказали*). Помимо осмысления прошлого, атаман А.И. Дутов инициирует совершение конкретного действия с помощью формы глагола в побудительном наклонении (*припомните*) и указывает на необходимость формирования некой общей позиции (*не должно быть*) в ближайшем будущем и отмечает наличие объединяющих ценностей (*есть, есть*) в актуальной действительности, используя для этого формы глаголов настоящего времени. Лексический темпоральный маркер – темпоральное прилагательное (*прежние*) – выступает в данном отрывке, как и в большинстве проанализированных нами текстов, в тесной взаимосвязи с морфологическими темпоральными маркерами, показатель актуализации которых значительно выше.

Меньшая частотность реализации ЛТК по сравнению с темпоральными маркерами других языковых уровней объясняет отсутствие системного описания маркеров данного типа в широкой номенклатуре современных лингвистических и междисциплинарных работ, не снижающее тем не менее продуктивности наличествующих исследований преимущественно лингвокультурологической и литературоведческой направленности.

С позиций лингвокультурологии и литературоведения лексические хрономы исследуются, с одной стороны, в качестве элементов входящей в когнитивно-дискурсивный контур художественных текстов системы функционально-семантического концепта «время» [Огнева 2013: 377], с другой стороны, как важное средство выражения индивидуальных свойств авторского восприятия. Активное взаимодействие лексических хронем с элементами других языковых уровней (морфологического и синтаксического) обеспечивает целостность и

функциональность авторского концепта «время», репрезентирующего уникальные свойства индивидуальной категоризации действительности что следует, к примеру, из анализа текстов И.С. Тургенева [Огнева 2013] и И.А. Бродского [Штырлина 2012, 2013].

Лексические маркеры темпорального позиционирования различной частеречной принадлежности разрабатываются также в лексико-семантических и функционально-грамматических исследованиях в качестве периферийных средств реализации категории времени в сопоставлении с другими ядерными средствами (морфологического уровня) [Русакова 2006]. При этом функционирование темпоральных лексем, так же как и, к примеру, функционирование видовременных форм глагола, в границах темпоральных метафорических моделей, используемых носителями определённого языка, анализируется исследователями с целью раскрытия особенностей конвенционально обусловленного когнитивного онтогенеза категории темпоральности [Сударева 2007] и его отражения в соответствующей языковой картине мира [Ярославцева 2011].

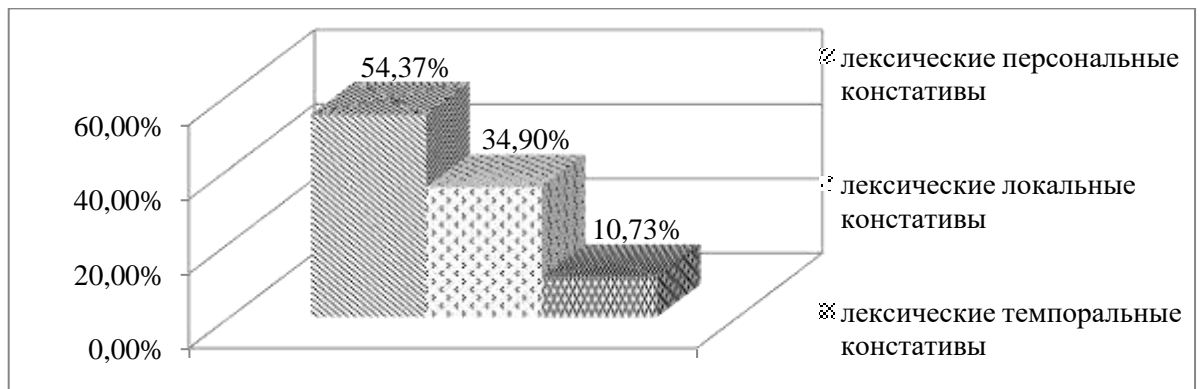
Особое место занимают исследования лексических темпоральных репрезентантов коммуникативной личности в современной теории коммуникации. Здесь темпоральные репрезентанты рассматриваются как составляющие сложной системы индикаторов-абerratивов, стратегии актуализации которых могут отображать как хронемикку вербальной интеракции в целом, так и хронемикку речи одного из участников коммуникации [Мартынова 2016: 326]. С учетом выделенных направлений актуализации выводятся соответствующие дескрипции абerratивов и осуществляется подробная дифференциация аномальных коммуникативных ситуаций, обусловленных различными темпоральными аспектами. Например, выделяются аномальные коммуникативные ситуации, вызванные опозданием одного из коммуникантов, неправильным выбором времени для осуществления коммуникации, чрезмерной или недостаточной её продолжительностью, а также аномальные коммуникативные ситуации, возникшие вследствие чрезмерной длительности речи, длительных пауз, высокой скорости или замедленности речи одного из говорящих [Мартынова 2016: 329-331].

Список исследований, разрабатывающих аспекты функционирования темпоральных лексем в качестве периферийных средств выражения категории времени, может быть значительно расширен (ср. Глава III. § 3.1.). Имея это в виду, в данной части нашей работы попытаемся представить ЛТК системно, для этого используем проиллюстрированные выше приёмы интегративно-сопоставительного подхода.

В иерархии лексических констативов, выделенные нами в ходе лингво-прагматических интерпретаций и зафиксированные в словаре [Мурашова 2016: 483-656] 194 ЛТК занимают третье место (Диаграмма 5.3.3.1.).

Диаграмма 5.3.3.1.

Лексические темпоральные констативы

Исследовав выборку зафиксированных в словаре ЛТК, мы провели их дифференциацию соответственно частеречной принадлежности. Отдельно были выделены устойчивые сочетания, представляющие собой различные комбинации лексем с темпоральным значением (Таблица 5.3.3.2.).

Таблица 5.3.3.2.

ЛТК, принадлежащие к различным частям речи

ЛТК	Пример	Коэффициент представленности
темпоральные существительные	<i>бокогрей</i> (февраль), <i>будник</i> (будний день), <i>утренница</i> (ранее утро, рассвет)	11,34%

темпоральные прилагательные	<i>бувалошний</i> (прошлый), <i>унагдышний</i> (позавчерашний), <i>хтонатькадашний</i> (существующий с незапамятных времён)	17,01%
темпоральные глаголы	<i>опозниться</i> (вернуться ближе к ночи), <i>перелетовать</i> (прожить лето)	3,61%
темпоральные наречия	<i>давеш</i> (недавно, несколько дней тому назад), <i>завидень</i> (с рассветом), <i>заутром</i> (рано утром)	48,97%
устойчивые сочетания лексем с темпоральным значением	<i>на коровьем реву</i> (на заре); <i>солнышко с полдён</i> (1) время после полудня, 2) положение солнца примерно в четыре часа дня), <i>тьмь тёмная</i> (1) очень рано, 2) очень поздно)	19,07%

Наиболее репрезентативной группой ЛТК оказались темпоральные наречия (48,97%). Далее расположились темпоральные прилагательные (17,01%), темпоральные существительные (11,34%) и темпоральные глаголы (3,61%).

В группе устойчивых сочетаний (19,07%) были зафиксированы следующие комбинации лексем с темпоральным значением: «предлог + темпоральное существительное», «прилагательное + темпоральное существительное», «темпоральное прилагательное + существительное» (Таблица 5.3.3.2.).

Далее ЛТК были исследованы как маркеры статического или динамического отображения темпорально релевантных фактов действительности. Были выделены ЛТК, репрезентирующие отображаемые факты статично, как определённый временной интервал (в том числе ЛТК, номинирующие данный интервал, и ЛТК, указывающие на его продолжительность), а также ЛТК, отображающие факты в динамике с учётом расположения на временной оси (среди них ЛТК, относящие отображаемое к прошлому, настоящему или будущему).

Тематическое распределение ЛТК

Отображение темпорально релевантных фактов действительности		Пример	Коэффициент представленности		
статическое	номинация временного интервала	<i>исход</i> (период последней фазы луны), <i>обыдёнки</i> (сутки), <i>денной</i> (дневной), <i>заутро</i> (утром), <i>свинячьи полдни</i> (10-11 часов утра)	61	114 (58,76%)	194 (100%)
	продолжительность временного интервала	<i>набежать</i> (заехать ненадолго), <i>бура</i> (бесконечно), <i>обыденно</i> (в течение одного дня), <i>сзамальства</i> (с раннего детства), <i>как хохол на отживе</i> (проживать вре- менно, как бы отбывая какой-либо срок)	53		
динамическое	отношение к прошлому	<i>полеток</i> (позапрошлый год), <i>задавний</i> (забытый, давно прошедший), <i>ногдашний</i> (позавчерашний), <i>зимусь</i> (прошлой зимой), <i>кадысь</i> (когда-то давно), <i>из предвеку</i> (с давних пор, исстари)	58	80 (41,24%)	
	отношение к настоящему	<i>нонешний</i> (нынешний), <i>досе</i> (до сих пор), <i>зараз</i> (сейчас), <i>по цель</i> (до сих пор)	16		
	отношение к будущему	<i>предбудущий</i> (предстоящий), <i>зарань</i> (заранее), <i>на лето</i> (на будущее лето)	6		

Наибольшее число ЛТК реализуют статичное представление времени, 1) номинируя разнообразные временные интервалы – 61 (53,51%), 2) указывая на их продолжительность – 53 (46,49%). Одной из репрезентативных подгрупп этой группы являются ЛТК, номинирующие временные интервалы и указывающие на их продолжительность в религиозной жизни казачества, например, *сердокрестье* (середина Великого поста), *сороки* (день сорока мучеников), *сеедная неделя* (скромная неделя).

Меньшее число ЛТК отображают время в динамике, относя отображаемое преимущественно к прошлому – 58 (72,5%), значительно реже к настоящему – 16 (20%), редко к будущему – 6 (7,5%). С учётом частеречной дифференциации ЛТК эта группа выглядит следующим образом (Таблица 5.3.3.4.).

Таблица 5.3.3.4.

**ЛТК, со значением позиционирования отображаемого на временной оси
(с учётом частеречной представленности)**

	Позиционирование субъекта / субъектов, объекта / объектов на временной оси			Всего
	Прошлое	Настоящее	Будущее	
Темпоральные существительные	1	0	0	1 (1,25%)
Темпоральные прилагательные	18	2	1	21 (26,25%)
Темпоральные глаголы	0	0	0	0
Темпоральные наречия	38	12	5	55 (68,75%)
Устойчивые сочетания лексем с темпоральным значением	1	2	0	3 (3,75%)
Всего	58 (72,5%)	16 (20%)	6 (7,5%)	
	80 (100%)			

Иерархия ЛТК, маркирующих расположение отображаемых фрагментов действительности на временной оси, имеет следующую структуру: темпоральные наречия (68,75%), прилагательные (26,25%), существительные (1,25%) и глаголы (0). Особое место занимают устойчивые сочетания с темпоральным значением (3,75%).

В ряду темпоральных наречий, являющихся наиболее репрезентативной частью данной группы, нами были зафиксированы лексемы, обладающие потенциальной возможностью в соответствующем контексте согласно интенциям отправителя помимо значения темпоральной отнесенности реализовывать также значение пространственной локализации, например, *наперед* (1. впереди, 2. прежде), *передом* (1. раньше, 2. впереди), *поперед* (1. впереди, 2. сначала). Это, с одной стороны, подтверждает высокую степень контекстуальной привязанности субъектно маркированных компонентов значений (как ЛТК, так и

рассмотренных выше ЛЛК), с другой стороны, демонстрирует устойчивые связи онтологически значимых категорий (времени и пространства).

Подобные связи визуализируют выделенные нами в ходе лингвопрагматической интерпретации ЛТК-диминутивы, например, *четверок* (четверг), *полднички* (поддень, обеденное время, время с 12 до 14 часов), *нынечка* (ныне) и т.д. Данная подгруппа маркеров наряду с номинированием временных интервалов, указанием их продолжительности или соотношением отображаемого с определённым отрезком временной оси, эксплицирует позитивное оценивание отправителем темпорально релевантного факта. Здесь налицо связь категорий времени и аксиологической модальности.

Помимо различных межкатегориальных связей ЛТК, как и выше проанализированные подвиды лексических констативов, оставаясь доминантной группой, демонстрируют тесную взаимосвязь с маркерами других языковых уровней. Прежде всего, морфологического и синтаксического (§ 3.1.).

Рассмотрев ЛТК как одну из релевантных для лингвопрагматического анализа групп лексических констативов, соответствующую реализации прагматического пространства текста, уточнив структуру ЛТК, их классификацию, иерархию актуализации, межкатегориальные и межуровневые взаимосвязи, далее обратимся к проблеме исследования текста с целью получения объективных сведений о субъекте-отправителе с учётом трёх направляющих ядерной части формируемого им дейктического вектора.

5.4. Лексические доминанты-индикаторы прагматического пространства текста как основание его атрибуции

Анализ текста, основной задачей которого является установление достоверных сведений об отправителе, не теряет своей актуальности и в современных лингвистических исследованиях. Несмотря на значительную теоретико-методологическую базу, имеющуюся в распоряжении исследователей, данный вопрос

остаётся до сих пор не решённым в силу ряда принципиально значимых объективных причин, среди которых следует назвать отсутствие единообразного алгоритма анализа такого рода. Нашу задачу мы видим в расширении объёма теоретической и методологической информации о способах установления объективных данных, диагностирующих наличие или отсутствие параметров исследуемых текстов, соответствующих индивидуальным характеристикам отправителя, и выведение новых шагов автороведческой экспертизы с учётом достижений лингвистической прагматики и корпусной лингвистики, открывающих новые перспективы для решения данной проблемы.

После того, как вышедшая в свет в 1934 г. книга К. Бюлера «Sprachtheorie» совершила прагматический переворот в лингвистической мысли, ориентируя исследователей языка на представление его в динамике, идея изучения языка как действия, инициированного говорящим, не покидает страницы разнонаправленных научных изысканий, проходя красной нитью в большей части современных отечественных и зарубежных лингвистических и междисциплинарных направлений. От изучения алгоритмов выбора языка как инструмента, соответствующего задачам, поставленным перед отправителем [Bühler 1990: XXI]; через интенциональность и саморефлексию речевых действий отправителя, реализующихся в практике социальной интеракции и являющуюся критерием для определения его идентичности [Mead 1992: 155], учёные приходят к анализу индивидуально и конвенционально маркированных коммуникативных образцов, контекстуализирующих в пространстве дискурса активированные когнитивные и коммуникативные стратегии говорящего [Gumperz 2002: 167, 177], к интерпретации языкового сознания текстообразующего субъекта посредством анализа эксплицируемой средствами языка рефлексии им разнообразных социокультурных конструктов [Хачмафова 2015: 334-335], и далее к изучению речевых средств, транслирующих стереотипный и сиюминутный, обусловленный заданной ситуацией речевой выбор отправителя, как к исходной интерпретации и диагностированию речевого поведения отправителя [Матвеева 1999: 14, 54, 2017: 193-198].

На этом фоне отечественная лингвистическая прагматика, в частности, одно из её ответвлений – скрытая прагмалингвистика, сформировавшаяся на пике интересов к активному субъекту речи, – выделяется широкой палитрой диагностированных речевых портретов отправителей текстов различных типов дискурса: дипломатических [Оберемченко 2011], поэтических [Горло (Мурашова) 2004], религиозных [Сахарова 2014], художественных [Овсиенко 2010], юридических [Зюбина 2005] и др., и представляет новые продуктивные методы для определения как стереотипных, так и, в сопоставлении с первыми, ситуативно обусловленных речевых проявлений. В ряду данных методов в качестве особенно продуктивных проявляют себя разработанные Г.Г. Матвеевой методы перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов [Матвеева 2004: 126-127; Матвеева, Бутусова, Ломова, Моисеенко, Одарюк, Чигридова 2007: 39, 43-58].

Корпусная лингвистика расширяет возможности методов лингвистической прагматики и других научных направлений, ориентированных на объективизированное представление актуализированных в тексте предпочтений речевого поведения отправителя [Гончаровская 2018: 147; Захаров В. П., Богданова 2013: 9]. За счёт увеличения исследуемого материала компьютерный анализ больших текстовых массивов, реализуемый с учётом достижений корпусной лингвистики, повышает качество и обеспечивает верификацию результатов лингвистических изысканий. Используемое исследователями программное обеспечение требует чёткой однозначной формулировки задач, что также служит усовершенствованию лингвопрагматического анализа.

Представляется, что использование лингвопрагматических методов, а также привлечение современных достижений корпусной лингвистики может способствовать решению актуальной проблемы объективизированной текстовой атрибуции.

При том, что в современной лингвистике существует значительное количество приёмов атрибуции текстов, до сих пор не выработан алгоритм, позволяющий выделить релевантные для последующей объективизации процесса

установления авторства текста, несущие информацию о субъекте отправителе параметры, проанализировать их на значительном объёме материала, получить искомые результаты и при необходимости провести их верификацию.

В настоящий момент среди наиболее продуктивных методик установления авторства текста выделяются методики, ориентированные на автоматизированный анализ отдельных текстовых признаков (например, употребления отдельных слов или типичных ошибок [Муха, Розалиев, Орлова, Заболеева-Зотова 2013: 51-54]. Несомненным достоинством таких работ можно считать автоматизацию процесса атрибуции, обеспечивающую увеличение объёма текстовой выборки и, соответственно, объективизирующей результаты анализа. При этом некоторые вопросы вызывает обоснование к набору анализируемых нерядорасположенных признаков. Вполне вероятно, что изменение ракурса интерпретации признаков, не уложенных в строгую систему, может повлиять на представленные учёными результаты анализа.

Существующие классификации анализируемых параметров не представляются нам исчерпывающими и могут быть уточнены за счёт ввода новых исходных данных. Так, например, разделение исследуемых свойств текстов на языковые и собственно текстовые [Резанова, Романов, Мещеряков 2013: 38-52] может быть уточнено за счёт введения данных прагматической системы координат субъекта, результатом речевой деятельности которого является анализируемый текст.

Не будем здесь останавливаться на представлении прагматической системы координат или прагматического пространства текста, создаваемого отправителем. Об этом написано выше. В данном параграфе обратимся к иллюстрации анализа трёх прагматических переменных («я – здесь – сейчас»), образующих дейктический вектор прагматического поля и рассматриваемых нами в качестве центральных направляющих, релевантных для атрибуции текста.

Необходимо отметить следующее. Безусловно, целостная модель дейктического вектора не может быть представлена исключительно его центральными индикаторами, репрезентирующим доминантные зоны прагматического пространства текста. Но в качестве диагностирующих индикаторов приемлемо

использовать переменные «я – здесь – сейчас» при условии больших объёмов исследуемого корпуса.

Эти переменные проанализированы нами на материале текстов М.А. Шолохова, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка [<http://ruscorpora.ru>, 2022]. Исследованный корпус составили 8 документов общим объемом 721 215 слов-измерений. Корпусная выборка анализировалась в нескольких частях. Прагматические переменные, соотносимые непосредственно с отправителем текстов, исследовались отдельно для художественных произведений М.А. Шолохова «Тихий Дон» (1928-1940) (4 документа общим объемом 426 162 измерения) и «Поднятая целина» (1932-1959) (2 документа общим объемом 206 031 измерение). Отдельно были проанализированы письма М.А. Шолохова [Шолохов 2003], ещё не вошедшие в Национальный корпус русского языка (2 документа объемом 89 022 измерения).

Для каждого из анализируемых документов задавались симметричные параметры поиска. Изучалось контекстное окружение актуализированного данного на предмет исключения омонимичных вариантов. Например, «я» как обозначения последней буква алфавита. Анализировались вариативные формы индикаторов. Сведения о них заносились в таблицы. Далее приведём сводную таблицу, составленную по результатам проведённого анализа.

Таблица 5.4.1.

Индикаторы «я – здесь – сейчас» в текстах М.А. Шолохова

Тексты Формы дейктических маркеров	«Тихий Дон»	Письма I (1928 – 1940)	«Поднятая целина»	Письма II (1932-1959)
я (им. падеж)	2 311	399	2 089	419
меня (род., вин. падеж)	704	211	761	203
мне (дат., пр. падеж)	761	202	778	203

мно́й / мно́ю (тв. падеж)	78 / 21	0 / 16	67 / 11	6 / 17
Индикатор «Я»	3 875 (93,37%)	828 (90,59%)	3 706 (96,18%)	848 (90,31%)
здесь / здесья	57 / 2	3 / 0	25 / 0	4 / 0
Индикатор «Здесь»	59 (1,42%)	3 (0,33%)	25 (0,66%)	4 (0,42%)
сейчас	216	83	122	87
Индикатор «Сейчас»	216 (5,21%)	83 (9,08%)	122 (3,16%)	87 (9,27%)
Всего индикаторов	4 150 (100%)	914 (100%)	3 853 (100%)	939 (100%)
Частотность актуализации	0,0097 на 1 измерение	0,2200 на 1 измерение	0,0187 на 1 измерение	0,01977 на 1 измерение

Как видим, из трёх дейктических индикаторов наиболее выраженным является индикатор «я», соответствующий сфере персонального дейксиса. Будучи представлен четырьмя формами (две из которых являются омонимичными – формы род. / вин. и дат. / пр. падежей), в каждой из проанализированных групп текстов данный индикатор доминирует: «Тихий Дон» – 93,73%, письма I – 90,59%, «Поднятая целина» – 96,18%, письма II – 90,31%. При этом прослеживается минимальное расхождение показателей актуализации этого маркера в текстах одного типа: для художественных текстов – 2,81%, для писем – 0,28%.

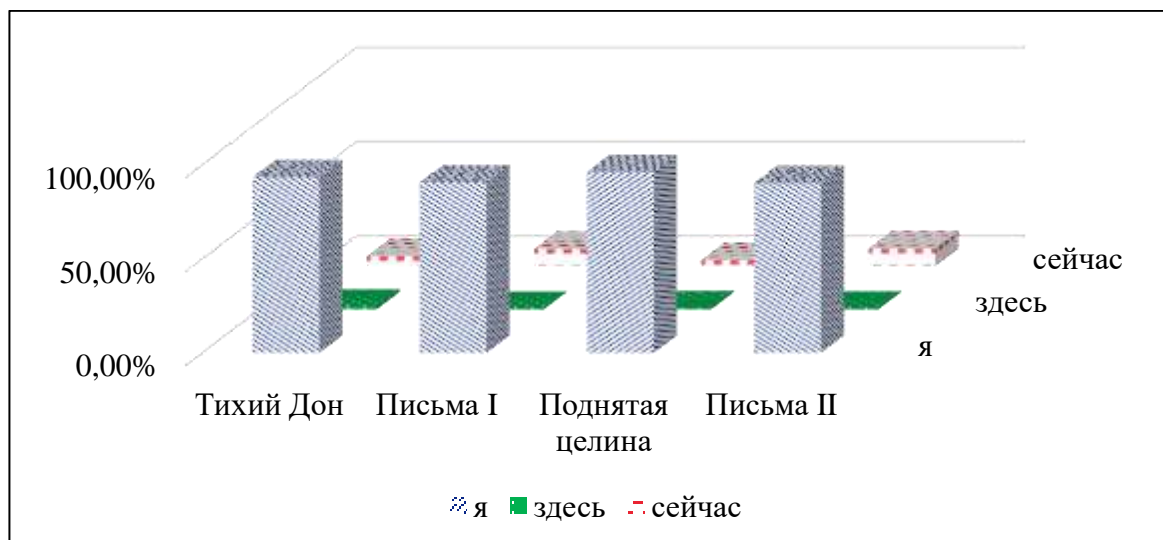
На втором месте находится индикатор «сейчас», соответствующий темпоральной сфере дейксиса: «Тихий Дон» – 5,21%, письма I – 9,08%, «Поднятая целина» – 3,16%, письма II – 9,27%. Здесь также, как и в случае с предыдущим индикатором, минимальны расхождения в текстах одного типа: для художественных текстов – 2,05%, для писем – 0,19%.

Третью позицию занимает индикатор «здесь», соответствующий сфере локального дейксиса: «Тихий Дон» – 1,42%, письма I – 0,33%, «Поднятая целина» – 0,66%, письма II – 0,42%. В текстах одного типа отмечены следующие расхождения: для художественных текстов – 0,76%, для писем – 0,09%.

Определив иерархию выраженности дейктических индикаторов, мы представили их актуализацию отдельно для художественных текстов и для писем.

Диаграмма 5.4.2.

Графическое представление индикаторов «я – здесь – сейчас»

Наложение полученных диаграмм позволяет заключить, что сопоставление дейктических индикаторов имеет диагностический потенциал. Безусловно, индикаторы, актуализированные в художественных текстах, могут быть интерпретированы как маркеры прагматического поля лирических героев. Но имея в виду, что именно автор, пусть и опосредованно через формируемые им образы, является лицом, создающим текст, мы считаем, что особенности актуализации этих маркеров в большом массиве текстов могут быть рассмотрены в качестве характеризующих элементов речевого поведения субъекта-отправителя.

Положение о том, что речевое поведение реального текстообразующего субъекта может быть интерпретировано на основании анализа актуализированных им в пространстве художественного текста речевых средств, последовательно доказывается в лингвокогнитивных исследованиях З.Р. Хачмафовой. В её работах интерпретация речевого поведения языковой личности текстообразующего субъекта проводится с учётом собственной речи автора и речи генерируемых им персонажей. Такой подход делает возможным раскрытие особенностей рефлексии разнообразных лингвистических и экстралингвистических феноменов, в том числе субъективного представления о мире и сформированного с его учётом прагматикона автора-женщины, позволяющего синтезировать

разнообразные намерения и мотивы и выбирать соответствующие стратегии построения речи персонажей [Хачмафова 2015: 333-353]. Представителями научной школы З.Р. Хачмафовой на материале художественных текстов с привлечением интерпретационной методики, компонентного и контекстуального анализа системно разрабатываются вербальные и невербальные средства репрезентации эмоционального состояния женского персонажа в художественном дискурсе [Хачмафова, Чупракова 2017: 126-130], в рамках фреймово-слотового анализа проводится интерпретация фреймовой структуры гендерных концептов феминности и маскулинности и систематизируются характеристики социокультурных представлений о мужчине и женщине [Хачмафова, Таценко 2021: 89-96]. Возможность интерпретации речевого поведения текстообразующего субъекта на основании анализа актуализированных им речевых средств помимо художественных текстов прорабатывается также на материале текстов средств массовой информации. К примеру, с помощью методов семантического и контекстуального анализа уточняются особенности представления авторами данного типа текстов женской языковой личности на вербально-семантическом уровне [Хачмафова, Володина 2019: 211-215], с помощью методов описательно-аналитического и контекстуального анализа исследуются особенности формирования гендерных стереотипов, в том числе гендерного стереотипа мужественности, в массовом сознании носителей языка [Хачмафова, Бешукова 2017: 63-67] и т.д.

Это положение активно развивается также в современных литературоведческих исследованиях, проводимых в духе постфрейдийской модели анализа, ориентированной на целостное познание личности и её места в мире в соответствии с особенностями вербального выражения её индивидуальности в художественных текстах [ср. Бешукова, Жачемукова 2011: 12; Бешукова, Пшизова 2015: 146-147 и др.]. Общей тенденцией литературоведческих исследований в ходе интерпретации художественных произведений становится стремление помимо общей картины мира рассматривать также культурную и индивидуальную языковую картину мира автора. Примером такого рода исследований могут послужить труды, направленные на выявление когнитивных компонентов содержания

текста, отражающих действительность через призму восприятия и замысла автора, являющегося представителем конкретно социально-культурной среды [Хачмафова, Макерова 2010: 52]; анализ особенности языковой картины мира создателя текста через рассмотрение проблемы интертекстуальности художественного текста как характеристики индивидуального стиля автора [Хачмафова, Лучинская 2012: 267]; интерпретацию семиотического аспекта текста для выявления особенностей ассоциативного поля, являющегося одной из характеристик языковой личности автора [Лучинская 2019: 241], а также исследование различных средств языка, участвующих в конструировании гендера, в том числе в процессе гендерной мистификации в рамках художественного текста [Павловская, Шушанян 2013, Павловская, Сахно 2021].

Ю.П. Нечай и его ученики разрабатывают данное положение, используя сравнительный лингвистический анализ контекстов, в которых автор художественного текста как организатор повествования представляет своё мировоззрение через призму реализованных им для выражения субъективной оценки изображаемого разноуровневых средств языка [ср. Нечай, Игнатьева 2007: 103, Нечай, Цепордей 2014: 55]. С одной стороны, особенности актуализации языковых знаков в речи рассматриваются как репрезентанты национально-культурных характеристик языковой личности [Нечай 2020: 355], с другой – анализируются запрограммированные автором художественного текста подбор, последовательность и характер использования данных знаков, формирующие индивидуализированный семантический код авторской модальности [Нечай 2012: 215-216].

В нашей работе подтверждением того, что речевые средства, актуализированные в пространстве художественного текста, могут диагностировать речевое поведение автора, служит сопоставление показателей актуализации трёх исследуемых индикаторов в художественных текстах с показателями эпистолярных текстов, где автор говорит не от лица своих героев, а от себя лично.

В целом наличие выводов относительно особенностей речевого поведения автора, его речевых предпочтений в поле художественных и эпистолярных текстов подтверждает актуальность лингвопрагматической атрибуции текстов.

Однако, необходимо иметь в виду, что прагматическое поле не может быть представлено только тремя индикаторами. Его рисунок при анализе расширенного числа маркеров будет другим, но общие тенденции сохранятся. Перспективы лингвопрагматического раскрытия этой проблемы мы видим в расширении исследуемого диапазона маркеров-индикаторов и в привлечении новых типов текстов автора. Проиллюстрируем это в следующем параграфе.

5.5. Исследование актуализации прагматических доминант как основание атрибуции текста (на примере текстов М.А. Шолохова)

После того, как были найдены рукописи «Тихого Дона», авторство М.А. Шолохова долгое время считалось доказанным. Однако в последнее время появилось большое количество публикаций о предполагаемом плагиате, и проблема установления / подтверждения авторства романа вновь стала актуальной.

Среди работ, ставящих под сомнение авторство М.А. Шолохова, в качестве основания для подтверждения версии плагиата выдвигается отсутствие жизненного опыта молодого автора и наличие непрототекстовых цитат из казачьих песен [Макаров, Макарова 2001], присутствие хронологических и ситуационных противоречий [Неклюдов 2009, Венков 2010], совпадение отдельных слов (названий, фамилий действующих лиц) и эпизодов в «Тихом Доне» и в произведениях таких писателей, как, например, Николай Гумилёв, Иван Родионов, Александр Серафимович и Федор Крюков [Мезенцев 1998, Огнев 1996]. Существуют работы, опровергающие авторство Шолохова по результатам компьютерного анализа, например, анализа частот реализации первых цифр числительных [Зенков 2016], анализа частот трехбуквенных сочетаний [Усманов, Косимов 2019] и др.

На фоне работ, опровергающих авторство М.А. Шолохова, появляются и работы убедительно и последовательно его доказывающие [Кузнецов 2005, Великанова, Орехов 2019]. В продолжение традиций классического сопоставительного анализа служебных (распределительных) частей речи, чьей основной

задачей является представление синтаксических связей между знаменательными словами, основная функция которых, в свою очередь, состоит в номинировании различного рода субъектов, объектов, их качеств, действий [Морозов 2020] проводится значительное количество научных исследований, доказывающих, что автором «Тихого Дона» не могли быть Ф. Крюков, А. Серафимович, И. Родинов и другие писатели. Исходя из того, что алгоритмы выстраивания синтаксических отношений (в отличие от номинируемых посредством знаменательных слов образов мысли) являются в высокой степени индивидуализированными, учёные, экспериментально подтверждают, что анализ служебных частей речи, представляющих отношения между знаменательными частями речи может быть средством атрибуции индивидуального стиля произведения или автора. Тем самым изначально формальная, основанная исключительно на математических подсчётах методика анализа предложного, союзного и местоимённого лингвистических спектров [Морозов 2020: 3-6] успешно совершенствуется за счет привлечения к анализу наряду с количественными также качественных параметров синтаксических отношений.

Так, к примеру, в работе В.А. Бубнова и А.В. Сурвило частотность актуализируемых предлогов *в, на, с* рассматривается в соответствии с пространственными, временными, целевыми, количественно-определёнными, сопроводительными и уступительными отношениями, выражаемыми посредством данных предлогов в пространстве конкретных текстов [Бубнов, Сурвило 2016]. Кроме того, с использованием компьютерных технологий для такого рода исследований доказывалось наличие закона устойчивости частот, суть которого состоит в совпадении числовых показателей реализованных распределительных частиц для каждого из изучаемых лингвистических спектров. При определении сопоставимого объёма испытаний можно соотносить реализацию спектров в текстах разных авторов, что и было сделано в работе В.А. Бубнова и А.В. Сурвило для доказательства того, что «Тихий Дон» не мог быть написан ни Ф. Крюковым, ни А. Серафимовичем, ни И. Родиновым [Бубнов, Сурвило 2016]. Это ещё раз подтверждает неправомерность критики предложенной Н.А. Морозовым методики

атрибуции текстов на основании установления индивидуальной частоты реализации лингвистических спектров.

Отметим, однако, при всём многообразии работ, опровергающих или доказывающих авторство М.А. Шолохова, все их объединяет некоторая односторонность, разноформатность и несистемность исследуемых признаков. Данное противоречие мы стремились преодолеть, обратившись к новейшим достижениям современной лингвистической мысли, в частности, в области лингвистической прагматики, корпусной и математической лингвистики.

В нашем исследовании в качестве анализируемых единиц были сопоставлены одноформатные исходные величины – прагматические доминанты как составляющие прагматической системы координат субъекта, результатом речевой деятельности которого является анализируемый текст.

Учитывая опыт учёных, работающих в русле математической лингвистики, определение частотности актуализации прагматических доминант на данном этапе нашего исследования мы ограничили сопоставимыми массивами материала V_1 (N_i около 5 000 слов), V_2 (N_i около 5 000 слов) и т.д. внутри исследуемых текстов (произведений «Тихий Дон», «Поднятая целина» и массивов писем М.А. Шолохова соответствующих временных периодов) и вычислили средний диапазон устойчивости для каждого из них.

Первая группа исследованных массивов представлена письмами М.А. Шолохова. В первый массив вошли письма, написанные им с 24 мая 1924 г. по 21 июля 1929 г., во второй массив – с 21 июля 1929 г. по 16 января 1931 г., в третий массив – с 24 мая 1931 г. по 4 августа 1932 г., в четвёртый массив – с 14 августа 1932 г. по 7 февраля 1934 г., в пятый массив – с 4 марта 1934 г. по 7 марта 1938 г.

Вторая группа массивов сформирована из текстов книг «Тихого Дона»: шестой массив – тексты из первого, седьмой – из второго, восьмой – из третьего и девятый из четвёртого тома произведения.

Третья группа массивов состоит из текстов «Поднятой Целины»: массив 10 – тексты из первой, массив 11 – второй книги.

Определив сопоставимые массивы исследуемых текстов (всего 55 375 измерений), вначале мы проанализировали частоту актуализации для трёх координат их прагматического пространства: персонального, локального и темпорального.

Частота актуализации прагматических доминант (Pi), соответствующих трём координатам прагматического пространства, была вычислена по формуле:

$$Pi = \frac{Mi}{Ni},$$

где Mi – повторение исследуемой доминанты, а Ni – количество её испытаний в тексте, т.е. количество исследованных слов текста. При этом увеличение числа испытаний рассматривалось как пропорциональное увеличению степени надёжности результатов применения методики.

Каждая из координат анализировалась как результат актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), объективизирующих представление отправителя о темпорально-локальном позиционировании пассионарного субъекта вербальной интеракции.

При этом, если в первой группе массивов (письмах) актуализация прагматического пространства текста, осуществляемая пассионарным субъектом соотносилась с адресантом (М.А. Шолоховым), во второй и в третьей группе массивов (художественных текстах) мы анализировали реализацию прагматического пространства, опосредованного лирическими героями созданных отправителем текстов.

Кроме того, исследуя частоты актуализации лексических доминант прагматического пространства художественных текстов, мы изначально рассматривали их как результат речевой и когнитивной деятельности группы заинтересованных субъектов: автора, секретаря, редактора, корректора, цензора и т.д. Тем не менее, поскольку именно автор несёт ответственность за создание того или иного текста, выбирая из массы предлагаемых вариантов наиболее удачный в той или иной ситуации действительности, мы рассматривали его предпочтения как доминирующие в оформлении структуры прагматического пространства текста,

в том числе опосредованно, через речевые образы лирических героев. Другими словами, речь автора, даже опосредованная речевым поведением его героев, проанализированная в системе, отражает особенности оформления прагматического пространства текстов, свойственные ему самому. Именно автор говорит с читателем устами своих героев.

В качестве косвенного доказательства правомерности этого тезиса, приведём отрывки из писем самого М.А. Шолохова относительно написания им «Тихого Дона»:

Пример 152

«Если я и допишу «Тих<ий> Дон», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат<урной> общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне. ... А я все ж таки допишу «Тихий Дон»! И допишу так, как я его задумал» (Письмо М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 2 апреля 1930 г. [Шолохов 2003: 55]).

Пример 153

Меня очень прельщает мысль написать ещё 4 книгу (благо из неё у меня имеется много кусков, написанных разновременно, под «настроение»), и я, наверное, напишу-таки её зимою. ... Надо же мне оправдать давным-давно выбранный для конца эпитафия (Письмо М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 4 августа 1932 г. [Шолохов 2003: 92]).

Помимо текстов писем М.А. Шолохова, мы обратились к текстам «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Особое внимание уделяли при этом сопоставлению актуализации прагматических доминант в отрывках, написанных приблизительно в одни и те же временные периоды, ориентируясь на архивные данные и свидетельства современников, в том числе и самого писателя, относительно времени создания означенных произведений. Приведём в качестве иллюстрации несколько цитат.

К началу 1933 М.А. Шолохов окончил 3-ю книгу «Тихого Дона» и в этот же промежуток времени написал 1-ю книгу «Поднятой целины»:

Пример 154

«Яснополянской обстановки, условий нет ни у кого из пишущей братии, а события хватают за икры, не успеваешь «запечатлеть», что называется; после трехлетних потуг окончил 3-ю книгу «Тихого Дона» и за этот же промежуток времени написал 1-ю книгу «Поднятой целины» (к слову: как только получу авторские экземпляры – вышлю тебе с соответствующим трогательным «надписом»)» [Шолохов 2003: 100].

В конце 1935 года в письме Е.Г. Левицкой М.А. Шолохов пишет о том, что работает над «Тихим Доном» уже более 10 лет:

Пример 155

«К весне сдам «Тихий Дон». Осталось еще одно последнее сказанье – и всё! Хотя и одолевают всякие домашние огорчения, всё же чувствую себя именинником. Тихо отпраздновал (про себя) десятилетие «Тих<ого> Дона». Начал-то писать осенью 1925 г.» [Шолохов 2003: 170].

Результаты анализа актуализации прагматических доминант в массивах писем М.А. Шолохова, «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» представлены в следующей таблице.

Таблица 5.5.1.

Частота актуализации прагматических доминант

Констативы Массивы		персональные	локальные	темпоральные			Всего
				прошлое	настоящее	будущее	
Письма (1924 – 1938)	Массив 1 (V ₁) (24 мая 1924 – 21 июля 1929), 4938 измерений	456 (<i>p</i> 0,092)	164 (<i>p</i> 0,033)	80	172	50	922 (<i>p</i> 0,187)
				302 (<i>p</i> 0,061)			
	Массив 2 (V ₂) (21 июля 1929 – 16 января 1931), 5214 измерений	484 (<i>p</i> 0,093)	139 (<i>p</i> 0,027)	95	157	73	948 (<i>p</i> 0,182)
				325 (<i>p</i> 0,062)			
	Массив 3 (V ₃) (24 мая 1931 – 4 августа 1932), 5329 измерений	472 (<i>p</i> 0,089)	134 (<i>p</i> 0,025)	112	162	74	954 (<i>p</i> 0,179)
			348 (<i>p</i> 0,065)				
	Массив 4 (V ₄) (14 августа 1932 – 7 февраля 1934), 4999 измерений	433 (<i>p</i> 0,087)	96 (<i>p</i> 0,019)	119	175	83	906 (<i>p</i> 0,181)
				377 (<i>p</i> 0,075)			
	Массив 5 (V ₅) (4 марта 1934 – 7 марта 1938), 4923 измерения	447 (<i>p</i> 0,091)	129 (<i>p</i> 0,026)	93	202	104	975 (<i>p</i> 0,198)
				399 (<i>p</i> 0,081)			

	Средние показатели для писем, 25 403 измерений	$p 0,090$	$p 0,026$	$p 0,069$			$p 0,185$
«Тихий Дон» (1925-1932, 1940)	Массив 6 (V ₆) Том 1, 4993 измерений	117 ($p 0,023$)	34 ($p 0,007$)	18	39	28	236 ($p 0,047$)
				85 ($p 0,017$)			
	Массив 7 (V ₇) Том 2, 4990 измерений	117 ($p 0,023$)	28 ($p 0,006$)	20	45	25	235 ($p 0,047$)
				90 ($p 0,018$)			
	Массив 8 (V ₈) Том 3, 4987 измерений	106 ($p 0,022$)	33 ($p 0,007$)	14	41	30	226 ($p 0,045$)
				85 ($p 0,017$)			
Массив 9 (V ₉) Том 4, 4985 измерений	102 ($p 0,021$)	26 ($p 0,005$)	13	34	31	206 ($p 0,041$)	
			78 ($p 0,016$)				
	Средние показатели для «Тихого Дона», 19 995 измерений	$p 0,022$	$p 0,006$	$p 0,017$			$p 0,045$
«Поднятая целина» (1930, 1959)	Массив 10 (V ₁₀) Книга I, 4993 измерений	127 ($p 0,025$)	36 ($p 0,007$)	28	47	26	264 ($p 0,053$)
				101 ($p 0,020$)			
	Массив 11 (V ₁₁) Книга II, 4984 измерений	122 ($p 0,024$)	35 ($p 0,007$)	16	44	29	246 ($p 0,049$)
			89 ($p 0,018$)				
	Средние показатели для «Поднятой Целины» 9 977 измерений	$p 0,024$	$p 0,007$	$p 0,019$			$p 0,051$

В ходе анализа прагматического пространства текстов для каждой из групп массивов (как для писем М.А. Шолохова, так и для текстов «Тихого Дона» и «Поднятой целины») было доказано соблюдение закона устойчивости частот, при котором колебания показателей незначительны или отсутствуют.

Так, разница частот (p) актуализации персональных констативов при среднем p 0,090 в текстах писем М.А. Шолохова составляет: массив 1 и массив 2 – p 0,001, массив 1 и массив 5 – p 0,001, массив 2 и массив 5 – p 0,002, массив 3 и массив 4 – p 0,002, массив 3 и массив 5 – p 0,002, массив 1 и массив 3 – p 0,003, массив 2 и массив 3 – p 0,004, массив 1 и массив 4 – p 0,005, массив 2 и массив 4 – p 0,006.

Разница частот (p) актуализации локальных констативов при среднем p 0,026: массив 2 и массив 5 – p 0,001, массив 3 и массив 5 – p 0,001, массив 2 и массив 3 – p 0,002, массив 1 и массив 2 – p 0,006, массив 3 и массив 4 – p 0,006, массив 1 и массив 5 – p 0,007, массив 4 и массив 5 – p 0,007, массив 1 и массив 3 – p 0,008, массив 2 и массив 4 – p 0,008. Относительно большая разница зафиксирована нами в ходе сопоставления массива 1 и массива 4 – p 0,014. Но она составляет исключение из общего правила.

Разница частот (p) актуализации темпоральных констативов при среднем p 0,069: массив 1 и массив 2 – p 0,001, массив 2 и массив 3 – p 0,003, массив 1 и массив 3 – p 0,004, массив 4 и массив 5 – p 0,006.

Наибольшая разница зафиксирована нами в ходе сопоставления массива 3 и массива 4 – p 0,010, массива 2 и массива 4 – p 0,013, массива 1 и массива 4 – p 0,014, массива 3 и массива 5 – p 0,016, а также при сопоставлении массива 2 и массива 5 – p 0,019, массива 1 и массива 5 – p 0,020.

Это, с одной стороны, объясняется общей тенденцией в нарастании показателей актуализации темпоральных констативов, характеризующих позиционирование отправителя во временном континууме, осмысление им времени. С другой стороны, на общем фоне актуализации констативов в письмах М.А. Шолохова со второй половины 1932 года по начало 1934 года (массив 4) наблюдается резкое уменьшение показателей актуализации персональных и локальных констативов. Экспликация активным коммуницирующим субъектом себя и своего позиционирования в пространстве становится более сдержанной. Известно, что это время связано для писателя и его ближайшего окружения с рядом серьезных проблем (обвинение в плагиате, болезнь, голод), решение которых вынудило его

обратиться к Сталину (письмо Сталину от 20 апреля 1932 г. [Шолохов 2003: 81-83] и др.). Внутреннее состояние писателя значительно повлияло на его речевое поведение. Сам М.А. Шолохов так пишет об этом.

Пример 156

«Я работаю, набираю темпы после московской встряски, из ума не идёт у меня последнее моё пребывание в Москве. <...> Со мной случилась паскудная история: заболел на второй же день приезда, к вечеру темп<ература> скакнула до 40,4 и я «снялся с катушек» <...> Плохо у нас, Саша, с хлебом. Во всех северных районах очень туго – небывало туго!» (М.А. Шолохов А.А. Фадееву 28 января 1932 г. [Шолохов 2003: 76-78]).

Пример 157

«... Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок по Вёшенскому району. <...> Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно» (М.А. Шолохов Сталину, 20 апреля 1932 г. [Шолохов 2003: 81-83]).

О бедственном положении, сложившемся в Северокавказском крае, писатель сообщает также в «Правде», в статье «Преступная бесхозяйственность (от нашего специального корреспондента)» в марте 1932 г. («Правда», № 81, 22 марта).

С середины 1934 года (массив 5) актуализация персональных и локальных констативов в текстах писем возвращается к привычным показателям.

Сопоставление показателей констативов в системе (персональных, темпоральных и локальных) в письмах М.А. Шолохова при среднем p 0,185 демонстрирует их стабильность: массив 1 – p 0,187, массив 2 – p 0,182, массив 3 – p 0,179, массив 4 – p 0,181, массив 5 – p 0,198.

В текстах «Тихого Дона» (массивы 6-9) реализация прагматических доминант также осуществляется с сохранением частот.

Разница частот (p) актуализации персональных констативов в массивах 6-9 при среднем p 0,022 выглядит следующим образом: массив 6 и массив 7 – 0, массив 6 и массив 8 – p 0,001, массив 7 и массив 8 – p 0,001, массив 8 и массив 9 – p 0,001, массив 6 и массив 9 – p 0,002, массив 7 и массив 9 – p 0,002.

Разница частот (p) актуализации локальных констативов при среднем p 0,006: массив 6 и массив 8 – 0, массив 6 и массив 7 – p 0,001, массив 7 и массив

8 – p 0,001, массив 7 и массив 9 – p 0,001, массив 6 и массив 9 – p 0,002, массив 8 и массив 9 – p 0,002.

Разница частот (p) актуализации темпоральных констативов при среднем p 0,017: массив 6 и массив 8 – 0, массив 6 и массив 7 – p 0,001, массив 6 и массив 9 – p 0,001, массив 7 и массив 8 – p 0,001, массив 8 и массив 9 – p 0,001, массив 7 и массив 9 – p 0,002.

Реализация трёх прагматических координат максимально стабильна. При среднем p 0,045: массив 6 – p 0,047, массив 7 – p 0,047, массив 8 – p 0,045, массив 9 – p 0,041. Наименьшие показатели актуализации прагматических доминант зафиксированы в текстах массива 9.

Написание текстов массива 9 датируются приблизительно второй половиной 1932 года – началом 1934 года. Здесь, как и в текстах писем М.А. Шолохова соответствующего временного периода (массив 4), имеет место уменьшение показателей актуализации персональных и локальных констативов. Данное наблюдение свидетельствует в пользу того, что тексты были написаны одним и тем же человеком.

В текстах «Поднятой целины» (массивы 10-11) также реализуется закон сохранения частот. Так, разница частот (p) актуализации персональных констативов при среднем p 0,024 составляет: массив 10 и массив 11 – p 0,001. Разница частот (p) актуализации локальных констативов при среднем p 0,007: массив 10 и массив 11 – 0. Разница частот (p) актуализации темпоральных констативов при среднем p 0,019: массив 10 и массив 11 – p 0,002.

В «Поднятой Целине» в целом реализация трёх прагматических координат, точно так же как и в других проанализированных текстах, отличается стабильностью. При среднем p 0,051 разница между массивом 10 и массивом 11 – p 0,004.

Сопоставление текстов «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» демонстрирует общие тенденции в актуализации персональных и локальных констативов. Так, в проанализированных массивах «Тихого Дона» средний показатель актуализации персональных констативов – p 0,022, в массивах «Поднятой Целины» – p 0,024. В массивах «Тихого Дона» средний показатель актуализации локальных

констативов – p 0,006, в массивах «Поднятой Целины» – p 0,007. Разница показателей в первом случае составляет всего – p 0,002, во втором – p 0,001.

Кроме того, сравнив актуализацию темпоральных маркеров во всех проанализированных массивах мы выявили ещё одну тенденцию – в каждом из массивов доминируют маркеры, позиционирующее пассионарный субъект в настоящем. При этом средние показатели относительно количества измерений составляют для непосредственной локализации субъекта в настоящем: массив 1 – 0,035, массив 2 – 0,030, массив 3 – 0,030, массив 4 – 0,035, массив 5 – 0,041; для опосредованной локализации субъекта в настоящем: массив 6 – 0,008, массив 7 – 0,009, массив 8 – 0,008, массив 9 – 0,007, массив 10 – 0,009, массив 11 – 0,009. Процентное выражение показателей настоящего времени составляет: массив 1 – 57%, массив 2 – 48%, массив 3 – 47%, массив 4 – 46%, массив 5 – 51%; для опосредованной локализации субъекта в настоящем: массив 6 – 46%, массив 7 – 50%, массив 8 – 48%, массив 9 – 44%, массив 10 – 47%, массив 11 – 49%.

В текстах «Поднятой Целины» не зафиксировано резкого изменения показателей актуализации персональных и локальных констативов как в текстах писем (массив 4) и «Тихого Дона» (массив 9). Это объясняется тем, что это изменение относится ко второй половине 1932 года – началу 1934 года, когда текст первой книги «Поднятой целины» уже был завершён, а вторая книга существовала только в проекте.

Систематизировав полученные в ходе анализа прагматических доминант данные, мы пришли к общему выводу: в каждой из рассмотренных групп массивов авторство принадлежит одному пассионарному субъекту – М.А. Шолохову.

В пользу того, что тексты написаны одним и тем же человеком (М.А. Шолоховым) говорят следующие полученные нами результаты:

1. во всех группах проанализированных массивов (массивы 1-11) реализуется закон сохранения частот,
2. в сопоставимый временной период с одинаковой интенсивностью снижаются показатели актуализации двух прагматических координат в массивах

писем и «Тихого Дона» (персональных и локальных констативов) (массив 4, массив 9),

3. в текстах «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» – художественных текстах, где указание на пассионарный субъект опосредованно, отклонения показателей актуализации персональных и локальных констативов минимальны,

4. во всех проанализированных массивах в группе темпоральных констативов доминируют маркеры, позиционирующие пассионарный субъект в настоящем, при этом разница процентных соотношений между показателями прошлого, настоящего и будущего времени во всех исследованных массивах (массивы 1-11) минимальна.

Проиллюстрировав диагностирующий потенциал лингвопрагматической интерпретации, сформулируем общие выводы главы.

Выводы по пятой главе

В пятой главе мы исследовали лексические прагматические маркеры как речевые средства, наиболее часто актуализируемые отправителями для выражения субъективного отношения к отображаемому. Системный анализ лексических прагматических маркеров в конкретном контекстном окружении позволил представить их в качестве особой поликомпонентной системы (система отражена в словаре [Мурашова 2016: 483-656]), реализующей различные нюансы объективируемой отправителем субъективной информации; провести соответствующую классификацию данных маркеров в качестве маркеров-носителей ПККЗ, выделив их доминантные и периферийные группы; иерархически упорядочить их, принимая во внимание нюансы контекстной актуализации, и соотнести данную актуализацию с имманентными признаками казачьей лингвокультуры.

Исследование внутренней иерархии лексических прагматических маркеров позволило выделить безусловные доминанты прагматического пространства текста, отличающиеся наибольшей представленностью – репрезентативные (42,37%) и констативные (33,37%) лексические маркеры и, доказав в ходе эмпирического анализа их актуализации меньшую степень зависимости последних от условий конкретной коммуникативной ситуации, экстрагировать лексические констативные маркеры в качестве основных диагностирующих индикаторов прагматического пространства текста. Это дало нам возможность расширить объём информации о способах установления объективных данных, указывающих на наличие или отсутствие параметров исследуемых текстов, соответствующих индивидуальным характеристикам отправителя, и вывести новые шаги автороведческой экспертизы, открывающие перспективы для решения этой проблемы.

По результатам проведённого анализа выделены основные диагностирующие индикаторы прагматического пространства текста, которые сопоставлены в качестве анализируемых единиц как одноформатные исходные величины, составляющие прагматической системы координат субъекта, результатом речевой деятельности которого является текст.

Означенные индикаторы исследованы отдельно (центральные индикаторы ядерной части прагматического пространства, непосредственно связанные с указанием на активный коммуницирующий субъект) и в системе. При этом как в первом, так и во втором случае доказано наличие диагностирующего потенциала лингвопрагматической атрибуции текстов.

Особенно продуктивным показало себя исследование доминантных прагматических координат (персональной, темпоральной, локальной) как результата актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), объективизирующих представление отправителя о темпорально-локальном позиционировании пассионарного субъекта вербальной интеракции. В результате такого анализа удалось сформулировать ряд доказательств того, что исследованные письма, тексты «Тихого Дона» и «Поднятой целины» были написаны одним и тем же автором – М.А. Шолоховым.

Заключение

Современное состояние лингвистического знания отмечено общей тенденцией обращения к интегративным феноменологическим проблемам, охватывающим существующие языковые системы в коммуникативно-деятельностных и культурно-исторических аспектах во всём их многообразии, с последующим рассмотрением на новом витке развития научной мысли. Одной из таких проблем является проблема объективизации значения средствами естественного языка, в особенности в том её ракурсе, который связан с выражением индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений, намерений отправителя текста на уровне субъектно маркированных (прагматических) компонентов значения.

Выполненное научное исследование направлено на преодоление тех сложностей изучения значения и его прагматических компонентов, которые обусловлены уникальной структурой, специфическими свойствами, своеобразием конвенционального закрепления в языковой системе и контекстно зависимой речевой реализацией означенных феноменов, а также особенностями научного аппарата, допускающими их неоднозначное толкование, многочисленными теоретическими и методологическими лакунами в этой области.

Для преодоления этих сложностей разработана собственная интегративно-сопоставительная концепция, выбор составляющих диагностического инструментария которой продиктован проиллюстрированными *в первой главе* результатами теоретико-методологической рефлексии в отношении трактовки, принципов и методов изучения вербальной объективизации сообщаемой отправителем информации на уровне значения и его составляющих.

Отметив в ходе обобщения опыта научных подходов, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы, наличие междисциплинарной тенденции к гиперболизации частных (грамматической, семантической, прагматической и др.) ипостасей существования значения и его составляющих и стремление к их узкоспециальному (в интересах соответствующих научных теорий)

описанию, мы пришли к необходимости объединения достижений различных научных направлений (в том числе философии языка, логического анализа языка, семантики, семиологии, функциональной грамматики, исторической грамматики, теории интертекстуальности, теории речевых актов, теории дискурса, концептуальной лингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, прагматики и лингвистической прагматики) и разработки системного представления объективизации значения с включением многоаспектных и полифункциональных связей средств его актуализации.

Рассмотрев значение в качестве информации, транслируемой отправителем с помощью разноуровневых единиц языка в условиях потенциальной или заданной коммуникативной ситуации, и разграничив доконтекстный (аккумулируемый, к примеру, в толковых и специальных словарях) и контекстный (оформляющийся в результате взаимодействия заданной речевой единицы с другими единицами текстового ряда) варианты его существования, *во второй главе* исследования мы сосредоточили наше внимание на контекстном варианте существования значения, репрезентирующем себя в качестве своеобразного ретранслятора индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений и намерений отправителя текста.

Особое внимание в структуре контекстного значения было уделено прагматическим компонентам (ПККЗ) – элементам содержания актуализированных речевых единиц, зависимым от условий конкретной коммуникативной ситуации и отображающим особенности субъективной интерпретации отправителем фрагментов действительности. Исходя из нюансов такой интерпретации, *во второй главе* в рамках первичного эмпирического анализа, мы провели классификацию ПККЗ, экстрагировав шесть возможных типов: констативы, репрезентативы, эмотивы, контактивы, регулятивы и квестивы, и вывели присущие ПККЗ свойства, в том числе общее свойство существовать в непрерывном взаимодействии друг с другом, реализующееся в их эмотивном (ориентированном на получателя) и конативном (интрапсихическом, представляющем пресуппозиции и интенции отправителя) наполнении и репрезентирующее в качестве обязательного условия образования, так называемого прагматического фона. Последующее

изучение маркеров-носителей ПККЗ на уровне отдельного высказывания, конкретной коммуникативной ситуации и вербальной интеракции в целом позволило заключить, что реализация всех выделенных типов ПККЗ опирается на имманентно присущую речевым единицам (маркерам их актуализации) способность к референции, определяемую в нашей работе как способность конституировать иницируемую отправителем соотнесённость с конкретными фрагментами отображаемой им действительности. Эта соотнесённость была условно разделена на два типа: 1) денотативно-идентифицирующий тип, представляющий объективный, независимый от пресуппозиций и интенций субъекта вид устанавливаемых отношений между актуализированными речевыми единицами и отображаемой с их помощью ситуацией, и 2) модальный тип, эксплицирующий опосредованный пресуппозициями и интенциями субъекта вид названных выше отношений.

Мы предположили, что ПККЗ различных классов, восходящие к референции модального типа, актуализированные в пределах заданной коммуникативной ситуации или целой серии подобных ситуаций, репрезентируют в своей совокупности уникальный референциональный прагматический код отправителя.

Чтобы проверить это предположение мы провели представленный в *третьей главе* исследования многоступенчатый анализ (с привлечением четырёх групп респондентов), по итогам которого составили и упорядочили классификацию модальных референций. В качестве демонстрирующих наивысшую степень проявления признака антропологической маркированности были выделены:

1) дейктическая референция, манифестирующая личностную позицию отправителя в отношении параметров локализации отображаемых субъектов в визуализируемом фрагменте действительности, а также в отношении расположения отображаемого фрагмента или его компонентов на временной оси;

2) оценочная референция, представляющая особенности осуществляемой отправителем аксиологической или эпистемической оценки;

3) эмотивная референция, направленная на выражение позиции отправителя касательно эксплицируемого эмоционального или / и психического состояния;

4) контактивная референция, демонстрирующая отношение пассионарного субъекта вербальной интеракции к необходимости установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта;

5) регулятивная референция, выражающая приоритеты реализующего её субъекта в вопросе инициации и выполнения им самим или другими субъектами, непосредственно или косвенно участвующими в коммуникации, определённого действия, и

б) квестивная референция, указывающая на отношение субъекта-отправителя к необходимости пополнения другим субъектом (или им самим) объёма наличествующей в данный момент времени информации.

Для выделенных видов модальной референции были составлены и многократно верифицированы с учётом результатов каждого из этапов комплексного анализа (в том числе в соответствии с реакциями респондентов, контекстуально-сопоставительным и качественно-количественным исследованием текстов) номенклатурные списки маркеров актуализации.

В ходе серии экспериментов было доказано, что в письменных текстах в качестве средств реализации антропологически маркированных модальных референций могут выступать речевые средства различных уровней. Проведённый анализ позволил выявить процентное соотношение их реализации (лексические (54,46%), морфологические (27,6%), синтаксические (17,58%) и словообразовательные (0,36%)), а также конкретизировать иерархию самих модальных референций (дейктические – 58,25%, оценочные – 14,54%, контактивные – 8,45%, эмотивные – 7,42%, регулятивные – 6,33% и квестивные – 5,01%). Кроме того, были выведены и уточнены обобщённые формулы-модели модальной референции:

- модель субъект-субъектной модальной референции: $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$, представленная в высказываниях с эксплицитным (определённым) модусным субъектом, где $S(m)$ – эксплицитный модусный субъект; $P(m)$ – управляющий модальный предикат, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект; а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат, например: *я ($S(m)$) думаю / сказал(а) ($P(m)$), он ($P(d)$) чалканчик (аккуратный человек) ($S(d)$);*

я ((*m*)) считал(*a*) (*P* (*m*)) его (*P* (*d*)) чалканчиком (*S* (*d*)) и т.д., и

- модель субъект-объектной модальной референции: $P(m) + S(d) + P(d)$, реализуемая в высказываниях с имплицитным модусным субъектом, например: *он / она* (*S* (*d*)) *замазура* (*P* (*d*)); *он / она* (*S* (*d*)), *шелтобойка* (непоседа) *тот/ та ещё* (*P* (*d*)) и т.д.

Первая модель (с эксплицитным модусным субъектом), согласно анализу пресуппозитивной и интенциональной составляющей, является приоритетной для воплощения индивидуально детерминированных алгоритмов вербализации нюансов отношения отправителя к отображаемой им действительности, вторая (с имплицитным модусным субъектом) реализуется для представления конвенционально обусловленного позиционирования отправителя в отношении отображаемого. Соответственно, первая модель была рассмотрена нами как основание для актуализации ПККЗ, наиболее ценных для интерпретации референциального прагматического кода отправителя.

Изучение контекстного окружения маркеров-носителей ПККЗ, проиллюстрированное в *третьей главе (Глава III. § 3.1.-3.7.)*, позволило дополнительно уточнить особенности их структурной организации как по основанию принадлежности к различным языковым / речевым уровням (лексические (48,32%), морфологические (25,13%), синтаксические (19,14%) и словообразовательные (7,41%) маркеры), так и по основанию объективизируемых особенностей позиционирования отправителя к отображаемой им действительности (констативы (68,09%), регулятивы (14,89%), контактивы (5,64%), репрезентативы (4,42%), эмотивы (3,78%) и квестивы (3,18%)). Дальнейшая интерпретация данных особенностей экспонировала абстрактность выведенных ранее моделей модальной референции и, как следствие, высокую степень их инвариантности, обеспечивающуюся в том числе доказанной нами имманентно присущей ПККЗ способностью пересекаться в высказываниях, соответствующих различным видам референции. Было установлено, что означенная способность (незамкнутость) наряду с установленными ранее свойствами ПККЗ: динамичностью, селективностью, рефлексивностью, интенсивностью и аддитивностью (*Глава II. § 2.4.*), обеспечивает

реальное и потенциальное взаимодействие ПККЗ с другими элементами реализации алгоритма вербальной объективизации отправителем субъективной информации.

Пошаговое развёртывание данного алгоритма позволило представить описанный в четвёртой главе системный анализ ПККЗ, осуществлённый с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения актуализации соответствующих маркеров-носителей в качестве диагностирующих элементов вербальной объективизации субъективной информации.

В ходе лингвопрагматической интерпретации ряда конкретных текстов казачьей лингвокультуры: писем (*Глава IV. § 4.2., § 4.3.*, см. также письмо атамана П.Н. Краснова [Мурашова 2017: 104-115]), песен с тематикой «письмо» (*Глава IV. § 4.4.*, а также песня «Письмо казака со службы» [Мурашова 2013: 367-372] и стилизованных под казачьи письма рассказов (рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» [Мурашова 2014: 72-88], рассказ И.Э. Бабеля «Письмо» [Мурашова 2016: 271-291]), система шести референциальных оснований и соответствующих им ПККЗ была использована как прагматическая система координат, позволяющая в пределах заданного контекстного окружения вывести рисунки индивидуализированных прагматических кодов отдельных отправителей.

Далее прагматические коды были рассмотрены как полифоническое множество индивидуально и конвенционально обусловленных алгоритмов вербализации нюансов отношения отправителей к отображаемой ими действительности. Обобщение установленного полифонического множества дало возможность вывести усреднённый алгоритм объективизации субъективной информации для ядра и периферии прагматического пространства казачьих эпистолярных. В серии экспериментов было доказано, что внутри рассматриваемого пространства для отправителей в целом характерно: 1) активно представлять собственное темпорально-локальное позиционирование относительно фрагментов отображаемой действительности, 2) регулярно выражать ценностное и / или вероятностное отношение к отображаемому, 3) стремиться к изменению конъюнктуры актуального коммуникативного контакта; 4) периодически инициировать различного

рода вербальные и невербальные действия; 5) эпизодически эксплицировать нюансы чувственного познания, 6) относительно редко стремиться к восполнению недостающей информации (*Глава IV. § 4.5.*).

Кроме того, высокие показатели референциональной и прагматической плотности, отмеченные у текстов ядра и периферии прагматического пространства казачьих эпистолярных писем, подтвердили наличие устойчивых генетических связей и функционального сходства субъект-субъектных референций и объективирующих их речевых средств-носителей ПККЗ.

В *пятой главе* мы обратились к лексическим средствам-носителям ПККЗ, отличающимся в ряду других лексических единиц наличием потенциальной или реализованной в пределах конкретной АСГ возможности представлять особенности позиционирования отправителя по отношению к отображаемому им фрагменту действительности.

С учётом шести контрольных точек в прагматической системе координат были выделены шесть групп лексических маркеров-носителей ПККЗ: лексические констативы, регулятивы, контактивы, репрезентативы, эмотивы и квестивы. Определены ядерные и периферийные зоны прагматических секторов, формируемых с их помощью; проведено их иерархическое упорядочение (результаты которого отображены в §§ 5.1.-5.3. и более подробно в отдельной публикации (Словарь лексических прагматических маркеров [Мурашова 2016: 483-656]).

Доказано, что для лексических прагматических маркеров различных классов характерна системная множественность тематических подтипов (подклассов) и функциональных свойств, возникающая вследствие взаимодействия элементов коммуникативной ситуации и взаимопересечения субъектно маркированной соотнесённости речевых единиц и фрагментов отображаемой отправителем действительности.

Установлено, что некоторые лексические прагматические маркеры в конкретном коммуникативном окружении могут быть актуализированы одновременно как носители различных классов ПККЗ (например, констативов и репрезентативов, констативов и эмотивов и т.д.).

В ходе анализа лексических маркеров-носителей ПККЗ подтверждено, что наивысшие показатели количественной представленности демонстрируют репрезентативные и констативные лексические маркеры.

Анализ контекстной реализации репрезентативов и констативов, проиллюстрированный в четвёртой главе (*Глава IV. §§ 4.2.-4.5.*), показал высокую степень зависимости репрезентативов и меньшую степень зависимости констативов от условий конкретной коммуникативной ситуации. Соответственно этому положению, констативы были детально рассмотрены в *пятой главе* как доминанты прагматического пространства текста, в том числе была уточнена структура для каждого из трёх подвидов лексических констативов: персональных, локальных и темпоральных; проведена их классификация в соответствии с дополнительными содержательными компонентами, а также продемонстрированы их внутренние и внешние взаимосвязи (*Глава V. §§ 5.3.1.-5.3.3.*). В общем плане изучение лексических констативов способствовало уточнению отображаемых субъектом-отправителем персонально-темпорально-пространственных отношений и выделению их в качестве диагностирующих параметров прагматического пространства исследуемых текстов.

Разработка и апробация алгоритма лингвопрагматической атрибуции с опорой на лексические индикаторы диагностирующих направляющих, образующих дейктический вектор прагматического поля, была проведена на материале текстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>, 2022), объём исследованных измерений – 721 215. Изучение лексических персональных, локальных и темпоральных констативов, соответствующих трём направляющим ядерной части прагматического пространства текста, с учётом их устойчивого межкатегориального и межуровневого взаимодействия (*Глава V. § 5.4.*) и при соблюдении симметричных параметров испытаний позволило сделать шаг в отношении решения актуальной проблемы объективизированной текстовой атрибуции, в том числе ввести в поле исследования данные прагматической системы координат субъекта, результатом речевой деятельности которого является анализируемый текст, а также представить

алгоритм анализа, проверить его эффективность на значительном объёме материала, получить искомые результаты и провести их верификацию.

Последующая апробация алгоритма лингвопрагматической атрибуции была проведена с привлечением трёх групп сопоставимых массивов (писем М.А. Шолохова, датируемых 24 мая 1924 г. – 7 марта 1938 г.; текстов «Тихого Дона» и «Поднятой Целины», каждый массив около 5000 измерений, всего 55 375 измерений) в ходе анализа персональной, темпоральной и локальной прагматических координат. На данном этапе каждая из координат исследовалась системно как результат актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), объективизирующих представление о темпорально-локальном позиционировании отправителя (*Глава V. § 5.5.*).

Обобщение анализа разноуровневых маркеров, актуализировавших свой прагматический потенциал в плане выражения ПККЗ, позволило установить, что во всех группах исследованных массивов: 1) реализуется закон сохранения частот, 2) в сопоставимый временной период (1932-1934 гг.) наличествуют соизмеримые колебания персональных и локальных констативов, 3) в группе темпоральных констативов доминируют маркеры, позиционирующие отправителя в настоящем, при этом разница процентных соотношений между показателями прошлого, настоящего и будущего времени незначительна. Кроме того, во всех художественных текстах при опосредованном указании на пассионарный субъект были зафиксированы минимальные отклонения показателей актуализации персональных и локальных констативов. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что авторство во всех исследованных текстах принадлежит М.А. Шолохову. Тем самым была доказана продуктивность лингвопрагматической атрибуции.

Комплексное описание прагматически валентных лексических речевых средств (носителей различных нюансов вербальной объективизации субъективной информации) в целом позволило переосмыслить ПККЗ как открытую нелинейную среду, способную к самоорганизации, и оформить слотовую

(потенциально заполняющуюся единицами любого национального или субнационального языка и вписывающуюся в широкий общезыковой контекст) структуру системы прагматических координат как результат актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), эксплицирующих особенности представления отправителем отношения к отображаемым им фрагментам действительности.

Этот фактор индицировал переход от анализа стабильного значения к рассмотрению изменяющихся ПККЗ, **перспективный** для современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы, отличающийся, с нашей точки зрения, универсальностью, динамичностью и открытостью в отношении возможностей дальнейшего развития.

Интегративно-сопоставительный подход с доминирующим лингвопрагматическим вектором представил возможность увидеть важные моменты для решения ключевой проблемы современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы – проблемы вербальной объективизации субъективной информации, в том числе отношения субъекта к проецируемому им образу действительности.

Доказанная в ходе исследования возможность выявления характерных признаков объективизации субъективной информации на основании анализа показателей актуализации субъектно маркированных референций и восходящих к ним ПККЗ позволяет говорить об особом диагностирующем потенциале разработанного алгоритма лингвопрагматической интерпретации, открывающей новые **возможности и перспективы**, с одной стороны, для уточнения и документального подтверждения особенностей содержательно-смыслового пространства отдельного текста (письма или целого массива писем или псевдописем и т.п.), а также широкого лингвокультурного контекста их создания, с другой стороны, для установления уникальных авторских алгоритмов вербального представления субъективной информации.

Наличие объективных верифицируемых выводов относительно особенностей речевого поведения субъектов-отправителей, их речевых предпочтений в

поле проанализированных эпистолярных и художественных текстов подтверждает продуктивность лингвопрагматической атрибуции.

Вышеизложенное, как нам представляется, открывает для лингвистической науки широкие **перспективы** интегративно-сопоставительной концепции с доминирующим лингвопрагматическим вектором к исследованию вербальной объективизации субъективной информации.

Список использованной литературы

1. **Абишева, А.К.** О понятии «ценность» / А.К. Абишева // «Вопросы философии». – М. : Наука, 2002. – №3. – С. 139-146.
2. **Аверина, А.В.** Эпистемическая модальность как языковой феномен : на материале немецкого языка / А.В. Аверина. – Москва : КРАСАНД, 2010. – 190 с.
3. **Аврелий, М.** Наедине с собой. Размышления / М. Аврелий ; пер. с греческого С. Роговина. – СПб. : Азбука, 2019. – 185 с.
4. **Аквинский, Ф.** Сумма против язычников / пер. и прим. Т.Ю. Бородай. Книга 1. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 439 с.
5. **Акованцева, Н.В., Стернин, И.А., Тимошина, Т.В.** Разграничение близких значений экспериментальными методами / Н.В. Акованцева, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Выпуск 2. – Воронеж: ВГУ, 2012. – С. 5-8.
6. **Алефиренко, Н.Ф.** Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
7. **Андреева, О.С.** Актуализационный потенциал базовых языковых дейктиков пространственно-временной семантики: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Сергеевна Андреева. – Барнаул : БГУ, 2004. – 140 с.
8. **Апресян, Ю.Д.** Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с. – Том 2.
9. **Аристотель** Риторика; Поэтика / Аристотель ; пер. с древнегреч. О. Цыбенко, В.Г. Апфельрота. – М. : Лабиринт, 2000. – 220 с.
10. **Арутюнова, Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
11. **Арутюнова, Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения [Электронный ресурс] / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – 2009. – Режим доступа: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/types/aru_art02.htm.

12. **Арутюнова, Н.Д.** Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 5-40.
13. **Арутюнова, Н.Д.** Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова / АН СССР. Институт языкознания. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 382 с.
14. **Арутюнова, Н.Д.** Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. № 4. – М. : Наука, 1980. – С. 356-367.
15. **Архипова, И.В., Баранова А.Ю.** Влияние синтаксической формы на смысл высказывания / И.В. Архипова, А.Ю. Баранова // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации. Выпуск 17. – Майкоп: ЭИТ, 2021. – С. 25-29.
16. **Архипова, И.В., Баранова А.Ю.** Фразеологизмы кубанских говоров как средство трансляции ментальности казачества / И.В. Архипова, А.Ю. Баранова // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации. Выпуск 16. – Майкоп: ЭИТ, 2020. – С. 32-36.
17. **Ахиджакова, М.П., Левченко, И.А.** Репрезентация языкового сознания художника в автобиографическом дискурсе / И.А. Левченко, М.П. Ахиджакова // Гуманитарные и социальные науки. № 4. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2021.– С. 146-155.
18. **Ахиджакова, М.П.** Когнитивная природа языкового сознания автора в художественном пространстве / М.П. Ахиджакова // Современная научная мысль. № 1. – М.: НИИИЭиП, 2014. – С. 161-169.
19. **Ахиджакова, М.П., Баранова, А.Ю.** Знаковые особенности "дальнейших значений" в языковом пространстве художественного текста / М.П. Ахиджакова, А.Ю. Баранова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 3(126). – Майкоп: АГУ, 2013. – С. 20-26.
20. **Аюпова, С.Б.** Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева) // Филологические науки. Выпуск 1. – М., 2011. – С. 43-53.

21. **Аюпова, С.Б.** Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Светлана Будимировна Аюпова. – Уфа : БГУ, 2012. – 668 с.
22. **Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 495 с.
23. **Багдасарян, Т.М.** Речевое поведение врачей-психотерапевтов: дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Михайловна Багдасарян. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 159 с.
24. **Баженова, И.С.** Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический потенциал) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ирина Сергеевна Баженова. – М.: МГЛУ, 2004. – 418 с.
25. **Байрамова, Л.К.** Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке / Л.К. Байрамова // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 81-89.
26. **Байрамова, Л.К.** Аксиологический фразеологический словарь "Родина" и "Чужбина" как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков (словарь ценностей и антиценностей) / Л.К. Байрамова – Казань: ФЭН, 2018. – 155 с.
27. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. Е.В. и Т.В. Вентцель. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
28. **Бартминьский, Е.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 527 с.
29. **Бахвалова, В.А.** Традиционная культура донского казачества : по материалам фольклора : дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Валентина Александровна Бахвалова. – Волгоград : ВГМУ, 2009. – 260 с.
30. **Бахтин, М.М.** Автор и герой : К филос. основам гуманитар. наук / М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 332 с.
31. **Беляева, М.Ю.** Ономастикон западных районов Краснодарского края : полисистемный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Марина Юрьевна Беляева. – Ставрополь: СГУ, 2010. - 600 с.

32. **Беляева, Е.И.** Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 167 с.
33. **Белякова, Г.В.** Деривационный потенциал словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 8 (41) – СПб. 2007. – 196 с. – С. 15-25.
34. **Белякова, Г.В.** Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Белякова Галина Владимировна. – Волгоград : ВГПУ, 2008. – 353 с.
35. **Беянин, В.П.** Психоллингвистика / В.П. Беянин. – М. : Флинта, 2004. – 232 с.
36. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист; ; пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 446 с.
37. **Бешукова, Ф.Б., Жачемукова, Б.М.** Художественная специфика жанра исторического романа / Б. М. Жачемукова, Ф.Б. Бешукова // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1. – Майкоп: АГУ, 2011. – С. 11-17.
38. **Бешукова, Ф.Б., Пшизова, А.К.** К проблеме продуктивности постфрейдистской модели анализа текста в современном отечественном литературоведении / Ф.Б. Бешукова, А.К. Пшизова // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1(152). – Майкоп: АГУ, 2015. – С. 146-152.
39. **Бижева, З.Х.** Языковая картина мира и этностереотипы (на материале Кабардино-черкесского языка) / З.Х. Бижева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 52. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2014. – С. 110-112.
40. **Бижева, З.Х., Шарданова М.А.** Антропоцентризм в адыгском пословичном поле / З.Х. Бижева, М.А. Шарданова // Вопросы Кавказской филологии. № 5. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2009. – С. 197-293.
41. **Битнер, М.А.** Категория модальности в логике и в языке [Электронный ресурс] / М.А. Битнер. – 2011. – Режим доступа: <http://samgum.ru/newforum/viewtopic.php?id=71>.

42. **Блохина, О.А.** Григорий Мелехов: персонажные зоны в языке романа М.А. Шолохова "Тихий Дон" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ольга Андреевна Блохина. – Москва: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2006. – 174 с.
43. **Богуславский, В.М.** Оценка внешности человека : словарь (оценки общего впечатления восприятия внешности человека, оценки лица, оценки "деталей" лица) / В.М. Богуславский. – М. : АСТ : Торсинг, 2004. – 254 с.
44. **Бодуэн де Куртенэ, И.А.** Введение в языковедение / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : УРСС, 2004. – 94 с.
45. **Бойчук, Е.В.** Просьба-регулятив как тип побуждения / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» // Е.В. Бойчук. – М. : МГОУ, 2011. № 3. – 196 с. – С. 54-58.
46. **Бойчук, Е.В.** Языковые средства выражения семантики просьбы в русском и французском языках : дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Евгения Владимировна Бойчук. – М. : МГОУ, 2012. – 187 с.
47. **Бондарко, А.В.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
48. **Бондарко, А.В.** О стратификации семантики / А.В. Бондарко // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. – СПб. : Наука, 1998. – С. 51-63.
49. **Бочкарёв, А.Е.** Эпистемологические основания теории значения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Андрей Евгеньевич Бочкарёв. – Москва: МГЛУ, 2009. – 340 с.
50. **Бразговская, Е.Е.** Языки и коды. Введение в семиотику культуры / Е.Е. Бразговская. – Пермь : ПГИИиК, 2008. – 209 с.
51. **Брысина, Е.В.** Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Евгения Валентиновна Брысина. – Волгоград: ВГПУ, 2003. – 543 с.
52. **Бубнов, В.А., Сурвило, А.В.** Сравнительный компьютерный анализ текста романа «Тихий Дон» с текстами Фёдора Крюкова, Александра Серафимовича

и Ивана Родионова / В.А. Бубнов, А.В. Сурвило // Вестник РУДН. Информатизация образования, 2016. №2. – С. 73-80.

53. **Бутусова, А.С.** Прагмалингвистический потенциал эллиптических предложений (на материале немецкого бытового диалога): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анжелика Сергеевна Бутусова. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 188 с.

54. **Бюлер, К.** Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – 501 с.

55. **Варнавских, Н.В.** Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Нинель Владимировна Варнавских. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 181 с.

56. **Вежбицка, А.,** Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 251-275.

57. **Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

58. **Великанова, Н.П., Орехов, Б.В.** Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. Научно-просветительский общенациональный журнал. – 2019. – № 1. – С. 70 –82.

59. **Венков, А.В** "Тихий Дон": источниковая база и проблема авторства / А.В. Венков. – Москва : АИРО-XXI, 2010. – 881 с.

60. **Венков, А.В.** Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год / А.В. Венков. – М. : Вече, 2008. – 480 с.

61. **Вернер, Г.К., Поленова, Г.Т., Иконникова, О.Н., Аханова, М.Г., Буренко, Л.В., Бондарева, Т.Э., Краснощёков, Е.В.** Диахрония некоторых грамматических категорий: монография / Г.К. Вернер, Г.Т. Поленова, О.Н. Иконникова, М.Г. Аханова, Л.В. Буренко, Т.Э. Бондарева, Е.В. Краснощёков. – Таганрог: ТГПИ имени А.П. Чехова, 2013. – 204 с.

62. **Витгенштейн, Л.** Философские исследования [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – 2009. – Режим доступа: – <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/index.shtml>.

63. **Выготский, Л.С.** Мышление и речь / Л.С. Выготский. – СПб: Питер, 2020. – 431 с.
64. **Гак, В.Г.** Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
65. **Галкина, И.А.** Наречия места как средство выражения пространственной ориентации / И.А. Галкина // Вестник ТГПУ. Серия Гуманитарные науки. Выпуск 4 (67). – Томск : ТГПУ, 2007. – С. 41-44.
66. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 137 с.
67. **Ганин, А.В.** Оренбургское казачье войско в конце – начале вв.: 1891 – 1917 гг. : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Андрей Владиславович Ганин. – Москва : МГУ, 2006. – 532 с.
68. **Головин, Б.Н.** Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М. : URSS : Ком-Книга, 2007. – 230 с.
69. **Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю.** Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 105 с.
70. **Гончаровская, О.Ю.** Корпусная лингвистика. Развитие корпусной лингвистики в истории лингвистики. Исследовательские методы // Современные научные исследования и разработки. Т2. № 5(22). – Астрахань: Олимп, 2018. – С. 147-150.
71. **Горло (Мурашова), Е.А.** Категориальные свойства прагматического значения / Е.А. Горло // Научный журнал «Язык и культура». Выпуск 3. – Томск: ТГУ, 2013. – С. 24-35.
72. **Горло (Мурашова), Е.А.** Поэтический дискурс: перформативность, интенциональность. медийность / Е.А. Горло. – Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 336 с.
73. **Горло (Мурашова), Е.А.** Прагмалингвистическое диагностирование речевого поведения авторов поэтических текстов (на материале русской и немецкой поэзии) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Евгения Анатольевна Горло. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 146 с.

74. **Грайс, Г.П.** Значение говорящего, значение предложения и значение слова / Г.П. Грайс // Философия языка : [сборник] / ред.-сост.: дж. Р. Серл ; пер. с англ. И.М. Кобозевой.– М. : УРСС Эдиториал, 2011. – 206 с.
75. **Григорьева, Н.А.** Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Александровна Григорьева. – Волгоград: ВГСПУ, 2010. – 219 с.
76. **Григорьян, Е.Л.** Лингвистическая прагматика / Е.Л. Григорьян. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2003. – 120 с.
77. **Гридин, В.Н.** Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики / В.Н. Гридин. – М. : Наука, 1983. – 286 с. – С. 113-119.
78. **Гусаренко, С.В.** О семантических структурах дискурса и семантической энтропии / С.В. Гусаренко // Новое в науке о языке. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Выпуск 5. – Волгоград: ВГПУ, 2007. – С. 71-74.
79. **Гусаренко, С.В.** Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов / С.В. Гусаренко // Вестник Ставропольского государственного университета. Выпуск 45. – Ставрополь: СГУ, 2006. – С. 101-110.
80. **Гусаренко, С.В.** Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Сергей Викторович Гусаренко. – Ставрополь: СГУ, 2009. – 441 с.
81. **Дегтярёва, Л.М.** О реализации иллокуции запрета в текстах речевого жанра «сказка» «(на материале русского и немецкого языков) / Л.М. Дегтярёва // Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 15. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2012. – 232 с. – С. 39-43.
82. **Дейк, Т.А. ван** Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк : пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова сост. В.В. Петрова вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М : URSS : ЛЕНАНД, 2015. – 309 с.
83. **Демьянков, В.З.** Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 205 с.

84. **Доброва, Г.Р.** Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства) / Г.Р. Доброва. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. – 492 с.
85. **Дьюи, Дж.** Реконструкция в философии; Проблемы человека / Дж. Дьюи ; пер. с англ. Л.Е. Павловой. – М. : Республика, 2003. – 493 с.
86. **Егоршина, Е.Е.** Прагмалингвистические особенности лексических усилителей в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Евгеньевна Егоршина. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 1997. – 194 с.
87. **Еливанова, М.А.** Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мария Анатольевна Еливанова. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 218 с.
88. **Емельянова, О.В.** Новые тенденции в изучении феномена коммуникативных неудач / [Электронный ресурс] / – 2010. – Режим доступа: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/etyudy/novye-tendentsii>.
89. **Есперсен, Й.О.Х.** Философия грамматики / Й.О.Х. Есперсен; пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ильиша. – М. : URSS, 2006. – 404 с.
90. **Ефанова, Л.П.** Культурно- национальное и социально-региональное в топонимии Ставропольского края // Проблемы региональной ономастики: материалы 3-й межвузовской научной конференции. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2002. – С. 86-88.
91. **Ефанова, Л.П.** Русское население Ставропольского края в этнолингвистическом аспекте (замысел и подходы к исполнению) // Принципы и методы исследования в филологии (конец XX в.): научно-методический семинар «Textus». – СПб – Ставрополь, 2001. – С. 438-444.
92. **Жинкин, Н.И.** Вопрос и вопросительное предложение / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. Выпуск 3. – М. : Издательство академии наук СССР, 1955. – С. 22-34.
93. **Жирова, И.Г.** От слова к значению слова и концепту / И.Г. Жирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Выпуск 1(55). Часть 1. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 111-115.

94. **Захаров, В.П., Богданова, С.Ю.** Корпусная лингвистика / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, Филологический факультет, 2013. – 144 с.
95. **Захарова, М.А.** Глаголы и устойчивые глагольные конструкции со значением трудовой деятельности в донском диалекте: семантический, структурный и словообразовательный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мария Алексеевна Захарова. – Волгоград: ВГСПУ, 2013. – 328 с.
96. **Зенков, А.В.** Новый статистический метод атрибуции текстов / А.В. Зенков // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XI международной конференции. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. – Ч. 1. – С. 551-562.
97. **Зюбина, И.А.** Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ирина Анатольевна Зюбина. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2005. – 168 с.
98. **Ивин, А.А.** Модальные теории Яна Лукосевича / А.А. Ивин. – М. : ИФ РАН, 2001. – 176 с.
99. **Ильинова, Е.Ю.** Об актуализации эстетического смысла в пространстве художественного текста / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВГУ. Межкультурная коммуникация. Серия 2. Выпуск 5. – Волгоград: ВГУ, 2006. – С. 115-121.
100. **Ильинова, Е.Ю.** Стилистический аспект семантической модуляции значения слова в ироническом контексте / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВГУ. Развитие и функционирование русского языка. Серия 2. Выпуск 3 (19). – Волгоград: ВГУ, 2013. – С. 40-47.
101. **Калинина, М.В.** Лексико-семантическое поле "Одежда" в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Маргарита Владимировна Калинина. – Волгоград: ВГПУ, 2008. – 268 с.
102. **Капля, О.В.** Исторический фольклор в культуре донского казачества / Ольга Васильевна Капля : дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Ольга Васильевна Капля. – Волгоград : ВГМУ, 2011. – 204 с.

103. **Карасик, В.И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
104. **Карнап, Р.** Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап ; пер. с англ. Н.В. Воробьева общ. ред. проф. Д.А. Бочвара. – Биробиджан : Свет разума, 2000. – 380 с.
105. **Касьянова, Л.Ю.** Коннотативно-прагматическое содержание неологизма / Л.Ю. Касьянова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Том 7. № 28. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 36-49.
106. **Катермина, В.В.** Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) / В.В. Катермина. – Краснодар : КубГУ, 2004. – 250 с.
107. **Катермина, В.В.** Национально-культурная специфика образа человека : на материале русского и английского языков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Вероника Викторовна Катермина. – Волгоград, 2005. – 339 с.
108. **Кацнельсон, С.Д.** Категории языка и мышления: Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
109. **Кацнельсон, С.Д.** Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М. : УРСС Эдиториал, 2011. – 112 с.
110. **Кибрик, А.А.** Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Андрей Александрович Кибрик. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.
111. **Кибрик, А.А.** Референциальные стратегии в тувинском языке: корпусные и экспериментальные данные / А.А. Кибрик // Теория, типология и история языков. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск 1. – М.: Институт языкознания РАН, 2003 а. – С. 249-259.
112. **Кибрик, А.А., Прозорова, Е.В.** Референциальный выбор в русском жестовом языке / А.А. Кибрик, Е.В. Прозорова // Труды международной конференции «Диалог 2007». – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – С. 220-230.
113. **Кириянова, А.П.** Адресат эпистолярия в аспекте языковой оценки (на материале писем М.И. Цветаевой) дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Анна Павловна Кириянова. – Череповец : ЧГУ, 2007. – 188 с.

114. **Кобозева, И.М.** Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / И.М. Кобозева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – С. 303-359.
115. **Кобозева, И.М.** Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: URSS : ЛЕНАНД, 2014. – 349 с.
116. **Кобозева, И.М.** Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов [Электронный ресурс] / И.М. Кобозева. – 2000 а. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2000-dialog.doc>.
117. **Колмогорова, А.А.** Языковое значение и речевой смысл : функционально-семиологическое исследование прилагательных-обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Анастасия Владимировна 117. Колмогорова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – 412 с.
118. **Колшанский, Г.В.** Коммуникативные единицы языка / Г.В. Колшанский // Сборник научных трудов МГПИ ИЯ им. Мориса Тореза. Выпуск 252. – М.: Б.и., 1985. – 199 с. – С. 7-34.
119. **Кононова, С.А.** Донская степь как художественное пространство в языке М.А. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Светлана Александровна Кононова. – Москва: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2007. – 165 с.
120. **Конрад, Р.** Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 349-383.
121. **Корди, Е.Е.** Оптатив и императив во французском языке / Е.Е. Корди. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 220 с.
122. **Косериу, Э.** Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Эуг. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 25. – М., 1989. – С. 62-72.
123. **Костюченкова, Е.М.** Экспликация ценностной картины мира субэтноса казаков в донском ономастиконе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Екатерина Михайловна Костюченкова. – Нальчик : КБГУ, 2009. – 158 с.

124. **Крапивина, М.С.** Лексико-семантическое поле "Рыболовство" в донских казачьих говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мария Сергеевна Крапивина. – Волгоград: ВГСПУ, 2012. – 252 с.
125. **Крюкова, И.В.** Прагматонимы советского периода в вертикальном контексте: динамический аспект [Электронный ресурс] / И.В. Крюкова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» Выпуск 1 (35). – Волгоград: ВГСПУ, 2015. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23409079>. – С. 67-72.
126. **Крюкова, И.В.** Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ирина Васильевна Крюкова. – Волгоград: ВГУ, 2004. – 360 с.
127. **Ксенофонт** Сократические сочинения [Электронный ресурс]: Воспоминания о Сократе, Защита Сократа на суде, Пир, Домострой / Ксенофонт Афинский ; пер. статьи и комментарии С.И. Соболевского. – М.; Л.: Academia, 1935, 2020. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005286186#?page=438>.
128. **Кудряшова, Р.И** Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 10.02.01 / Римма Ивановна Кудряшова. – Волгоград: ВГПУ, 1998. – 61 с.
129. **Кузнецов, А.М.** От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 126 с.
130. **Кузнецов, Ф.Ф.** "Тихий Дон": судьба и правда великого романа / Ф.Ф. Кузнецов. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – 863 с.
131. **Куклина, Т.В.** Психо- и прагмалингвистический аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Татьяна Владимировна Куклина. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2005. – 167 с.
132. **Кукса, И.Ю.** Функциональная специфика модальных конструкций «лексический модификатор + зависимый инфинитив» в текстах российских газет / И.Ю. Кукса // «Вестник БФУ им. И. Канта. Выпуск» 8. – Калининград : БФУ, 2011. – С. 14-20.

133. **Кульпинов, Ю.А.** Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юрий Анатольевич Кульпинов. – Ставрополь: СГУ, 2010. – 254 с.
134. **Лабов, У.** Структура денотативных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 14. Проблемы и методы лексикографии. – М. : Прогресс, 1983. – С. 133-176.
135. **Лабутина, Н.В.** Устная несказочная проза русских казаков Забайкалья (конец XX - начало XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.09 / Наталья Вячеславовна Лабутина. – Улан-Удэ: СО РАН, 2007 – 259 с.
136. **Лайонз, Дж.** Лингвистическая семантика. Введение / Дж. Лайонз ; пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 397 с.
137. **Лалаева, Д.И.** Лексико-семантическое поле "Время" в донском казачьем диалекте : этнолингвокультурологический аспект исследования : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Диана Игоревна Лалаева. – Волгоград: ВГПУ, 2007. – 255 с.
138. **Ларина, Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
139. **Лебедев, М.В., Черняк, А.З.** Онтологические проблемы референции [Электронный ресурс] / М.В. Лебедев, А.З. Черняк. – 2001. – Режим доступа: <http://www.kaev.ru/library/chern/01/index.html>. – 76 с.
140. **Лебеденко, Г.А.** Обращение в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста: прагмалингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Лебеденко Галина Александровна. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 186 с.
141. **Ленец, А.В.** Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Анна Викторовна Ленец. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 1999. – 233 с.
142. **Леонтьев, А.А.** Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1983. – 286 с. – С. 5-20.

143. **Леонтьев, А.Н.** Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2020. – 526 с.
144. **Линский, Л.** Референция и референты / Л. Линский // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 161-178.
145. **Лисовский, С.Ф., Евстафьев, В.А.** Избирательные технологии: история, теория, практика / С.Ф. Лисовский, В.А. Евстафьев. – М. : РАУУ, 2000. – 318 с.
146. **Лобашевская, И.С.** Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи / И.С. Лобашевская // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 2. – Петропавловск-Камчатский: Издательство : КГУ им. Витуса Беринга, 2007. – С. 49-63.
147. **Ломова, О.Е.** Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Оксана Евгеньевна Ломова. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 166 с.
148. **Лотман, Ю.М.** Феномен культуры / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. 463 вып. – Тарту : ТГУ, 1978. – 145 с.
149. **Лурия, А.Р.** Язык и сознание / А.Р. Лурия. – СПб : Питер, 2019. – 333 с.
150. **Лучинская, Е.Н.** Проблема интерпретации текстов постмодерна / Е.Н. Лучинская // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. – Майкоп: АГУ, 2019. – С. 238-241.
151. **Макаров, А.Г., Макарова, С.Э.** Цветок-Татарник : В поисках авт. "Тихого Дона": от М. Шолохова к Ф. Крюкову / А. Г. Макаров, С. Э. Макарова. – М. : АИРО-XX, 2001. – 500 с.
152. **Максимов, А.Н.** Модальные и референциальные аспекты семантики предложения [Электронный ресурс] / А.Н. Максимов // Электронной научное издание «Труды МЭЛИ»: электронный журнал. Выпуск 7 (3). – 2008. – Режим доступа: http://www.meli.ru/e-magazine/vipusk_7/92_7v_maksimov.doc.
153. **Манжелевская, Е.В.** Влияние прагматических ожиданий отправителя на его речевое поведение (на материале текстов русских и английских писателей

XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Елена Вячеславовна Манжелевская. – Краснодар : КГУ, 2008. – 201 с.

154. **Мартыненко, Г.Я.** Методы статистического моделирования в языкознании / Г.Я. Мартыненко // Прикладное языкознание. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 525 с. – С. 201-222.

155. **Мартынова, Е.М.** Невербальный аспект аномальной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Елена Михайловна Мартынова. – Белгород: БелГНИИУ, 2016. – 407 с.

156. **Матвеева, Г.Г.** Категория оценки с позиции прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева // Личность, речь и юридическая практика. Сборник научных трудов. Вып.13. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2010. – С.169-173.

157. **Матвеева, Г.Г.** Особенности контент-анализа при обработке данных объективного прагмалингвистического эксперимента в рамках скрытой прагмалингвистики // Язык. Дискурс. Текст: Международная научная конференция, посвященная юбилею В.П. Малащенко. Часть 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2004. – С.125 -129.

158. **Матвеева, Г.Г.** Приёмы лингвистического диагностирования речевой личности // Глобальное европейское пространство: проблемы интеграции сквозь призму межкультурной коммуникации. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – С. 193-198.

159. **Матвеева, Г.Г., Бутусова, А.В., Ломова, О.Е., Моисеенко, Л.А., Одарюк, И.В., Чигридова, Н.Ю.** Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, А.В. Бутусова, О.Е. Ломова, Л.А. Моисеенко, И.В. Одарюк, Н.Ю. Чигридова; под ред. д-ра филол. н., проф. Г.Г. Матвеевой. – Ростов-на-Дону : ИУБиП, 2007. – 196 с.

160. **Матвеева, Г.Г.** Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г.Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1984. – 131 с.

161. **Матвеева, Г.Г.** Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г.Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 1999. – 82 с.

162. **Матвеева, Г.Г.** К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя / Г.Г. Матвеева // ДЮИ: Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 6. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2003.– С.: 122-128.
163. **Матвеева, Г.Г.** Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Галина Григорьевна Матвеева. – СПб., 1993. – 322 с.
164. **Матвеева, Г.Г., Шуманова, Л.В.** Вычисление минимального количества единиц исследования в прагмалингвистическом эксперименте для анализа речевого поведения немецко- и русскоговорящих ведущих телепередач жанра ток-шоу / Г.Г. Матвеева, Л.В. Шуманова // Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании. Гуманитарные науки в современном образовании. – Таганрог : ТИУиЭ, 2005. – Том 3. – 322 с. – С. 18-31.
165. **Мезенцев, М.Т.** Судьба романов : К дискуссии по проблеме авторства «Тихого Дона» : [о М.А. Шолохове и Ф.Д. Крюкове] / М.Т. Мезенцев. – Самара : Р.С. Пресс, 1998. – 112 с.
166. **Меликян, В.Ю.** Специфика значения побудительных коммуникем // В.Ю. Меликян // Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 15. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2012. – 232 с. –С. 112-116.
167. **Мельник, О.Г.** Категория дейксиса в английском языке / О.Г. Мельник. – Таганрог : Издательство ТТИ ЮФУ, 2009. – 160 с.
168. **Мельчук, И.А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» / И.А. Мельчук. – М. : Шк. "Языки рус. культуры", 1999. – 345 с.
169. **Мирошникова, Л.И.** Репрезентация особенностей коммуникативного поведения донских казаков во вторичном англоязычном тексте (на материале произведений М. А. Шолохова и их переводов на английский язык): : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Людмила Ивановна Мирошникова. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – 194 с.
170. **Мкртчян, Т.Ю.** Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью: На материале русского и английского языков : дис. ... канд.

филол. наук : 10.02.19 / Тамара Юрьевна Мкртчян. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2004. – 181 с.

171. **Моисеенко, Л.А.** Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Лариса Александровна Моисеенко. – Пятигорск : ПГЛУ, 2000. – 160 с.

172. **Морозов, Н.А.** Лингвистические спектры: средства для отличия плагиата от истинных произведений того или иного известного автора. Стилистический этюд [Электронный ресурс] / Н.А. Морозов // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1915. Т. XX. Кн. 4. С. 3-26. – 2020. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1915/04/154-093.htm>).

173. **Морозова, Т.И.** Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Ивановна Морозова. – Волгоград: ВГСПУ, 2016. – 212 с.

174. **Моррис, Ч.** Основания общей теории знаков [Электронный ресурс] Ч. Моррис // Семиотика. Сб. переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. – 2008. – Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm>.

175. **Москальская, О.И.** Грамматика текста. – Москва: Высшая школа, 1981. – 183 с.

176. **Мурашова, Е.А.** Прагматическое значение речевой единицы. Проблемы и перспективы: монография / Е.А. Мурашова. – Москва: Перо, 2015. – 292 с.

177. **Мурашова, Е.А.** Репрезентация прагматических значений в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» / Е.А. Мурашова // Научный журнал «Язык и культура». Выпуск 4 (28). – Томск: ТГУ, 2014. – С. 72-88.

178. **Мурашова, Е.А.** Прагматические значения и их референциальные основания (на материале казачьего дискурса) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Мурашова Евгения Анатольевна. – Белгород, 2016. – 657 с.

179. **Мурашова, Е.А.** Лингвопрагматическая интерпретация казачьей песни «Письмо казака со службы» / Е.А. Мурашова // Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. № 5 (1). – Нижний Новгород: ННГУ, 2013. – С. 367-372.

180. **Мурашова, Е.А.** Лингвопрагматическая интерпретация письма П.Н. Краснова от 24 июля 1918 г. [Текст] / Е.А. Мурашова // Вестник САФУ. Филология.

Выпуск 4. – Архангельск: САФУ, 2017. – С. 104-115. (0,86 ПЛ). – Режим доступа: http://vestnik.narfu.ru/upload/iblock/d2f/108_115.pdf.

181. **Муха, А.В., Розалиев, В.Л., Орлова, Ю.А., Заболевая-Зотова, А.В.** Автоматизированный подход к определению авторства текста // Известия ВГТУ, 2013. Т. 17. № 14 (117). – С. 51-54.

182. **Мясищев, Г.И.** Перлокутивный эффект речевого воздействия блогеров (прагмалингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мясищев Георгий Игоревич. – Майкоп: АГУ, 2021. – 196 с.

183. **Найда, Ю.** Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения / Ю. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 14. Проблемы и методы лексикографии. – М. : Прогресс, 1983. – С. 61-74.

184. **Неклюдов, А.** Чья гипотеза беспомощна? [Электронный ресурс] / А. Неклюдов // Литературная Россия. – № 48, 4 декабря 2009 г. – Режим доступа: <https://proza.ru/2015/09/21/613>.

185. **Ненькина, Е.В.** Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Елена Вячеславовна Ненькина. – Волгоград: ВГСПУ, 2012. – 170 с.

186. **Нечаева, Н.В.** Прагматический потенциал вопросительных конструкций в жанре литературно-критического эссе // Н.В. Нечаева // Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 15. – Ростов-на-Дону : ДЮИ, 2012. – 232 с. – С.130-134.

187. **Нечай, Ю.П.** Когнитивный аспект этикетных ситуаций в немецкой и русской лингвокультурных общностях / Ю.П. Нечай // Язык. Дискурс. Ментальность : коллективная монография, посвященная 80-летию АГУ. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – С. 354-381.

188. **Нечай, Ю.П.** Языковые средства и способы экспликации модальной оценки (на материале языка романа Э. Войнич "Овод") / Ю.П. Нечай // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1. – Майкоп: АГУ, 2012. – С. 215-219.

189. **Нечай, Ю.П., Игнатьева Н.В.** Авторский план модальных отношений в романе Э. Войнич "Овод" и его переводах на русский язык / Ю.П. Нечай, Н.В. Игнатьева // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 2. – Майкоп: АГУ, 2007. – С. 103-113.
190. **Нечай, Ю.П., Цепордей О.В.** Модальность в художественных текстах романов Э.М. Ремарка и способы ее передачи в русских переводах / Ю.П. Нечай, О.В. Цепордей // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 3(145). – Майкоп: АГУ, 2014. – С. 54-60.
191. **Никитин, М.В.** Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
192. **Оберемченко, Е.Ю.** Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломата (на материале русского и немецкого языков) дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Оберемченко Елена Юрьевна. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. – 209 с.
193. **Овсиенко, Т.В.** Диагностирование личностных качеств авторов: гендерный и национальный критерии: (на материале немецкого и русского детектива) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Овсиенко Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2010. – 169 с.
194. **Огнев, А.В.** Михаил Шолохов и наше время / А.В. Огнев. – Тверь : ТГУ, 1996. – 246 с.
195. **Огнева, Е.А.** Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кросскультурной адаптации / Е.А. Огнева // Современные проблемы науки и образования. Выпуск 3. – Белгород: НИУ БелГУ. – 2013. 377 (8) С. – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5643/1/Ogneva_Temporalnaya.pdf.
196. **Олянич, А.В.** Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) / А.В. Олянич // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 16. – Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2014. – С. 218-238.

197. **Олянич, А.В., Астафурова, Т.Н.** Витальные потребности: от знака к дискурсу / А.В. Олянич, Астафурова Т.Н. // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: ОГИИиК, 2014. – С. 19-33.
198. **Остин, Дж.** Три способа пролить чернила / Дж. Остин. – М. : Алетейя. 2006. – 335 с.
199. **Острикова, Г.Н.** Энантioseмия разноуровневых единиц немецкого языка : структурно-семантический, функциональный и типологический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Острикова Галина Николаевна. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. – 384 с.
200. **Островская, К.З.** Прагмалингвистический аспект категории удивления : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Островская Ксения Зурабовна. – Пятигорск: ПГУ, 2013. – 210 с.
201. **Павловская О.Е., Шушанян Н.С.** Конструирование гендера в современном военном кинодискурсе (на примере фильма А. Малюкова "Мы из будущего", 2008) / О.Е. Павловская, Н.С. Шушанян // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 4(128). – Майкоп: АГУ, 2013. – С. 57-60.
202. **Павловская, О.Е., Сахно О.С.** Основа гендерной мистификации художественного дискурса / О.Е. Павловская, О.С. Сахно // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 г. – Краснодар: КубГАУ им. И.Т. Трубилина, 2022. – С. 569-571.
203. **Падучева, Е.В.** Высказывание и его соотнесённость с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 291 с.
204. **Падучева, Е.В.** Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
205. **Падучева, Е.В.** Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1996. – 464 с.
206. **Патнэм, Х.** Значение и референция / Х. Патнэм // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Радуга, 1982. – 431 с. – С. 377-390.

207. **Пелипенко, А.А.** Рождение смысла / А.А. Пелипенко // Мир психологии. Выпуск 2. – М.-Воронеж : МГУ, ВГУ, 2001. – С. 20-26.
208. **Петренко, В.Ф.** Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании / В.Ф. Петренко. – М. : МГУ, 1983. – 175 с.
209. **Петренко, В.Ф.** Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В.Ф. Петренко. – М. : ЭКСМО, 2013. – 443 с.
210. **Пешковский, А.М.** Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский вступ. ст. проф. Е.В. Клобукова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 450 с.
211. **Пименова, М.В.** Наследие Б.Н. Головина: лексическое значение и его типы / М.В. Пименова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород: НУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. Выпуск 6 (1). – С.518-521.
212. **Пирс, Ч.С.** Начала прагматизма / Ч.С. Пирс. – СПб. : СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
213. **Платон** Сочинения в четырех томах. / Платон // Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. – СПб.: СПбУ, 2006. – 632 с.
214. **Поленова, Г.Т.** В поисках истоков языка / Г.Т. Поленова. – Таганрог : Издательство ТГПИ им. А.П. Чехова, 2011. – 336 с.
215. **Поленова, Г.Т.** Категория времени – исторически бинарная оппозиция / Г.Т. Поленова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 3. – Ростов-на-Дону: ЮФУ. – С. 122-130.
216. **Поленова, Г.Т.** Субъект и объект как исторически бинарная оппозиция / Г.Т. Поленова. – Известия ЮФУ. Технические науки. 2011 а. № 10 (123). С. 42-47.
217. **Поленова, Г.Т., Аханова, М.Г., Иконникова, О.Н., Потапова, Т.В., Гнездилова, Г.А.** Вопросы диахронической типологии / Г.Т. Поленова., М.Г. Аханова, О.Н. Иконникова, Т.В. Потапова, Г.А. Гнездилова. – Таганрог : Издательство ТГПИ им. А.П. Чехова, 2012. – 196 с.
218. **Попова, Т.Г.** Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) / Т.Г. Попова. – М.: МГОУ «Народный учитель», 2003. – 145 с.

219. **Попова, Т.Г., Тимофеева, О.В., Бокова, Ю.С.** О когнитивном анализе системных значений / Т.Г. Попова, О.В. Тимофеева, Ю.С. Бокова // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. Выпуск 13. – Челябинск: ЮУрГУ, 2011. – С. 19-21.
220. **Потапова, Т.В.** Диахрония категории времени глагола (на материале русского языка и языков разных систем) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Татьяна Владимировна Потапова. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2009. – 204 с.
221. **Потебня, А.А.** Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 614 с.
222. **Приходько, А.И.** Категория оценочности, эмоциональности и экспрессивности в языке / А.И. Приходько // Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – Владикавказ : СОГУ, 2011. – С. 176-178. – Том 1.
223. **Резанова, З.И., Романов, А.С., Мещеряков, Р.В.** О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник ТГУ. Филология. 2013. № 6 (26). – С. 38-52.
224. **Рейхенбах, Г.** Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах ; пер. с англ. Л.В. Яковенко. – М.: URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 322 с.
225. **Розенфельд, М.Я, Стернин, И.А.** О специфике лексикографической объективации психологически реального значения слова / М.Я. Розенфельд, И.А. Стернин // Книга в современном мире. Материалы международной научной конференции. – Воронеж: Наука-ЮНИПРЕСС, 2013. - С. 212-217.
226. **Рудакова, А.В., Стернин, И.А.** Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 187 с.
227. **Рудиченко, Т.С.** Донская казачья песня в историческом развитии : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.02 / Татьяна Семеновна Рудиченко. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2005. – 354 с.
228. **Рунаев, Р.Ю.** Казаки как культурно-историческая группа: дис. ... канд. философ. наук : 24.00.01 / Роман Юрьевич Рунаев. – Волгоград : ВГМУ, 2011. – 180 с.
229. **Русакова, Н.В.** Темпоральные (лексические) и референциальные свойства текста типа «описание» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Русакова; – Улан-Удэ : БГУ, 2006. – 164 с.

230. **Рыблова, М.А.** Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. : дис. ... д-ра истор. наук : 24.00.01 / Марина Александровна Рыблова. – СПб. : ВГМУ, 2009. – 491 с.
231. **Самарина, И.В.** Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации (прагмалингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ирина Владимировна Самарина. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2006. – 158 с.
232. **Самигуллина, А.С.** Семиотика концептов: к проблеме интерпретации субъективных смыслов : монография / А.С. Самигуллина. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 119 с.
233. **Самигуллина, А.С.** Языковая периферия концепта «оценка»: введение в проблематику / А.С. Самигуллина // «Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. II / РАН, Институт языкознания. – М. : РАН,» 2005. – С.45-61.
234. **Самигуллина, А.С., Федорова, А.Л.** Прямая и косвенная оценка: всё дело в эмоциональности / А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова // Вестник ОГУ. №12. – Омск : ОГУ, 2004. – С. 4-9.
235. **Самовтор, С.В.** Отражение процессов казачьей колонизации в топонимике Кубани (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Сергей Владимирович Самовтор. – Ставрополь : СГУ, 2008. – 189 с.
236. **Саркисян, Т.Н.** Духовное наследие кубанского казачества: культурологическое исследование / Татьяна Николаевна Саркисян : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Краснодар : КГУКИ, 2009. – 186 с.
237. **Сахарова, Е. Е.** Прагмалингвистические особенности проповеднического дискурса (на материале русского и немецкого языков) дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сахарова Елена Евгеньевна. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. – 181 с.
238. **Седых, А.П.** Специфика вербализации эмоции «JOIE» во французской лингвокультуре / А.П. Седых // Гуманитарные и социальные науки. Том 5. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2010. – С. 132-139.
239. **Седых, А.П.** Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов / А.П. Седых. – М.: Спутник+, 2004. – 269 с.

240. **Селиверстова, О.Н.** Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
241. **Селиверстова, Л.Н.** Речевое поведение политических деятелей Германии XX века: на материале их публичных выступлений и мемуаров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Людмила Николаевна Селиверстова. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2004 а. – 178 с.
242. **Серебрякова, С.В.** Концептуально значимая информация как инвариант перевода / С.В. Серебрякова // *Lingua-universum*. № 4. – Грозный: Пилигрим, 2007. – С. 20-23.
243. **Серебрякова, С.В., Донцова А.А.** Личностно-оценочный модус как маркер психологического повествования / С.В. Серебрякова, А.А. Донцова // *Гуманитарные и юридические исследования*. № 2. – Ростов-на-Дону: СКФУ, 2016. – С. 253-258.
244. **Серль, Дж.** Референция как речевой акт / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13: Логика и лингвистика. – М. : Радуга, 1982. – С. 179-202.
245. **Синицына, Е.В.** Семантические характеристики глагольных префиксов в синхронии и диахронии : на материале донских казачьих говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Елена Вячеславовна Синицына. – Волгоград: ВГПУ, 2010. – 175 с.
246. **Смирнова, В.К.** История казачества / В.К. Смирнова. – Таганрог : ТГПИ им. А.П. Чехова, 2012. – 140 с.
247. **Солдатова, О.С.** Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ольга Сергеевна Солдатова. – М. : РУДН, 2009. – 201 с.
248. **Солодовникова, Н.Г.** Экологичность эмотивной коммуникации : на материале предвыборных креолизованных газетных текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Наталия Геннадиевна Солодовникова. – Волгоград: ВГПУ, 2010. – 196 с.
249. **Сребрянская, Н.А.** Субъективная пространственная картина мира и её национальная специфика (на примере вербальной репрезентации

- пространственных объектов в США) // Научный вестник ВГАСУ. № 5. – Воронеж: ВГАСУ, 2006. – 154 с. – С. 89-97.
250. **Старостина, Ю.С.** Интерпретация лингвистической оценки в терминах лингвистических суждений [Электронный ресурс] / Ю.С. Старостина. – 2007. – Режим доступа: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2007web3/yaz/200730601.pdf>.
251. **Степанов, Ю.С.** Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 779 с.
252. **Степанова, Г.В., Шрамм, А.Н.** Введение в семасиологию русского языка [Электронный ресурс] / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. – 2009. – Режим доступа: http://lamp.semiotics.ru/step_ch2_a.htm.
253. **Стернин, И.А.** Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. Выпуск 4. – М.: МосМА, 2006. – С. 171-179.
254. **Стернин, И.А.** К разработке психолингвистического толкового словаря / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. Выпуск 12. – М.: МосМА, 2010. – С. 57-63.
255. **Стернин, И.А.** Существуют ли оттенки значения / И.А. Стернин // Социальные и гуманитарные знания. Том 1. № 3. – Ярославль: ЯГУ им. П.Г. Демидова, 2015 а. – С. 215-218.
256. **Стопченко, Н.И.** М.А. Шолохов в Германии (1929-2011): диалог культурцивилизаций / Н.И. Стопченко. – М.: Вузовская книга. – 2012. – 256 с.
257. **Стросон, П.Ф.** Идентифицирующая референция и истинностное значение / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. – М. : Радуга, 1982. – С. 109-133.
258. **Стюфляева, Н.В.** Идея соборности и ее художественное воплощение в романе М.А. Шолохова "Тихий Дон" : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Наталья Валерьевна Стюфляева. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 226 с.
259. **Сударева, О.Г.** Темпоральные маркеры в детской речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – №36. Том 13. – 260 с. – С. 142-145.

260. **Сусов, И.П.** Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сборник научных трудов. – Калинин : КГУ, 1985. – 178 с. – С. 3-12.
261. **Толкачева, Т.И.** Эмоционально-прагматический компонент коммуникативного поведения в ситуации "признание вины" : на материале англоязычной прозы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Татьяна Игоревна Толкачева. – Волгоград: ВГПУ, 2009. – 227 с.
262. **Усманов, З.Д., Косимов, А.А.** О применимости γ -классификатора к распознаванию авторства и тематики художественных произведений / З.Д. Усманов, А.А. Косимов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2019. № 22. – С. 174-178.
263. **Уфимцева, Н.В.** Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – с. 252.
264. **Филиппова, И.А.** Репрезентация русской ментальности в фольклоре оренбургских казаков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.09 / Ирина Александровна Филиппова. – Челябинск: ЧГУ, 2007. – 223 с.
265. **Фолимонов, С.С.** Фольклор уральских казаков в творчестве В.Г. Короленко : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сергей Станиславович Фолимонов. – Саратов: СГУ, 2004 – 230 с.
266. **Формановская, Н.И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М. : ИКАР, 2007. – 480 с.
267. **Фреге, Г.** Логика и логическая семантика / Г. Фреге. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
268. **Фрумкина, Р.М.** Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики / Р.М. Фрумкина. – М. : Наука, 1983. – 286 с. – С. 46-85.
269. **Фрумкина, Р.М., Михеев, А.В., Мостовая, А.Д., Рюмина, Н.А.** Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина. – М. : Наука, 1991. – 168 с.
270. **Хачмафова, З.Р., Чупракова Е.В.** Репрезентации эмоционального состояния женского персонажа в вербальном и невербальном аспектах коммуникации

- / З. Р. Хачмафова, Е. В. Чупракова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 1(192). – Майкоп : АГУ, 2017. – С. 126-130.
271. **Хачмафова, З.Р.** Этнокультурная специфика мировидения автора-женщины / З.Р. Хачмафова // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве : Коллективная монография. – Майкоп : АГУ, 2015. – С. 333-353.
272. **Хачмафова, З.Р., Бешукова, Ф.Б.** Языковая репрезентация гендерного стереотипа мужественности в дискурсе СМИ (на материале российских журнальных текстов) / З.Р. Хачмафова, Ф.Б. Бешукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 4(207). – Майкоп : АГУ, 2017. – С. 63-67.
273. **Хачмафова, З.Р., Володина, О.В.** Вербально-семантический уровень женской языковой личности в медиадискурсе (на материале русского и немецкого языков) / О.В. Володина, З.Р. Хачмафова // Современный ученый. – № 5. – Белгород: Современный учёный, 2019. – С. 211-215.
274. **Хачмафова, З.Р., Лучинская Е.Н.** Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности / З.Р. Хачмафова, Е.Н. Лучинская // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 2. – Майкоп: АГУ, 2012. – С. 261-267.
275. **Хачмафова, З.Р., Макерова С.Р.** Когнитивные системы языковой личности в процессе интерпретации художественного текста / З.Р. Хачмафова, С.Р. Макерова // Вестник МГГОУ. Серия: Русская филология. № 1. – Москва: МГГОУ, 2010. – С. 51-56.
276. **Хачмафова, З.Р., Таценко М.С.** Актуализация концептов "фемининность" и "маскулинность" в художественной картине мира: когнитивно-фреймовый подход / З.Р. Хачмафова, М.С. Таценко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 3(282). – Майкоп : АГУ, 2021. – С. 89-96.

277. **Хун, С.И.** Вариативность паремических единиц: прагмалингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сусана Инверовна Хун. – Краснодар : КГУ, 2007. – 177 с.
278. **Чалбышева, А.В.** Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля (на материале немецких и русских текстов подъязыка физики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Анна Владимировна Чалбышева. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2006. – 157 с.
279. **Червоный, А.М.** Структура и функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Александр Михайлович Червоный. – Воронеж: ВГУ, 2014. – 351 с.
280. **Черепанов, М.В.** Очерк словообразовательной типологии русского глагола / М.В. Черепанов. – Саратов : Изд-во СГУ, 2004. – 607 с.
281. **Чесноков, И.И.** Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Иван Иванович Чесноков. – Волгоград: ВГПУ, 2009. – 326 с.
282. **Четыркина, И.В.** Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспективы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Инна Валерьевна Четыркина. – Краснодар: КубГУ, 2006. – 287 с.
283. **Чигридова, Н.Ю.** Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Наталья Юрьевна Чигридова. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 1999. – 226 с.
284. **Чуриков, М.П.** Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Михаил Петрович Чуриков. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 2005. – 168 с.
285. **Шаховский, В.И.** Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Мир лингвистики и коммуникации. Электронный научный журнал. Том 1. № 10. – Тверь: ТГСА, 2008. – С. 8-12.

286. **Шаховский, В.И.** Некоторые механизмы эмоционального резонирования в межкультурной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации. Электронный научный журнал. Том 1. № 6. – Тверь: ТГСА, 2007. – С. 15-17.
287. **Швец, В.М.** Субъективная (эпистемическая) модальность и её выражение в детской речи [Электронный ресурс] / В.М. Швец. – 2007. – Режим доступа: http://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/dr_2007.pdf, 2007.
288. **Шилихина, К.М.** Комбинаторная модель понимания некогерентного высказывания / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 12. – Воронеж: ВГУ, 2014. – С. 120-138.
289. **Шилихина, К.М.** Сколько значений у иронического высказывания? / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 9. – Воронеж: ВГУ, 2011. – С. 239-260.
290. **Шкабара Н.И.** Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наталья Ивановна Шкабара. – Волгоград: ВГСПУ, 2012. – 191 с.
291. **Штеба, А.А.** Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова : на примере слова *sur* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Алексей Андреевич Штеба. – Волгоград: ВГПУ, 2012. – 219 с.
292. **Штерн, Б.Н.** Статистическая обработка экспериментальных данных / Б.Н. Штерн // Прикладное языкознание. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 525 с. – С. 224-233.
293. **Штырлина, Е.Г.** Год в поэтическом языке И. Бродского // Вестник удмуртского университета. Выпуск 2. 2012. – Ижевск: УГУ. С. 75-82. – Режим доступа: http://vestnik.udsu.ru/2012/2012-052/vuu_12_052_11.pdf.
294. **Штырлина, Е.Г.** Репрезентация художественного концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Екатерина Геннадьевна Штырлина; – Казань : ПФУ, 2013. – 180 с.
295. **Щерба, Л.В.** Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 427 с.

296. **Щуров, В.М.** Южнорусская песенная традиция. Исследование / В.М. Щуров. – М. : Советский композитор, 1987. – 320 с.
297. **Юнусова, Р.Д.** Аксиология фразеологизмов со значением "гостеприимство / кунакчылык" в русском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Резеда Джаудатовна Юнусова; – Казань : КГУ, 2009. – 157 с.
298. **Юрченко, С.А.** Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества : на материале донских казачьих говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Светлана Аркадьевна Юрченко. – Волгоград: ВГПУ, 2008. – 217 с.
299. **Якобсон, Р.О.** Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 95-113.
300. **Ярешко, П.В.** Военный фольклор казаков Кубани : история, функциональность, музыкальная стилистика : дис. ... канд. искусствовед. наук : 17.00.02 / Полина Владимировна Ярешко. – Саратов: СГК им. Л.В. Собинова, 2016. – 243 с.
301. **Ярославцева, М. В.** Темпоральные метафорические модели как способ исследования языковой картины мира (на примере русских и испанских поэтических текстов) // Молодой ученый. – Казань : Молодой ученый, 2011. – №4. Том 1. – 246 с. – С. 242-245.
302. **Angermüller, J.** Skizze einer pragmatisch informierten Diskursanalyse [Электронный ресурс] / J. Angermüller. – 2011. – Режим доступа: <http://www.gradnet.de/papers/pomo01.paper/Angermueller01.htm>.
303. **Apresjan, J.D.** Ideen und Methoden der modernen strukturellen Linguistik : kurzer Abriss / Ju.D. Apresjan ; hrsg. u. ins Dt. übert. von Brigitte Haltorf u. Elisabeth Mai. - München : Hueber, 1972. – 303 S.
304. **Austin, J.L.** Zur Theorie der Sprechakte (How to do things with words) / J.L. Austin. – Stuttgart : Philipp Reclam Verlag, 2014. – 217 S.
305. **Barthes, R.** Das Reich der Zeichen / Roland Barthes. Aus dem Franz. von Michael Bischoff. - Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1993. – 154 S.
306. **Battacchi, M., Suslow, Th., Renna, M.** Emotionen und Sprache. Zur Definition der Emotion und ihren Beziehungen zu kognitiven Prozessen, dem Gedächtnis und der

- Sprache / M. Battacchi, Th. Suslow, M. Renna. – Frankfurt-am-Main : Peter Lang Verlag, 1997. – 141 S.
307. **Beitz, W.** Scholochow und Stalin : ein Beitrag zur Kontroverse um den Literaturnobelpreisträger / W. Beitz. – Leipzig : Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen. – 2007. – 88 S.
308. **Beitz, W.** Michail Scholochow - im Duell mit der Zeit : Beiträge zu Leben und Werk / W. Beitz. – Frankfurt ; Berlin ; Bern ; New York, Oxford ; Wien : Lang. – 2009. – 147 S.
309. **Besch, W.** Duzen, Siezen, Titulieren : zur Anrede im Deutschen heute und gestern / W. Besch. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1998. – 160 S.
310. **Blumer, H.** The Methodological Position of Symbolic Interactionism / H. Blumer // Blunter H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. – Berkeley : University of California Press, 1969. – Pp. 1-60.
311. **Brändle, M.** Bedeutung und Intention : Paul Grices Sprachphilosophie und die Bedeutungsproblematik // M. Brändle. – Berlin : Parerga-Verl., 2007. – 228 S.
312. **Brandom, R.** Expressive Vernunft: Begründung, Repräsentation und diskursive Festlegung / R. Brandom. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 2000. – 1014 S.
313. **Brandt, P., Dietrich, R.-A., Schön, G.** Sprachwissenschaft / P. Brandt, R.-A. Dietrich, G. Schön. – Köln : Böhlau, 2006. – 330 S.
314. **Braun, F.** Anredeforschung. Kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede / F. Braun. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1986. – 404 S.
315. **Bublitz, W.** Englische Pragmatik / W. Bublitz. – Berlin : Erich Schmidt Verlag 2009. – 304 S.
316. **Bühler, K.** Theory of language: The representational function of Lang / K. Bühler; Transl. by D. Fraser Goodwin. - Amsterdam; Philadelphia: Benjamin, 1990. - LXII, 508 p.
317. **Bühler, K.** Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Bühler. – Stuttgart : Lucius und Lucius Verlag, 1999. – 434 S.
318. **Busse, D.** Historische Semantik / D. Busse. – Stuttgart, 1987. – 334 S.
319. **Busse, D.** Semantik / D. Busse. – Paderborn : Wilhelm Fink Verlag, 2009. – 144 S.

320. **Confais, J.P.** Frage, Fragesatz, Fraglichkeit / J.P. Confais // Fragen und Fragesätze im Deutschen. – Tübingen : Staufenburg Verlag, 1995. – 281 S. – S. 1-12.
321. **Demmerling, Ch.** Sinn, Bedeutung, Verstehen. Untersuchungen zur Sprachphilosophie und Hermeneutik / Ch. Demmerling. – Paderborn : Mentis Verlag, 2002. – 268 S.
322. **Dorn-Mahler, H.** Aufforderungen und Intonation / H. Dorn-Mahler // Fragesätze und Fragen. Referate anlässlich der 12. Jahrestagung der deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. Saarbrücken. Hrsg. Marga Reis, Inger Rosengren. – Tübingen : Max Niermeyer Verlag, 1990. – 304 S. – S. 289-301.
323. **Ehlich, K.** Sprache und sprachliches Handeln. / K. Ehlich // Pragmatik und Sprachtheorie. – Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2014. – Band 1. – 492 S.
324. **Ehrhard, K., Heringer, H.J.** Pragmatik / K. Ehrhard, H.J. Heringer. – Paderborn : Wilhelm Fink Verlag, 2011. – 156 S.
325. **Ernst, P.** Pragmalinguistik: Grundlagen, Anweisungen, Probleme / P. Ernst. – Berlin, New York : de Gruyter Verlag, 2010. – 210 S.
326. **Fillmore, Ch. J.** Frame semantics / Charles J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. – Pp. 111-137.
327. **Fillmore, Ch. J.** On the organization of semantic information in the lexikon / Charles J. Fillmore // Papers from the Parasession on the Lexikon. – Chicago : The Chicago Linguistic Society, 1978. – Pp. 148-173.
328. **Frege, G.** Funktion, Begriff, Bedeutung : Fünf logische Studien / G. Frege. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. – 108 S.
329. **Frege, G.** Über Sinn und Bedeutung [Электронный ресурс] / G. Frege. – 2008. – Режим доступа: [http:// www.gavagai.de/HHP31.htm](http://www.gavagai.de/HHP31.htm).
330. **Fries, N.** Grammatik und Emotionen / N. Fries // Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 38. – Lund, 1996. – 70 S. – S. 1-39.
331. **Geiger, R.A.** Introduction: toward a new synthesis / R.A. Geiger // Reference in multidisciplinary perspective. – Hildersheim; Zurich; New York, 1995. – 764 p.
332. **Grice, H.P.** Studies in the Way of Words / H. Paul Grice. – Harvard University Press, 1991. – 344 p.

333. **Gumperz, J.J.** Discourse Strategies. – UK: Cambridge University Press, 2002. – 237 p.
334. **Habermas, J.** Was heißt Universalpragmatik? / J. Habermas // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 1995. – 605 S.
335. **Herrmanns, F.** Textsinn, Texterlebnis, symbolisches Handeln. Erklärt am Beispiel eines Gedichtes / F. Herrmanns // Von Intentionalität zur Bedeutung konventioneller Zeichen. – Tübingen : Narr Verlag, 2006. – 478 S. – S. 257-285.
336. **Heusinger, K.von** Semantik – Auf der Suche nach dem Sinn [Электронный ресурс] / K. von Heusinger // Semantik der Sinne. Proceedings zur Tagung 18. Und 19. Juni 2004. Universität Zürich. – 2004. – Режим доступа: http://www.uni-stuttgart.de/linguistik/sinne/vortrag_von_heusinger_2004.pdf. – S. 11-19.
337. **Kambartel, F., Steckeler-Weithofer, P.** Sprachphilosophie. Probleme und Methoden / F. Kambartel, P. Steckeler-Weithofer. – Stuttgart : Philipp Reclam, 2005. – 312 S.
338. **Kohz, A.** Markiertheit, Normalität und Natürlichkeit von Anredeformen / A. Kohz // Anredeverhalten. Werner Winter (Hrsg.), № 13. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1984. – 325 S. – S. 25-39.
339. **Krifka, M.** Argumentstruktur [Электронный ресурс] / M. Krifka. – 2002. – Режим доступа: <http://www2.sfs.uni-tuebingen.de/jaeger/lehre/ss08/semantikPragmatik/ArgumentStruktur2002.pdf>.
340. **Krifka, M.** Semantik [Электронный ресурс] / M. Krifka. – 2007. – Режим доступа: http://www2.sfs.uni-tuebingen.de/jaeger/lehre/ss08/semantikPragmatik/Krifka_GK_Semantik_2007.pdf.
341. **Kripke, S.A.** Referenc and existence // S.A. Kripke. – Stuttgart : Reclam, 2014. – 236 p.
342. **Kristeva, J.** Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman / J. Kristeva // Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. Band 3: Zur linguistischen Basis der Literaturwissenschaft II. Hrsg. v. Jens Ihwe. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 1972. – Band 3. – S. 345-375.

343. **Lakoff, G.** Leben in Metaphern : Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern / G. Lakoff. - Heidelberg : Carl-Auer Verlag GmbH, 2018. – 272 S.
344. **Landwehr, J.** „Gedicht“ ist ein performatives Verb. Über Handlungsanweisungen und anderes performative um und in Gedichten / J. Landwehr // Von Intentionalität zur Bedeutung konventioneller Zeichen. Festschrift für Gisela Harras zum 65. Geburtstag. – Tübingen : Narr Verlag, 2006. – 478 S. – S. 227-255.
345. **Lavrie, E.** Logische Formeln für Demonstrativa-Bedeutungen. Relevante Teilmenge des Diskursuniversums / E. Lavrie // Vernetzungen Bedeutung im Wort, Satz und Text. Festschrift für Gerd Wotjak zum 65. Geburtstag. Band 1. – Frankfurt-am-Main : Peter Lang Verlag, 2007. – 404 S. – S. 277-290.
346. **Liedtke, F.** Das Gesagte und das Nicht-Gesagte: Zur Definition von Implikaturen / F. Liedtke // Linguistische Arbeiten. Implikaturen. Grammatische und pragmatische Analysen. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1995. – 234 S. – S. 19-46.
347. **Locke, J.** Versuch über den menschlichen Verstand. Band II. Drittes Buch / J. Locke. – Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2017. – 484 S.
348. **Lyons, J.** Die Sprache / J. Lyons. – München : Beck Verlag, 1992. – 318 S.
349. **Marschall, M.** Fragezeichen oder was „bitteschön“ ist ein Fragesatz? / M. Marschall // Fragen und Fragesätze im Deutschen. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 1995. – 281 S. – S. 13-24.
350. **Marten-Cleet, S.** Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. № 559 / S. Marten-Cleet. – Göppingen : Kümmerle Verlag, 1991. – 373 S.
351. **Mead, G.H.** Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist / G.H. Mead / Ed. and with an introduction by C. W. Morris. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. – 401 p.
352. **Meibauer, J.:** Pragmatik / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2008. – 208 S.
353. **Meister, K.-D.** Funktionalstilistische Untersuchung der Individualstilentwicklung M. Šolochovs anhand ausgewählter syntaktischer Merkmale. – Jena, Univ., Diss. A, 1984. – 139 S.
354. **Morris, Ch.** Grundlagen der Zeichentheorie / Charles W. Morris. – Berlin, New York : De Gruyter, 2010. – 162 p.

355. **Peirce, Ch.S.** Entwurf eines Briefes an Lady Welby vom 9. März 1906. In: *Semiotics and Significs. The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby / Ch.S. Peirce* : hrsg. von Ch.S. Hardwick, Bloomington/London 1977/2020. – 196 p.
356. **Pfister, J.** *The metaphysics and the epistemology of meaning* // J. Pfister – Frankfurt, M.; Paris; Ebikon; Lancaster; New Brunswick : Ontos-Verl., 2007. – 148 S.
357. **Pieper, U.** Zur Interaktion linguistischer, sozialer und biologischer variablen im Problembereich der „Anrede“ / U. Pieper // *Anredeverhalten*. Werner Winter (Hrsg.), № 13. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1984. – S. 9-24.
358. **Rolf, E.** *Illokutionäre Kräfte. Grundbegriffe der Illokutionslogik* / E. Rolf. – Opladen : Westdt. Verl., 1996. – 257 S.
359. **Russell, B.** *On denoting : 1905 - 2005* / B. Russel. – München : Philosophia, 2005. – 451 p.
360. **Saussure, F. de** *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft* / F. de Saussure. – Berlin/Boston : De Gruyter, 2019. – 310 S.
361. **Scheler, M.** *Die Stellung des Menschen im Kosmos* / M. Scheler. – Berlin : Henricus, 2021. – 490 S.
362. **Schneider, H.J.** *Pragmatik als Basis von Semantik und Syntax* / H.J. Schneider. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 1975. – 138 S.
363. **Schubert, K.** *Modernes russisches Anredeverhalten* / K. Schubert // *Anredeverhalten*. Werner Winter (Hrsg.), № 13. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 1984. – 325 S. – S. 73-114.
364. **Schwarz, M.** *Semantik, das Fenster zum Geist* / M. Schwarz // *Semantik* (Schwarz, M., Chur, J.). – Tübingen : Günter Narr Verlag, 2007. – 288 S.
365. **Schwarz, M.; Chur, J.** *Semantik. Ein Arbeitsbuch* / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen : Narr, 2014. – 238 S.
366. **Searle, J.R.** *Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie* / J.R. Searle. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 1982. – S. 212.
367. **Searle, J.R.** *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay* / J.R. Searle. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 2003. – S. 305.

368. **Watzlawick P.; Beavin J.; Jackson D.** Menschliche Kommunikation : Formen, Störungen, Paradoxien / P. Watzlawick ; J.H. Beavin ; D.D. Jackson. – Bern : Huber, 2011. – S. 322.
369. **Weber, M.** Seine Schriften zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte / M. Weber. – Altenmünster : Jazzybee Verlag, 2012. – 810 S.
370. **Windelband, W.** Geschichte der neueren Philosophie / W. Windelband. – Hamburg : SEVERUS Verlag, – 416 S.
371. **Winkler, E.** Der Satzmodus „Imperativsatz“ im Deutschen und Finnischen. – Berlin/Boston : De Gruyter, 2010. – 224 S.
372. **Wright, G.H.** von Erklären und verstehen / G.H.von Wright. Aus dem Engl. von G. Grewendorf und G. Meggle. – Hamburg : Europ. Verl.-Anst., 2008. – 197 S.
373. **Yule, G.** Pragmatics / G. Yule. – Oxford : UP, 1996. – 130 P.

Список словарей и энциклопедий

1. **Валюсинская, З.В., Выгонная, М.П., Дибров, А.А., Диброва, Е.И., Дыбина, Т.В., Овчинникова, В.С., Сердюкова, О.К., Удовкина, К.К., Федосов, И.А., Хмелевская, Т.А.** Словарь русских донских говоров в трёх томах / З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная, А.А. Дибров, Е.И. Диброва, Т.В. Дыбина, В.С. Овчинникова, О.К. Сердюкова, К.К. Удовкина, И.А. Федосов, Т.А. Хмелевская. – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1976 – 604 с.
2. **Губарев, Г.В.** Казачий словарь-справочник [Электронный ресурс] / Г.В. Губарев. – 2020. – Режим доступа: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/encyclopedic.htm>.
3. **Дегтярёв, В.И., Кудряшова, Р.И., Проценко, Б.Н., Сердюкова, О.К.** Большой толковый словарь донского казачества / В.И. Дегтярёв, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. – М. : Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. – 608 с.
4. **Кудряшова, Р.И.** Словарь донских говоров Волгоградской области : около 17000 слов / Р.И. Кудряшова / ВГСПУ . – Волгоград : Издатель, 2011. – 703 с.

5. **Кузнецов, С.А.** Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Институт лингв. исслед.; Сост. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
6. **Митров, А.В.** Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков / А.В. Миртов // Труды северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Выпуск 6. – Ростов-на-Дону : СГУ, 1929. – 416 с.
7. **Ожегов, С.И.** Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Оникс: Мир и Образование, 2006. – 1328 с.
8. **Ремчуков, В.П.** Толковый казачий словарь / В.П. Ремчуков. – Волгоград : Станица-2, 2015. – 207 с.
9. **Скворцов, Л.И.** Большой толковый словарь правильной русской речи : около 8000 слов / Л.И. Скворцов. – Москва : Оникс : Мир и Образование, 2009. – 1104 с.
10. **Ушаков, Д.Н.** Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 752 с.
11. **Ярцева, В.Н.** Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
12. Wortschatzportal der Universität Leipzig, Institut für Informatik [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/>.

Список источников иллюстративного материала

1. **Бабель, И.Э.** Дневник 1920 года / И.Э. Бабель // Собрание сочинений в четырёх томах. Том 2. – М. : Время, 2005. – 603 с. – С. 222-334.
2. **Бабель, И.Э.** Конармия / И.Э. Бабель // Собрание сочинений в четырёх томах. – М. : Время, 2005 а. – Том 2. – 603 с. – С. 43-194.
3. **Бабель, И.Э.** Конармия. Одесские рассказы / И.Э. Бабель. – М. : АСТ, 2013. – 478 с.
4. **Венков, А.В.** Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год / А.В. Венков. – М. : Вече, 2008. – 480 с.

5. Друзья, не бойтесь клеветы! (Донской гимн времён Гражданской войны) [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://cossackssong.ru/donskoj-gimn-vremyon-grazhdanskoj-vojni/>, 2012.
6. **Дутов, А.И.** Письма // Атаман А.И. Дутов / А.В. Ганин, А.И. Дутов. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 622 с.
7. **Дутов, А.И.** Письмо Войсковому правительству Семиреченского казачьего войска от 14 февраля 1920 года (Фотокопии предоставлены Василенко С.Ю.) [Электронный ресурс] / А.И. Дутов. – 2011. – Режим доступа: <http://old.elan-kazak.ru/dutov/d1.jpg>.
8. **Коневская, Т.И.** Донское наследие / Т.И. Коневская. – Ростов-на-Дону : Омега-Принт, 2002. – 102 с.
9. **Краснов, П.Н.** Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Том 5. – Берлин: Слово, 1922-2021. [Электронный ресурс] / П.Н. Краснов. – 2021. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/krasnov_pn2/index.html.
10. **Краснов, П.Н.** Письма / П.Н. Краснов // О высылке Атаманом П.Н. Красновым М.В. Родзянко из пределов Всевеликого Войска Донского. Архивы и документы. Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах № 2. – Ст. Еланская – М. : Московский печатный двор, 2010. – 201 с. – С. 164-183.
11. **Краснов, П.Н.** Письмо генерал-майора П.Н. Краснова германскому генералу от кавалерии фон Кнерцеру по поводу Таганрогского вопроса (рукописный текст, машинописный текст) / П.Н. Краснов // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах № 4. – Ст. Еланская – М. : Московский печатный двор, 2009-2010. – 204 с. – С. 98-99.
12. **Краснов, П.Н.** Письмо Донского атамана Императору Вильгельму / П.Н. Краснов // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах № 1. – Ст. Еланская – М. : Московский печатный двор, 2009. – 201 с. – С. 84-85.
13. **Листопадов, А.М.** Песни донских казаков / А.М. Листопадов // В 5 т. / Под общ. ред. Г.П. Сердюченко. – М.: Советский композитор, 1949–1954.
14. **Лукомский, А.С.** Воспоминания генерала А.С. Лукомского : Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками / А.С. Лукомский. – Berlin : О. Кирхнер и К, 1922. – 320 с.

15. **Лукомский, А.С.** Очерки из моей жизни ; Воспоминания ; Архивные материалы / А.С. Лукомский. – Москва : АЙРИС-пресс, 2012. – 750 с.
16. **Лукомский, А.С.** Письма [Электронный ресурс] / А.С. Лукомский. – 2011. – Режим доступа: <http://kappel.ru/2011/05/03/82>.
17. **Лукомский, А.С.** Северные охоты. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. № 9. [Электронный ресурс] / А.С. Лукомский. – 2001. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/library/Lukomsky/LK_009.html.
18. Ночь прислонилась к камышу [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://elitsy.ru/communities/35413/87080/>, 2020.
19. **Ованесов, А.К.** Казачки Дона, Ростовский областной музей изобразительных искусств, Ростов-на-Дону, 1949, Холст, масло 154*220.
20. Письмо казака со службы [Электронный ресурс] / Казачьи песни: тексты песен казачьих войск: донского, уральского и оренбургского. – 2012. – Режим доступа: <http://cossackssong.ru/pismo-kazaka-so-sluzhby/>.
21. **Шмелёв, И.С.** Письмо молодого казака [Электронный ресурс] / И.С. Шмелёв // Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. – М. : Русская книга. – Том 2. – 2001. – Режим доступа: <http://fstanitsa.ru/category/menyu/kultura/pismo-molodogo-kazaka-shmelev-novye-rasskazy-o-rossii>.
22. **Шолохов, М.А.** Письма / М.А. Шолохов. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 480 с.
23. **Шолохов, М.А.** Преступная бесхозяйственность (от нашего специального корреспондента) / М.А. Шолохов // Правда. Северокавказский край. № 81, 22 марта. – Ростов-на-Дону, 1932. – 16 с.
24. **Babel, I.** Briefe : 1925 – 1939 / I. Babel. Hrsg. und aus dem Russ. übers. von Gerhard Hacker. – Münster : Lang, 1995. – 438 S.
25. **Scholochow, M.** Gesammelte Werke in Einzelausgaben / M. Scholochow. – Berlin : Verl. Kultur u. Fortschritt, 2014. – 418 S.